St. Petersburg Imp. Univ.

543827

THE NEW PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS

Г. Халатьянцъ.

АРМЯНСКІЙ ЭПОСЪ

ВЪ ИСТОРІИ АРМЕНІИ МОИСЕЯ ХОРЕНСКАГО.

ОПЫТЪ КРИТИКИ ИСТОЧНИКОВЪ.

Часть I. Изслѣдованіе. Часть II. Матеріалы.

МОСКВА.
Типографія Варвары Г[illegible], Болотная площадь, домъ Бахрушиныхъ.
1896.

Г. Халатьянцъ.

АРМЯНСКІЙ ЭПОСЪ

ВЪ ИСТОРІИ АРМЕНІИ МОИСЕЯ ХОРЕНСКАГО.

ОПЫТЪ КРИТИКИ ИСТОЧНИКОВЪ.

Часть I. Изслѣдованіе.

МОСКВА.
Типографія Варвары Гатцукъ, Болотная площадь, домъ Бахрушиныхъ.
1896.

*QB

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
543827
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 191

На основаніи § 174 Высочайше утвержденнаго устава Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, Совѣтъ Спеціальныхъ классовъ Института печатать разрѣшилъ.

27 февраля, 1896 г.

Директоръ *Г. Кананов*ъ.

По части критики источниковъ „Исторіи Арменіи“ Моисея Хоренскаго сдѣлано не много. Появившіяся до сихъ поръ работы, посвященныя разбору этого любопытнѣйшаго памятника армянской литературы, касаются обыкновенно отдѣльныхъ его частей, нѣкоторыхъ отрывковъ, или даже нѣсколькихъ главъ; почему и выводимыя изъ нихъ заключенія, какія бы они ни были, могутъ имѣть лишъ частичный характеръ, быть примѣнимы къ данному мѣсту, къ даннымъ главамъ. Капитальный трудъ по критической исторіи Арменіи—Гарагашіана, быть можетъ, вслѣдствіе требованій спеціальной задачи, останавливается на изученіи источниковъ Хоренскаго, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, лишь попутно; а одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ армянскаго историка — такъ наз. армянскій эпосъ, ученый авторъ, вопреки своему критическому методу, цѣликомъ принимаетъ на вѣру, безо всякой провѣрки. Такимъ образомъ, тѣ или другія части огромнаго цѣлаго изучаются эпизодически: онѣ подвергаются сомнѣнію, отвергаются, какъ позднія интерполяціи, выдаются за апокрифы, отмѣчаются, какъ анахронизмы; но цѣлое, ядро историческаго труда Моисея не подводится подъ общія заключенія: вопросы о достовѣрности „Исторіи Арменіи“ и о времени ея составленія остаются еще открытыми. А между тѣмъ безъ разрѣшенія этихъ существенныхъ вопросовъ, въ силу занимаемаго Хоренскимъ исключительнаго положенія въ армянской исторической литературѣ, не мыслима разработка древне-армянской исторіи.

Авторъ настоящаго сочиненія задался цѣлію изучить „Исторію“ Моисея во всемъ ея объемѣ: онъ старался прослѣдить Моисея послѣдовательно, шагъ за шагомъ, раскрыть, насколько это возможно, дѣйствительные его источники и отмѣтить его отношенія къ нимъ. Такимъ путемъ, я полагалъ бы, можно обнять трудъ армянскаго историка въ цѣломъ и придти къ общимъ и рѣшающимъ выводамъ.

Для удобства я сгруппировалъ подлежащій изученію матеріалъ вокругъ двухъ основныхъ элементовъ содержанія „Исторіи Арменіи“ — „эпическаго“ и историческаго, при чемъ каждый изъ нихъ составляетъ предметъ особаго, вполнѣ самостоятельнаго сочиненія. Предлагаемое нынѣ вниманію ученыхъ изслѣдованіе объ „Армянскомъ эпосѣ“ обнимаетъ разборъ Первой книги Хоренскаго и часть Второй. Остальная часть того же памятника, заключающая въ себѣ исторію армянскихъ Аршакидовъ, будетъ предметомъ слѣдующаго моего труда.

Въ видахъ возможной ясности и убѣдительности высказываемыхъ въ настоящемъ изслѣдованіи соображеній и выводимыхъ заключеній по критикѣ источниковъ Хоренскаго, я собралъ въ отдѣльной, второй, части относящіеся сюда „Матеріалы“—армянскіе тексты нашего историка—и привелъ ихъ параллельно съ предполагаемыми его источниками, отмѣчая каждый разъ въ тѣхъ и въ другихъ *курсивомъ* слова и выраженія, указывающія на заимствованіе. Къ концу „Матеріаловъ“ приложена Синоптическая таблица важнѣйшихъ источниковъ Хоренскаго.

Г. Х.

Оглавленіе.

Введеніе. Начало критическаго изученія „Исторіи Арменіи“ Моисея Хоренскаго. Стр. 3—36.

Значеніе Хоренскаго въ армянской литературѣ.—Ла-Крозъ и его строгій судъ надъ армянскимъ историкомъ.—Защита Хоренскаго со стороны латинскихъ переводчиковъ Хоренскаго, Вистоновъ.—Ученыя примѣчанія къ латинскому переводу и ихъ значеніе для новѣйшихъ изслѣдованій.—Маръ-Абасъ Катина и его „Халдейская книга“, какъ источникъ Хоренскаго.— Краткій обзоръ критической литературы о Маръ-Абасѣ, начиная съ конца прошлаго столѣтія и до 1893 г. — Недостовѣрность „Халдейской книги“. — Догадка Гутшмида о времени, когда жилъ Хоренскій (въ VII в.).—Изслѣдованіе А. Карріера „Nouvelles sources de M. de Khoren“, а именно: апокрифическое Житіе св. Сильвестра, Церк. исторія Сократа (въ армянскихъ переводахъ конца VII вѣка), Житіе св. Василія и друг. Моисей пользовался *Малымъ* Сократомъ. Параллели. — Моисей Хоренскій, какъ писатель VIII вѣка.—Возраженія противъ выводовъ Карріера.—Важность изслѣдованія Карріера. — Необходимость изученія армянскихъ источниковъ Хоренскаго.

Вступленіе. Армянскій эпосъ въ „Исторіи Арменіи“ Моисея Хоренскаго. Стр. 37—46.

Н. О. Эминъ и его послѣдователи, начиная съ 1850—1894 г.— Перечисленіе „эпическихъ“ сюжетовъ въ „Исторіи“ Моисея. — „Цѣльность, обширность и послѣдовательность“ армянскаго эпоса.— Историческій характеръ армянскаго эпоса. — Отношеніе автора „Критической исторіи Арменіи“ къ армянскому эпосу. — Терминологія Хоренскаго въ обозначеніи различныхъ видовъ народной поэзіи: *կրոյց, երգ, վէպ, առասպել,* также—*առասպելաբանութիւն, պլատանութիւն.* Задача настоящаго изслѣдованія.

Глава I. Θеогоническое сказаніе о происхожденіи первыхъ боговъ. Стр. 47—57.

Θеогоническое сказаніе по **Моисею** (I, 9). — **Зависимость** этого сказанія отъ отрывковъ Полигистора и Абидена, сохранившихся въ Хроникѣ Евсевія. — Происхожденіе названія „Халдейской книги" Моисея. — Ссылки армянскаго историка на Полигистора, Абидена, Бероза могутъ восходить только къ армянскому переводу Евсевіевой Хроники. — Слѣды знакомства Хоренскаго съ Сивиллой и Епифаніемъ. — Анонимный отрывокъ въ началѣ Себеосовой Исторіи и его связь съ Исторіей Хоренскаго.

Глава II. Анонимъ, какъ поздній апокрифъ. Стр. 58—105.

Краткое содержаніе анонимнаго отрывка. — Обзоръ литературы объ Анонимѣ съ 1840—1894 г. — Попытка иного освѣщенія вопроса. 1) Сущность анонимнаго отрывка и его источники: Себеосъ; общія съ Анонимомъ характерныя выраженія и топографическія названія. — Библія и вліяніе ея на происхожденіе именъ первыхъ армянскихъ патріарховъ. — Евсевій: вторая часть анонимнаго отрывка, какъ парафраза изъ Хроники. Параллели. — Предположеніе о другихъ пособіяхъ Анонима: Агаѳангелъ, Фавстъ Ехише, Іоаннъ Философъ. Параллели. — Списки персидскихъ и армянскихъ Аршакидовъ и искусственность ихъ составленія. — 2) Цѣль Анонима. — 3) Связь Анонима съ Себеосомъ. — 4) Время составленія анонимнаго отрывка. — 5) Въ какомъ видѣ дошелъ до насъ отрывокъ. — Тождественность пріемовъ и тенденцій у Анонима и у Хоренскаго. — Анонимъ, какъ источникъ Хоренскаго.

Глава III. О борьбѣ Хайка съ Бѣломъ. Непосредственные потомки Хайка. Стр. 106—125.

Тексты по исторіи Хайка и его потомковъ съ подлинныхъ словъ Хоренскаго (I, 10—12). — Вопросъ объ изначальной исторіи армянъ: гипотеза о до-христіанскомъ армянскомъ эпосѣ и иранскомъ его характерѣ. — Библейская окраска начальной исторіи армянъ у Хоренскаго и отсутствіе въ ней элементовъ народно-эпической поэзіи. — Эпитеты Хайка и ихъ искусственность. — Зависимость описанія борьбы Хайка съ Бѣломъ отъ Анонима, Себеоса и отчасти Каллисѳена. Параллели. — Этимологія топографическихъ названій Арменіи въ примѣненіи къ составленію генеалогій армянскихъ патріарховъ и нахарарскихъ родоначальниковъ. — Справки.

Глава IV. Объ Арамѣ, первомъ армянскомъ завоевателѣ. Стр. 126—135.

Тексты Хоренскаго, относящіеся къ исторіи Арама (I, 13, 14). — Арамъ, какъ эпонимъ армянскаго народа. — Вліяніе Діодора на

Хоренскаго. — Переработка II книги Сицилійскаго историка и ея отрывковъ въ Хроникѣ Евсевія. — Перенесеніе роли Нина Ассирійскаго на Арама Армянскаго. Параллели. — Слѣды знакомства Моисея съ Ананіей Ширакаци и Хевондомъ. — Анахронизмъ. — Другія несообразности въ исторіи Арама.

Глава V. Объ Арайѣ Прекрасномъ и Семирамидѣ. Стр. 136—151.

Тексты Хоренскаго по исторіи Арайя и Семирамиды (I, 15—19). — Разсказъ Анонима, какъ канва романа Семирамиды. — Литературная переработка исторіи Семирамиды на основаніи Діодоровой Исторіи, а также отрывковъ Діодора же, Іосифа и Кефаліона въ армянскомъ переводѣ Хроники Евсевія. — Параллельная характеристика Семирамиды Діодора и Семирамиды Моисея. — Предположеніе о заимствованіяхъ Хоренскаго изъ сочиненій Іосифа и Климента Александрійскаго. — Мнѣ объ Аралевахъ. — Объ ожерельи Семирамиды. — Вліяніе топографическихъ названій Арменіи на разработку сказаній о Семирамидѣ у Хоренскаго.

Глава VI. Правители Арменіи и цари отъ Арайя до Тиграна I. О происхожденіи Багратидовъ и Арцруниловъ. Стр. 152—171.

Тексты Хоренскаго, относящіеся къ этой главѣ (I, 19—23). — Преданіе о бѣжавшихъ въ Африку отъ Іисуса Навина хананейскихъ вождяхъ. — Сходство этого разсказа съ сообщаемыми у Прокопія и Свиды. — Заимствованія изъ Діодора и въ особенности изъ Хроники Евсевія. — Хайкакъ, Зармайръ и Паруйръ, какъ книжныя травестіи вавилоно-ассирійскихъ правителей. — Объ ассирійскомъ происхожденіи княжествъ Арцруни, Гнуни и Ахцникъ. — Преданіе объ еврейскомъ происхожденіи Багратидовъ и зависимость его отъ Библіи. — Сомнительность древности легенды объ Анушаванѣ-Сосѣ и попытка къ ея объясненію. — Путаница въ пересказѣ Моисеева отрывка объ Анушаванѣ и Іисусѣ Навинѣ у Іоанна Католикоса и Самуила и произвольные изъ нея выводы.

Глава VII. О Тиранѣ Хайкидѣ и Аждахакѣ Мидійскомъ. Стр 172—200.

Тексты Хоренскаго по исторіи Тиграна (I, 24—26, 30). — Черты книжнаго вліянія на повѣствованія объ этомъ царѣ. — Краткій отрывокъ греческаго источника объ армянскомъ царѣ, Санатрукѣ, какъ основная схема для пространной характеристики Тиграна. Параллели между Тираномъ и Санатрукомъ. — Эпитеты Тиграна и сомнительность эпическаго ихъ происхожденія. — Догадка о вліи-

яніи Библіи и Апокалипсиса на описаніе сна Аждахака.—Изысканія о мѣстѣ и числѣ селеній „Тигранакертъ“. — Вопросы, связанные съ „Мидійскими селеніями“. — Заимствованія Хоренскаго у Хевонда и Ананіи Ширакаци.—Искусственная циклизація предполагаемаго армянскаго эпоса вокругъ Тиграна Хайкида и Арташеса Втораго и драконы, какъ соединяющее звено между эпохами обоихъ царей. — Разборъ аттрибутовъ „эпоса“ у Моисея: *երգ, վէպ, վիպասան, երգք վիպասանաց, երգիչքն Գողթան, երգք Թուխլեաց, երգք ցցուց և պարուց, բամբիռն*.—Гипотеза о „Гохтенскихъ пѣвцахъ“. Попытка новаго объясненія пѣсенъ *Թուխլեաց*. Аллегоризмъ, какъ излюбленный пріемъ Хоренскаго.

Глава VIII. О Вахагнѣ, сынѣ Тиграна I. Стр. 201—208.

„Пѣснь о Вахагнѣ“ у Хоренскаго (I, 31).—Эвгемеристическій взглядъ Хоренскаго. — Недостовѣрность существованія обширной эпопеи о царевичѣ Вахагнѣ.—Отсутствіе новыхъ данныхъ у Моисея: вліяніе Агаѳангела и Евсевія. — Гипотеза о происхожденіи „Иверійскаго Вахагна“. - Начало „пѣсни о Вахагнѣ“, какъ фрагментъ лирическаго стихотворенія временъ Хоренскаго. — Искусственность остальной части „пѣсни“; зависимость ея отъ книжныхъ источниковъ—Ананіи Ширакаци и Библіи. Параллели.

Глава IX. Объ Ервандѣ Аршакидѣ. Стр. 209—235.

Тексты Хоренскаго по исторіи Ерванда (II, 37, 39, 41, 42, 46).—Описаніе Аршакидской принцессы, матери Ерванда. — Признаки знакомства Моисея съ Филономъ въ армянскомъ его переводѣ.—Объ эпитетахъ армянской принцессы.—Недостовѣрность разсказовъ о построеніи Ервандомъ Вторымъ городовъ и виллъ въ отношеніяхъ историческомъ и эпическомъ.—Политическіе центры армянъ со II вѣка до Р. Х. по начало II вѣка нашей эры.—О происхожденіи именъ „Ервандъ“ и „Ервазъ“ у Хоренскаго. — Анахронизмъ въ приписываніи Ерванду II построенія Багарана Аршаруникскаго.—Зависимость описанія виллы Ервандакерта и рощи Рожденія отъ Себеоса, Филона и Фавста.—Сношенія Ерванда съ Римомъ; вліяніе Іосифа. — Книжное происхожденіе описанія сраженія Ерванда съ Арташесомъ: Себеосъ и въ особенности Каллисѳенъ, какъ источники Моисея. Параллели.— Объясненіе названій: „Ервандаванъ“, „Марац-Маргъ“ и „Мар-аматъ“.

Глава X. Объ Арташесѣ II.—1) Романическіе разсказы объ Арташесѣ и Сатиникъ. Стр. 236—272.

Тексты по Исторіи Арташеса у Хоренскаго (II, 43, 47, 48, 50—52).—Цѣль повтореній и ссылокъ Хоренскаго на предыдущіе свои разсказы. — Отсутствіе эпическаго элемента въ романѣ Сатиникъ и

книжное его происхожденіе.—Заимствованія Моисея изъ Іосифа. Параллели. — Замѣчаніе относительно предполагаемаго отрывка „эпоса“ со стороны языка.—Аллегорическое значеніе упоминаемыхъ въ „пѣснѣ“ аркана, красной кожи и золота.—Гипотеза о вліяніи библейскихъ мотивовъ на символизацію красной кожи и золота.—Анахронизмы въ исторіи Арташеса.—Сомнительность цитируемыхъ Хоренскимъ „Храмовой исторіи Улюпа“ и „Персидскихъ книгъ“, въ качествѣ источниковъ армянскаго эпоса.—Недостовѣрность свѣдѣній о званіи „втораго по царѣ“ въ Арменіи и о князьяхъ Мурацанахъ, какъ носителяхъ этого званія. — Анахронизмъ въ установленіи регалій „втораго по царѣ“. — Культурныя данныя и важность ихъ для опредѣленія времени составленія „Исторіи Арменіи“.—Сходства романа Сатиникъ съ библейской книгой „Есѳирь“.—Содержаніе книги Есѳирь. Параллели. Выводы.—Догадка о происхожденіи имени „Сатиникъ“.—Вліяніе Библіи на составленіе характеристики Смбата Багратида.—Библія, какъ основной источникъ мнимо-эпическихъ сюжетовъ Хоренскаго.

Глава XI. Объ Арташесѣ II.—2) Дѣятельность его по благоустроенію Арменіи. Стр. 273—301.

Тексты Хоренскаго (II, 49, 52, 56, 58, 59).—Колонизація сѣверныхъ народовъ въ Арменію и учрежденіе новыхъ нахарарствъ. — Замѣчаніе относительно „Аматуни“.—Установленіе пограничныхъ термовъ и зависимость его отъ Агаѳангела. — Время основанія Арташата. — Эклектизмъ въ передачѣ Моисеемъ свѣдѣній по религіи армянъ.— Данныя по исторіи языческихъ культовъ армянъ въ „Исторіи Арменіи“ Хоренскаго и разборъ ихъ.— Источники армянскаго историка въ этой области. Параллели.—Объясненіе названія „Кундъ Арамаздъ“.—Предположеніе объ Арамаздѣ-Пріютодателѣ.— Слѣды вліянія поздней агіологіи. — Недостовѣрность существованія Храмовой книги Улюпа и ея продолженія „О культѣ кумировъ въ Арменіи“, приписываемаго Вардевану.—Книжное происхожденіе 59-й главы II книги Хоренскаго „о смѣнѣ недѣль, мѣсяцевъ и годовъ“ у армянъ. — Справки у Ананіи Ширакаци.—По вопросу о культурѣ армянъ до эпохи Арташеса.

Глава XII. Объ Арташесѣ II.—3) Сношенія съ Римомъ; смерть Арташеса и его похороны. Стр. 302—313.

Тексты Хоренскаго (II, 54, 55, 60).—Сомнительность эпическаго происхожденія разсказовъ о Домиціанѣ и зависимость ихъ отъ Іосифа.— Фиктивность предполагаемаго историческаго труда

Аристона изъ Пеллы объ Арташесѣ II.—Книжное происхожденіе заключительной главы объ Арташесѣ: буквальныя заимствованія и парафразы изъ Евсевія и Іосифа. Параллели.—По поводу одного преданія у Григорія Магистра объ „Арташесѣ Парѳянинѣ“.

Глава XIII. Объ Артаваздѣ II, сынѣ Арташеса. Стр. 314—324.

Текстъ Хоренскаго по исторіи Артавазда (II, 61).—Древность Езниковой редакціи легенды объ Артаваздѣ: представленія объ Артаваздѣ, какъ о добромъ геніи. — Двѣ другія версіи той же легенды, сохранившіяся у Вардана и Минеяхъ. — Близость ихъ къ Езнику и замѣчаемая въ нихъ народная старина. Параллели.—Гипотеза о зависимости Хоренскаго отъ указанныхъ трехъ редакцій. — Подновленія и своеобразныя дополненія въ Моисеевой версіи.—Вліяніе Езника. — Взглядъ армянскаго историка на персидскія сказанія.—Еще разъ объ аллегоріи у Хоренскаго.

Глава XIV. Легенды о Торк'ѣ, о Трдатѣ Багратидѣ, о Вардгесѣ-юношѣ и родоначальникѣ Арцрунидовъ. — Стр. 324—339.

О Торк'ѣ, родоначальникѣ княжества Ангехтанъ. — Тексты Хоренскаго (I, 23, II, 8).—Сходство Торк'а съ Полифемомъ греческаго эпоса.—Литературная зависимость Моисеева сказанія отъ отрывка Одиссеи. — Гипотеза о книжномъ происхожденіи имени „Торк'ъ“. — *О Трдатѣ Багратидѣ.*—Текстъ Хоренскаго (II, 63).—Черты книжнаго происхожденія легенды: Каллисѳеновы разсказы о Павсіанѣ и Александрѣ и переработка ихъ въ примѣненіи къ Трдату. Другіе источники Моисея. — *О Вардгесѣ-юношѣ.* — Текстъ Хоренскаго (II, 65).—Вопросъ о древнѣйшихъ названіяхъ города Вахаршапата.—Вліяніе Себеосова отрывка на изложеніе разбираемаго отрывка. — Сомнѣніе на счетъ существованія „Вахаршавана“.— Номенклатура въ „пѣснѣ о Вардгесѣ“.—Гипотеза о названіи „Тухк'ъ“ (Տուխք գաւառ).—*О родоначальникѣ Арцрунидовъ.* — Текстъ Хоренскаго (II, 7).—Вліяніе народной этимологіи на образованіе легенды.

Заключеніе. Стр. 340—344.

Дополненія и поправки. Стр. 345—347.

ВВЕДЕНІЕ.

Моисей Хоренскій считается самымъ популярнымъ армянскимъ писателемъ. Его вліяніе на своихъ соотечественниковъ, въ смыслѣ источника неисчерпаемой глубины учености и знанія, было безусловно преобладающимъ. Выше Хоренскаго не было авторитета для армянскихъ писателей: онъ назывался „Отцомъ поэтовъ и грамматиковъ“, онъ былъ „Отцомъ армянской исторіи“. Обаяніе Хоренскаго, какъ историка, заключалось въ томъ, что въ сжатомъ, но въ живомъ и яркомъ изложеніи онъ передавалъ не встрѣчающуюся ни у кого изъ предшествовавшихъ армянскихъ лѣтописцевъ, однако, столь любопытную изначальную исторію армянъ, тѣсно связавъ ее съ библейскими преданіями черезъ Іафетова правнука, Хайка, родоначальника армянъ.

Доказательствомъ особенной популярности Моисея Хоренскаго, между прочимъ, можетъ служить огромная масса рукописей его Исторіи, сохранившихся до нашихъ дней; древнѣйшая изъ нихъ не восходитъ, однако, далѣе XIV вѣка [1]).

Первое печатное изданіе Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго появилось въ 1695 году въ Амстердамѣ, гдѣ въ то время была богатая армянская колонія; тамъ

1) См. „Исторія Арменіи“ *М. Хоренскаго*, въ Полномъ собраніи его сочиненій, изданіе второе, Венеція, 1865, предисловіе, стр. 7.

же напечатаны *первыя* изданія армянскаго перевода Библіи, Шаракана или священныхъ каноновъ и пѣсней, Часовника, Обрядника и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ.

Editio princeps Исторіи Хоренскаго было сдѣлано, къ сожалѣнію, не съ лучшей рукописи: она принадлежала къ группѣ такъ называемыхъ интерполированныхъ списковъ [1]).

Уже при самомъ началѣ знакомства западно-европейскихъ ученыхъ съ Хоренскимъ, Исторія его подверглась критикѣ, можетъ быть, самой суровой и безпощадной, какая когда-либо появлялась. Завѣдующій Берлинской королевской библіотекой, французскій оріенталистъ Ла-Крозъ [2]), одинъ изъ замѣчательныхъ, по моему мнѣнію, знатоковъ армянскаго языка и проницательныхъ критиковъ, первый выразилъ сомнѣніе въ достовѣрности Исторіи Моисея, равно какъ и касательно времени, къ которому его относили. Въ примѣчаніяхъ къ изданной имъ въ концѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія исторической поэмѣ Нерсеса Благодатнаго („Плачъ на взятіе Эдессы“ мусульманами въ 1144 году), а потомъ въ письмахъ [3]) своихъ, въ началѣ 30-хъ годовъ того же столѣтія,

---

[1]) См. статью *A. Baumgartner*'a: Ueber das Buch „die Chrie“, въ *ZDMG*, 1886, III, стр. 457—516. Ср. также мою замѣтку о рукописныхъ спискахъ Исторіи Арменіи М. Хоренскаго въ *WZKM*, 1893, I, стр. 21—28.

[2]) *Maturin Veyssère La-Crose* родился въ Нантѣ, въ 1661 году. Кромѣ изысканій по армянскому языку и литературѣ, изъ коихъ армянскій *словарь*, стоившій автору многолѣтнихъ кропотливыхъ трудовъ, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, лежитъ въ рукописи, а задуманное имъ *критическое изданіе Четвероевангелія* осталось неоконченнымъ, Ла-Крозъ оставилъ замѣчательныя въ свое время работы и по *сирскому*, *коптскому*, а также *славянскому* языкамъ. Лучшимъ его сочиненіемъ считается „Histoire du Christianisme des Indes“ (1724), послѣ чего онъ получилъ приглашеніе на каѳедру философіи въ *Collège Français*. Другъ Лейбница, Ла-Крозъ отличался высокими нравственными качествами, какъ человѣкъ. Онъ умеръ въ Берлинѣ, въ 1739 г.—См. Nouv. Biogr. génér. publ. par. *F. Didot*, T. 46, pp. 72—73, Paris, 1866. Также: *Catalog* der armenischen Handschriften in der K. K. Hofbibliothek zu Wien, von *P. Jacobus Dashian*, Wien, 1891, SS. 34—37.

[3]) Переписка Ла-Кроза была издана послѣ его смерти въ трехъ томахъ, въ Лейпцигѣ, въ 1742—1746 гг., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Thesaurus epistolici*

къ Павлу Эрнесту Яблонскому и, въ особенности, къ двумъ братьямъ, Вильгельму и Георгію Вистонамъ, въ Лондонъ, приготовлявшимъ тогда изданіе латинскаго перевода Исторіи Арменіи Хоренскаго,—Ла-Крозъ высказывалъ мысль, что Моисей болѣе баснописецъ, чѣмъ историкъ: „Moses fabulator potius, quam historicus Armenorum“ [1]), что онъ жилъ не въ V вѣкѣ, какъ принято считать, а около IX или X вѣка, при господствѣ въ Арменіи Багратидской династіи. На это, по его мнѣнію, указывали встрѣчающіеся нерѣдко въ его Исторіи *анахронизмы* [2]): таково, напримѣръ, упоминаніе у Хоренскаго (II, 6) о народѣ *Булкаръ* во II вѣкѣ до Р. Х., какъ извѣстно, являющемся въ исторіи впервые только въ VI вѣкѣ нашей эры; существованіе крѣпости *Байбердъ* (*Хор.* II, 38) въ I вѣкѣ по Р. Х., основанной, по свидѣтельству Прокопія Кесарійскаго, Юстиніаномъ (De Aedif. Just., III, 4), т. е. только въ VI в. Наконецъ, Ла-Крозъ высказываетъ мысль и о *званіи*, къ которому принадлежалъ армянскій историкъ. Послѣдній, по его предположенію, былъ изъ *военнаго* сословія, ибо въ его детальныхъ описаніяхъ сраженій видна опытность въ военномъ дѣлѣ [3]).

Но въ своихъ отрицаніяхъ Ла-Крозъ зашелъ слишкомъ далеко: онъ серьезно настаивалъ на томъ, что Хоренскій, между прочими источниками, пользовался поддѣльною исторіей Іосифа Горіонида [4]), составленной въ

Lacrosiani ex Bibliotheca Iordaniana, edidit *Io. Ludovicus Uhlius.* Изъ этой переписки я узнаю, между прочимъ, и о Ла-Крозовскомъ изданіи «поэмы»; самой книжки я, къ сожалѣнію, достать не могъ. См. Т. I, p. 352—353.

[1]) Thesaurus epistolici *Lacrosiani*, T. I, p. 358—359; T. III, p. 184.

[2]) См. латинскій переводъ Исторіи Арменіи М. Хоренскаго бр. *Вистоновъ*, Лондонъ, 1736, 4⁰, главы 6, 7 и 34 книги II.

[3]) Въ письмѣ къ В. Вистону отъ 24 апрѣля 1730 года Ла-Крозъ писалъ слѣдующее: „... De Mose Chorenensi sententiam meam leges in annotationibus meis ad carmen historicum Nersis Claiensis. Interim aliquid addo: Eum Mosem vixisse puto circa *nonum* vel *decimum* seculum tempore principum Bagratunensium, qui ea aetate magna auctoritate et quodam imperii genere in Armenia pollebant. Praeterea eumdem puto *militem* fuisse observavi enim eum excellere in primis in descriptione pugnarum...“ (T. III, p. 281.)

[4]) Thesaur. epist. *Lacros.*, T. I, p. 356—357; также латинскій переводъ *Вистоновъ*, стр. 105, 111, 112, 114, 117, 121 и др.)

подражаніе Іосифу Флавію на еврейскомъ языкѣ, около IX вѣка по Р. Х., но самимъ авторомъ относимой ко времени раньше Іосифа Флавія (I в. по Р. Х.).

Эти же взгляды Ла-Кроза раздѣлялъ, какъ видно, и голландскій арменистъ Іоакимъ Шрёдеръ, авторъ извѣстнаго „Thesaurus linguae Armeniacae", напечатаннаго въ Амстердамѣ въ 1711 году [1]).

Таково было представленіе о Хоренскомъ, когда въ 1736 г. появился въ Лондонѣ, вмѣстѣ съ армянскимъ оригиналомъ, полный латинскій переводъ „Исторіи Арменіи", сдѣланный двумя братьями *В.* и *Г. Вистонъ*. Переводъ былъ снабженъ массою цѣнныхъ примѣчаній, предназначавшихся къ разъясненію темныхъ, сомнительныхъ, иногда запутанныхъ мѣстъ въ Исторіи Хоренскаго. А такихъ мѣстъ было немало, благодаря въ особенности интерполированному списку перваго изданія, положенному Вистонами въ основу своего перевода. На помощь этому основному тексту они придали сообщенные имъ Ла-Крозомъ варіанты одной рукописи изъ Лейпцигской библіотеки, каковая рукопись оказалась изъ той же интерполированной группы. Были у латинскихъ переводчиковъ Хоренскаго, сверхъ того, и другіе варіанты изъ рукописи не интерполированной, сообщенные имъ Шрёдеромъ; но послѣднимъ они, повидимому, не придавали особенной важности.

Относительно самого автора „Исторіи Арменіи" ученые переводчики въ предисловіи къ своему труду и въ примѣчаніяхъ, по мѣрѣ возможности, старались опровергать составившееся у двухъ извѣстныхъ тогда арменистовъ, Ла-Кроза и Шрёдера, столь неблагопріятное мнѣніе о Хоренскомъ. По словамъ Вистоновъ, вся вина армянскаго историка заключалась въ томъ, что онъ слишкомъ довѣрчиво относился къ своимъ источникамъ, нерѣдко передававшимъ басни; но онъ былъ человѣкъ честный, правдивый, у него больше заблужденій, чѣмъ об-

---

[1]) См. *Thesaurus epistol. Lacrosiani*, I, p. 356.

мана; и хотя въ его Исторіи часто встрѣчаются сомнительныя или даже ложныя свидѣтельства, все же не слѣдуетъ отвергать ее, какъ совершенно безполезную [1]).

Относительно времени, когда жилъ Хоренскій, Вистоны не находили возможнымъ допускать предположеніе Ла-Кроза, относившаго армянскаго историка къ IX—X вѣку, и, полагаясь на свидѣтельство самого историка, считали его писателемъ V вѣка [2]).

Вообще, защита латинскихъ переводчиковъ Хоренскаго противъ нападокъ Ла-Кроза не отличалась ни особенною силою, ни убѣдительностью. Нѣсколько успѣшнѣе, какъ мнѣ кажется, они старались опровергать подозрѣніе ученаго критика относительно пользованія армянскимъ историкомъ недостовѣрной исторіей Іосифа Горіонида, IX вѣка. Такъ, замѣчаемыя въ разсказахъ обоихъ историковъ сходства, на которыя указывалъ Ла-Крозъ, Вистоны не безъ основанія объясняли употребленіемъ со стороны Хоренскаго и Горіонида общаго источника, а именно Іосифа Флавія, на котораго неразъ ссылается армянскій историкъ (I, 4; II, 10, 15, 26, 35). Важнѣйшій изъ доводовъ Ла-Кроза касательно заимствованій Хоренскаго у Горіонида состоялъ въ томъ, что въ одномъ и томъ же разсказѣ слово *бальзамъ* (βάλσαμον у Іосифа Фла-

---

[1]) „...Scriptor videtur fuisse,—писалъ Георгій Вистонъ Ла-Крозу отъ 19-го іюля 1735 г. о Хоренскомъ,—mediocriter tantum doctus et majore credulitate quam judicio ex aliorum scriptis historiam suam composuisse, sed tamen fidus atque probus, atque errore magis, quam culpa, saepius incerta falsave tradidisse...“—Еще ранѣе того тотъ же Г. Вистонъ писалъ (въ 1730 г.) Ла-Крозу объ Исторіи Хоренскаго, между прочимъ: „...Neque enim historiae ejus defensionem per omnia suscipimus, et, si saepius falsa est, non continuo pro inutili ac rejectanea haberi debebit...“ (*Thes. epist. Lacros.*, I, p. 361—362; ibid., 358—359; ср. также предисловіе латинскаго перевода *Вистоновъ*, p. XIX—XX).

[2]) „...Quinto eum saeculo vixisse—писалъ въ вышеприведенномъ письмѣ Г. Вистонъ Ла-Крозу,—id quod credi voluit, nullam video satis justam causam quare valde negemus, quam ea res omnium scriptorum Armeniorum, ac praesertim Nersis Clajensis testimonio comprobetur, neque ullis argumentis, ex ipsa historia petitis refutari posse videatur, etsi ut, verum fateamur, nonnulla loca nobis, aeque ac tibi suspicionem scrupulumque injiciunt...“ (Thes. epist *Lacros.*, I, p. 361).

вія, De Bello Jud. I, VI, 6) встрѣчается у нихъ въ одинаковой формѣ *apĕrsamon* [1] — ապրսամ: Но это явленіе, по мнѣнію Вистоновъ, доказывало только знакомство армянъ съ еврейскимъ бальзамомъ черезъ распространенное на востокѣ еврейское же его наименованіе [2]. — Во всякомъ случаѣ, если *aprsam* Хоренскаго и не заимствовано у Іосифа Горіонида, то слово это все же не древнее: оно не встрѣчается ранѣе VIII вѣка, между тѣмъ какъ *balsamon* (բալսամն) восходитъ къ V вѣку [3].

Мнѣ не извѣстно, возражалъ ли что-нибудь Ла-Крозъ противъ доводовъ Вистоновъ и писалъ ли онъ вообще что-нибудь о Хоренскомъ, послѣ выхода въ свѣтъ ихъ латинскаго перевода „Исторіи Арменіи". Въ письмахъ его нѣтъ на этотъ счетъ никакихъ указаній, да и самъ Ла-Крозъ вскорѣ послѣ того умеръ (1739 г.).

Впрочемъ, въ изданномъ имъ въ годъ своей смерти, въ Гагѣ, любопытномъ сочиненіи „Исторія Христіанства въ Ѳіопіи и Арменіи" онъ повторяетъ мимоходомъ свое прежнее мнѣніе въ такихъ выраженіяхъ: „... Moïse de Choren, Auteur que l'on rapporte au *cinquième* Siècle. Je le croi *plus récent*, quoique pourtant il ait quelque Antiquité, son Stile Arménien étant pur, mais extrémement mélé de Fables". [4]

---

[1] Такъ стоитъ въ Парижскомъ изданіи Іосифа Горіонида, цитируемомъ бр. Вистонами, а въ изданіи *Breithaupt*'а (Gotha et Lipsiae, 1710, p. 326)— *apharsemon*

[2] „...Non possumus quin miremur,—писалъ, между прочимъ, Вильгельмъ Вистонъ Ла-Крозу отъ 25-го декабря 1731 г.,—quomodo tu, vir doctissime, pariter cum Schroedero, induxeritis in animum, quae testimonia ex Iosepho produxerit Chorenensis, ea ex Gorionide depromta fuisse suspicari; quum non solum res a Chorenense memoratae, sed totum orationis filum, atque ipse rerum contextus longissime a Gorionide discrepent; quin et ipsissimas Iosephi voces Graecas saepius Armeniace reddidisse videtur Moses, id quod cuivis Graeca Iosephi cum Armeniacis conferenti facile, credo, persuasuri sumus. Nam quod ad vocem *Apersamon* attinet, quam Moses aeque ac Gorionides usurpat, nihil inde sequitur, nisi id nomen Chorenensis temporibus balsamo Judaico in oriente datum fuisse..." (*Thes. epist. Lacros.*, I, p. 356—357; ср. также латинскій переводъ Хоренскаго, стр. 111, примѣч.).

[3] См. Акад. словарь, Венеція, 1836—1837, *п. с.* Ապրսամ; բալսամն и բալսան:

[4] Histoire du Christianisme d'Ethiopie et d'Arménie, A la Haie, p. 335.

Я намѣренно останавливаюсь на изданіи бр. Вистонъ, во-первыхъ, потому, что оно послужило богатымъ матеріаломъ для послѣдующихъ переводчиковъ Хоренскаго, и, во-вторыхъ, что ученые издатели, приводя рядъ болѣе или менѣе основательныхъ опроверженій противъ Ла-Кроза и Шрёдера, представили съ тѣмъ вмѣстѣ и не мало аргументовъ противъ самихъ себя.

Выше я упомянулъ о томъ, что переводъ Вистоновъ былъ снабженъ множествомъ дѣльныхъ пояснительныхъ примѣчаній. Изъ числа ихъ наиболѣе интереса представляютъ примѣчанія, предназначавшіяся къ подкрѣпленію разсказа Хоренскаго — такъ сказать оправданію его Исторіи. Съ этой цѣлью приведены свидѣтельства почти всѣхъ извѣстныхъ древне-греческихъ и римскихъ, а также византійскихъ и нѣкоторыхъ армянскихъ и сирскихъ писателей, начиная отъ Гомера и Геродота и кончая Абуль-Фараджемъ, XII вѣка по Р. Х.,—всего не менѣе 50-ти сочиненій, на которыя сдѣланы ссылки, чаще съ приведеніемъ относящихся сюда цитатъ. Изъ нихъ я отмѣчу: церковнаго историка *Сократа*, апокрифическое Житіе *св. Сильвестра*, *Прокопія Кесарійскаго*, хронографа *Малалу*, *Пасхальную Хронику* и, наконецъ, *Свиду*. Ссылками именно на эти сочиненія, приведенными, однако, съ совершенно другой цѣлью, и дали латинскіе переводчики Хоренскаго, какъ я сказалъ, оружіе противъ самихъ себя. Объ этомъ рѣчь впереди.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что вслѣдъ за появленіемъ перваго изданія „Исторіи Арменіи“ Моисея Хоренскаго возникаетъ и ея критика. Послѣ Ла-Кроза, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, она почти исключительно была сосредоточена на изученіи главнаго источника Хоренскаго — сирійца *Марь-Абаса Катины*, придворнаго историографа перваго армянскаго Аршакида, Вахаршака, за два вѣка до нашей эры. Хоренскій приписываетъ этому ученому сирійцу Халдейскую книгу, найденную имъ, съ разрѣшенія персидскаго Аршакида, Аршака Великаго,

брата Вахаршака, въ Ниневійскомъ архивѣ, за полтора, примѣрно, столѣтія до нашей эры. Она была переведена на греческій языкъ по приказанію Александра (Македонскаго) и заключала въ себѣ древнѣйшую исторію Арменіи въ систематическомъ изложеніи, почти безъ перерыва, начиная отъ временъ столпотворенія вплоть до II вѣка до Р. Х.

Первое подозрѣніе о Маръ-Абасѣ было высказано, хотя и вскользь, французскимъ ученымъ прошлаго столѣтія, *Фрере*. По его мнѣнію, Маръ-Абасъ, писавшій, приблизительно за одно столѣтіе до Р. Х., могъ быть вѣроятнымъ свидѣтелемъ событій, близкихъ къ его времени; но все, что онъ повѣствуетъ о древнѣйшей исторіи, очевидно, ни что иное, какъ безпорядочный наборъ историческихъ басенъ (un ramas indigeste des fables historiques), распространенныхъ у еврейскихъ и сирійскихъ эллинистовъ, желавшихъ согласовать или примирить халдейскія, ассирійскія и греческія фикціи съ исторіей Моусея. Фрере при этомъ удивляется невѣжеству Маръ-Абаса, незнавшаго, что въ указанное имъ время города Ниневіи болѣе 500 лѣтъ уже не существовало [1]).

Катрмеръ, другой французскій ученый, въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, подтвердивъ высказанныя его предшественникомъ замѣчанія, сдѣлалъ съ своей стороны указаніе относительно недостовѣрности самаго имени „*Маръ*-Абасъ-Катина“. Оно могло, по его словамъ, явиться у сирійцевъ только въ эпоху христіанства, когда къ началу собственнаго имени духовнаго лица прибавляли *Маръ*, въ значеніи „владыка“, „отецъ“. Можно подумать, говоритъ Катрмеръ, что вся эта исторія основана на мистификаціи, что переведенная на греческій языкъ, по

---

[1]) *Freret*, Mémoire sur l'ère Arménienne, Oeuvres complètes, T. XII, p. 187—254. Mémoires de l'Acad. des Inscriptions et Belles-Lettres, T. XLVII, p. 98 и слѣд.—Также: „Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи Передней Азіи“, *К. Патканова*, въ *ЖМНП.* за 1874—1881 гг. и отдѣльный оттискъ 1881, С.-Пб., стр., 48.

приказанію Александра Македонскаго, пресловутая Халдейская книга была, быть можетъ, экземпляромъ исторіи Бероза. Изъ нея какой-нибудь сирійскій христіанинъ сдѣлалъ извлеченія и, съ цѣлью прославить свой трудъ, заставилъ имъ заинтересоваться самого Александра Македонскаго. Басня эта, льстящая тщеславію восточныхъ, была съ восторгомъ принята Хоренскимъ и, по его примѣру, всѣми армянскими историками [1]).

Этого вопроса коснулся мимоходомъ также *Ренанъ*, считавшій имя „*Маръ*-Абасъ", согласно Катрмеру, христіанскимъ, а обстоятельства разсказа объ открытіи Халдейской книги совершенно сказочными. Что же касается самой книги, заключавшей, по увѣренію Хоренскаго, армянскіе а н н а л ы, Ренанъ считалъ ее произведеніемъ, написаннымъ заднимъ числомъ какимъ-нибудь сирійцемъ изъ Едесской школы, причемъ та часть ея, которая передавала объ эпохѣ, предшествовавшей христіанству или современной Христу, явно носила, по его мнѣнію, баснословный характеръ [2]). Въ другомъ мѣстѣ (p. 250) французскій семитологъ замѣчаетъ, что Хоренскій, относившійся очень довѣрчиво къ Халдейской книгѣ, былъ самъ честенъ и правдивъ.

Почти въ томъ же смыслѣ писалъ и покойный проф. *Патканов*ъ въ статьяхъ своихъ о „Ванскихъ надписяхъ" за 1874—1881 гг. Выводы его сводились къ слѣдующему:

a) Мнимая Халдейская книга, переведенная по предписанію Александра, есть явный вымыселъ Маръ-Абаса и существовала только въ его воображеніи.

b) Самъ Маръ-Абасъ жилъ, какъ уже въ нѣкоторой степени обнаруживается его именемъ, въ христіанскую

---

[1]) *Quatremère,* Observations sur la ville de Ninive, troisième article, въ *Journal des Savants,* 1850, pp. 364–365. Также: *Langlois,* Coll., I, p. 7; *Патканов*ъ, Ванскія надписи, стр. 48.

[2]) *Renan,* Histoire générale des langues sémitiques, Paris, 1858, pp. 262—263.

эпоху, если только это имя не придумано анонимнымъ авторомъ, и никакъ не ранѣе III—IV вѣковъ по Р. Х., то есть съ небольшимъ за 100 лѣтъ до Хоренскаго.

с) Источниками Маръ-Абаса при написаніи исторіи Ассиріи и Мидіи были тѣ самые, которыми пользовался Евсевій, вѣроятнѣе всего—самъ Евсевій. Для составленія исторіи Арменіи онъ пользовался армянскими и сирійскими преданіями, связавъ ихъ въ одно цѣлое по образцу ассирійской исторіи Ктезія. (*Ван. над.*, стр. 65).

К. П. Паткановъ, подобно другимъ критикамъ, также обвинялъ Хоренскаго въ излишней довѣрчивости къ своимъ источникамъ и въ отсутствіи исторической критики, но не допускалъ съ его стороны никакого подлога.

Около того же времени писалъ о Маръ-Абасѣ извѣстный нѣмецкій критикъ, *Альфредъ Фонъ-Гутшмидъ* [1]). Въ отличіе отъ предшествовавшихъ изслѣдователей, приписывавшихъ всѣ несообразности въ древнѣйшей Исторіи Хоренскаго этому сирійцу, онъ первый высказалъ серьезное сомнѣніе въ правдивости самого Хоренскаго и сталъ доказывать, что многое въ своемъ сочиненіи армянскій историкъ извратилъ намѣренно. Въ остальномъ мнѣніе Гутшмида мало чѣмъ отличается отъ высказаннаго Паткановымъ, а именно: Хоренскій имѣлъ въ рукахъ небольшое апокрифическое сочиненіе какого-то сирійца Маръ-Абаса Мцурнійскаго [2]), IV в. по Р. Х.;

---

[1]) *Alfred Von-Gutschmid*, Ueber die Glaubwürdigkeit der armenischen Geschichte des Moses von Khoren, напечатанное въ *Berichte der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig*, Philologisch-historische Classe. XXIII Bd., 1876, SS. 1—43. Статья перепечатана въ III томѣ, Kleine Schriften *Гутшмида*, по его смерти, Фр. Рюлемъ, 1892, Leipzig, стр. 282—331.

[2]) „Um es kurz zu sagen,—замѣчаетъ Гутшмидъ,—ich sehe in dem Auszuge des Ungenannten beim Sebêos (Mar Abbas von Medsurch) den ersten Entwurf des Moses von Khoren, den er dann zur Geschichte von Armenien ausgearbeitet und in seiner Weise verbessert hat, theils wirklich frühere Versehen berichtigend, theils die dort noch schüchtern und vereinzelt auftretenden Erdichtungen zu einem grossartigen die Tradirung seines Geschichtsstoffs betreffenden Lügengewebe ausspinnend". (*Ueber. d. Glaubwürdigkeit* etc., S. 38).

его онъ пополнилъ новыми данными и тѣмъ создалъ исторію жившаго якобы за 130 лѣтъ до Р. Х., при царѣ Вахаршакѣ, Маръ-Абаса Катины.

Еще дальше пошелъ покойный арменистъ *Н. О. Эминъ* въ своемъ изслѣдованіи объ армянскомъ эпосѣ, написанномъ по случаю V Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, въ 1881 г. Онъ сталъ прямо отрицать возможность существованія Маръ-Абаса и его Халдейской книги [1]), а источникомъ древнѣйшей исторіи Арменіи считалъ исключительно армянскій эпосъ и народныя сказанія, которыми и пользовался, по его мнѣнію, Хоренскій въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Наибольшей обстоятельностію изслѣдованія и рѣшительностію въ выводимыхъ заключеніяхъ отличается трудъ Константинопольскаго ученаго, *Гарагашіана* [2]), по тому же вопросу, вышедшій почти одновременно съ „Эпосомъ“ Эмина, въ 1880 г. Онъ подвергъ тщательному анализу всю I книгу Хоренскаго и девять главъ II книги его Исторіи, то есть все, что, по словамъ армянскаго историка, было заимствовано имъ изъ Маръ-Абасовой Халдейской книги, и резюмировалъ свои выводы въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Исторія Маръ-Абаса — не баснь и не легенда, но разсказы греческихъ писателей (Геродота, Ктезія, Ксенофонта и др.) объ ассирійцахъ и персахъ, большею частью заимствованные изъ Евсевіевой Хроники и перенесенные на армянъ, съ недостовѣрными, часто невѣроятными и противорѣчащими дѣйствительной исторіи дополнительными подробностями. Маръ-Абасъ — фикція. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гарагашіанъ не отрицалъ вліянія народнаго эпоса на составленіе древнѣйшей исторіи Арменіи.

---

[1]) Въ предисловіи къ I изданію своего перевода Исторіи Арменіи М. Хоренскаго (Москва, 1858 г.) Н. О. Эминъ энергически отстаивалъ Маръ-Абаса, приводя рядъ возраженій противъ доводовъ Катрмера; но въ новомъ переводѣ той же Исторіи, напечатанномъ въ 1893 году, страницы, посвященныя защитѣ Маръ-Абаса, цѣликомъ выключены ученымъ переводчикомъ.

[2]) Критическая исторія Арменіи, часть I, древній періодъ, Константинополь, 1880 (на армянскомъ языкѣ); изслѣдованію Маръ-Абаса Катины посвящена глава V, стр. 127—206.

Для полноты обзора критической литературы о Маръ-Абасѣ, слѣдуетъ упомянуть и о вышедшей въ 1891 г. брошюрѣ проф. *А. Карріера*[1]),—въ которой на основаніи нѣкоторыхъ сопоставленій доказывается тождество Маръ-Абаса и Хоренскаго.

Вышеприведенные критики, отвергая въ той или иной формѣ главный источникъ Хоренскаго—Маръ-Абаса, все еще не выражаютъ сомнѣнія относительно времени, когда жилъ армянскій историкъ; послѣдній все еще продолжаетъ считаться писателемъ V вѣка.

Въ этомъ единодушномъ походѣ первоклассныхъ ученыхъ противъ Маръ-Абаса, давшихъ новое освѣщеніе Исторіи Хоренскаго, отсутствовали только Венеціанскіе Мхитаристы[2]), которые, даже послѣ блестящихъ изслѣдованій Гутшмида и Гарагашіана, находили возможнымъ, не опровергая, однако, ихъ доводовъ, вернуться къ старинѣ и попрежнему признавать Маръ-Абаса и его Халдейскую книгу, какъ будто совсѣмъ и не было этой столѣтней борьбы.

Было бы, однако, несправедливо—не отмѣчать огромныхъ заслугъ этой ученой конгрегаціи, оказанныхъ, между прочимъ, изученію армянской исторіи многочисленными изданіями текста „Исторіи“ Моисея. Вышедшая двукратно, въ 1843 и 1865 гг., въ Полномъ собраніи сочиненій Хоренскаго „Исторія Арменіи“ и понынѣ считается за лучшее изданіе.

---

[1]) „Moise de Khoren et les Généalogies patriarcales“, Paris.

[2]) Ср., напримѣръ, *о. Чамчіана*—„Исторія Арменіи“, въ 3-хъ томахъ, Венеція, 1784 г.; *о. Инчичіана*—„Древности Арменіи“, три тома, Венеція, 1835 г.; *о. Алишана* — многочисленныя изслѣдованія, появившіяся за время отъ 1850 — 1890 гг., въ журналѣ *Polyhistor* (Բազմավէպ) или отдѣльными книгами; *о. Зарбханалиана*—Исторія армянской литературы, ч. I, изданіе первое—1865, второе—1886; *о. Сарпсяна*—въ журналѣ *Polyhistor* за 1881—1883 гг. и друг.—Вѣнскіе Мхитаристы до послѣдняго времени не занимались разработкою критической исторіи Арменіи, ни вообще изданіемъ армянскихъ историческихъ памятниковъ, за исключеніемъ *о. Іосифа Гатырджіана*, коснувшагося древней исторіи Арменіи въ изданномъ имъ капитальномъ трудѣ—„Всемірная исторія“ (Вѣна, 1849—1852), доведенномъ, къ сожалѣнію, только до V вѣка по Р. Х. Однако, взглядъ его на Маръ-Абаса мало чѣмъ отличается отъ взгляда Венеціанскихъ Мхитаристовъ. См. его „Всемірную исторію“, Т. I, стр. 87 и слѣд.

По слѣдамъ Мхитаристовъ шли нѣкоторые изъ французскихъ арменистовъ—С. Мартенъ, Флориваль, Дюлорье, Ланглуа и друг., особенно первый, положившій много труда, знанія и остроумія, чтобы оправдать Исторію Хоренскаго [1]). Дюлорье возражалъ Катрмеру и выводы свои формулировалъ [2]) въ слѣдующихъ положеніяхъ, и до сихъ поръ, спустя почти полвѣка, признаваемыхъ Мхитаристами [3]), какъ единственно возможное разрѣшеніе Маръ-Абасовскаго вопроса.

a) М. Хоренскій, по своей правдивости, не могъ намѣренно писать того, чего не зналъ самъ, или что казалось ему невѣроятнымъ.

b) Если въ то время (во II вѣкѣ до Р. Х.) не было уже города Ниневіи, то существовалъ архивъ Ниневійскій, перенесенный въ Экбатану, гдѣ и могъ найти Маръ-Абасъ армянскіе анналы.

c) Имя „*Маръ*-Абасъ“ могло быть въ употребленіи и въ до-христіанскую эпоху, какъ это видно изъ Исторіи же Хоренскаго, въ которой упоминается посланный царя Авгаря, современника Христа, князь *Маръ*-Ихабъ.

d) Разсказы свои о родоначальникѣ Хайкѣ и другихъ армянскихъ князьяхъ и царяхъ Хоренскій могъ извлечь изъ народныхъ преданій, что равнымъ образомъ не отвергаетъ существованія Маръ-Абасовой Исторіи.

e) Хоренскій, наконецъ, не могъ смѣшивать Бероза съ Маръ-Абасомъ.

Доводы эти едва ли были въ состояніи поколебать результаты, достигнутые предшествующей критикой. Что же касается имени *Маръ*-Ихабъ, приведеннаго, какъ доказательство существованія титла „Маръ“, то позднѣйшія изслѣдованія доказали, что самый источникъ, откуда

---

[1]) См. въ особенности его изслѣдованіе „Fragments d'une Histoire des Arsacides“, напечатанное (кстати сказать, крайне небрежно, что касается армянскихъ текстовъ) уже по смерти автора († 1832 г.), въ 1850 г., въ Парижѣ, подъ редакціей *Феликса Лажара*.

[2]) *Journal Asiatique*, 1852, № 1.

[3]) Ср. *о. Зарбаналіана*, Исторія армянской литературы, ч. I, изд. 2, Венеція, 1886, стр. 135—150.

черпалъ Моисей свои свѣдѣнія о царѣ Авгарѣ и сношеніяхъ его съ Христомъ, есть апокрифическое сочиненіе III—IV в. Это—„Легенда объ Авгарѣ“, приписываемая *Лабубнѣ*. Ср. *Lipsius*, „Die Edessenische Abgarsage“ и другія изслѣдованія по тому же вопросу.

Между тѣмъ какъ съ такимъ оживленіемъ шло изученіе Маръ-Абаса, остальные источники Хоренскаго, число которыхъ, со словъ самого историка, было около тридцати, оставались какъ-то въ тѣни и мало обращали на себя вниманіе ученыхъ. Только въ 1861 г., въ бюллетеняхъ нашей Академіи Наукъ, появилось изслѣдованіе *В. Ланглуа:* „Etude sur les sources de l'Histoire d'Arménie de Moïse de Khoren“. Въ немъ авторъ перечислялъ всѣ до одного упоминаемые Моисеемъ источники, не только какъ достовѣрно существовавшіе, но и какъ находившіеся въ рукахъ у армянскаго историка. Таковы: Абиденъ, Полигисторъ, Берозъ, Ипполитъ, Флегонъ, Камадръ, Евагрій, Аристонъ изъ Пеллы, гностикъ Вардезанъ и другіе. При этомъ, неупоминаніе у классическихъ писателей о приписываемыхъ поименованнымъ историкамъ трудахъ по армянской исторіи Ланглуа объяснялъ утратою послѣднихъ, вслѣдствіе чего Хоренскій, по его мнѣнію, пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ наукѣ пополненіемъ пробѣла въ сирійской, халдейской и греческой исторіографіи. (T. III, p. 531—583).

Такимъ образомъ, изслѣдованія Ланглуа по источникамъ Хоренскаго, спустя даже лѣтъ восемь по выходѣ въ свѣтъ его „Этюда“, въ двухтомномъ „Собраніи армянскихъ историковъ“ (въ 1867—1869 гг.),—не шли далѣе подобныхъ же работъ Мхитаристовъ. Въ одномъ только онъ отступилъ здѣсь отъ сказаннаго имъ прежде: онъ сталъ склоняться на сторону Ренана, допуская, что Маръ-Абасъ могъ жить въ первыхъ вѣкахъ нашей эры, хотя все же не былъ онъ христіаниномъ, а язычникомъ, ибо, по мнѣнію французскаго ученаго, „никакихъ признаковъ христіанскихъ идей нѣтъ въ его Исторіи“, въ чемъ онъ, конечно, ошибался. (Col., I, p. 7.)

Вообще компромиссы Ланглуа, также какъ и С. Мартена, могли способствовать скорѣе къ усыпленію пробуждавшагося духа скептицизма по отношенію къ Хоренскому и потому остались безплодными для дальнѣйшаго критическаго изученія его Исторіи.

Нельзя того же сказать объ упомянутой мною выше работѣ *Гутшмида* [1]), считающейся, напротивъ того, важнымъ моментомъ въ исторіи критики Хоренскаго. Онъ первый остановился надъ критическимъ разборомъ источниковъ его Исторіи, отвергая при этомъ, вопреки прямому заявленію армянскаго историка и установившимся взглядамъ, возможность непосредственнаго пользованія нѣкоторыми изъ нихъ; таковы, напримѣръ, Абиденъ, Африканъ, Аристонъ изъ Пеллы, Кефаліонъ, Фирміліанъ и др. По мнѣнію нѣмецкаго критика, Хоренскій зналъ ихъ только черезъ Хронику и Церковную исторію Евсевія. Что же касается времени, когда жилъ авторъ „Исторіи Арменіи“, вопросъ этотъ все еще не возбуждаетъ сомнѣнія въ Гутшмидѣ: по примѣру другихъ, онъ относитъ Хоренскаго къ V вѣку.

Спустя лѣтъ семь, то-есть, въ 1883 г., появилась на страницахъ „Encyclopaedia Britannica“ другая статья Гутшмида о Хоренскомъ. Въ ней онъ прямо уже заявляетъ, что авторъ „Исторіи Арменіи“ не есть соименный ему извѣстный переводчикъ V вѣка, но совершенно другое лицо, скрывающееся подъ маскою этого послѣдняго и писавшее около середины VII вѣка, а именно — между 634 и 642 годами [2]). Доказательствомъ тому служатъ, по его мнѣнію, съ одной стороны, проходящая черезъ всю книгу и съ самимъ разсказомъ тѣсно связан-

[1]) Ueber die Glaubwürdigkeit der armen. Geschichte etc.

[2]) „... Inzwischen bin ich in weiterer Verfolgung dieser Untersuchungen zu dem Ergebnisse gelangt, dass zu den mancherlei falschen Zeugnissen, die Moses von Khorni über seine Quellen ablegt, auch das über sich selbst gehört; nicht der gefeierte Uebersetzer des fünften Jahrhunderts ist Verfasser der Geschichte von Armenien, sondern ein unter seiner Maske schreibender Armenier aus den Jahren 634—642...“ — Нѣмецкій оригиналъ помянутой статьи въ «Encyc. Brit.» (ed. IX, T. XVI, p. 861—863) напечатанъ въ Kléine Schriften *Гутшмида*, T. III, 1892, стр. 332—338.

ная географическая и этнографическая номенклатура поздней эпохи и анахронизмы, съ другой — тождество автора Исторіи съ составителемъ извѣстнаго географическаго трактата, въ которомъ также встрѣчаются анахронизмы.

Я не буду останавливаться на послѣдней гипотезѣ Гутшмида, которая можетъ быть оспариваема: ибо еще С. Мартенъ [1]) относилъ эту Географію къ X вѣку, а покойный К. П. Паткановъ, издавшій самое сочиненіе съ русскимъ переводомъ [2]), ближе вникнувъ въ сущность вопроса, доказывалъ, что приписывавшійся Хоренскому трактатъ этотъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ ученому армянскому математику VII вѣка, Ананіи Ширакаци. Къ VII же вѣку относилъ Географію и извѣстный нѣмецкій географъ Киппертъ [3]). Дѣйствительно, можно отмѣтить нѣкоторые сходные пункты въ «Исторіи» и «Географіи», но это указываетъ только на вліяніе одного произведенія на другое. Во всякомъ случаѣ, тождество авторовъ этихъ произведеній не доказано, поэтому я ограничусь указаніемъ на приведенные нѣмецкимъ критикомъ примѣры анахронизма, заслуживающіе вниманія. Такъ, Хоренскій (I, 14) приписываетъ одному изъ легендарныхъ армянскихъ царей, Араму, современнику Нина Ассирійскаго, раздѣленіе Арменіи на первую, вторую, третью и четвертую, что́ въ дѣйствительности было установлено только при Юстиніанѣ, въ 536 г. [4]). Другой примѣръ: по свидѣтельству армянскаго историка (III, 18), персидскій царь Шапухъ II (309 — 379 г.) въ войнѣ противъ грековъ доходитъ до Виѳиніи, куда Сассаниды впервые проникли, однако, только въ 608 году [5]).

---

[1]) Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, T. II, стр. 301—406. „Mémoire sur l'époque de la composition de la Géographie, attribuée a Moyse de Khoren“ (армянскій текстъ и французскій переводъ).

[2]) Армянская географія VII вѣка, приписывавшаяся М. Хоренскому, Спб., 1887; сс. XXVIII+84 (русск. пер.)+26 (арм. текстъ).

[3]) *Monatsberichte der Berliner Akademie*, 1873, стр. 599 и слѣд.

[4]) См. также „Армянскую географію“ VII вѣка, стр. 34—35, 44.

[5]) Kleine Schriften *von Gutschmid*, т. III, стр. 335—336.

Такимъ образомъ, послѣ остроумныхъ и смѣлыхъ догадокъ Ла-Кроза, Гутшмидъ первый серьезно усомнился на счетъ эпохи, къ которой относили Хоренскаго, и, на основаніи новыхъ соображеній, выдвинулъ вопросъ о принадлежности его къ писателямъ VII вѣка [1]).

Года два тому назадъ стали появляться въ вѣнскомъ научно-литературномъ армянскомъ журналѣ *Hantess* статьи арменіста *A. Kappiepa*, профессора Парижской „École des langues orientales vivantes", на французскомъ языкѣ и съ армянскимъ переводомъ, впослѣдствіи собранныя въ одну книжку и изданныя подъ заглавіемъ Nouvelles sources de Moïse de Khoren (Вѣна, 1893, стр. 1 — 56). Статьи эти посвящены критическому изученію двухъ-трехъ послѣднихъ главъ II книги Исторіи Хоренскаго, главнымъ же образомъ 83-й главы той же книги—о чудесномъ обращеніи Константина въ христіанство. Этотъ разсказъ, вопреки достовѣрнымъ историческимъ даннымъ Евсевія, переданъ у армянскаго историка въ какой-то сказочной формѣ, внушающей подозрѣніе.

Въ виду важности выводовъ, достигнутыхъ проф. Карріеромъ на основаніи изслѣдованія этой главы, я приведу ее здѣсь въ извлеченіи.

„...Въ тѣ дни въ Никомедіи была свадьба Максимины, дочери Діоклетіана, съ кесаремъ Константиномъ, сыномъ Констанція, царя римскаго, который (Константинъ) не отъ дочери Максиміана, но отъ Елены блудницы... Нѣсколько лѣтъ спустя Констанцій умираетъ, и Діоклетіанъ посылаетъ на его мѣсто сына того же Констанція, усыновленнаго имъ, Константина. Этотъ государь прежде своего воцаренія, бывши еще кесаремъ, побѣжденный на битвѣ, заснулъ въ великой печали. Тогда во снѣ представился ему звѣздный крестъ на небѣ съ надписью: „симъ побѣждай". Константинъ, сдѣлавъ это знаменіе,

---

[1]) См. также: *Vetter*, Moses von Choren, въ „Kirchenlexikon Wetzer und Welte", Heft. 88, SS. 1955—1963. Въ сущности, авторъ статьи только повторяетъ взгляды Гутшмида.

велѣлъ нести его впереди войска и побѣдилъ непріятеля. Но впослѣдствіи, подстрекаемый женою своей Максиминой, дочерью Діоклетіана, воздвигъ гоненіе на церковь и многихъ предалъ мученической смерти. Вскорѣ его постигла проказа элефантіазъ, поразившая все его тѣло за дерзновенность. Не могли вылѣчить его ни кудесники аріольскіе, ни врачи марискскіе [1]); поэтому онъ отправилъ къ (армянскому царю) Трдату за парсійскими и индійскими кудесниками, но и тѣ не принесли ему никакой пользы. Тогда нѣкоторые жрецы, по совѣту боговъ, приказали ему зарѣзать множество младенцевъ въ водоемѣ и для исцѣленія купаться въ ихъ теплой крови. Коснулись слуха Константина плачъ младенцевъ и вопли матерей—онъ сжалился надъ ними и предпочелъ ихъ спасеніе своему собственному. За это Богъ воздаетъ ему: въ сновидѣніяхъ онъ получаетъ приказаніе отъ апостоловъ очищаться омовеніемъ въ животворной купели чрезъ посредство Сильвестра, римскаго епископа, скрывавшагося отъ его же гоненій на горѣ Соракціонѣ".

Совершенно основательно замѣтилъ г. Карріеръ, что эта глава поражаетъ своимъ невѣжествомъ во всемъ, что касается Константина Великаго. Въ самомъ дѣлѣ, Константинъ выведенъ здѣсь сыномъ куртизанки, что отрицается нынѣ всѣми историками. Далѣе, онъ женится въ Никомедіи, будучи кесаремъ, на дочери Діоклетіана, Максиминѣ, при жизни отца своего, Констанція Хлора, „царя Рима", что опять невѣрно. Константинъ былъ объявленъ кесаремъ послѣ смерти своего отца (25-го іюля 306 г.), управлявшаго не въ Римѣ, а въ Галліи; онъ никогда не былъ женатъ на дочери Діоклетіана, Максиминѣ, но на дочери Максиміана, Фаустѣ; въ 307 г., то-есть, спустя почти годъ послѣ смерти его отца, была сыграна свадьба не въ Никомедіи, а въ Арлѣ, въ Гал-

---

[1]) У *Эмина* (новый переводъ, стр. 129): „ни кудесники, ни врачи изъ племени Марсовъ".—Мы привели это мѣсто буквально, согласно армянскому тексту.

ліи. Наконецъ, достовѣрно извѣстно, что, хотя Константинъ, послѣ появленія чуда, и не переставалъ покровительствовать христіанамъ, но онъ крестился только подъ конецъ своей жизни (22-го мая 337 г.), при томъ чрезъ посредство не римскаго папы Сильвестра, но никомедійскаго епископа Евсевія [1]). Проф. Карріеръ обратилъ вниманіе на эту подозрительную главу Исторіи Хоренскаго и нашелъ въ ней прямые признаки заимствованія изъ апокрифическаго памятника „Vita S. Silvestri“, а именно—изъ греческой передѣлки латинскаго оригинала „Житія“, относящейся къ началу VI вѣка. Отсюда онъ сдѣлалъ заключеніе, что Хоренскій, пользовавшійся означеннымъ апокрифомъ, не можетъ считаться писателемъ пятаго вѣка.

Для сравненія, достаточно привести то мѣсто Житія, которое соотвѣтствуетъ описанію постигшей Константина проказы у Хоренскаго: .... Κωνσταντῖνος τοίνυν Μαξιμίναν τὴν Διοκλητιανοῦ τοῦ βασιλέως θυγατέρα ἔχων γυναῖκα, καὶ πολλοὺς τῶν χριστιανῶν ἀνελὼν ἐλεφαντιχῇ λέπρᾳ καθ' ὅλου τοῦ σώματος πληγεὶς ἐτραυματίσθη. Τούτῳ ὁπηνίκα οἱ μάγοι οἱ λεγόμενοι Ἀρίολοι καὶ οἱ ἐπάοιδοι, καὶ οἱ Μαρσικοὶ ἰατροί, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ οἱ ἐκ Περσίδος ἀχθέντες ἔμπειροι τῆς ἰατρικῆς ἐπιστήμης, οὐδὲν ἠδυνήθησαν συμβαλέσθαι αὐτῷ· ἀνεφάνησαν δέ τινες ἱερεῖς τοῦ Καπετωλίου λέγοντες· Ὀφείλει γενέσθαι κόλυ(μ)βος, ἤγουν κολυμβήθρα ἐν τῷ Καπετωλίῳ, καὶ πληρωθῆναι αὐτὴν ἀφθόρων παιδίων αἵματος, ἐν ᾧ ζέοντι ἔτι καὶ ὡσανεὶ καπνίζοντι λουσάμενον αὐτὸν δυνηθῆναι καθαρισθῆναι... Ἀπήντησαν αὐτῷ αἱ μητέρες... κωκυτοὺς καὶ ἀλαλαγμοὺς ἀφιεῖσαι... καὶ φιλάνθρωπον ἦθος ἀναλαβών... Προκρίνων τῆς ἐμαυτοῦ ὑγιείας τὴν τῶν ἀφθόρων παιδίων σωτηρίαν. Ταύτῃ τοίνυν τῇ νυκτὶ ὀπτασίαν ὁρᾷ, ἐν ᾗ ἐφάνησαν αὐτῷ οἱ ἅγιοι ἀπόστολοι λέγοντες: Ἡμεῖς ἐσμὲν... οἱ πεμφθέντες παρὰ τοῦ θεοῦ... ἵνα πέμψῃς πρὸς Σίλβεστρον τὸν ἐπίσκοπον, ὃς, τὸν διωγμὸν τὸν σὸν δεδοικὼς ἐν τῷ σπηλαίῳ τῷ ὄντι ἐν τῷ Σοραπτινῷ ὄρει κρύπτεται (*Nouvelles sources*... p. 2—3).

---

[1]) Nouvelles sources de Moïse de Kheren, p. 13—14.

Дѣло въ томъ, что еще латинскіе переводчики Исторіи Хоренскаго, братья Вистоны, замѣтили сходство 83-й главы съ апокрифическимъ разсказомъ Житія св. Сильвестра, сознаваясь, что въ этомъ случаѣ никоимъ образомъ не могутъ они оправдать армянскаго историка, который пользовался такими вздорными баснями, каково, по ихъ мнѣнію, содержаніе упомянутой главы. Мало того, они ставили на видъ, что глава эта даетъ новое основаніе сомнѣваться на счетъ древности Исторіи Хоренскаго [1]). Но они дальше этого не пошли.

Сходство разсказа Хоренскаго съ Житіемъ св. Сильвестра было замѣчено также составителями появившагося въ 1836—37 гг. венеціанскаго Академическаго словаря, которые, сверхъ того, впервые указали на существованіе армянскаго перевода этого Житія [2]).

Еще обстоятельнѣе занялся проф. Карріеръ этимъ вопросомъ во второй своей статьѣ. Узнавъ отъ г. Норайра о существованіи помянутаго армянскаго Житія, французскій ученый тогда же (1892 г.) предпринялъ путешествіе въ Венецію, гдѣ въ богатой библіотекѣ Мхитаристовъ нашелъ онъ рукописи армянскаго перевода этого памятника. Переводъ Житія, по сравненіи съ 83-й главой Исторіи Хоренскаго, оказался болѣе близкимъ къ ея изложенію, чѣмъ греческая передѣлка Житія, и такъ какъ самое Житіе въ рукописяхъ встрѣчается въ связи съ ар-

---

[1]) „... Caeterum totum fere hcc caput erroribus et fabulis tam foede coopertum est, ut nostram plane admirationem moveat, quomodo is tam misere in his rebus labi potuerit, qui Eusebium videtur legisse. Nos hic Chorenensis partes nullo modo tueri possumus. Id pro nobis Baronius faciet, qui Acta Silvestri defendit, quae eandem fabulam narrant, ac proinde ex eodem fonte videntur hausta. Hinc autem de Agathangeli et Chorenensis antiquitate merito licet dubitare, tametsi vix aliquid statuere possumus, cum illud nesciamus, quo primum tempore fabula haec turpissima in vulgus emanaverit. Vide Baronium ad A. C. 324; Nicepli. Hist. Eccles., VII, 33; Zonar., p. 3, 4; Cedren, p. 223". (Mosis Chorenensis Historiae Armeniacae... *Whistoni* filii, Londini, 1736, p. 210).

[2]) *Армянск. академическій словарь*, Венеція, ч. I, 1836; см. *предисловіе*, стр. 19.

мянскимъ переводомъ Церковной исторіи Сократа, какъ его начало или введеніе, а переводъ послѣдняго, которымъ также пользовался Хоренскій, сдѣланъ въ концѣ VII вѣка, то ученый арменистъ дѣлалъ отсюда еще болѣе важный выводъ: Хоренскій не можетъ считаться писателемъ ни V, ни VI вѣка, если у него находятся явные слѣды заимствованія изъ источниковъ конца VII вѣка (Nouv. sources... pp. 18—19).

Слѣдуетъ замѣтить, что между немногочисленными рукописями армянскаго перевода Сократа есть двѣ рѣзко отличающіяся между собою редакціи. Изъ нихъ одна, болѣе рѣдкая [1]),—переводъ дословный, между тѣмъ какъ другая, болѣе распространенная, представляетъ вольный переводъ того же творенія, такъ сказать, его пересказъ съ сокращеніями, измѣненіями и дополненіями со стороны армянскаго переводчика. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и апокрифическое Житіе Св. Сильвестра въ *началѣ* Церковной исторіи [2]), тогда какъ тоже Житіе, но въ совершенно другомъ переводѣ, приложено къ *концу* первой редакціи [3]). Вторую редакцію, по причинѣ сдѣланныхъ въ ней сокращеній, стали называть *Малымъ Сократомъ* (*Փոքր Սոկրատ*), въ отличіе отъ первой, болѣе полной, названной *Большимъ Сократомъ* (*Մեծ Սոկրատ*).—Вопросъ о первенствѣ по времени этихъ двухъ переводовъ имѣетъ для насъ въ данномъ случаѣ второстепенный интересъ: достаточно отмѣтить, что оба

---

[1]) Извѣстны пока *двѣ* рукописи, изъ коихъ одна находится въ Эчміадзинѣ, а другая въ армянскомъ монастырѣ Св. Якова, въ Іерусалимѣ.

[2]) См. Catalogue des anciennes traductions arméniennes, Venise, 1889, p. 696.—*Carrière*, Nouvelles sources, p. 18. Ср. также статьи: *о. Месропа* въ „Араратѣ", 1893, янв. стр. 65—73; *г. Норайра* въ „Hantess", 1893, сентябр. стр. 273—278.

[3]) Послѣдними свѣдѣніями обязанъ я предупредительности архимандрита Месропа, доставившаго мнѣ фотографическій снимокъ двухъ страницъ съ имѣющейся въ эчміадзинской библіотекѣ единственной рукописи Б. Сократа (№ 1682), а именно — конца Церков. исторіи и начала Житія Св. Сильвестра. Крайне жаль, что предпринятое о. Месропомъ изданіе двухъ армянскихъ переводовъ Сократовой Исторіи такъ медленно подвигается впередъ!

они относятся къ концу VII вѣка и находятся между собою, какъ я думаю, въ извѣстной зависимости. Важнѣе указать на то обстоятельство, что Хоренскій, насколько я могу судить изъ сравненія его Исторіи Арменіи съ Малымъ Сократомъ [1]) и имѣющимися въ моемъ распоряженіи нѣсколькими отрывками изъ Большаго Сократа [2]), пользовался *второй* редакціей или М. Сократомъ, конечно, включая сюда и находящееся въ началѣ его Житіе Св. Сильвестра. Въ доказательство этой мысли, приведемъ 83-ю главу Хоренскаго о Константинѣ В. параллельно съ отрывками о томъ же событіи изъ Житія Св. Сильвестра по двумъ армянскимъ переводамъ—М. Сократу и Б. Сократу.

М. Хоренскій.	**Vita S. Silvestri.**	**Vita S. Silvestri.**
Исторія Арменіи, кн. II, гл. 83.	*Арм. пер у М. Сократа.**) (по рук. Эчміадз. библ. № 1670).	*Арм. пер. у Б. Сократа.**) (по рук. Эчміадз. библ. № 1682).
...Բայց յետոյ հրապարեալ ի Մաքսիմինայ (*вар* 3-хъ рукоп. Մաքսիմեայ, 1-ой рук. Մաքսիմոսի) ի գաւիթն Դիոկղետիանոսի և արար հալածանս եկեղեցւոյ. և զքաղաս վէյեալ, ինքն եղեւ փանդական բորոտութեամբ ըստ բոլոր ընկալեալ մարմնոյն ապականեցաւ վասն յանդգնութեանն: Զոր ոչ կարացին բուժել արհեստականք (*вар.* Ламб. спис. աբեր	...Բայց հրապարեալ ի Քաղքէն Իւրոյ՝ (*вар.* венец. рук. ի Քաղքէն) Մաքսիմոսէ (յ) ի գաւիթն Դիոկղետիանոսի և արար հալածանս եկեղեցւոյ Կոստանդիանոս իձեռն կնոջ իւրոյ (*венец. рук.* կնոջն իւրում) պատրեալ եւ քաղցեալ եղեն վէյեալ... Ծայն ժամ եղէ փանդական բորոտութիւն զբոլոր մարմին թագաւորին Կոստիանոսի (*венец. рук.* Կոստանդիանոսի) ապականեաք, որպէս ի խրատ նմա եւ ի Աստուծոյ լեալ: Վասն որոյ աբեղեան (*венец. рук.* աբեղեան и արիոսա-	Իսկ կինն որա վրդովեաց զնա հակառակ քրիստոնէից. և ի ժամանակին յայնմ արտադրեաց դաւանութիւն. հրամայեաց բոլոր քրիստոնէից զոհել հարկաւորապէս կռոցն... Իսկ Կոստանդիանոս թագաւոր զմաքսեմինայ Դիոկղետիանոսի գուստր ունելով կին, զրպղում ի քրիստոնէից սատակէ. ինքն ապա եղեւ փանտական բորոտութիւն ըստ բոլորն ընկալեալ մարմնոյ վերաւորեցաւ. ուստի մոտ ասացեալ արհոգեանն կախարդք և մարսիկեանն

---

1) Пользуюсь случаемъ выразить свою благодарность Г. А. Эзову, одолжившему мнѣ прекрасную рукопись свою М. Сократа,

2) Изъ нихъ два—главы о *Построеніи Константинополя* и *Обращеніи Иверійцевъ*,—выписанные изъ помянутой эчміадзинской рукописи, доставлены мнѣ г. Ехише Мадатьяномъ, которому выражаю свою благодарность.

*) Приведенные два отрывка изъ эчміадз. рукоп. были помѣщены въ янв. кн. «Арарата», за 1893 г., о. Месропомъ; проф. Карріеръ пользовался венец. руко-

М. Хоренскій.

...ական) կախարդքն և մարիսկեան (вар. Париж. рукописи № 44 и Лейпц. մարսիկեան) բժիշկքն. յաղագս որոյ յղեաց առՏըրդատ՝ առաքել նմա դիւթս ի Պարսից և ի Հնդկաց. սակայն և պնդք ոչ հասին նմա օգուտ. Զոր և բուրմք ոմանք ի ճեղոյ խրատուէ հրամայեցին բազմութիւն գաղջոյ ջրոյ լնել յաւազանս և ջերմ ածել լուանալ և ղՀանել որոյ լեալ վլվլիւն մանկանըն հանդերձ մարդն կականամբ...

Vita S. Silvestri.

կան) կախարդք և արիստոկեան (венец. рук. արիոստիկեան и արիստոկան) բժիշկք ոչ կարացին օգնել. աւն անդր և ոչ Պարսից և Հայոց. Եւ նա տարակուսեալ տրտմէր. Ղղձանային քուրմք ի ճեղոյ հրապուրանաց յոլովից գաղջոյ ջնել յաւազանս մեհենից (венец. рук. մեհենացն) և լուանալ ջերմ ածէին զանձն, և պնդէս առողջանալ ասէին... Եւ մարքն վկնի մանկանցն եկեալ լայր և աշխարէին վմահ մանկանցն. Եւ լալեալ թագաւորին վձայն կոծոյ և աշխարանաց, ասէ ցմերձաւորսն. վի՞նչ է այս վոր լսեմս...

Vita S. Silvestri.

բժիշկք. և ոչ միայն նոքա, այլ և որք ի Պարսից աճեալք և փորձք բժշկական գոլով արհեստից ոչ կարացին աւգնել նմա։ Եւ երևեցան ապա ոմանք առ ի քրմանց տաճարին ասելով. պարտ է աւազան լինել ի տաճարին և լնուլ վնա արեամբ անապական մանկանց, յորում վերմ գոլով և ծխելով լուանալ վնա և այնպէս կարել մաքրութեան հանդիպել։ ...Պատահեցան եւ մարք մանկանցն սգով մեծաւ գոչելով արտասուաւք հերարձակ գլխով. և լցեալ կականագոչ ողբովք, որպէս վի վամենայն վաւրս ողբերգական ձայնիւ լնուր իբր վի ոչ փոքր ահ և երկիւղ առնել թագաւորին և Սիւնգլիդոսին բոլորցն պաղատանն։ Հարցանելով ապա թագաւորին թէ վինչ այն իցէ...

По выходѣ въ свѣтъ критическихъ статей г. Карріера, появились возраженія на нихъ, отстаивавшія вообще самостоятельность сочиненія, равно какъ и время, въ которое жилъ его авторъ, Моисей Хоренскій.

Одинъ изъ критиковъ, писавшій тотчасъ же послѣ выхода первой статьи французскаго арменіста, напрасно старался устранить фактъ заимствованія Моисеемъ изъ Житія св. Сильвестра, предположивъ въ данномъ случаѣ интерполяцію въ «Исторіи Арменіи», а именно, что 83-я гл. II ея книги, какъ можно догадаться изъ Асохика, писателя

писью, изданной послѣ того (1893) въ «Polyhistor'ѣ» и отдѣльн. книжкой о. Саргисяномъ (стр. 27—29), съ варіантами имѣющихся въ монастырской библіотекѣ всѣхъ ш е с т и списковъ «Житія св. Сильвестра» по М. Сократу.

XI вѣка, слѣдовавшаго Хоренскому шагъ за шагомъ,— первоначально не принадлежала этому послѣднему и введена въ его книгу впослѣдствіи [1]). Но дѣло въ томъ, что, благодаря такому пріему, пришлось бы отвергать, какъ интерполированную, всю первую книгу Исторіи Хоренскаго, ибо и о ней нѣтъ совершенно помину у Асохика.

Другой критикъ высказывалъ—и то голословно—догадку, что Хоренскій, равно какъ и авторъ Житія св. Сильвестра, могли независимо другъ отъ друга пользоваться общимъ источникомъ [2]).

Наконецъ, критикъ венеціанскихъ Мхитаристовъ въ своей пространной статьѣ, въ сущности, только развилъ предыдущее замѣчаніе, приводя съ своей стороны и тотъ общій источникъ. Таковымъ, по его мнѣнію, былъ: Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου ἀθλοφόρου Εὐσιγνίου [3]), относящійся, по словамъ автора статьи, къ IV вѣку. Существуетъ и армянскій переводъ этого памятника, заключающій въ себѣ сказаніе о „Константинѣ и матери его Еленѣ“, внесенное впослѣдствіи въ армянскій же переводъ Житія св. Сильвестра; самый переводъ сдѣланъ, по заключенію автора, значительно позднѣе Хоренскаго, то есть, въ X — XI вѣкѣ, и уже послѣ того присоединенъ къ началу Церковной исторіи (М.) Сократа, какъ это мы встрѣчаемъ въ рукописяхъ. Что же касается заимствованій Хоренскаго у Сократа, на что намекалъ г. Карріеръ, критикъ Мхитаристовъ дѣлаетъ обратное заключеніе: по его словамъ, если кто и позаимствовалъ, то это армянскій переводчикъ Церковной исторіи у Хоренска-

---

[1]) *Мурчъ*, армянск. журн., издав. въ Тифлисѣ, статья *С. Малхасяна*, за 1892 г., № 12.

[2]) *Hantess*, армян. журн., изд. въ Вѣнѣ, статья о. *С. Парконьяна*, за 1892 г., № 11.

[3]) Оригиналъ этого памятника находится въ Ватиканской библіотекѣ, подъ № 866, fol. 356, армянскій же переводъ его — въ одной изъ Миней библіотеки венеціанскихъ Мхитаристовъ, относящейся къ 1441 году.

го, ибо самъ Хоренскій имѣлъ въ рукахъ греческій оригиналъ Сократа [1]).

Возраженіе это, не смотря на начитанность автора и массу приведенныхъ имъ ссылокъ и цитатъ, не отличается строгою научностью. Въ авторѣ замѣтно горячее желаніе отстоять армянскаго историка во что бы то ни стало, но у него нѣтъ къ тому вѣскихъ и убѣдительныхъ аргументовъ.

Для подкрѣпленія своихъ выводовъ и съ цѣлью шире поставить вопросъ о заимствованіи Хоренскимъ изъ позднихъ житій и апокрифовъ, замѣчаемомъ также и въ другихъ частяхъ его Исторіи, г. Карріеръ въ третьей своей статьѣ подвергъ разбору 88-ю главу той же II книги—„о сопрителѣ Константина Великаго, Лициніи". Вотъ это мѣсто:

„... Константинъ высоко возвеличилъ Лициніа, отдалъ за него сестру свою... и поставилъ его царемъ всего Востока... Но Лициній является, во-первыхъ, измѣнникомъ противъ церкви, а, во-вторыхъ, непокорнымъ своему благодѣтелю: воздвигъ онъ гоненіе на церковь и приготовилъ тайную измѣну противъ Константина. Этотъ отвратительный старикъ... причинилъ различныя бѣдствія находившимся подъ его властію; держалъ жену свою въ тяжкомъ заключеніи по причинѣ страсти своей къ блаженной Глафирѣ, за что и убилъ св. Василія, епископа Амасіи Понтійской. Когда открылась измѣна, Лициній собралъ войско, дабы противиться Константину войной... И когда прибылъ побѣдоносный Константинъ. Богъ предалъ ему Лициніа въ руки; онъ пощадилъ его, какъ старца и мужа своей сестры, отправилъ его въ желѣзныхъ оковахъ въ Галлію, въ рудники, дабы молиться Богу, передъ Которымъ согрѣшилъ и Который, статься можетъ, будетъ къ нему милосердъ"...

Уже рядъ неточностей въ передачѣ историческихъ фактовъ въ этомъ отрывкѣ указываетъ на то, что Хо-

---

[1]) *Polyhistor*, арм. журн., изд. въ Венеціи, статья о. *Б. Саргисяна* за 1893 г., впослѣдствіи вышедшая особой книжкой. Введеніе автора, стр. I—XXXIX. Сравненіе источниковъ Житія св. Сильвестра (по М. Сократу) на армянскомъ и греческомъ языкахъ, стр. 1—79.

ренскій пользовался какимъ нибудь недостовѣрнымъ источникомъ. Такъ, вопреки свидѣтельству армянскаго историка, Лициній былъ объявленъ „августомъ“ еще Галеріемъ, въ 307 г., занимая второе мѣсто въ имперіи (послѣ Галерія); Константинъ же, который со смерти своего отца (306 г.) былъ „кесаремъ“, получилъ отъ Галерія титулъ „августа“, спустя годъ послѣ Лицинія. Далѣе, въ 313 г. Лициній встрѣтился въ Миланѣ съ Константиномъ, на сестрѣ котораго тогда онъ женился. Въ томъ же году, побѣдивъ восточнаго августа, Максимина, онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ (Иллирику) и Востокъ. Послѣ того было двое императоровъ, другъ отъ друга совершенно независимыхъ. (Ср. Duruy, Histoire des Romains, VIII, p. 13 и слѣд.). Наконецъ, побѣжденный впослѣдствіи въ войнѣ противъ Константина, Лициній былъ сосланъ не въ Галлію, какъ увѣряетъ Хоренскій, а въ Ѳессалонику, какъ передаетъ Сократъ (*Церк. исторія*, кн. I, гл. 4).

Эти данныя, а главнымъ образомъ эпизодъ о Глафирѣ, навели г. Карріера на мысль, что, при составленіи этой главы, Хоренскій также отступилъ отъ Сократа и черпалъ свои свѣдѣнія изъ апокрифическаго источника, а именно—Житія св. Василія Амасійскаго. Сущность этого житія, заключавшаго въ себѣ легенду о Глафирѣ, состоитъ въ слѣдующемъ. Глафира была служанкой у жены Лицинія; вслѣдствіе неотступныхъ преслѣдованій сластолюбиваго императора она рѣшила скрыться въ Арменіи, но остановилась въ Амасіи, гдѣ проживала, пользуясь покровительствомъ епископа Василія. Узнавъ о томъ, Лициній потребовалъ къ себѣ въ Никомедію какъ дѣву, такъ и епископа; но она въ это время скончалась, а епископъ, явившійся къ императору, былъ осужденъ на смерть, и тѣло его брошено въ море.

Чтобы убѣдиться въ заимствованіи Хоренскимъ изъ этого Житія, Карріеръ приводитъ изъ него нѣсколько строкъ, относящихся къ наказанію, наложенному на Лицинія.

М. Хоренскій, II, 88.

... «И когда прибылъ побѣдоносный Константинъ, Богъ предалъ ему Ликинія въ руки, онъ пощадилъ его, какъ старца и мужа своей сестры, отправилъ его въ желѣзныхъ оковахъ въ Галлію [1]) въ рудники, дабы молиться Богу, передъ Которымъ согрѣшилъ и Который, статься можетъ, будетъ къ нему милосердъ».

Acta S. Basilei, § 21.

...Καὶ σχεδὸν μέχρι θανάτου παιδεύσας αὐτὸν ἄνευ βασιλικῆς καὶ τῆς οἰασοῦν ἀρχικῆς ἐξουσίας, εἰς Γαλλίους [1]) αὐτὸν ἀποστέλλει κατοικεῖν. Διὰ χὰρ τὸ εἶναι αὐτὸν γαμβρὸν, οὐκ ἐθανάτωσεν αὐτὸν, τῶν μυρίων θανάτων ὑπαίτιον, εἰπὼν αὐτῷ ἐπὶ πάσης τῆς Συγκλήτου· Κλαῦσον καὶ μετανόησον ἐφ' οἷς ἐτόλμησας, καὶ ἀγαθὰ ἐργαζόμενος μὴ ἐνδόσῃς ποτέ· ἴσως ὁ θεός ἵλεώς σοι καὶ εὐμενὴς.... γένηται.

Памятникъ этотъ былъ извѣстенъ еще *Валезію* (Valois) и *Паги* (Pagi), на которыхъ уже Вистоны (p. 219) дѣлали по этому случаю ссылки, вслѣдъ за ними отрицая какую бы то ни было историческую цѣнность легенды; а изъ новѣйшихъ—*Гёррес*ъ отнесъ его даже ко времени Симеона Метафраста, то-есть, къ X вѣку [2]). Онъ же высказалъ предположеніе, что источникомъ этому житію послужилъ Хоренскій. Проф. Карріеръ доказываетъ обратное, а именно, что, напротивъ того, Хоренскій заимствовалъ свой разсказъ изъ помянутаго Житія. Французскій ученый вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣвается, чтобы историкъ армянскій имѣлъ въ рукахъ самое Житіе въ оригиналѣ или даже въ армянскомъ переводѣ, сохранившемся въ армянскихъ Минеяхъ [3]), и полагаетъ, что Хо-

---

[1]) У Хоренскаго, собственно, стоитъ „ի Գաղղիս“—въ *Галліусъ*, совершенно такъ же, какъ и въ рукописяхъ Житія св. Василія — *εἰς Γαλλίους*, впослѣдствіи исправленное въ печатномъ „Acta Sanctorum“ въ *εἰς Γαλλίας* (см. *Carrière*, Nouvelles sources..., p. 26). Գաղղիս стоитъ и въ Географіи *Ширакаци* (Венеція, 1865, въ полн. собр. соч. Хор. стр. 594).

[2]) Kritische Untersuchungen über die Licinianische Christenverfolgung, Jena, 1875.

[3]) *Арм. Минеи* (ժամագիրք), изданіе II, Константинополь, 1730 г., in-f°, см. „мѣсяца апрѣля въ 26-й день, мученичество епископа Василія“, стр. 532—533; также новое изданіе, Констант., 1834, in f°, стр. 186—187.

ренскій былъ знакомъ съ этою легендой изъ армянскаго перевода Сократа, заключавшаго въ числѣ другихъ интерполяцій также и Житіе св. Сильвестра; оно то, по его мнѣнію, послужило источникомъ Хоренскому и въ легендарномъ разсказѣ о Лициніи. (Nouv. sources, p. 29).

Но послѣдняя догадка г. Карріера едва ли основательна: онъ писалъ эти строки, когда еще не былъ ему извѣстенъ армянскій переводъ Житія св. Сильвестра въ полномъ его объемѣ. Изъ напечатаннаго послѣ того въ Венеціи полнаго списка Житія (по М. Сократу), а также изъ находившейся у меня въ рукахъ рукописи армянскаго перевода М. Сократа (вмѣстѣ съ этимъ Житіемъ въ началѣ первой книги), видно, что въ нихъ отсутствуютъ, какъ эпизодъ о Глафирѣ и св. Василіи, такъ и легендарная подробность о Лициніи. Поэтому основательнѣе будетъ допустить, что Хоренскій пользовался Житіемъ св. Василія непосредственно, либо изъ другаго какого-нибудь источника, помимо армянскаго Сократа. Послѣднее даже вѣроятнѣе, ибо въ армянскомъ переводѣ этого Житія, по крайней мѣрѣ того списка, который находится въ печатныхъ Минеяхъ, отсутствуютъ подробности о наказаніи и ссылкѣ Лициніа.

Съ цѣлью доказать знакомство Хоренскаго съ Сократомъ, именно, по тому армянскому его переводу, который содержитъ въ началѣ Житіе св. Сильвестра, г. Карріеръ въ четвертой своей статьѣ подвергаетъ подробному разбору 86-ю главу той же II книги: „О блаженной Нунэ, виновницѣ спасенія иверійцевъ“. (Nouv. sources, pp. 33—47).

Извѣстно, что объ обращеніи иверійцевъ впервые писалъ Руфинъ въ одной изъ двухъ книгъ, приложенныхъ имъ къ латинскому своему переводу Церковной исторіи Евсевія. Разсказъ этотъ передаетъ Руфинъ со словъ нѣкоего иверійскаго царя Бакурія, который, перешедши на службу къ римлянамъ, командовалъ частью императорской гвардіи во время злосчастной адріанопольской битвы, окончившейся гибелью Валента (378 г.).

Тотъ же разсказъ по Руфину, съ нѣкоторыми прикрасами, передаетъ и Сократъ, писавшій около 440 г. Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. Карріеръ, оба разсказа написаны раньше Хоренскаго, къ какому бы времени мы ни относили его Исторію.

За подробностями сравненій разсказовъ Руфина, Сократа и Хоренскаго, отсылая читателя къ книжкѣ французскаго армениста, я приведу только конечные выводы его по этому вопросу.

Исторія обращенія иверійцевъ у Хоренскаго (II 86), за исключеніемъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ подробностей, а именно—собственныхъ именъ, географическихъ свѣдѣній о Грузіи, библейскихъ цитатъ и сближеній съ Исторіей Арменіи, совершенно сходна съ повѣствованіемъ Бакурія, переданнымъ Руфиномъ и Сократомъ. Существенная часть сообщаемаго Хоренскимъ есть сокращеніе 20-й главы I книги Сократа; сверхъ того, и сходство словъ и выраженій приводитъ насъ къ армянскому переводу Сократа. Часть разсказа, въ которой замѣчается наибольшее сходство двухъ текстовъ—армянскаго перевода Сократа и Хоренскаго, это несомнѣнно та, которая посвящена описанію *чуда лучезарнаго креста*. Эта же часть находится *только* въ армянскомъ переводѣ Сократа. Замѣтимъ кстати, что ея нѣтъ въ греческомъ текстѣ, изъ котораго она не могла быть выпущена, ибо ея не находимъ и въ латинскомъ оригиналѣ Руфина. Ясно, слѣдовательно, что Хоренскій пользовался Церковной исторіей Сократа въ армянскомъ переводѣ, при томъ переводъ этотъ былъ уже интерполированъ. (Nouv. sources, p. 43).

Я могу съ своей стороны указать еще на другіе примѣры интерполяціи у М. Сократа, не приведенные г. Карріеромъ.

Между тѣмъ, какъ виновница спасенія иверійцевъ у Сократа называется, просто «плѣнницей», согласно Руфину («captiva»), безъ упоминанія ея имени, у Хоренскаго она носитъ имя «Нунэ» (*вар.* въ нѣск. списк. «Нуни») и

является одною изъ „спутницъ свв. дѣвъ Рипсиміанъ, преставившихся въ Арменіи“, то-есть, буквально такъ, какъ въ армянскомъ переводѣ М. Сократа (‹Нуни›)[1]). Изъ него же заимствованы Хоренскимъ [2]): эпитетъ блаженной Нунэ: „апостолъ“ (առաքեալուհի, рук. г. Эзова, стр. 506*v*.) Иверіи, и выраженіе „первопрестольный градъ“ (քաղաք նախաթոռ, рук. г. Э. с. 506*r*), примѣнительно къ столицѣ иверійской, Мцхету,—подробности, которыхъ нѣтъ у Б. Сократа.

Перечисленныя данныя еще разъ неопровержимо доказываютъ, что Хоренскій, пользовавшійся Церковной исторіей Сократа, имѣлъ въ рукахъ рукопись такъ называемаго Малаго Сократа [3]).

Въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ томъ же вѣнскомъ журналѣ *Hantess*, проф. Карріеръ

---

1) ...քան սուրբ կնոջն տրամբիւան, որում անուն էր Նոնէ՝ յունիբոյ բիձոհոյն Հոիփսիմեայ, որ ի Հայս կաստրեցաւ: (Рукоп. г. Эзова, стр. 506*v*.— У *Хор.* (II, 86). կին սուրբ, անուն Նոնէ (нѣсколько рукоп. имѣютъ Նոնէ), յունիբոյ բիձոյ Հոիփսիմեանն... սուրբ եղեալ տրամբոյ... Собственно, имя блаженной дѣвы, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые (*Brosset*, Hist. de la Géorgie, T. I, p. 90), находится въ связи съ лат. словомъ nonna—религіозная, монахиня; Nonna же была собственнымъ именемъ: такъ называлась, напр., мать Назіанзина (*Migne*, T. 35, p. 152). Въ литературѣ имя *Нуни* (у грузинъ *Нино*), примѣнительно къ просвѣтительницѣ Грузіи, впервые является у армянскаго переводчика М. Сократа, а черезъ него впослѣдствіи и у Хоренскаго, который, сверхъ того, передаетъ намъ и имя принявшаго отъ св. Нины крещеніе грузинскаго царя, Михрана, неизвѣстнаго М. Сократу. Отсюда можно было бы заключить, что армянскій историкъ пользовался, кромѣ М. Сократа, еще какой-нибудь поздней версіей грузинскаго сказанія—устной или письменной. Дальнѣйшую переработку помянутой версіи и нужно, быть можетъ, видѣть въ апокрифическихъ подробностяхъ *Грузинской Хроники*, относящейся, по мнѣнію К. Патканова (Груз. Хрон. *ЖМНП*. ч. CCXXX, отд. 2, стр. 225), ко времени XI—XII в., и заключающей оба чтенія интересующаго насъ имени—*Нуни* (Նունէ) и *Нино* (Նինաս). (См. арм. текстъ Хроники, Венеція, 1884, стр. 44—64).

2) Исторія Арменіи М. Хоренскаго, новый переводъ *Н. Эмина*, стр. 132—133.

3) Ср. слѣдующія заимствованія Хоренскаго изъ М. Сократа: у *Хор.* II, 83, դիւր որդեացեալն Կոստանդիանոս и у *М. Сок.* рук. г. Эзова, с. 498*r* (въ Житіи св. Сильв.) и венец. изд. Житія, 1893, с. 24;—*Хор. ibid.* մարգաբերեաց, *М. Сок.* рук. г. Э. (въ Ист. Ц.), стр. 504*r*; *Хор.* II, 88, աՃՆապատիկ յարգարեաց, и *М. Сок.* (И. Ц.) с. 504*v*.; *Хор.* II, 90, արտաստմանեաց ի Մտաղս, и *М. Сок.* (въ И. Ц. и Жит. С.), с. 504*v*.; *Хор.* III, 33, Լիքաոնս (=Լիքաոնաւն), и *М. Сок.* (II. Ц.) с. 555*v*.; *Хор.* III, 57, Ոգեբերն եկեղեցւոյ (в. Пятидесятницу) и *М. Сок.* (II. Ц.) с. 529*v*. и мн. др. См. также вышеупомянутую статью т. *Норайра* въ „Hantess“.

продолжаетъ изыскивать новые источники Хоренскаго, относящіеся ко времени, во всякомъ случаѣ, *позднѣе* V вѣка; таковы: хронографъ *Малала* [1]), конца VI вѣка, *Пасхальная Хроника*, составленная, по всей вѣроятности, не ранѣе начала VII вѣка [2]), *Прокопій Кесарійскій* [3]), второй половины VI вѣка. Даже у *Свиды* [4]), писателя X вѣка, Карріеръ находитъ о б щ і е съ Хоренскимъ источники, хотя время составленія „Исторіи Арменіи“ не отодвигаетъ онъ такъ далеко. Для наглядности, французскій арменистъ приводитъ всѣ заимствованія Хоренскаго изъ указанныхъ источниковъ, параллельно съ ними помѣщая и соотвѣтствующіе тексты изъ „Исторіи Арменіи“.

Считаю нелишнимъ, для полноты свѣдѣній о предшествовавшихъ изслѣдователяхъ Хоренскаго, указать на то обстоятельство, что ссылки Карріера на вышеприведенныя историческія сочиненія не были явленіемъ дотолѣ неизвѣстнымъ. Эти сравнительныя мѣста и, сверхъ того, множество другихъ были хорошо извѣстны, какъ я выше уже замѣтилъ, первымъ переводчикамъ „Исторіи Арменіи“, братьямъ Вистонамъ, *впервые* обратившимъ на нихъ вниманіе, не въ смыслѣ, однако, непосредственныхъ источниковъ Моисея, но какъ памятниковъ, подкрѣпляющихъ разсказъ армянскаго историка. Таковы, напримѣръ, у нихъ ссылки и цитаты изъ *Малалы* къ слѣдующимъ главамъ [5]) Исторіи Хоренскаго — къ 6-й I книги, къ 13-й, 76-й, 88-й II книги, къ 12-й, 21-й, 29-й, 33-й, 39-й III книги. Сверхъ указанныхъ Вистонами, А. Карріеръ въ предпослѣдней своей статьѣ привелъ еще че-

---

[1]) См. журналъ *Hantess*, за 1894 годъ, февраль, стр. 53—67 или *Nouv. sources* (Supplém., pp. 6—30).

[2]) *Krumbacher*, Geschichte der Byzantinischen Litteratur, стр. 116.

[3]) См. журналъ „Hantess“ за 1894 годъ, апрѣль, стр. 120—127 или *Nouv. sources*, (Supplém., pp. 30—40).

[4]) Ibidem.

[5]) Нижеозначенныя главы приведены по Венец. изданію 1865 года; въ изданіи Вистоновъ распредѣленіе главъ нѣсколько иное.

тыре параллели, а именно—къ главамъ 13-ой (*bis*), 79-ой, 87-й II книги и 41-й III книги. Къ нимъ я могу прибавить еще одну параллель къ той же 79-ой главѣ II книги, имѣющую, сверхъ того, особенную важность въ смыслѣ исправленія текста Хоренскаго. Вопреки свидѣтельству Евсевіевой Хроники [1]), указывающей на мѣсто кончины императора Кара въ *Месопотаміи*,— Хоренскій въ этой главѣ называетъ ту мѣстность *Ռինոնք*— „Ринонъ“ (?). По разсказу Малалы, которымъ какъ разъ въ этой главѣ пользовался армянскій историкъ, Каръ умеръ въ войнѣ противъ Гунновъ, по возвращеніи съ востока въ Римъ: „...Κάρος... ὑποστρέφας δὲ ἐν Ρώμῃ, ἐξῆλθεν ἐν ἄλλῳ πολέμῳ (εἰς) Οὔννους καὶ ἐσφάγη [2]). Основываясь на томъ, что нѣкоторыя рукописи „Исторіи Арменіи“ имѣютъ въ данномъ случаѣ вмѣсто „Ринонъ“ палеографически сходную форму „*ի Ցոյնս*“ („i Iujns“, то есть въ Греціи или у грековъ), я полагаю, что послѣдняя искажена изъ первоначальнаго чтенія „*ի Հոնս*“—„i Hons“, то есть у *Гунновъ* (sic!),— заимствованнаго изъ Малалы.

Далѣе, есть у Вистоновъ ссылки и на *Пасхальную Хронику* къ тѣмъ же главамъ Хоренскаго, какія обозначены по поводу Малалы; ссылки—на *Прокопія* къ 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 8-й, 30-й гл. II книги и 35-й III книги Хоренскаго, на *Свиду*—къ 6-й и 19-й главамъ I книги „Исторіи Арменіи“, подъ словами Σίβυλλα и Χαναάν. Даже приведенная въ началѣ послѣдней статьи А. Карріера ссылка на Саллюстія [3]) о родствѣ африканскихъ мавровъ съ мидянами, персами и армянами была въ свое время указана Вистонами въ примѣчаніи къ слову „Маръ“ (Мидянинъ) въ 46-й главѣ II книги Хоренскаго.

Указывая на неупоминаніе проф. Карріеромъ о первыхъ попыткахъ въ изученіи Исторіи Хоренскаго, я не руко-

---

[1]) *Chron.*, II, p. 168, f°, ed. Aucher.

[2]) *Malala*, ed. Bonn., pp. 302—303.

[3]) De bello Jugurth., XVIII. См. стр. 157 латинскаго перевода Хоренскаго у Вистоновъ, гдѣ приведена относящаяся сюда цитата изъ *Саллюстія*.

водствуюсь, конечно, желаніемъ умалить значеніе и достоинства критическихъ статей французскаго ученаго. Задачею моею было прослѣдить, хотя бы въ бѣгломъ обзорѣ, преемственное отношеніе идей въ исторіи критическаго изученія Хоренскаго, съ первыхъ ея шаговъ, и тѣмъ выяснить, на сколько это возможно, долю участія каждаго изъ изслѣдователей въ ихъ общей работѣ. Правда, значительно раньше А. Карріера были высказываемы сомнѣнія о достовѣрности Исторіи Хоренскаго и времени, когда онъ жилъ; но ученый арменистъ съ большимъ остроуміемъ воспользовался данными, въ томъ числѣ даже приведенными въ защиту армянскаго историка, и въ ясной, доступной обработкѣ далъ вопросу новое освѣщеніе. Отнынѣ едва ли можно уже говорить о Моисеѣ Хоренскомъ, какъ объ историкѣ V вѣка: онъ передвинутъ къ VII вѣку или даже къ первымъ годамъ VIII вѣка, какъ впослѣдствіи опредѣленнѣе формулировалъ А. Карріеръ свой взглядъ [1]).

Въ заключеніе сего очерка исторіи критическаго изученія Хоренскаго, за время болѣе чѣмъ въ полтораста лѣтъ, считаю нужнымъ замѣтить, что столь важные для армянской исторіи и вообще для исторіи Передней Азіи вопросы о *времени*, когда жилъ армянскій историкъ, и о *достовѣрности* его историческаго труда, не могутъ быть разрѣшены окончательно, пока не будутъ изучены, по возможности, всѣ источники этого загадочнаго автора. При этомъ надо имѣть въ виду, что кромѣ, такъ сказать, явныхъ источниковъ, упоминаемыхъ самимъ Хоренскимъ, есть у него и немало источниковъ тайныхъ или скрытыхъ, раскрытіе которыхъ можетъ пролить новый свѣтъ на исторію и литературу армянскую. Проф. Карріеръ поставилъ на видъ нѣкоторые изъ *греческихъ* источниковъ и сдѣлалъ на ихъ основаніи свои выводы. Нынѣ

[1]) *Nouv. sources*, p. 47.

слѣдуетъ приняться за ученіе источниковъ *армянскихъ*. За ними теперь послѣднее слово о Хоренскомъ.

Въ предстоящемъ изслѣдованіи сдѣлана попытка такого изученія армянскихъ и, отчасти, нѣкоторыхъ греческихъ источниковъ, по скольку они касаются *армянскаго эпоса* въ „Исторіи Арменіи“ Моисея Хоренскаго.

АРМЯНСКІЙ ЭПОСЪ

ВЪ ИСТОРІИ АРМЕНІИ МОИСЕЯ ХОРЕНСКАГО.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Между многочисленными источниками, которыми М. Хоренскій, по его словамъ, пользовался для составленія своей Исторіи, упоминаются и *неписанныя народныя сказанія* и *народный армянскій эпосъ*. Они служатъ нашему историку не только для подтвержденія или оправданія «Халдейской книги» Маръ-Абаса объ исконной исторіи Арменіи, восходящей, якобы, ко временамъ столпотворенія, но также матеріаломъ для исторіи нѣкоторыхъ армянскихъ патріарховъ и царей изъ династіи Хайкидовъ и Аршакидовъ, въ промежуткѣ, примѣрно, отъ XX столѣтія до Р. Х. и до III в. по Р. Х.

Первый изъ ученыхъ, обратившій вниманіе на этотъ источникъ Исторіи Хоренскаго, былъ покойный арменистъ Н. О. Эминъ. Въ изданномъ имъ въ 1850 г. на древне-армянскомъ языкѣ изслѣдованіи объ «Эпосѣ древней Арменіи» онъ сгруппировалъ разбросанные въ трудѣ Моисея различные эпическіе отрывки и далъ имъ научное объясненіе. Вслѣдъ затѣмъ появились трактаты о томъ же

предметѣ на армянскомъ [1]) и французскомъ языкахъ [2]); всѣ они, въ томъ числѣ и недавно появившійся на нѣмецкомъ [3]) языкѣ, отражаютъ на себѣ вліяніе вышеназваннаго изслѣдованія. Впослѣдствіи (1881 г.) Эминъ переработалъ свой трудъ и, расширивъ предѣлы армянскаго эпоса, далъ новое освѣщеніе древнѣйшей Исторіи Хоренскаго. Онъ сталъ отвергать существованіе, какъ „Халдейской книги", такъ и самого Маръ-Абаса, по его мнѣнію, вымышленныхъ армянскимъ историкомъ съ цѣлію подъ ихъ прикрытіемъ свободно пользоваться богатымъ *народнымъ эпосомъ* языческой Арменіи, который подъ собственнымъ своимъ именемъ могъ быть отвергнутъ новообращеннымъ христіанскимъ народомъ, какъ исходящій изъ нечистаго языческаго источника [4]).

Такимъ образомъ, благодаря Эмину и его послѣдователямъ, установилось въ наукѣ мнѣніе, что вся древняя Исторія Арменіи составлена Хоренскимъ на основаніи существовавшихъ въ его время, т. е. въ V в. по Р Х., народныхъ пѣсенъ и преданій, образовавшихъ, судя по приводимымъ историкомъ отрывкамъ, обширный циклъ эпическихъ поэмъ.

Къ числу эпическихъ источниковъ или имѣющихъ близкое отношеніе къ нимъ Эминъ относилъ также «Книгу царей» и „Храмовую книгу", не разъ упоминаемыя нашимъ историкомъ.

Армянскій эпосъ, по мнѣнію Эмина, состоялъ:

1. Изъ пѣсенъ, имѣвшихъ предметомъ дѣянія родо-

---

[1]) „Polyhistor" (Ֆաւստոս) за 1850 и 1851 гг., статья *о. Л. Алишана;* „Исторія арм. литературы"—*о. Іос. Гатырджіана*, (Вѣна, 1851, стр. 1—62), *о. Л. Зарбаналяна* (Венеція, 1865, изд. II. 1886), *С. Палласаняна* (Тифлисъ, 1865).

[2]) «Journal Asiatique» I кн. 1852 г. и «Revue de deux Mondes» тоже за 1852 г.—объ статьи французскаго армениста *Дюлоріе*.

[3]) *Vetter*, Die nationalen Gesänge der alten Armenier, въ „Teolog. Quartalschrift" 1894, кн. I, стр. 48—77; см. также арм. переводъ этой статьи въ вѣнскомъ „Hantess", 1894, кн. V, VI, VII, и отд. въ арм. пер. трудовъ *Фетцера*, 1895, стр. 115—142.

[4]) „М. Хор. и древ. эпосъ арм.", Москва, 1881, стр. 28.

начальниковъ и царей изъ династіи Хайка. Таковы: Возстаніе Хайка противъ Бэла, сраженіе его съ Бэломъ и смерть этого послѣдняго (*Хор.* I, 10 и 11). — Здѣсь, какъ и въ дальнѣйшихъ заимствованіяхъ, замѣчаетъ ученый арменистъ, Моисей разбиваетъ стихотворный складъ армянскаго эпоса и передаетъ поэтическіе разсказы рапсодовъ въ прозаической формѣ („М. Хор. и древн. эпосъ арм.", стр. 39).

2. Изъ пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвались подвиги армянскихъ же царей, но въ борьбѣ съ божествомъ сирійскимъ и титанами. Таковы: война Арама съ сирійскимъ титаномъ Баршамомъ и исполиномъ Пайапись-Кахья и побѣда надъ ними (*Хор.* I, 13 и 14).

3. Изъ пѣсенъ, въ которыхъ изображались ассирійское нашествіе и война Ассиріи съ Арменіей. Таковы: Арай Прекрасный и смерть его въ войнѣ съ Семирамидой (Шамирамъ); Семирамида строитъ въ Арменіи городъ, рѣчную плотину и свой домъ; она истребляетъ своихъ сыновей; ея бѣгство въ Арменію отъ преслѣдованій мага Зрадашта (Зороастра); ея смерть отъ руки Нинія, сына ея; война Семирамиды въ Индіи и смерть ея въ Арменіи (*Хор.* I, 15, 16, 17, 18, 19).

4. Изъ пѣсенъ, въ которыхъ основаніемъ служили мидійскія сказанія, воспѣтыя армянскими рапсодами. Таковы: Тигранъ I, опасеніе и страхъ, внушенные Аждахаку (Астіагу) дружественнымъ союзомъ Кира съ Тиграномъ; Аждахакъ, волнуемый сомнѣніемъ, видитъ въ чудесномъ снѣ свою будущность: мнѣніе совѣтниковъ царя, какъ поступить въ этомъ случаѣ; письмо Аждахака Тиграну съ предложеніемъ выдать за него сестру Тигрануи; согласіе Тиграна на бракъ и отправленіе Тигрануи въ Мидію; измѣна открывается, начинается война, смерть Аждахака; Тигранъ отправляетъ сестру свою въ Тигранакертъ, а первую жену Аждахака, Ануйшь, вмѣстѣ съ плѣнными мидійцами въ числѣ десяти тысячъ, водворяетъ у подошвы горы Арарата (Масиса) (*Хор.* I, 24—30).—Сюда же должны быть отнесены эпическія

сказанія о потомкахъ Аждахака въ Арменіи, названныхъ здѣсь драконидами (*Վիշապակունք*), по имени ихъ предка Аждахака, что̀ значитъ драконъ, въ особенности же объ Аргамѣ (Аргаванѣ) мидійскомъ и отношеніяхъ его къ Аршакидамъ—Ерванду II, Арташесу II и Артавазду II (*Хор.* I, 30, II, 44, 46, 47 51).

5. Изъ цикла пѣсенъ, обнимающаго сказанія: о царѣ Ервандѣ II; постройки его и война съ Арташесомъ II, окончившаяся его смертью; объ Арташесѣ — «дѣянія котораго большею частію извѣстны изъ пѣсней випасановъ, воспѣвавшихся въ Гохтнѣ, а именно: построеніе города Арташата, свойство Арташеса съ Аланами, рожденіе потомковъ, страстная любовь царицы Сатиникъ къ драконидамъ, какъ говоритъ Баснь, т. е. къ потомкамъ Аждахака, занимающихъ все пространство у подошвы Масиса, война съ ними и сокрушеніе ихъ могущества, истребленіе ихъ и преданіе огню всѣхъ зданій, зависть сыновей Арташеса, возбужденныхъ другъ противъ друга ихъ женами». — Къ этому же циклу примыкаетъ легенда объ Артаваздѣ, сынѣ Арташеса, смерть его и аллегорическій объ немъ разсказъ (*Хор.* II, 37 – 61).

Помимо чисто-историческихъ пѣсенъ, были также:

6. Пѣсни ѳеогоническія, въ которыхъ излагалось о происхожденіи боговъ и полубоговъ съ ихъ подвигами. Таковы: сказаніе о первыхъ богахъ, виновникахъ величайшихъ благъ въ мірѣ; чудесное рожденіе армянскаго бога Вахагна (*Хор.* I, 9 и 31).

7. Наконецъ, нужно отмѣтить слѣдующія легенды въ Исторіи Хоренскаго, также почерпнутыя, судя по замѣчанію самого историка, изъ народныхъ сказаній: объ Анушаванѣ, внукѣ Арайя Прекраснаго, посвященномъ армянскимъ платанамъ (сосъ) и потому названномъ Сосъ (*Хор.* I, 20); объ исполинѣ Торкѣ Хайкидѣ, о Трдатѣ Багратидѣ, о Вардгесѣ-юношѣ и о происхожденіи Арцрунидовъ (*Хор.* II, 63. 65. 8).

Я намѣренно отмѣчаю всѣ тѣ главы Исторіи Хоренскаго, которыя, по мнѣнію Эмина и другихъ, несомнѣнно носятъ народно-эпическій характеръ. Изъ этого перечня читатель увидитъ, въ какихъ широкихъ размѣрахъ предполагается учеными циклъ армянскаго Эпоса и насколько онъ разнообразенъ по содержанію; а чтобы составить понятіе также о цѣльности, обширности и послѣдовательности армянскихъ поэмъ, достаточно указать на медо-армянскія эпическія пѣсни, обнимавшія, по словамъ Эмина, *семисотлѣтній* періодъ! („М. Хор. и древн. эпосъ арм.“, стр. 35).

Во многихъ отношеніяхъ прекрасное изслѣдованіе Гарагашіана (*Критич. исторія Арменіи*, ч. I, Константин. 1880) страдаетъ, по моему мнѣнію, недостаточно детальнымъ анализомъ источниковъ Хоренскаго и особенно двухъ важнѣйшихъ изъ нихъ—армянскаго эпоса и т. наз. Псевдо-Агаѳангела или Анонима. Первый, эпосъ, константинопольскій ученый, принимаетъ, вопреки своему обычному пріему, почти безъ провѣрки, полагаясь лишь на увѣренія Хоренскаго; значеніе втораго, Анонима, для критики армянскаго историка, онъ, какъ увидимъ ниже, совершенно отвергаетъ, притомъ голословно (*l. c.* стр. 187—188). Въ вышедшихъ въ теченіи нынѣшняго года остальныхъ частяхъ его Критической исторіи (чч. II и III) ученый авторъ кое-что исправляетъ изъ сказаннаго имъ въ I части. Такъ, онъ принимаетъ выводы послѣднихъ изслѣдованій, низводящихъ М. Хоренскаго съ V къ VIII вѣку (см. ч. III, стр. 191, 229, 348); но его отношеніе къ эпосу остается прежнее (см., напр., стр. 286, III ч.). Мало того, въ статьѣ, помѣщенной имъ въ сборникѣ „Образцовъ литературы золотаго вѣка“ за 1889 г. онъ, съ цѣлію выставить на видъ глубокую древность армянскаго эпоса, проводитъ такую странную мысль[1]), что рапсоды армянскіе, которымъ приписываетъ Хорен-

[1]) ⁂-ի-ի ⁂-ի-ի-ն Դդ--ի-ն. Պ-ի-. ч. I, 1887, стр. 23—36, II, 1889, стр. 2—11.

скій (I, 24) описаніе физическихъ и духовныхъ качествъ Тиграна I, современника Кира Персидскаго, должны были быть по необходимости современники армянскому царю, иначе, по мнѣнію Гарагашіана, откуда могло быть имъ извѣстно, что Тигранъ былъ «бѣлокурый», «румяный», «красивоглазый», „рослый", «умѣренный въ пищѣ и питіѣ» и пр.!

Пишущій эти строки имѣетъ совершенно другой взглядъ на т. наз. армянскій эпосъ въ Исторіи Арменіи М. Хоренскаго. Вопреки установившемуся мнѣнію, я беру на себя смѣлость утверждать, что не только то, что изслѣдователями приписывается Хоренскому, въ качествѣ эпическаго матеріала, но и то, что самъ историкъ называетъ народнымъ эпосомъ и сказаніемъ, очень мало (чтобы не сказать вовсе) заключаетъ въ себѣ дѣйствительно *древняго*, *народнаго*, *эпическаго*. Я не говорю о тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда Моисей намѣренно перерабатываетъ извѣстные намъ изъ другихъ писателей книжные мотивы армянскихъ сказаній, придавая имъ характеръ народнаго эпоса.

Настоящее изслѣдованіе имѣетъ цѣлію выяснить именно этотъ взглядъ на основаніи доводовъ, кажущихся автору достаточно вѣскими и убѣдительными.

Но прежде чѣмъ приступить къ разбору эпическихъ сюжетовъ у Хоренскаго, разсмотримъ его терминологію, которою онъ обозначаетъ различные виды народной поэзіи. Это необходимо для точнаго пониманія нашего историка, тѣмъ болѣе, что и переводчики его не всегда вѣрно передаютъ выраженія, относящіяся къ интересующей насъ области, или же, въ лучшемъ случаѣ, они не послѣдовательны: одно и то же слово они переводятъ въ одномъ случаѣ такъ, въ другомъ—иначе.

Употребляемые Моисеемъ термины для обозначенія различныхъ видовъ народнаго творчества, по смыслу, сводятся къ слѣдующимъ двумъ: къ *сказанію* и къ *пѣсни* или *эпосу* (*վիպասք և երգք կամ վէպք*). Въ его Исторіи упо-

минаются: „армянскія сказанія неписанныя, древнія, передававшіяся въ стародавнія времена между греческими мудрецами и сохранившіяся по преданію у поселянъ о прибытіи въ Арменію Ксисуѳра (Ноя) и его сыновей“ [1]);—заключавшіеся въ „Халдейской книгѣ“ Маръ-Абаса Катины „подлинные стародавніе разсказы древнихъ и предковъ о Зрванѣ, Титанѣ и Іапетосѳѣ“ [2]);—сказанія неписанныя, стародавнія, оправдывающія лѣтописный разсказъ Халдейской книги о родоначальникѣ армянъ, Хайкѣ [3]);—сказанія изначальныя объ Арамѣ, седьмомъ послѣ Хайка родоначальникѣ, собранныя незначительными и неизвѣстными гусанами (пѣвцами) и хранившіяся въ царскихъ архивахъ Ассиріи, откуда заимствовалъ ихъ тотъ же Маръ-Абасъ [4]);—наконецъ, сохранившіеся въ Арменіи до времени историка „безчисленные сборники сказаній, написанные персидскими и греческими письменами и касавшіеся тяжебъ и договоровъ между деревнями, областями и отдѣльными семействами, и въ особенности дѣлъ о наслѣдствѣ земельной собственности между дворянскими родами“ [5]). (По-видимому, рѣчь идетъ тутъ о судебныхъ актахъ).

---

[1]) «Բայց պարտ է մեզ զսմանէ անկիլ հին զրոյցս որ պատմեալ եղեն վաղ ուրեմն ի մէջ իմաստնոցն Յունաց եւ հասեալ ի մեզ այս զրոյցդ ի Գորգի եւ ի Բանան անուն կոչեցեալսդ, եւս երրորդ ոմն Դաւթի, Թէպէտ եւ յոյժ սակաւուք երկրորդել... Պատմեցից ձեզ, ասէ (Ըղմսկիոգորոս) զրոյցս անկիլս յաւանդութենէ ի մեզ հասեալ, զոր եւ բազումք ի գեղկաց զրուցին միմեանս ցայժմ» (*Хор.* I, 6).

[2]) «Այս մատեան հրամմանաւ Աղէքսանդրի ի քաղդեացւոց բարբառդ փոխեալ ի յոյն, որ ասի զքառն և զնախնեացդ բանս։ Որդ սկիզբն լեալ ասէ զՋրուանն, զՏիտանն և զԱպապետոսթէ... Անհեղք և երեւելիք առաջինքն ի դիցն...» (*Ib.* I, 9).

[3]) «Այս (յաղագս ապացոյցութեան հայկայ ըստ քաղդէական մատենին Մար-Աբասի) արդարացուցանէ զնախնիս հին ասացեալ զրոյցս» (*Ib.* I, 10).

[4]) «Բայց թէ ընդէ՞ր այսքիկ (պատմուխիւն Աբամայ) ի բուն Մատենս Թագաւորացն կամ մեհենից ոչ յիշատակեցան, մի՛ ոք ընդ այս երկբայեալ տարակուսեսցի. զի ո՛չ հարկ ինչ և ո՛չ պէտք կարեւորք էին նոցա զազգաց օտարաց և զաշխարհաց ի բացեայ և զճշմարտս հինս և զրոյցս նախնեացս յիւրեանց Թագաւորաց կամ մեհենից մատեանս գրել... բայց Թէպէտ և ո՛չ ի բուն մատեանն, սակայն որպէս Մար Աբաս կատինացի պատուէ՝ ի փոքունց ոմանց և յանշնչանից արանց ի գաւառականէն (*вар.* ի գաւառականէն Ա գաւառականէն) այս գտանի ժողովեալ ի գիւանի արքունեացդ» (*Ib.* I, 14).

[5]) «... և գիր Պարթից և Յունաց, որովք այժմ գիւղից և գաւառաց ևս և իւրաքանչիւր տանց առանձնականութեանց և հանուրց հակառակութեանց և գաշանց այժմ առ մեզ գտանին անթաւ զրոցոյց նոփեանէ, մանաւանդ որ ի սեպհական ազատութեանն պայազատութիւն» (*Ib.* I, 3).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ сказаніе, надо полагать, было въ формѣ прозаической; имъ историкъ нашъ пользуется, по его словамъ судя, въ немногихъ случаяхъ.

Гораздо болѣе широкое примѣненіе имѣетъ въ Исторіи Моисея пѣснь или эпосъ. Историкъ упоминаетъ о „пѣсняхъ древнихъ арамазнійцевъ (армянъ), воспѣвавшихъ на память, при представленіяхъ и въ пляскѣ, прибытіе Ксисуѳра и сыновей его въ Арменію, сопровождая пѣсни свои звуками *бамбирна*“ [1]);—о „пѣснѣ армянскихъ эпиковъ (рапсодовъ) про Арташеса и сыновей его“ [2]);—о „пѣвцахъ или эпикахъ въ области Гохтнъ, слагавшихъ пѣсни—*Т'веліац*—и эпопеи про Тиграна I, потомковъ Аждахака, про Арташеса и Сатиникъ и др. [3]). Кромѣ того, Хоренскій, въ значеніи одного изъ видовъ народной поэзіи, употребляетъ особенно часто *առասպել*, понимая подъ нимъ не только миѳъ [4]), но, повидимому, и аллегорію, притомъ аллегорію въ пѣснѣ, такъ сказать—аллегорическую пѣснь. Поэтому этотъ видъ народнаго творчества, также, какъ и вообще пѣсни, предполагаются у Хоренскаго въ формѣ стихотворной или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ ритмическомъ размѣрѣ, какъ видно изъ приводимыхъ имъ эпическихъ отрывковъ, напр., въ сказаніи о Шараѣ [5]),

---

[1]) „...Բայց առաւել յաճախագոյն հինէն Ազոյզիւոց ի նուագս բամբռան և յերգս ցցուց և պարուց գայսոսիկ ասեն յիշատակաց“ (*Хор.* I, 6).

[2]) „...Եւ զայս մեզ ստուգապէս պատմէ Իւղիւպ քուրմ Հանուց, գրող մեհենական պատմութեանց և զայլ բազում գործս, զոր ասել կայ մեզ առաջի, որում եւ Պարսից մատեանքն վկայեն և Հոյոց երգն Վէպաոանոց“ (*Ib.* II, 48).

[3]) „...Ցայնմանէ գայս (զպատմութիւն Տիգրանայ եւ զարմից Ազդահակայ) ճշմարտապէս և խոնարհաց երգս, զոր պահեցին ախորժելով, որպէս լսեմ, մարդիկ կողմանն գինաւէտ գաւառին Գողթան, յորս շարին բանք երգոցն զԱրտաշիսէ և զորդւոց նորա, յիշելով պլատանաբար եւ զարմից Ազդահակայ՝ վիշապազունս զնոսա կոչելով“ (*Ib.* I, 30).

— „Արտաշիսի վերջնոյ գործք բազում ինչ յայտնի են քեզ ի վէպսն (*вар.* ի վիպացն), որ պատմին ի Գողթան“ (*Ib.* II, 49).

[4]) Ср. у *Хор.* I, 6.—ի Պարսից առասպելեացւ—II, 7 и др.

[5]) „Արդարեւ յիւրն աստուածէին, որ ասի ի մէջ գեղջկաց. Թէ քո Շարայի որկորն է, մեր Շիրակայ ամբարքն չենն“ (*Ib.* I, 12).

о Семирамидѣ [1]), о Вахагнѣ [2]), о родоначальникѣ Арцруни [3]), въ разсказахъ объ Арташесѣ и Сатиникъ [4]), о Смбатѣ Багратидѣ [5]), о царевичѣ Артаваздѣ [6]) и о Вардгесѣ-юношѣ [7]). Наконецъ, историкъ прямо говоритъ: „такъ *поется* въ араспел'ѣ“ [8]), т. е. въ аллегорической пѣснѣ; или—„*пѣвцы* гохтенскіе и эпики *поютъ*, аллегоризируя“ [9]) или же—аллегорически [10]) передаютъ о женитьбѣ Арташеса, о печальной судьбѣ Артавазда и т. п.

Задачею нашею будетъ—подробно разсмотрѣть и, насколько возможно, провѣрить и выяснить: во 1-хъ, что это за стародавнія *сказанія*, на которыя ссылается Хоренскій, и точно ли заключается въ нихъ народная старина? Во 2-хъ, на сколько древни и подлинны, какъ

---

[1]) «...Խակ առ այսոքիւկ եւ աշխարհիս Մերոյ պատմել զսակաւմնչմուս Աստրին արդարացուցանեն. ասա ուրեմն զմանն ասել Շամիրամայ եւ զհնութեակ փախուստն... եւ գյուսուածն ի ծով, եւ բան ի նմանէ. Ուլունք Շամիրամայ ի ծով» (*Ib* I, 18).

[2]) «...Վահագն, զորմէ ասեն պատմել. Երկնէր երկին եւ երկիր, երկնէր եւ ծիրանի ծով... Զայս երգելով ոմանց բամբռամբ լուսաք ականջաք մերոյք» (*Ib.* I, 31).

[3]) «...Թողում պատմիչսդ բազդանս որ ի հադամակերտին պատմին. Իանկան ներհնդոյ անձրեւ եւ արեւ հակառակեալ, հովանի ծառնդոյ պատանւոյն ծալկացելոյ» (*Ib.* II, 7).

[4]) *Ibidem.* II, 49, 50.

[5]) Սիրելի է ինձ ասել եւ վասն առնն քաջին Սմբատայ. քանզի արդարեւ քան պատմչացն ոչինչ կարի հնոի ի աշխարհութենէն...» (*Ib.* II, 52).

[6]) «Զամանէ երգիչքն Գողթան պատմագրաբանն այսպէս. եթէ ի մահուանն Արտաշիսի բազում կոտորածք լինէին...» (*Ib.* II, 61).

[7]) «...Զորմէ յորդորէն ասեն. Հատուած գնացեալ Վարդգես մանուկ ի Տուհայ գաւառէն գՔասախ գետով...» (*Ib.* II, 65).

[8]) «...Զայս (զպատերազմն Հայոց ընդ Դիմիտիանոսի կայսեր ի Բասեան) կամելով երգել յորդորէն' Դոմետ զոհն ասեն նկեալ...» (*Ib.* II, 54). — «Երգիչն յորդորէն ասեն այսպէս. Վիշապազունք գողացան զմանուկն Արտաւազդ եւ գնա փոխանակ նգին» (*Ib.* II, 61).—«Վահագն' զորմէ ասեն պատմել. Երկնէր երկին եւ երկիր... զայս երգելով' լուսաք ականջաք մերոյք...» (*Ib.* I, 31).

[9]) «Դոյնպէս գհարսանեացն (Արտաշիսի) պատմելով երգեն այսպէս ասելով... Տէղ ոսկի անձրեւ ի փեսայութեան Արտաշիսի...» (*Ib.* II, 50).—«...Զայս տեղի պատմելոք բանիւ վիպասանքն յերգելն իւրեանց ասեն. Հիմաւ արի արքայն Արտաշէս ի սեաւն գեղեցիկ... (*Ib.*).

[10]) Въ томъ же значеніи аллегоріи встрѣчается это слово у Хоренскаго и въ нарѣчной формѣ—*առասպելաբար* (II, 49), что однозначуще съ другимъ армянскимъ выраженіемъ—*այլաբանաբար*—иносказательно, также какъ и *առասպել*, *առասպելել* и *առասպելաբանել*, по смыслу, сходны съ *այլաբանութիւն* и *այլաբանել*. Ср. у *Хор.* I, 30; II, 49, 61.

по формѣ, такъ и по содержанію, *пѣсни* или *эпосъ*, называемые нашимъ историкомъ народными, и дѣйствительно ли пѣвцамъ армянскимъ принадлежитъ вложенная въ нихъ аллегорія, на что такъ часто намекаетъ Хоренскій? Въ 3-хъ, какими же, въ дѣйствительности, источниками пользовался Хоренскій, при изложеніи *эпическихъ* отрывковъ своей Исторіи?

Съ цѣлью дать возможность читателю обстоятельно ознакомиться съ такъ называемымъ эпическимъ матеріаломъ, послужившимъ предметомъ настоящаго изслѣдованія, я буду приводить въ началѣ каждой главы относящійся къ ней текстъ „Исторіи Арменіи“ въ русскомъ переводѣ, а затѣмъ изложу его критику.

ГЛАВА I.

Θеогоническое сказаніе о происхожденіи первыхъ боговъ.

Армянскій эпосъ, по мнѣнію изслѣдователей, открывался θеогоніей, въ которой говорилось о первыхъ богахъ, о происшедшихъ отъ нихъ исполинахъ, боровшихся противъ нихъ, какъ нѣкогда Титаны противъ Зевса [1]). —Съ этого сказанія мы и начнемъ наше изслѣдованіе, придерживаясь того порядка, который приводится у Хоренскаго. Посмотримъ, въ какихъ выраженіяхъ передаетъ армянскій историкъ интересующее насъ сказаніе.

Хор. I, 9 „...Эта *книга* [2]), переведенная по приказанію Александра съ *халдейскаго* на *греческій* языкъ, заключаетъ въ себѣ подлинные стародавніе разсказы древнихъ и *предковъ*. Начало этой книги говоритъ о Зруанѣ, *Титанѣ и Іапетосѣ*... Вотъ чѣмъ открывается помянутая книга. —„„*Страшны* и дивны были *первые* боги—виновники величайшихъ благъ въ мірѣ. Отъ нихъ—*начало* міра и размноженіе рода человѣческаго. Отъ нихъ *пошло* поколѣніе исполиновъ безобразныхъ, *крѣпкочленныхъ* и чудовищныхъ. Въ нихъ, *чреватыхъ* высокомѣріемъ, *зародилась* нечестивая мысль о *столпотвореніи*, за что они

---

[1]) Эмин, М. Хор. и др. эпосъ арм., стр. 37.

[2]) Отмѣченныя *курсивомъ* въ текстѣ слова указываютъ на заимствованія Хоренскимъ изъ источниковъ, приводимыхъ далѣе въ отрывкахъ, съ обозначеніемъ въ нихъ соотвѣтствующихъ словъ также *курсивомъ*.

принялись немедленно. Но ужаснымъ божественнымъ *вптромъ*, *поднятымъ* гнѣвомъ *боговъ*, была разметана башня. Боги, *давъ каждому изъ людей непонятный* говоръ, ввергли ихъ въ смятеніе. Одинъ изъ (этихъ) мужей былъ *Хайкъ Іапетосскій*, именитый и мужественный родоначальникъ, *могучій* метатель (стрѣлъ), владѣвшій толстымъ *лукомъ*“ “...

Хор., I, 10„...Онъ [Хайкъ] гордо выступилъ, поднялъ руку противъ самовластія Бэла (въ то время), когда родъ человѣческій распространялся по всей широкой землѣ, (выступилъ онъ) въ среду множества исполиновъ безмѣрно-неразумныхъ и сильныхъ. Ибо разъяренные *люди*, вонзая *мечъ* въ бокъ своимъ *собратамъ*, думали господствовать *другъ надъ другомъ*. Тутъ представлялся Бэлу удобный случай захватить въ свои руки всю землю“ [1]).

Выше мы привели результаты критическихъ изслѣдованій о „Халдейской книгѣ“ Маръ-Абаса Катины. Въ лучшемъ случаѣ, она можетъ быть *позднимъ апокрифомъ*, составленнымъ тенденціозно, на основаніи книжныхъ источниковъ. Поэтому, о достовѣрности содержащихся въ немъ разсказовъ изъ временъ столпотворенія, Семирамиды и Навуходоносора, или даже объ эпическомъ характерѣ ихъ содержанія,—едва ли можно серьезно говорить.

Подтвержденіемъ тому, что, по крайней мѣрѣ, вступленіе „Халдейской книги“ или, что тоже, ѳеогоническое сказаніе наше было составлено, между прочимъ, на основаніи греческаго источника, относящагося ко времени никакъ не ранѣе V вѣка по Р. Х., служитъ Евсевій.

Дѣло въ томъ, что подобныя вышеприведенному сказанія о столпотвореніи, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, находимъ въ Хроникѣ Кесарійскаго епископа, который заимствовалъ ихъ у Александра Полигистора и Абидэна. Знакомство Хоренскаго съ Хроникою Евсевія не подле-

---

[1]) „Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго“, кн. I, гл. 9 и 10; новый переводъ *Н. Эмина*, Москва, 1893, стр. 15—16; арм. же тексты см. II ч. этого изслѣдованія.

житъ сомнѣнію; важно притомъ замѣтить, что памятникомъ этимъ пользовался армянскій историкъ въ сохранившемся до насъ армянскомъ его переводѣ, сдѣланномъ не ранѣе V вѣка [1]).

Такимъ образомъ, выдаваемое Моисеемъ за „вступленіе“ Халдейской книги, найденной, будто, Маръ-Абасомъ въ Ниневіи, за два вѣка до нашей эры,—приводитъ насъ къ Евсевіевой Хроникѣ.

Самая идея о „*Халдейской* книгѣ“ была навѣяна Хоренскому, какъ мнѣ сдается, тѣмъ же Евсевіемъ, черпавшимъ изъ „недостовѣрной, по его словамъ, *Халдейской* книги Полигистора“. Даже къ соединенію этой книги у армянскаго историка съ авторитетнымъ именемъ *Александра* (Великаго), повидимому, подало поводъ приводимое тутъ же въ Хроникѣ указаніе о Берозѣ, что онъ жилъ при „*Александрѣ*, (сынѣ) Филиппа“ [2]).

Правда, и Хоренскій неоднократно ссылается въ своей Исторіи на Берова, Абидена, Полигистора и другихъ древнихъ историковъ; но то обстоятельство, что въ приписываемыхъ имъ означеннымъ источникамъ краткихъ замѣткахъ нѣтъ ничего такого, чего не было бы и у Евсевія, доказываетъ, что Моисей зналъ ихъ только

---

[1]) Eusebii Pamphili Caesariensis episcopi Chronicon bipartitum nunc primum ex armeniaco textu in latinum conversum, opera *Aucher*, Venetiis, MDCCCXVIII, f°. —Въ библіотекѣ эчміадзинскаго монастыря хранится цѣнный рукописный списокъ той же Хроники (за № 1724); съ него были списаны имѣющіяся нынѣ у венеціанскихъ Мхитаристовъ обѣ рукописи, положенныя въ основаніе печатнаго изданія 1818 года. Изъ сравненія эчміадзинскаго списка съ этимъ послѣднимъ оказывается, что, сверхъ многихъ неточностей и ошибокъ, вкравшихся отъ невнимательности переписчиковъ въ венеціанскія рукописи, а черезъ нихъ и въ печатное изданіе, впрочемъ, главнымъ образомъ, въ собственныхъ именахъ и въ хронологическихъ датахъ,—и самъ издатель о. Авгеръ, при печатаніи, вносилъ отъ себя кое-какія исправленія, безъ упоминанія, однако, объ нихъ въ предисловіи своемъ. См. объ этомъ интересную статью маститаго историка *Моммсена*, помѣщенную въ послѣдней книжкѣ журнала классической филологіи «Hermes» (B. XXX, Heft 3, 1895, SS. 321—338) подъ заглавіемъ: „*Die armenischen Handschriften der Chronik des Eusebius*“.

[2]) *Евсевій, Chron.* I, p. 9. Վ֊ասն քաղդեացւոց անվաւերական պատմութեանն անգամն ի բազմավէպն Աղեքսանդրի զորն քաղդէացւոցն Տոփնէն՝ Բերոսոս բայ ասէ յառաջեաւ բաբելոնական մատենիքն՝ լինել նմա ի տիս Աղեքսանդրի Փիղիպեայ։

черезъ этого послѣдняго. Мало того, замѣтки эти прямо парафразированы изъ армянскаго перевода Хроники, какъ это усматривается изъ сходства въ языкѣ и изложеніи у обоихъ авторовъ.

Вопросъ этотъ, имѣя близкое отношеніе вообще къ источникамъ Хоренскаго, заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія, а потому слѣдуетъ выяснить его окончательно, прежде чѣмъ перейдемъ къ частностямъ—къ источникамъ нашего ѳеогоническаго сказанія.

О *Берозѣ* упоминаетъ Моисей трѣжды: два раза мимоходомъ (I, 4, 6) и разъ — нѣсколько подробнѣе (I, 2). Послѣднее какъ разъ оказывается пересказомъ изъ приведеннаго Евсевіемъ Іосифова отрывка о Навуходоносорѣ. Для ясности, разсмотримъ армянскіе тексты обоихъ историковъ.

Хор. I, 2. ...*Այլ և բազում արք անուանիք և իմաստութեամբ պարապեալք ի ծունանց աշխարհէն Հոգւոյն՝ ո՛չ միայն վէպք դիւանաց պլոց ազգաց թագաւորաց և վհեննից յեղուլ ի յոյն բան, որպէս և մեր գտանեմք վայն, որ և զքաղդեացի Յայս յորդորեաց այր քաղքեացի եւ վարժ ամենայն նմատուկեացք, այլ և եւ վհծամծս եւ վզարմանալոյ արժանաւորս յարուեստից ուրեք ուրեք գտեալ աշխատութեամբ, հաւաքեալ փոխեցին ի յոյն լեզու։*

Euseb. Chron. I p. 31. *Ճառեցից, ասէ, այժմիկ վասն ի Քաղդէացւոց մի ըստ միոջէ վէմնէ գրեալսըն եւ վպատմեալս. յորս կայ բազում միաբանութիւն և առ այլ բազումս ազգս, զոր և զքաղդեացի յազգէ և երևելի յամենեքին որք վերատու եւ գայիւն. քանզի եւ վաստեղագիտութեանն մատեանս, եւ որ ինչ ի Քաղդէից ճարտարութիւն նմատուկեան պատմէր, նա ևհան ի յոյն լեզու։*

На *Абидена* ссылается Моисей: въ одномъ случаѣ по поводу перваго халдейскаго царя, Алароса, и кораблестроителя Ксисуѳра (Ноя) (I, 4); въ другой разъ перечисляются со словъ Абидена первые *семь* ассирійскихъ царей отъ Бэла до Нина и параллельно съ ними *семь* первыхъ армянскихъ родоначальниковъ отъ Арменака (сына Хайка) до Арайя Прекраснаго (I, 5); наконецъ, въ послѣдній разъ приводятся свѣдѣнія о Навуходоносорѣ и его завоеваніяхъ (II, 8). Всѣ три ссылки, по справкѣ,

оказываются заимствованными изъ *Абиденовскихъ* отрывковъ у Евсевія: о „первоначальномъ царствѣ халдеевъ“ (*Chron.* I, p. 23), объ „ассирійскомъ царствѣ“ (*Ib.* I, pp. 37—39) и о „Навуходоносорѣ“ (*Ib.* pp. 27—29), — съ повтореніемъ со стороны Хоренскаго ошибки Евсевіева переводчика, принявшаго имя историка Μεγασθενης'а за эпитетъ къ Навуходоносору. Любопытно при этомъ замѣтить, что приписывая Абидену же упоминаніе о семи армянскихъ родоначальникахъ, Хоренскій спѣшитъ увѣрить читателя, что свѣдѣнія эти, находившіяся въ книгѣ мелкихъ родословій этого историка были, будто, потомъ опущены другими. Очевидно, Моисей хотѣлъ воспользоваться авторитетомъ Абидена, чтобы втиснуть въ свою Исторію составленный имъ самимъ (или однимъ изъ его источниковъ) списокъ первыхъ армянскихъ родоначальниковъ, который, конечно, никогда не былъ извѣстенъ Абидену[1]).

Приступимъ къ сравненію отмѣченныхъ текстовъ.

Хор. I, 4. ...Քանզի ասէ վասն նորա (Ադամայ) Աբիդենոս հանգոյն պյլոյն պատմէ. Եւ զնա ամենախնամն Աստուած եղեալ հովիւ եւ առաջնորդ ժողովրդեանն. Ցետ որոյ ասէ. Թագաւորեաց Աղվէոս ըստ գան, որ լինին անդ երեսուն և վեց հազար։

Նոյնպէս եւ յաղագս Նոյ պյլով անուամբ վարին եւ ժամանակօք անբաւիւք. Թէպէտ եւ վասն չգոյն սատկութեան եւ ապականութեան երկրի՝ զոյգ հոգեւորացն բարբառին բանից.

Euseb. Chron. I p. 23—25. ...Զսոյն և Աբիդենոս (գՔաղդէացւոց թագաւորութեննէն) միաբան սոցին ի քաղդէացւոց պատմութեանն յայտ առնէ. Թանզի և նա հանգոյն Բաւմավիսին՝ պատմէ զայս... բայց նախատրել աշխարհին նախ զԱղվէոյ ասեն. պյլ վասն իւրոյ անձինն այսչափ ինչ բանք են պատմելոյ. Զի զնա ժողովրդեանն ամենախնամն Աստուած եղեալ հովիւ, որ նախատրեալ ըստ գան. և շարն է երեքհազար վեց հարիւր ամ... Եւ զի պսիւ և Արիդէնոս զնոյն ձև բանից երբայեցւոց պատմութեանն զլիշեղեղէն ՔԹաբանէ, Թուի ինձ, Թէ ամենեցուն իսկ յայտ է։ Իսկ եթէ զի ցոյնք էին պատմագիրքն կամ Քաղդէացիք, եւ պյլով անուամբ զնոյ անուանեցին Քախտիքն կոչելով, ընդ այն չէ ինչ պարտ զարմանալ...

---

[1]) Ср. также *Гарагашіана*, Крит. ист. I, с. 136 и слѣд.; *Эмина*, М. Хорен. и древ. эпосъ арм., стр. 11.

նոյնգունակ եւ զմիւս նահապետաց գան գիտողքեան հանդերձ թուեն։

Ib. I, p. 14... *Եւ արդ՝ գան միայն ազգս Աղվանից յառաջին անուանեալ թագաւորէն նոցա (Քաղդէացւոց) գնալ գիտողքեան համարին, առ որով զլինել մնծի ջրհեղեղին վիպագրեն։*

Слѣдующія за этими строками у Хоренскаго подробности о халдейскомъ годѣ передѣланы изъ Полигисторова отрывка (у *Евсевія*, I, pp. 13—14), относящагося къ тому же предмету. Изъ того же отрывка заимствовано указаніе на *десять* первыхъ еврейскихъ патріарховъ до Ноя включительно.

Въ нижеслѣдующихъ двухъ отрывкахъ армянскій историкъ уже цѣликомъ списываетъ съ Хроники.

Хор. I, 5. ...*Պատմե մեզ զայսոսիկ յոլով իրս Հաւատարիմն Աբիդենոս, եւ ասէ այսպէս. Նինոս, Ասբեղեայ, Քայալայ, Աքբեղեայ, Անեբոյ, Բաբելայ... Բելայ...*

Euseb. Chron. I, p. 37. *Աբիդենեայ վասն Ասորեստանեաց թագաւորութեանն... Զայս իբրև ասէ, անդստին սկիզբն առնէ պատմութեանն. Էր, ասէ, Նինոս՝ Ասբեղայ, Քաղալայ, Ասբեղայ, Անեբոյ, Բաբելայ, Բելայ...*

Хор. II, 8... *պատմէ այսպէս ասելով. Մնծաղբն Նաբոտոքոնոսոր բռնատիրն (вар. Ламб. списка —քիդնազարն) էր տան ընչակիս Լիբեացւոց. զբաժնեալ է Լիբիոյ աշխարհն լեալ, հասանէր է վերիոյն աշխարհն, և վանեալ խորտակեալ (Ламб. сп. վտանգեալ) ընդ յերասէն նուաճէր. և զնան մի է նոցանէ յաշխոյժն Պոնտոս Ծովս-յարևմուտս (въ Лам. сп. нѣтъ յարևմուտս) գտեալ քնակիցս։*

Euseb. Chron. I, p. 29. ... *որ և (Աբիդենոս) գրէ իսկ պես զայս օրինակ բանից. Մնծաղբն ասէ, Նաբոխոդրոսոսոր, որ ուժգնացն էր տան ընչակիս, է Լիբիոյ և յիբերացւոյ աշխարհն զբաժնեալ լինել հասանէր. և վանեալ վկանգեալ ընդ յերասէն նուաճէր. և զնան մի է նոցանէն յաստղիսցն *) Պոնտոս ծովգտեալ քնակիցս։*

О *Полигисторѣ* упоминаетъ Хоренскій всего одинъ разъ (I, 4), и то мелькомъ, вмѣстѣ съ именами Бероза и Абидена.

---

*) Собственно, у *Евсевія* въ оригиналѣ стояло, какъ видно изъ его *Praep. Evangel.* IX, 41—εἰς τὰ δεξιά т. е. такъ, какъ мы находимъ у Хоренскаго (յաջակողմն), очевидно, пользовавшагося болѣе точнымъ спискомъ арм. перевода Евсевіевой Хроники.

Слѣдуетъ замѣтить, что и передававшіяся, по увѣренію нашего историка, философами греческими, „стародавнія устныя сказанія о прибытіи въ Арменію Ксисуѳра (Ноя) съ своими сыновьями“ (I, 6),—находятъ свое объясненіе только у Евсевія, который не разъ упоминаетъ о томъ со словъ Полигистора (*Chron.* I, p. 18), Абидена (*Ib.* I, p. 25) и Іосифа Флавія (*Ib.* p. 31). Поэтому и утрата спеціально, будто, посвященной этому сказанію книги, на что намекаетъ здѣсь Хоренскій, есть съ его стороны уловка, съ цѣлію выдать за ея содержаніе какіе-то безсвязные разсказы о разселеніи Ноевыхъ сыновей въ Арменіи, въ сущности, основанные на позднихъ преданіяхъ книжнаго происхожденія и на произвольныхъ сближеніяхъ именъ,—пріемъ столь часто употребляемый нашимъ историкомъ въ своемъ сочиненіи. Такъ, изъ армянскаго названія горы „Симъ“, встрѣчающагося въ памятникахъ не ранѣе IX в. [1]), и области „Таронъ“—обѣ въ южной Арменіи, историкъ дѣлаетъ заключеніе о приходѣ въ эту страну *Сима*, сына Ноя (Ксисуѳра), и одного изъ младшихъ сыновей его, *Тарбана*, давшихъ, якобы, упомянутымъ мѣстностямъ свои имена. Даже названіе прилежащей къ Персіи армянской области „Заруандъ“ выводитъ Хоренскій отъ *Зрвана*, „подъ которымъ страны восточныя называли Сима“.—Все это выдается армянскимъ историкомъ за древнія сказанія, передававшіяся въ его время поселянами. Болѣе того, оказывается, что это событіе, не представляющее никакого интереса въ отношеніи эпической поэзіи, воспѣвали древніе армяне въ пѣсняхъ при представленіяхъ и въ пляскѣ!

Съ другой стороны, весьма характернымъ для пріемовъ Хоренскаго является тотъ фактъ, что, широко пользуясь Хроникою Кесарійскаго епископа, онъ ни разу во всемъ своемъ сочиненіи не упоминаетъ о ней.

Изъ источниковъ вышеуказаннаго разряда, на которые ссылается армянскій историкъ, есть однако одинъ, кото-

---

[1]) Ср. у *Ѳомы Арцруни*, Спб. 1887, стр. 8, 51, 52.

рымъ онъ пользовался помимо Евсевія. Это *Сивилла:* съ приписываемыми ей оракулами, по крайней мѣрѣ, съ третьей ихъ книгой, Моисей былъ знакомъ, повидимому, непосредственно. Такъ, разсказъ его (I, 6) о Зрванѣ, Титанѣ и Іапетосѳэ, объ усиленіи перваго и враждѣ къ нему двухъ другихъ; о заступничествѣ ихъ сестры, Астхикъ, и соглашеніи ихъ на царство Зрвана съ клятвеннымъ обѣщаніемъ истреблять всѣхъ его дѣтей мужскаго пола, дабы онъ не могъ царствовать надъ ними въ лицѣ своего потомства; наконецъ, спасеніе нѣкоторыхъ младенцевъ Зрвана отправленіемъ ихъ тайкомъ на западъ...—все это есть сокращенный пересказъ стиховъ III книги Сивилловыхъ оракуловъ, а именно отъ 109—151[1]), не упоминаемыхъ Евсевіемъ. Разница между ними лишь въ томъ, что, вмѣсто *Зрвана* у Хоренскаго, стоитъ въ этихъ стихахъ *Кронось*, вмѣсто ошибочно прочитанной или намѣренно видоизмѣненной формы имени *Іапетосѳэ*[2]) — *Іапетосъ*, вмѣсто *Астхикъ—Афродита*. Нѣтъ также у Сивиллы легенды о горѣ Олимпѣ въ томъ видѣ, какъ она передана у Моисея; съ другой стороны, армянскій историкъ не упоминаетъ объ имени жены Зрвана (Кроноса), названной у Сивиллы *Реею*.

Возможно, что Хоренскій пользовался армянскимъ переводомъ Сивилловыхъ оракуловъ, который онъ нѣсколько передѣлалъ; а что̀ существовалъ подобный переводъ этихъ оракуловъ еще *до* IX в., видно, между прочимъ, изъ Исторіи Ѳомы Арцруни. Послѣдній передаетъ о *Кронось*, женѣ его, *Рея* „изъ рода Зрвана“, и рожденномъ отъ нихъ младенцѣ, *Діи* (Зевсѣ), тайкомъ спасенномъ матерію отъ избіенія[3]), и пр.—согласно Сивиллѣ.

---

1) Oracula Sibyllina, recensuit *A. Rzach*, Vindobonae, 1891, pp. 54—56.

2) См. тамъ же, стихъ 110-й: „*Καὶ βασίλευσε Κρόνος καὶ Τιτὰν Ἰαπετόστε*“. Ср. также: *Vetter,* Das Sibyllen-Citat bei Moses von Choren, „Theol. Quartalschrift“, 1892, Heft III, pp. 465—474.

3) «Եւ քանզի առեալ էր Կռոնոս իւր կին զՈհս, յազգէ Զրուանայ, և յինքն գրաւեալ զթագաւորութիւնն, և ոչ զոք թուլացուցանէր թագաւորել Զրուանայ, դաշնաւորեալ երդմամբ՝ զինչև որ ի կնոջէն Ըռեա՝ որ ի Զրուանայ զարմից էր ծնեալ արու՝ անգէն ի ծննդեանն սատակէր. բայց միայն մանուկ մի Դիոս անուն, զոր գաղտաբար ապրեցոյց մայրն...» (*Ѳома Арцр.* Спб., 1887, стр. 7).

Къ Сивиллѣ слѣдуетъ прибавить и *Епифанія Кипрскаго* (IV в.), на котораго ссылается Хоренскій въ той же главѣ (I, 6) и армянскимъ переводомъ котораго онъ, быть можетъ, пользовался. Я говорю армянскимъ переводомъ, ибо приводимая нашимъ историкомъ тутъ же цитата изъ „Опроверженія ересей“ этого автора имѣется въ оригиналѣ въ нѣсколько иномъ видѣ[1]). На существованіе древняго армянскаго перевода этого творенія указываютъ отрывки у Езника[2]), V в.; существующій же нынѣ неудовлетворительный переводъ есть либо сокращеніе съ полнаго армянскаго, либо переложеніе „конспекта“ того же произведенія, сдѣланнаго самимъ Епифаніемъ (Ἀναχεφαλαίωσις). Знакомство Хоренскаго съ Епифаніемъ видно также изъ армянскаго перевода „Каноновъ“ этого писателя[3]).

Разсмотримъ, наконецъ, и отмѣченные выше отрывки Абидена и Полигистора о столпотвореніи, чтобы не оставить сомнѣнія въ зависимости ѳеогоническаго сказанія отъ Евсевіевой Хроники.

Euseb. Chron. ed. Aucher, I, pp. 25—26. (Euseb. Praep. IX, 14, et Syncell. p. 35). Ἀβυδηνοῦ περὶ τῆς τοῦ Πύργου κατασκευῆς. Ἐν τῇ δὴ λέγουσι τοὺς πρώτους ἐκ γῆς ἀνασχόντας. ῥώμῃ τε καὶ μεγέθει χαυνωθέντας. καὶ δὴ θεῶν καταφρονήσαντας ἀμείνονας εἶναι, Πύργων τύρσιν ἠλίβατον

Euseb. Chron. ed. Aucher, I, pp. 18—19. (Eus. Praep. IX, 15 et Syncell. p. 35). Ἀλεξάνδρου τοῦ Πολυΐστορος, περὶ τῆς πυργοποΐας. Σιβύλλα δὲ φησί, ὁμοφώνων ὄντων πάντων ἀνθρώπων τινὰς τούτων πύργον ὑπερμεγέθη οἰκοδομῆσαι, ὅπως εἰς τὸν οὐρανὸν ἀναβῶσι, τοὺς δὲ θεοὺς ἀνέμους

[1]) Lib. II, 84. ed. *Petav.* l. p. 703—704.

[2]) Изд. венец. стр. 204—205, 206—208, 296—7; ср. «Polyhistor», 1889, стр. 315—317 и 386; въ особенности же изслѣд. о. *Дашіана* («Արարատ» ամսագիր» 1895) 1895, стр. 76—146.

[3]) См. Catalogue des anciens traduc. armén. (Siècle IV—XIII) о. *Зарбаналяна*, Венец. 1889, стр. 499. Также ср. *Міабана*, «Armeniaca», I, Вахаршапатъ, 1894.—Въ Catalogue'ѣ (стр. 401 и слѣд.) приведенъ списокъ сохранившихся въ армянскомъ переводѣ твореній Епифанія (въ рукописи), оригиналы которыхъ большею частію не извѣстны. Тому же автору приписывается нѣкоторыми существующее на армянск. языкѣ «Толкованіе на книгу Бытія», иначе называемое «Толк. на Евангеліе отъ Луки», которое, по мнѣнію маститаго арменниста *о. Алишана* (въ частномъ письмѣ ко мнѣ), принадлежитъ другому Епифанію, *не* Кипрскому, жившему на нѣсколько столѣтій позднѣе того.

ἀείρειν, ἵνα (*вар.* ἤ) νῦν Βαβυλών ἐστιν, ἤδη τε ἄσσον εἶναι τοῦ οὐρανοῦ. Καὶ τοὺς ἀνέμους θεοῖσι βωθέοντας, ἀνατρέφαι περὶ αὐτοῖσι τὸ μηχάνημα. τοῦ δὴ τὰ ἐρείπια λέγεσθαι Βαβυλῶνα. Τέως δὲ ὄντας ὁμογλώσσους ἐκ θεῶν πολύθροον φωνὴν ἐνείκασθαι. μετὰ δὲ Κρόνῳ τε καὶ Τιτῆνι συστῆναι πόλεμον. ἐμφυσήσαντας ἀνατρέφαι αὐτούς, καὶ ἰδίαν ἑκάστῳ φωνὴν δοῦναι, διὸ δὴ Βαβυλῶνα τὴν πόλιν κληθῆναι. Μετὰ δὲ τὸν κατακλυσμὸν Τιτᾶνα καὶ Προμηθέα γενέσθαι... (*Eus. Chron.* ed. Schöne, I, pp. 24, 34).

Въ обоихъ этихъ отрывкахъ мы замѣчаемъ характерныя слова и выраженія—„первые“ (изъ боговъ), „крѣпкочленные“, „вѣтеръ божественный“, „удѣлить каждому изъ нихъ“ и проч., — указывающія на зависимость Хоренскаго отъ Хроники Евсевія. Къ числу намѣренныхъ измѣненій со стороны армянскаго историка нужно отнести и то, что борьба происходитъ не между Кроносомъ и *Титаномъ*, а между Хайкомъ и Бэломъ-*Титанидомъ*.

Сверхъ указанныхъ источниковъ ѳеогоническаго сказанія, былъ у Моисея еще одинъ, а именно—анонимное сочиненіе по начальной исторіи Арменіи, извѣстное подъ названіемъ *Псевдо-Агаѳангела*[1]). Въ слѣдующей главѣ я подробно разсмотрю этотъ памятникъ, имѣющій, по моему мнѣнію, первостепенную важность для изученія источниковъ Хоренскаго, и выясню его сущность и значеніе. Пока достаточно будетъ замѣтить, что авторъ его, Анонимъ, жившій, однако, не ранѣе VII в. по Р. Х., по времени, во всякомъ случаѣ, древнѣе Хоренскаго, который и пользовался его произведеніемъ.

Интересующій насъ отрывокъ о столпотвореніи гласитъ у Анонима такъ: „...Когда отъ великихъ мукъ *столпотворенія*, какъ бы отъ *родовъ*, произошло то, что *разсѣялся* многочисленный народъ въ великой пустынѣ, въ мѣстахъ недоступныхъ шуму, тогда поднялъ на *товарищей* своихъ *мечъ* свой *Титанъ*, *который* первый *царствовалъ на землѣ*...“[2]).

---

[1]) *Langlois*, Collec. I, pp. 195—200.

[2]) Исторія императора Ираклія, сочиненіе епископа *Себеоса*, VII в., переводъ съ армянскаго К. Патканьяна, Спб., 1862, отдѣлъ I, стр. 2.

Не трудно видѣть, что подчеркнутыя слова и выраженія совершенно тождественны съ таковыми же въ вышеприведенномъ ѳеогоническомъ сказаніи у Хоренскаго, который, заимствуя у Анонима, равно какъ и у Евсевія общее содержаніе о столпотвореніи, переработалъ его по своему.

Общее сравненіе текста ѳеогоническаго сказанія или, что тоже, вступленія „Халдейской книги“ у Моисея съ его подлинными, какъ я полагаю, источниками, сдѣлано мною въ первой главѣ II части настоящаго изслѣдованія, въ *Матеріалахъ*, куда и отсылаю читателя.

ГЛАВА II.

Анонимъ, какъ поздній апокрифъ.

Какъ извѣстно, одно изъ важнѣйшихъ армянскихъ историческихъ сочиненій, а именно Исторія Себеоса (VII в.) объ императорѣ Ираклѣ, считавшаяся долгое время утерянной, была открыта въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія ученымъ епископомъ эчміадзинскаго монастыря, Шахатуни. Въ самомъ началѣ этой Исторіи находятся два отрывка, повидимому, не принадлежащихъ Себеосу и лишь послѣ приставленныхъ къ нему. Изъ нихъ второй отрывокъ, обнимающій синхронистическую таблицу Сассанидовъ (227—652 гг.), армянскихъ Аршакидовъ до конца IV в. и римско-греческихъ императоровъ отъ Авреліана и до Иракла (270—641 гг.), относится ко времени не ранѣе X вѣка, на что указываетъ и самое его заглавіе и начало, носящія слѣды Хоренскаго и Асохика (XI в.); этотъ отрывокъ нашему изслѣдованію не подлежитъ. Для насъ важенъ первый, по всей вѣроятности, болѣе древній отрывокъ, содержащій начальную исторію армянъ до появленія династіи армянскихъ Аршакидовъ. Авторъ этого послѣдняго, не свободнаго отъ неясностей и дѣйствительныхъ или кажущихся противорѣчій, сообщаетъ во вступленіи своемъ, что онъ намѣренъ передавать годы и дни пяти царей, черпая ихъ изъ

книги Мцурнійскаго философа Марабы, которая содержала надпись на камнѣ, открытомъ въ Мцбинѣ, въ развалинахъ дворца царя Санатрука. Самая надпись заключала въ греческихъ письменахъ дни и годы пяти армянскихъ и парѳянскихъ царей. Начало надписи гласило: „Я, писецъ Агаѳангелъ, начертилъ моей рукою на этомъ камнѣ годы первыхъ армянскихъ царей, по повелѣнію храбраго Трдата, заимствовавъ ихъ изъ царскаго архива; а нѣсколько ниже, въ своемъ мѣстѣ, ты увидишь и копію самой надписи“ [1]).

Дѣйствительно, въ заключеніи отрывка помѣщены два списка парѳянскихъ и армянскихъ царей, при чемъ рядъ послѣднихъ переходитъ далеко за періодъ времени Трдата, при которомъ была, будто, начертана надпись, т. е. до 383 года.

За введеніемъ Агаѳангела слѣдуетъ вкратцѣ сказаніе о столпотвореніи и исполинахъ, между которыми Бэлъ-Титанидъ, усилившись, сталъ первый царствовать на землѣ. За симъ передается о сопротивленіи Бэлу, оказанномъ Афетидомъ Хайкомъ, не желавшимъ признать его за бога, и о столкновеніи ихъ, окончившемся борьбою двухъ исполиновъ и смертью Бэла отъ руки могучаго стрѣлометателя, Хайка. Тутъ разсказывается о заселеніи страны Арарата Хайкомъ и его потомками, названной послѣ того Хайк' (Арменіей). Потомки Хайка, наслѣдовавшіе одинъ другаго, были: Араманіакъ, Арамаисъ, Амасія, основавшій городъ Арамаиръ, Гехамъ, Харма, Арамъ, Арай Прекрасный, назвавшій своимъ именемъ равнину Айрарадъ. Объ нихъ говорится очень кратко и только про послѣдняго, Арайя, распространяется авторъ сообщеніемъ подробностей о Семирамидѣ и ея романическихъ отношеніяхъ къ армянскому родоначальнику, приведшихъ къ убіенію его и покоренію

[1]) См. I изд. *Себеоса*, Константинополь, 1851, стр. 1—14; II изд.—СП-бургъ, 1879, стр. 1—10; русскій переводъ Себеосовой Исторіи *К. Патканьяна*, стр. 1—12; франц. переводъ того же отрывка въ Collec. *Langlois*, T. I, 1867, pp. 195—200.

Арменіи во власть ассирійцевъ вплоть до Сеннахирима. По смерти этого послѣдняго, армяне отложились отъ Ассиріи, и сталъ управлять страною мужественной Зарехъ, изъ рода Араманіака; за нимъ въ порядкѣ наслѣдованія—Армогъ, Сархангъ, Шавашъ и Фарнавазъ—до Навуходоносора, которому этотъ послѣдній подчинился. Авторъ отрывка мимоходомъ упоминаетъ и о потомствѣ Фарнаваза, приводя имена его сыновей—Багама и Багарата; послѣдній родитъ Бюрата, а этотъ—Аспата. „Потомство Багарата, замѣчаетъ авторъ, унаслѣдовало свои владѣнія на западѣ, т. е. въ (области) Ангех-тунъ, ибо Багаратъ былъ названъ также Ангехъ, котораго въ то время племя варваровъ назвало богомъ".

Послѣ того господствовали надъ армянами вавилонскіе, мидійскіе (и персидскіе) цари до Александра Македонскаго, который „покорилъ всю вселенную". Тутъ же передается вкратцѣ о переселеніи въ Арменію рабыни Авраамовой, Марсеакъ (Масекъ), и объ ея потомствѣ въ этой странѣ. Затѣмъ начинается новая глава—„Возстаніе парѳянъ, случившееся въ то время"—въ которой разсказывается о возстаніи сына эфталитскаго царя, Аршака, на 11-мъ году царствованія Антіоха Ѳеоса, и о воцареніи его въ царственномъ городѣ Бахлѣ, въ странѣ кушановъ. Слѣдуетъ описаніе борьбы Аршака противъ селевкидскихъ властителей, изъ коихъ Димитрія парѳянскій царь захватилъ въ плѣнъ, а брата его, Антіоха, убилъ въ Вавилонѣ.

Послѣ этихъ блестящихъ побѣдъ, „Аршакъ Великій" на 129-мъ году жизни и за годъ до своей смерти, ставитъ царемъ надъ армянами сына своего, „Аршака Малаго", въ Мцбинѣ, выдѣливъ ему во владѣніе часть Сиріи, Каппадокію у Киликіи до великаго западнаго моря (Понта), а на сѣверѣ—до горы Кавказа и пр. Онъ посылаетъ его въ сопровожденіи большаго войска и вельможъ изъ Мрцана на западъ. Здѣсь встрѣчаетъ Аршака М. знатный князь Багаратъ Фаразіанъ, изъ потомковъ Араманіака, съ богатыми дарами, надѣваетъ ему

на голову корону и сажаетъ его на золотой тронъ, а затѣмъ выдаетъ за него за-мужъ и свою дочь. Аршакъ назначаетъ Багарата Аспетомъ армянской страны, т. е. первымъ сановникомъ и верховнымъ правителемъ въ государствѣ, „отцемъ и братомъ царя", которому тотъ (добровольно) передалъ царство. Онъ разбилъ гигантовъ, собравшихъ противъ него войско въ Месопотаміи сирійской.

У Аршака Великаго было четверо сыновей: изъ нихъ одинъ, какъ говорятъ, воцарился въ странѣ эфталитовъ, другой—въ Киликіи, третій—надъ парѳянами и четвертый—надъ армянской страной.

„Всѣ годы жизни Аршака составляютъ 130; а царствовалъ онъ 56 лѣтъ". (По другому списку—130 лѣтъ есть продолжительность его царствованія).

Слѣдуютъ затѣмъ два списка парѳянскихъ и армянскихъ Аршакидовъ, изъ коихъ первый оканчивается Артаваномъ (226 г.), а другой—Папомъ, сыномъ Аршака (около 380 г.).

О памятникѣ этомъ, начиная съ 40-хъ годовъ и до нашихъ дней, были высказываемы учеными самыя разнообразныя предположенія.

Первый, ознакомившійся съ нимъ еще въ рукописи, былъ академикъ *Броссе*, который нашелъ, что это есть извлеченіе изъ Исторіи М. Хоренскаго. (3-e Rapport sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, 1849, p. 49—55).

Михрдатьянъ, которому мы обязаны первымъ изданіемъ Себеосова текста (1851), полагалъ, что „надпись" подлинно принадлежитъ Агаѳангелу IV в.: ее досталъ философъ Мараба и перевелъ либо съ греческаго, либо съ сирскаго на армянскій языкъ, а Себеосъ нашелъ ее въ Месопотаміи; что она дошла до насъ не въ полномъ видѣ; что Агаѳангелъ не видалъ Исторіи Маръ-Абаса Катины, о которой упоминаетъ Хоренскій и что, наконецъ, памятникъ этотъ можетъ служить лучшимъ под-

твержденіемъ правдивости Хоренскаго, подверженной сомнѣнію со стороны европейскихъ ученыхъ (см. *Предисл.* стр. I—XVII и примѣч. стр. 15—26 I изд. *Себеоса*).

Покойный арменистъ *Эминъ*, въ примѣчаніяхъ къ русскому переводу „Вардана Великаго" (М. 1861, стр. 54—57), мимоходомъ высказываетъ мысль, что памятникъ, противорѣчащій Моисею Хоренскому въ вопросѣ о первомъ армянскомъ Аршакидѣ, принадлежитъ Себеосу.

Французскій переводчикъ разбираемаго анонимнаго отрывка, *Ланглуа*, (*Coll.* Т. I) высказывался нерѣшительно: то онъ признаетъ, что „Псевдо-Агаѳангелъ" (такъ называетъ онъ автора анонимнаго отрывка) имѣлъ передъ собою Маръ-Абаса Катину въ оригиналѣ и обстоятельнѣе излагаетъ тамъ, гдѣ Хоренскій только сокращалъ его; то считаетъ Анонима писателемъ, жившимъ *послѣ* Хоренскаго, по своему развившимъ изложенную этимъ послѣднимъ миѳическую исторію Арменіи, съ цѣлію придать больше интереса своему разсказу.

Покойный *проф. Паткановъ* въ своихъ изслѣдованіяхъ не разъ возвращался къ этому вопросу. Въ предисловіи къ русскому переводу Себеоса (1862, стр. VI—X) онъ основательно доказывалъ, что анонимное сочиненіе или, что тоже, I глава въ „Исторіи императора Иракла" не принадлежитъ Себеосу; что она не заимствована изъ Исторіи Хоренскаго, какъ предполагалъ Броссе, и что, наконецъ, заключающаяся въ ней „надпись" и другія историческія преданія были извѣстны Хоренскому, который, однако, не принялъ ихъ въ свою Исторію, потому что онѣ противорѣчили его мнѣнію и взгляду на извѣстныя событія. Кромѣ того, переводчикъ высказывалъ мысль, что интересующій насъ отрывокъ дошелъ въ искаженномъ видѣ и съ пропусками и непонятными мѣстами.—Позднѣе, въ 1875 г., въ „Ванскихъ надписяхъ" (стр. 66—68), Паткановъ видоизмѣнилъ свой взглядъ на анонимный отрывокъ: онъ пришелъ къ убѣжденію въ тождественности *Мараббы Мцурнійскаго* въ I главѣ Себеоса съ *Маръ-Абасомъ Катиной* Хоренскаго,—

мысль, которую черезъ годъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ высказалъ самостоятельно извѣстный нѣмецкій критикъ, Гутшмидъ. Эта тождественность двухъ ученыхъ сирійцевъ объяснялась, по предположенію Патканова, такимъ образомъ: „Маръ-Абасъ (Мцурнійскій), или кто за нимъ скрывается, ученый сиріецъ III—IV в., случайно находился при упомянутой Себеосомъ раскопкѣ дворца и списалъ ту надпись, въ которой заключалась миѳическая Исторія Арменіи. Эта надпись разошлась въ спискахъ, изъ которыхъ одинъ попалъ даже въ руки Себеоса. Но эта же надпись дала Маръ-Абасу (Мцурнійскому) первую идею къ поддѣлкѣ болѣе пространной и болѣе связной исторіи Арменіи (Маръ-Абаса Катины),—исторіи, попавшей потомъ въ руки Хоренскаго".—Наконецъ, въ „Матеріалахъ для армянскаго словаря" (II, 1885, стр. 62) Паткановъ заявляетъ, что достигнутые Гутшмидомъ по этому вопросу выводы онъ принимаетъ съ нѣкоторыми оговорками, не опредѣляя, однако, въ чемъ состоятъ эти оговорки.

Болѣе рѣзко и опредѣленно высказался по данному вопросу *Гутшмидъ* въ изслѣдованіи своемъ „Ueber die Glaubwürdigkeit des armenischen Geschichte des M. von Khoren" (1876).

Ученый авторъ ставилъ на видъ то обстоятельство, что, при поразительномъ сходствѣ Анонима съ Хоренскимъ (по начальной исторіи Арменіи), замѣчается у нихъ во многихъ пунктахъ и большія различія, происшедшія, однако, не случайно, но какъ бы вызванныя предумышленно. По мнѣнію Гутшмида, самъ Хоренскій и есть авторъ анонимнаго отрывка, послужившаго ему первымъ наброскомъ (den ersten Entwurf), который переработалъ Моисей и по своему усовершенствовалъ—частію, дѣйствительно, исправляя прежнія ошибки, частію сплетая изъ выдумокъ, выступающихъ въ немъ еще робко и разбросанно, величественный строй вымысловъ.—Такимъ образомъ, со словъ нѣмецкаго критика слѣдуетъ, что упоминаемая у Анонима „надпись" вы-

думана, подобно тому, какъ и авторитетъ Агаѳангела вымышленъ; также не существовало никогда, ни Маръ-Абаса Мцурнійскаго, ни его книги (*l. c.* стр. 33 слѣд.).

Впрочемъ, еще раньше Гутшмида, *проф. Гюбшманнъ* („Zur Geschichte Armeniens und der ersten Kriege der Araber", 1875, стр. 4) замѣтилъ мимоходомъ, что интересующій насъ анонимный отрывокъ, не принадлежащій, по его мнѣнію, Себеосу, ссылается на источникъ, который, вѣроятно, выдуманъ.

Еще болѣе неблагопріятно отзывались объ Анонимѣ ученый вѣнскій Мхитаристъ *о. Іосифъ Гатырджіанъ* въ одномъ изъ рукописныхъ своихъ трудовъ (см. „Hantess", 1893, III, стр. 75) и авторъ „Критической исторіи Арменіи" *Гарагашіанъ* (часть I, 1880 стр. 187—188), называвшіе его произведеніе апокрифомъ и грубымъ плагіатомъ, составленнымъ въ VII в. Подъ послѣднимъ выраженіемъ они, очевидно, разумѣли заимствованія изъ Исторіи Моисея Хоренскаго.

Въ послѣдніе годы стали появляться критическія статьи тюбингенскаго профессора богословія, *Феттера*, о Хоренскомъ. Уже изъ вышеупомянутой замѣтки его о Сивилловой цитатѣ у Хоренскаго (1892) видна тенденція автора къ старымъ взглядамъ на Маръ-Абаса: онъ пытается доказать существованіе у Моисея *сирскихъ* источниковъ и даже прямо указываетъ на книгу сирійца Маръ-Абаса. Тоже мнѣніе онъ развиваетъ болѣе подробно въ другой статьѣ о „Книгѣ Маръ-Абаса Мцурнійскаго" (въ Festgruss an R. v. Roth zum Doktor-jubiläum", Stuttgart, 1893, SS. 81—88), выводы которой сводятся къ слѣдующему: „М. Хоренскій не выдумалъ книги Маръ-Абаса, но только перерабатывалъ ее. Во времена Хоренскаго жилъ нѣкій сирійскій авторъ, котораго подлинное или ложное имя было Маръ-Абасъ, а его мѣстопребываніе—Низибъ (Мцбинъ). Сочиненіе этого сирійца, въ которомъ мы должны предположить Всеобщую хронику, написанную въ сочувственномъ парѳянамъ смыслѣ, за-

ключала въ себѣ также древнѣйшую исторію Арменіи до основанія аршакидской династіи. Содержаніе для своей Исторіи, по крайней мѣрѣ, относительно армянъ Маръ-Абасъ черпалъ изъ народныхъ преданій". (*l. c.* стр. 88). Кромѣ того, изъ статьи тюбингенскаго профессора оказывается, что упоминаемый у Хоренскаго Маръ-Абасъ (Катина) самъ по себѣ, Маръ-Абасъ (Мцурнійскій) анонимнаго Отрывка — самъ по себѣ; но оба они восходятъ къ болѣе древней редакціи Маръ-Абаса, которою пользовались Хоренскій и Анонимъ, хотя каждый изъ нихъ по своему. Между тѣмъ какъ первый, Моисей, перерабатывалъ оригиналъ своего источника, внося въ него, по своему обыкновенію, много новыхъ подробностей, второй, Анонимъ, лишь сократилъ этотъ источникъ, въ общемъ все же оставаясь ему вѣренъ, и выпустилъ народныя преданія, которыми не преминулъ широко воспользоваться Хоренскій [1]).

Послѣднее по времени изслѣдованіе по данному вопросу и наиболѣе обстоятельное появилось въ октябрѣ прошлаго (1894) года въ „Византійскомъ Временникѣ" (стр. 263—306) подъ заглавіемъ „О начальной Исторіи Арменіи Анонима" *Н. Я. Марра*. Оно относится къ вопросу объ источникахъ Исторіи Арменіи М. Хоренскаго и написана по поводу критическихъ статей проф. Карріера (Nouvelles sources de M. de Khoren, Vienne, 1893).—Въ опроверженіе мнѣнія французскаго ученаго, утверждавшаго, что Хоренскій и Маръ-Абасъ Катина — одно лицо. (M. de Khoren et généalogies patriarcales, Paris, 1891), что, слѣдовательно, авторитетъ сирскаго ученаго выдуманъ армянскимъ историкомъ, Н. Я. Марръ въ обширномъ раз-

---

[1]) Объ упомянутыя статьи г. *Феттера*, а также помѣщенная имъ въ 88-мъ выпускѣ „Kirchenlexikon" Ветцера и Вельте (1893, стр. 1955—1963) біографія Хоренскаго, отражающая на себѣ взгляды Гутшмида, были переведены на армянскій языкъ о. *Дашіаномъ* въ вѣнскомъ журналѣ „Hantess", а потомъ вышли особой книгой (1895, „Պատ. Գրուխ." եվ) вмѣстѣ съ другими изслѣдованіями тюбингенскаго профессора по духовной армянской литературѣ, помѣщенными въ „Lehrbuch der Patrologie und Patristik" *Nirschl'я*.

борѣ старается доказывать неосновательность взгляда г. Карріера и, въ подтвержденіе достовѣрности упоминаемаго Моисеемъ сирскаго источника, указываетъ на Анонима, дошедшаго до насъ, однако, „и искаженнымъ и дефектнымъ“. Памятникъ этотъ, по мнѣнію Н. Я. Марра, есть наиболѣе древній по армянской исторіографіи, авторъ котораго выдается своею безъискусственностью и правдолюбіемъ (*l. c.* стр. 291). Жившій раньше Хоренскаго, Анонимъ служилъ первоначальнымъ источникомъ армянскому историку, который въ свою очередь внесъ отъ себя нѣкоторыя дополненія.

Выводы М. Я. Марра резюмированы въ слѣдующихъ положеніяхъ, которыя нужнымъ считаю привести (*l. c.* стр. 293—294).

1. „Древнѣйшій, дошедшій до насъ, памятникъ на армянскомъ языкѣ по начальной исторіи Арменіи есть трудъ Анонима, который основанъ частію на сказочныхъ, по признанію самого автора, матеріалахъ, частію на *Исторіи пяти царей* апокрифическаго происхожденія, такъ какъ, соглашаясь съ Анонимомъ въ томъ, что эту Исторію онъ досталъ въ Месопотаміи отъ учениковъ сирійскаго философа, въ самыхъ подробностяхъ нахожденія ея въ развалинахъ дворца (ср. *Ездра* I, гл. VI, 23, II, 1—2) не можемъ не усматривать черты, свойственной апокрифамъ, и само имя Агаѳангелъ, б. м., является продуктомъ измышленія.

2. Этого апокрифическаго Агаѳангела можно сблизить съ Агаѳангеломъ, слывущимъ за автора *Обращенія Арменіи въ христіанство* въ томъ случаѣ, если допустить, что *Исторія обращенія* сначала ходила безъ указанія автора и лишь впослѣдствіи она была приписана Агаѳангелу по недоразумѣнію, которое выяснено выше (стр. 290—293).

3. Въ произведеніи Анонима нѣтъ и намека на возбужденное патріотическое настроеніе, не сказывается еще непосредственное знакомство съ греческой литературой, предметомъ горячаго и исключительнаго поклоненія историка М. Хоренскаго: Анонимъ вращается въ мірѣ биб-

лейскихъ преданій и сирійской мудрости и учености; словомъ, его Исторія есть продуктъ времени господства сирійско-христіанской культуры въ Арменіи, что прекрасно совпадаетъ съ временемъ, опредѣляемымъ послѣдними именами въ приложенныхъ хронологическихъ таблицахъ царей, т.-е. концомъ IV и началомъ V вѣка.

4. Трудомъ Анонима воспользовался впослѣдствіи другой неизвѣстный авторъ (Ср. *К. П. Паткановъ*, Ванскія надписи въ ЖМНП. за 1875, янв. стр. 175, прим. 1), который, захвативъ съ историческою надписью Агаѳангела (Марабы) кое что изъ прибавленнаго Анонимомъ и своеобразно развивъ существовавшія уже въ его источникѣ подробности, пустилъ въ оборотъ такъ обработанный трудъ Анонима цѣликомъ отъ имени сирійскаго мудреца Марабы или Марабаса и впалъ въ грубое противорѣчіе, такъ какъ въ Исторіи, составленной по иниціативѣ перваго Аршакида, оказывается упомянутой смерть его самого и описаннымъ царствованіе преемника его Аршака. Памятникъ этотъ (Псевдо-Мараба) не дошелъ до насъ отдѣльно.

5. М. Хоренскій, который былъ знакомъ съ обоими памятниками, далъ предпочтеніе позднѣйшей, болѣе распространенной и подробной переработкѣ труда Анонима, въ его время слывшей за произведеніе Марабы, и внесъ ее цѣликомъ, съ нѣкоторыми еще дополненіями отъ себя въ свою Исторію Великой Арменіи. Она занимаетъ первую книгу съ VIII главы и девять первыхъ главъ второй книги М. Хоренскаго".

Приводя извѣстныя мнѣ мнѣнія ученыхъ объ анонимномъ Отрывкѣ, я не имѣю въ виду полемизировать по каждому изъ указанныхъ пунктовъ, съ которымъ я почему либо не согласенъ: это завело бы меня слишкомъ далеко и расширило бы предѣлы настоящей главы до размѣровъ, б. м., всѣхъ изслѣдованій по данному вопросу, вмѣстѣ взятыхъ. Въ настоящемъ случаѣ я нахожу

болѣе удобнымъ высказать свой взглядъ независимо отъ предшествовавшихъ изслѣдованій, сосредоточиваясь на слѣдующихъ пяти пунктахъ, исчерпывающихъ, по моему мнѣнію, интересующій насъ вопросъ:

I. Что представляетъ изъ себя анонимный Отрывокъ и на основаніи какихъ источниковъ онъ составленъ?

II. Какая была цѣль составителя Отрывка?

III. Почему Отрывокъ связанъ именно съ Исторіей Себеоса, какъ его начало?

IV. Когда написанъ самый Отрывокъ?

V. Въ какомъ видѣ дошелъ до насъ Отрывокъ?

I.

СУЩНОСТЬ АНОНИМНАГО ОТРЫВКА И ЕГО ИСТОЧНИКИ.

Понятно, какое важное значеніе имѣетъ изученіе внѣшней, формальной стороны литературнаго произведенія, имѣющаго признаки апокрифа, изученіе, такъ сказать, его матеріи—языка и изложенія, иногда даже безъ отношенія къ его содержанію. Пытливое изслѣдованіе въ этомъ направленіи приводитъ къ любопытнымъ открытіямъ, въ смыслѣ опредѣленія, напр., его дѣйствительныхъ источниковъ, времени его составленія и т. п.,—результаты, достиженіе которыхъ едва ли было бы возможно при иномъ отношеніи къ апокрифу.

Въ этомъ именно смыслѣ занялся я разборомъ Анонима, приведшимъ меня, смѣю думать, къ плодотворнымъ результатамъ. Изъ детальнаго анализа текста нашего Отрывка я пришелъ къ заключенію о поразительномъ сходствѣ его прежде всего и болѣе всего съ *Себеосовой Исторіей*, съ которой связанъ онъ и механически. Сходство это, доходящее иногда до тождественности, замѣчается въ слогѣ и изложеніи обоихъ произведеній, ихъ складѣ рѣчи и нѣкоторыхъ пріемахъ—не только въ отношеніи грамматики, синтаксиса и лексики, но и встрѣчающейся только у нихъ у обоихъ оригинальной географической и этнографической номенклатуры.

Вникнемъ въ подробности этого вопроса и отмѣтимъ прежде всего общія у Анонима съ Себеосомъ употребительныя выраженія и характерныя слова.

1) *Себеосъ*, какъ источникъ Анонима.

Слова и выраженія у Анонима, общія съ Себеосомъ:

Стр.	Анонимъ.	Себеосъ. Стр.
1.	(դրոշմել) վիպասանութիւնս, յիշատակել առաւպելս.	35.
—	արքունական կայեանք	58.
2.	(также на стр. 3, 6 и 7) հնազանդիլ ի ծառայութիւն	79, 81, 106, 107, 138, 144, 149 (bis). 150, 151, 152.
—	լեռնոտն	148.
—	ամենայն աղխ (также и въ *Библіи*). . . .	61, 92.
—	(также на стр. 4 и 5) տալ կալուածս ժառանգութեան	106.
3.	մարտիկ	31.
—	տուն հայրենի	150.
—	(также на стр. 7) ի դիմի հարեալ	23, 63.
—	փախստական գնալ	81.
—	(также на стр. 9) ոչ կարաց կդէմ ունել. .	34, 51, 69, 104, 109, 150.
—	դիմեալ գալ ի վերայ.	37, 109.
—	կինակիր (также и въ *Библіи*).	66.
—	(также на стр. 4 и 9) սպառազէն, սպառազինութիւն	22. 26, 29, 35, 38, 39, 67, 70 81, 93, 107, 142.
4.	կուռ սպառազինութիւն	67, 70.
—	պնդել կՀետ (съ род. пад.)	65, 94, 107.
—	թափեցից ի քեզ կապարձս...	75.
—	վստահանալ (ի կուռ սպառազինութիւն) .	
—	ոչ կարացեալ վստահանալ (յիւր զօրացն բազմութիւն, также на стр. 7)	74, 99.
5.	լեռնակողմն	29, 57, 93.
—	առապար	119.
—	գետեզր	106.
6.	ապստամբիլ ի ծառայութենէ	31, 46, 71, 72.
7.	ապստամբեալ ի բաց կալ ի ծառայութենէ.	81, 147, 151, 152.

Стр.	Анонимъ.	Себеосъ. Стр.
8.	*Եւ եղև պատերազմմեծ առ Անտիոք քաղաքաւ.*	81.
—	*կապել ոտիւք և ձեռաւք*	41, 70, 93.
—	*Ճակատիլ ընդդէմ (Արշակայ)*	112 и 74. 75.
—	*„անկանի ի վերայ նորա յանկարծակի“* .	105.
—	*„ի ձմեռն ժամանակի“*	73, 93.
—	*նեղլ վայր.*	52.
—	*սպառել (զզօրն).*	50, 67, 71.
—	*ձերբակալ առնել* (также и въ *Библіи*). . .	38, 39, 52, 59.
—	*ընդ առաջ ելանել.*	68...
9.	*„ոսկիապատ գահոյք“*	39.
–	*Ասպետ*	56, 98, 100—103, 108, 111, 114, 115, 116, 136.
–	*Հրամանատար*	99.

Географическія и этнографическія названія у Анонима, общія съ Себеосомъ:

Стр.	Анонимъ.	Себеосъ. Стр.
7.	(также на стр. 8 и 9 (bis) *Պարթևք*	34, 36, 57, 59, 113, 137.
–	(также на стр. 9 (bis) *Թեոտալացիք*	23, 28, 30, 36, 137, 148, 152.
–	(тоже на стр. 9) *արքայ Թեոտալացւոց* . . .	23, 36.
–	(тоже на стр.8) *Արևելք՝ երկիր Ռուշանայ.* .	65,137и47,60 ,121
–	(тоже на стр. 8 и 9 (bis) *Բահլ Շահաստան* .	40, 67.
—	(также на стр. 9 (bis) *Ռուշանք*	25, 30, 60, 64, 65, 66, 67, 137.
—	(тоже на стр. 9 (bis) *„Բահլ Շահաստանի երկիր Ռուշանայ“*	67, также 30.
8.	*կապկոհ (լեառն)*	37, 143.
9.	*Մծբին քաղաք*	33, 45.
—	*„ի Մրծանայ“*, на стр. 10—*Մրծուին* . . .	37*), 58, 92 (bis).
—	*Աղուաստան*	33, 37, 45, 122, 144, 146.
—	*Տաճկաց (երկիր)*	37, 146, 152, 153.
—	*Ասորւոց (երկիր)*	33, 37, 60, 72.
—	*Կապուտկեայ*	146 (*Կապուտկացիք*).

*) Въ изданіи Спб. (1879) пропущено на стр. 37 „*Մրծուին*“. См. изд. Константинопол. стр. 64.

	Анонимъ.	Себеосъ.
Стр.		Стр.
—	Կիւղիկիա	81.
—	Կիլիկեցիք	28, 131.
—	„Լեառն մեծ Կովկասա“	148 и 29.
—	„Ամուր աշխարհն Մարաց“	92 и 107 (Ср. также „Ամուր երկիրն Վէրմաց“) 57, 58, 59.
—	„Լեառն Զարասպ“	37, 94.
—	Նոր-Շիրակ	37,
—	Միջագետք Ասորւոց	24, 71, 72, 76, 101.
—	Աշխարհ, երկիր Հայոց	passim.
9 и 10.	Հայաստան աշխարհ, երկիր	passim.

Далѣе, вступительныя строки такъ называемой „Агаѳангеловой надписи“ у Анонима кажутся мнѣ сокращеннымъ пересказомъ предисловія Себеоса къ Исторіи Хозроя Парвиза (590—627 г.).

Анонимъ, стр. 1—2. Я, писецъ Агаѳангелъ, начертилъ своею рукою на этомъ камнѣ годы первыхъ *царей* армянскихъ, по повелѣнію *храбраго* Трдата, взявъ изъ царскаго архива... Но я прежде всего *начну разсказывать эпосъ* о грозномъ царѣ и *храбромъ мужѣ*, изложу повѣсти о предкахъ, о томъ, откуда началось устроеніе и населеніе *земли*, далѣе присоединю къ нимъ (къ повѣстямъ), привью мифическій *эпосъ* о *геояхъ* и невѣроятныя (букв. суетныя) *сказанія* о безумныхъ воинствахъ.

Себеосъ, стр. 35. Книга временныхъ лѣтъ, исторія *царей*, *эпосъ* арійскій („քաջական“ имѣетъ значеніе и „*храбрый*“) о... хищникѣ Сассанидскомъ, Хозроѣ Апруезѣ... *Я разскажу* о былomъ на *землѣ*, повѣствуя *сказанія* о сокрушительныхъ происшествіяхъ о возбужденномъ негодованіи свыше, о воспылавшемъ гнѣвѣ съ долу... о *мужахъ-геояхъ*, о храбрыхъ бойцахъ... Я разскажу *эпосъ* о разрушителѣ и опустошителѣ Хозроѣ.

Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить у Анонима легендарныя подробности о выдѣленныхъ Аршакомъ Парѳяниномъ (во II в. до Р. Х.) сыну своему Аршаку, первому армянскому Аршакиду, *границахъ его царства*, буквально совпадающихъ съ достовѣрно-историческими указаніями Себеоса. Историкъ Иракла приводитъ любопытное письмо извѣстнаго узурпатора, Бахрама Михреван-

дака (онъ же—Чубинъ, конца VI в. по Р. Х) къ армянскимъ князьямъ, въ которомъ этотъ послѣдній, перечисляя страны, нѣкогда входившія въ составъ древняго армянскаго царства, обѣщалъ имъ возстановить его подъ условіемъ, если они окажутъ ему содѣйствіе противъ Хозроя Парвиза.

Анонимъ, стр. 9. Въ то время поставилъ Аршакъ (Великій) *царемъ* надъ *Арменіей*, въ городѣ *Мибинѣ*, сына своего, называемаго Аршакомъ Малымъ. Онъ отдѣляетъ ему границы — *Арвастанъ* у земли *Таджиковъ* и у земли *Сирійцевъ*, также (страну) *Капуткэ* (Каппадокію) у Киликіи до берега великаго *западнаго* моря; къ сѣверу до *великой горы Кавказа* (выше на стр. 8 та же гора названа „*Капкохъ*"), который простирается на востокъ и проходитъ по границѣ укрѣпленной страны Маровъ, достигаетъ до горы *Зараспа* и проходитъ по странѣ *Норширакъ*.—Аршакъ отправляетъ его изъ *Мрцана* (*Մրծանայ*, на стр. 10 *Մրծնի*—„*Мрцвинъ*") на западъ...

Себеосъ, стр. 37. Если я одержу побѣду (пишетъ Бахрамъ), то клянусь великимъ богомъ Арамаздомъ, владыкою-Солнцемъ, Луною, Огнемъ, Водой, Михромъ и всѣми богами, что дамъ вамъ царство *армянское*. Изберите себѣ *царемъ*, кого хотите. Предоставляю вамъ всю страну армянскую до (горы) *Капкоха* (та же гора на стр. 148. „*великая гора Кавказъ*") и воротъ Ахванскихъ; со стороны *Сиріи* до *Арвастана*, *Мрцвинъ* и *Норшираканъ* до предѣловъ *Таджиковъ*: ибо все это принадлежало вамъ при предкахъ вашихъ (sic!); а на *западъ*—до Кесаріи *Кападокійской*. Да не посмѣю я перейти (гору) *Зараспъ* (чтеніе *ՀՈրաշաձ* слѣдуетъ исправить въ (*Հ*)*Զարշաձ*, какъ и стоитъ на стр. 94); и сокровища Арійскаго царства достаточны будутъ мнѣ и вамъ...

Наконецъ, и пресловутое *введеніе* Анонима приводитъ насъ все къ тому же Себеосу. Подобно тому, какъ историкъ Ираклa, сознавая, б. м., изъ скромности, свою неподготовленность въ такомъ важномъ предпріятіи, какъ составленіе обширнаго и многосложнаго историческаго труда, ссылается въ послѣсловіи своемъ на „сонмъ ученыхъ", такъ и Анонимъ, принимаясь за свою работу, въ качествѣ „несвѣдущаго изслѣдователя", обращается къ помощи „книги философа Марабы". Кое-что парафразировано и изъ двухъ предисловій Себеоса (стр. 23 и 35).

Анонимъ, стр. 1. Не въ качествѣ свѣдущаго изслѣдователя предпринимаю я по своей волѣ начертить (еще) неописанное время (*ԿԱՒՏԱՐԱԳՐԵԼ* *) *ժամանակ*) и сказанія о древнихъ герояхъ, а также упомянуть о *мнѣахъ* (*ԱՊԱՒԱՂԵԼ*). *Въ этой книгѣ я разскажу* въ порядкѣ изложенія о грядущихъ событіяхъ и укажу *вкратцѣ* постигающія насъ *бѣдствія*, съ упоминаніемъ годовъ и дней пяти царей, *записанныхъ* (при томъ) въ книгу (*ԱՌ ՀԱՅԵՑՈՎ*) Марабы, философа Мцурнійскаго

Себеосъ, стр. 151, (русск. пер. с. 167). Хотя я, по незрѣлости моихъ мыслей и неимѣнію дара познанія, безполезно строчу слова въ этомъ повѣствованіи, но *смотря* (*ԱՌԴՐ ՀԱՅԵՑԱԼ*) на сонмы любознательныхъ (вѣрнѣе *ученыхъ*), утверждаюсь на словѣ пророческомъ...

Ib. с. 35 (русс. пер. с. 37)... *Я разскажу* о быломъ на землѣ, повѣствуя *сказанія* (*ԱՊԱՒԱՂԵԼ*) о разрушительныхъ происшествіяхъ, о возбужденномъ негодованіи свыше...

Ib. с. 23—24 (русс. пер. 24)... послѣ того, возбужденіе страшнаго гнѣва и послѣднія *бѣдствія* отъ хищниковъ въ странѣ южной... Обо всемъ этомъ я хочу *вкратцѣ разсказать* вамъ *въ этой книгѣ*.

Предположить обратное вліяніе Анонимова текста (всего 10 страницъ) на Себеоса, очевидно, невозможно. Обширный трудъ историка Иракла имѣетъ свою опредѣленную, рѣзко очерченную физіономію на ряду со всѣми другими армянскими историками по особенностямъ своего языка, слога, лексики и топографическихъ названій, которыя проходятъ черезъ все сочиненіе и тѣсно связаны съ его содержаніемъ; между тѣмъ какъ анонимный Отрывокъ

*) По поводу чтенія *ԿԱՆԱՏԱՐԱԳՐԵԼ* существуютъ различныя конъектуры: покойный проф. *Паткановъ* (стр. 1 русск. пер. Себеоса) читалъ *ՉԱՆ ԱՏԱՐԱԳՐԵԼ*, *Феттеръ* (Mar Abas von Nisibis, l. c. стр. 84) *ԱՆԱՏԵՐԱՐ ԳՐԵԼ ԺԱՄԱՆԱԿԱ*, *Н. Я. Марръ* (Визант. Временникъ стр. 279) — *ԿԱՅՔ ԱՏԱՐԱԳՐԵԼ* (изъ *ԿԱ(Յ)Ք ԱՏԱՐԱԳՐԵԼ*).—Признаюсь, въ нихъ во всѣхъ я вижу натяжку. Я предлагаю *ԿԱՆԱՏԱՐԱԳՐԵԼ* читать *ԿԱՆԱՏԱՐԱԳՐԵԱԼ* или *ԿԱՆԱՏԱՐԱԳՐԵԼ* (*ԺԱՄԱՆԱԿ*), съ титломъ надъ окончаніемъ причастія прошед. времени, что очень обычно въ рукописяхъ. Это значитъ—„неописанное время", что, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ требованіямъ, и синтаксиса, и логики. Такимъ образомъ, *ԿԱՆԱՏԱՐԱԳՐԵԱԼ ԺԱՄԱՆԱԿ* и *ՎԱՔՈՒՔ ՔՉԱՑՔ ՎԻՊԱՍԱՆԱՒԹԻՒՆ* будутъ прямыми дополненіями глагола *ԴՐՈՇԵԼ*, зависящаго отъ *և եղև*. Титло надъ послѣднимъ слогомъ *ԿԱՆԱՏԱՐԱԳՐԵԼ* по неграмотности переписчиковъ, могло со временемъ отпасть. Авторъ ясно даетъ понять, что онъ будетъ передавать событія изъ такой эпохи, которая никѣмъ еще не описана. — Вслѣдствіе нѣсколько инаго пониманія этого мѣста даннаго отрывка, я привожу его, какъ и другія выписки изъ Себеоса, по своему переводу.

является, какъ увидимъ, пестрымъ наборомъ изъ различныхъ источниковъ. Кромѣ того, въ отличіе отъ апокрифичности и легендарнаго содержанія Отрывка, Исторія Себеоса представляетъ достовѣрно-историческіе факты, описанные авторомъ, который былъ не только ихъ современникомъ, но нерѣдко и очевидцемъ.

Ниже мы увидимъ, что, сверхъ внѣшняго сходства, есть у Анонима съ Себеосомъ еще и внутренняя связь.

2) *Библія.*—Вторымъ послѣ Себеоса источникомъ Анонима я считаю армянскій переводъ *Библіи*.

Прежде всего, въ нашемъ Отрывкѣ мы встрѣчаемъ немало типичныхъ ветхозавѣтныхъ выраженій, а иногда и цѣликомъ цитаты, примѣненныя къ арм. патріархамъ.

Такъ, выраженіе у Анонима (с. 2): „Араманіакъ *родилъ много сыновъ и дочерей, изъ коихъ первенецъ* Арамаисъ; Арамаисъ *родилъ много сыновъ и дочерей, изъ коихъ первенецъ* Амасія; Амасія родилъ *много сыновъ и дочерей, изъ коихъ первенецъ* Гехамъ... Харма... Арамъ,—есть буквальныя повторенія V гл. кн. *Бытія* съ одной стороны и II гл. (стих. 25—27, 42 и 50) I кн. *Паралипом.*—съ другой.

Выраженія Анонима (стр. 5): „*умеръ* Арамаисъ *и правилъ страною сынъ его*, Амасія“, „*умеръ* Гехамъ и *правилъ страною* сынъ его, Харма...“,—тѣже, что и въ I кн. *Паралипом.* (I. 43—51).

Изъ книги же *Бытія* (X, 9—10, XI, 5) парафразированъ слѣдующій отрывокъ у Анонима (с. 3).

„Въ то время воцарился въ Вавилонѣ сильный звѣроловъ Бэлъ-Титанидъ... И былъ онъ княземъ всѣхъ народовъ, разсѣявшихся по лицу всей земли“.

Самое названіе страны Араратъ (*Ан.* стр. 2, 4), куда впервые прибылъ Хайкъ изъ Вавилона и подъ которымъ нужно разумѣть южно-армянскую область, прилежащую къ Ассиріи,—заимствовано, безъ сомнѣнія, также изъ Библіи (IV кн. *Цар.*, XIX, 37).

Къ Библіи же (кн. *Быт.* XV, 2) восходитъ упоминаніе у Анонима (стр. 6—7) о „бѣгствѣ изъ Дамаска (ма-

тери Елеазара), Марсеакъ, домочадки Авраама, въ Арменію" (?). При этомъ нужно замѣтить, что анонимный авторъ, по отсутствію въ армянскомъ языкѣ окончаній и отдѣльныхъ формъ для мужскаго и женскаго родовъ, повидимому, понялъ подъ библейскимъ именемъ Масекъ, передѣланномъ имъ въ Марсеакъ, домочадца, раба, а не рабыню, какою является она въ греческомъ переводѣ Библіи LXX толк.: ὁ δὲ υἱὸς Μασὲκ τῆς οἰκογενοῦς μου, οὗτος Δαμασκὸς Ἐλιέζερ".

Отмѣчу, между прочимъ, и любопытное выраженіе Анонима (стр. 7) — „Александръ, *императоръ* Македонскій", дважды повторяющійся въ I кн. *Маккавеевъ* (I, 1 и VI, 2).

Вліянію Библіи приписываю я также образованіе большинства *именъ древнѣйшихъ армянскихъ патріарховъ*. Но это не значитъ, что Анонимъ взялъ первыя попавшіяся въ Ветхомъ Завѣтѣ имена и примѣнилъ ихъ къ армянскимъ патріархамъ. Любознательному армянскому археологу, задавшемуся цѣлію найти-создать имена своихъ изначальныхъ предковъ, пришла остроумная идея отыскивать ихъ въ географическихъ названіяхъ родной страны и возсоздавать ихъ путемъ народной этимологіи,—пріемъ, извѣстный изъ Библіи же; а древность и даже до нѣкоторой степени и достовѣрность существованія вообще подобныхъ именъ, должна была быть гарантирована, гдѣ оказывалось возможнымъ, наиболѣе авторитетной книгой, священнымъ писаніемъ. Остановившись на такой мысли, авторъ, очевидно, лицо съ духовнымъ образованіемъ, наизустъ знавшій Библію, сталъ пріискивать въ немъ имена, совпадавшія съ топографическими названіями извѣстнаго ему сравнительно небольшаго района Арменіи, ограничивавшагося *Первой Арменіей*, кантономъ *Харкъ*, Турубераской области, центральной армянской провинціей *Айраратъ* и, наконецъ, сосѣдними съ послѣдней предѣлами кантона *Гехакуни*.

Прежде всего нужно было установить родоначальника армянъ. Очевидно, имя его должно было имѣть близкое отношеніе къ національному названію страны и народа

Хайкъ (армяне и Арменія) и, хотя бы косвенно, подтверждалось Библіей. И дѣйствительно, проницательный авторъ нашелъ вполнѣ подходящее для своей цѣли имя—*Хайкъ*, (имя народа—*Хай* съ ласкательнымъ окончаніемъ *к*) въ лицѣ извѣстнаго у древнихъ армянъ миѳическаго стрѣльца, Хайка, соотвѣтствовавшаго греческому Оріону, вмѣсто котораго онъ и стоитъ въ армянскомъ переводѣ Библіи [1]). Согласно ветхозавѣтнымъ воззрѣніямъ автора на происхожденіе народовъ, архегетъ армянъ долженъ былъ быть однимъ изъ потомковъ Іафетовыхъ. Къ тому же была и почва подготовлена: первые христіанскіе писатели Арменіи, руководствовавшіеся подобными же воззрѣніями на происхожденіе армянъ, не безъ вліянія, быть можетъ, Евсевіевой Хроники [2]), производили свой народъ отъ Іафетова внука, Ѳоргома (кн. *Быт.* x); иначе они и не называютъ армянъ, какъ „домомъ", „племенемъ", „сынами *Ѳоргома*" [3]). Анониму пришлось соединить обоихъ представителей армянскаго народа—ветхозавѣтнаго и національнаго—узами родства, обращеніемъ Хайка въ сына Ѳоргома. Являясь современникомъ столпотворенія, Хайкъ eo ipso долженъ былъ участвовать въ этомъ знаменательнѣйшемъ изъ событій древняго міра и, только по смѣшеніи языковъ, явиться на сѣверъ отъ Вавилона, въ область страны, получившую, будто, отъ него названіе Харк' [4]), т. е.

---

[1]) Кн. *Исаіи*, xiii, 10, *Іова*, xxxviii, 31. Ср. также армянскій переводъ слова *Григорія Наз.* „Ընդ որս"—„Противъ тѣхъ, которые говорятъ, что Отецъ болѣе Сына",—въ которомъ встрѣчается *Хайкъ* въ значеніи созвѣздія Оріона. См. *Академич. слов.* подъ словомъ Հայկ'). См. также любопытныя миѳологическія данныя объ Хайкѣ-Оріонѣ въ статьѣ подъ заглавіемъ „Древнія вѣрованія армянъ" *о. Алишана*, въ Polyhistor, (1894, іюль).

[2]) Ср. *Euseb.* Chron. Gr. p. 12 (также ed. *Aucher*, II, p. 7, Chronograph. *Syncel.* p. 39): *Θοργαμὰ ἐξ οὗ Ἀρμένιοι.*

[3]) Ср. у *Агаѳангела* (стр. 24, 582, 597) и у *Фавста* (изд. 1832, стр. 1, 32, 65) — տոհմ, ազգ, լեզուս, որդիք Թորգոմայ:

[4]) Это сближеніе, также какъ и многія другія подобныя, не выдерживаетъ критики. Названіе кантона Հարք, омографически сходное съ имен. падеж. множ. ч. отъ Հայր—отецъ (Հարք), есть совершенно другое слово, какъ видно изъ его родит. падежа: Հարք, род. Հարքայ, а не Հարանց: (См. также у *Гарагашіана*, Критич. ист. Арменіи, I, стр. 149).

Отцы, примѣнительно къ родоначальнику Хайку, „отцу“ своего народа.

Мнѣ даже сдается, что и образованіе легенды у Анонима о борьбѣ армянскаго *Хайка* съ вавилонскимъ *Бэломъ* было вызвано намеками Библіи, которыми очень искусно воспользовался нашъ авторъ.

Поводъ этотъ данъ книгой *Іереміи*, въ которой, предсказывая паденіе *Вавилона* и *Бэла* (гл. L—LI), пророкъ предвѣщалъ, что „на нихъ пойдутъ *сѣверные* народы: они разрушатъ Вавилонъ и отомстятъ Бэлу“.—Подъ *сѣверными* же народами, какъ видно изъ LI главы, Іеремія понималъ не только мидійцевъ, но и армянъ. Пророкъ прямо говоритъ: „созовите на него (на Вавилонъ) царство *Араратское* (т. е. армянское) и полчища Асканазскія“.

Этого было уже достаточно для чуткаго и проницательнаго Анонима, чтобы на основаніи такого намека создать легенду о борьбѣ *сѣвернаго* народа, т. е. армянъ, въ лицѣ ихъ эпонима, *Хайка*, съ *Бэломъ* — такимъ же эпонимомъ вавилонянъ. Лучшаго и болѣе блестящаго начала исторіи народа трудно было и придумать: легенда покоилась на авторитетнѣйшемъ свидѣтельствѣ Библіи.

Нѣкоторыя другія подробности у Іереміи, какъ то — превознесеніе „*стрѣлъ сѣверныхъ* народовъ, которыя, какъ у искуснаго воина, *не возвращаются даромъ*“, (Ib. L, 9), или—призывъ *сѣвернымъ* народамъ „вооружиться *луками* и наполнять *колчаны*“, (Ib. 11), — послужили Анониму, вмѣстѣ съ другими данными, почерпнутыми изъ Библіи же [1]), для деталей описанія этой грозной борьбы между *Сѣверной* страной и *Вавилономъ*, между Хайкомъ и Бэломъ.

Когда былъ найденъ національный эпонимъ, Хайкъ, и было положено основаніе армянскому государству, кто же могъ стать ближе къ родоначальнику народа, какъ

---

[1]) Ср. напр., IV кн. *Царствъ*, VIII, 13 и IX 24 съ пренебрежительнымъ обращеніемъ Хайка къ Бэлу и подробностями пораженія послѣдняго отъ стрѣлы армянскаго родоначальника (*Анонимъ*, стр. 4).

не другой эпонимъ армянъ, образовавшійся уже изъ названія, которое давали народу его сосѣди—греки и персы (Ἀρμένιοι, *Armn*) [1]). Извѣстно, что задолго до нашей эры упоминаются Великая и Малая Арменія: изъ нихъ послѣдняя была при Діоклетіанѣ и Константинѣ В. раздѣлена на Первую и Вторую Арменію, а при Юстиніанѣ явилось цѣлыхъ *четыре* Арменіи [2]), изъ коихъ Первая Арменія, заключавшая въ себѣ, между прочимъ и Таронъ [3]), даже по преимуществу называлась *Арменикъ* [4]). Въ той же области была крѣпость и селеніе *Араманіакъ* [5]). Повидимому, греки даже прямо называли армянъ „Арманіакъ“ [6]). Послѣднее названіе, т. е. имя народа съ ласкательнымъ окончаніемъ *іак*, и было принято Анонимомъ за второй эпонимъ, а носитель его, Араманіакъ, приведенъ въ тѣсное родство съ Хайкомъ, въ качествѣ его сына.

Въ Библіи же находитъ свое объясненіе и имя сына Араманіака, Кадм-*осъ*, (*Анон.* стр. 2—4), несмотря на греческое свое окончаніе. Съ VII в. по Р. Х. упоминается армянское княжество *Кадм*-іанъ [7]); анонимный авторъ придумалъ ему родоначальника въ лицѣ *Кадм*-оса, опираясь, по всей вѣроятности, на библейскаго „Кедма“ или „Кедемъ“, что по еврейски значитъ „востокъ“ („сынами Кедема“ названы въ Библіи, напр., „Измаильтяне, жившіе отъ Египта до великой рѣки Евфрата“ [8]); отсюда — и „домъ“ или „владѣніе Кадма“ у Анонима (ср. *Патк.* Ван. над., стр. 110—111). — Подъ этой мѣстностью авторъ напъ, вѣ-

---

[1]) *Spiegel*, Die Altpersische Keilinschriften, 2 Auflage, p. 5.

[2]) Ср. Арм. географ. VII в. изд. *К. Патканова*, С-пб., 1877, стр. 34.

[3]) *Ѳома Аруруни*, С-пб. 1877, с. 107 „Մրձ ի սահմանս Տարաւնոյ Աստղիկն կոչեցեալ Հայոց“: Ср. также стр. 236.

[4]) Ист. Арм. *Катол. Іоанна*, Іерусал. 1867, стр. 23—24, 88. „Նախ զԱրշնդն (рукоп. *Чамчіана*—Исторія Арменіи, Т. I, стр. 74—Արշնդի) զոր Աստղիկն Հայքն անուանիւր, Երկրորդ Հայք զնա Մօրիկ կոչեաց“...

[5]) *Ѳома Арц.* стр. 194.

[6]) *Катол. Іоан.* с. 23.

[7]) Ср. „Жизнь св. Нерсеса“ (Սոփերք, VI. с. 33) и приписываемый Ананіи Ширакаци (VII в.) списокъ армянскихъ нахараровъ у Шахатуни, Т. II и у Алишана въ „Айраратѣ“.

[8]) Ср. *кн. Быт.* xxv, 19; I *Парал.* i, 31; *Іезек.* xxv, 10; *Іерем.* xlix, 28.

роятно, разумѣетъ граничившую съ сѣверной Ассиріей и лежавшую на сѣверо-востокѣ отъ Месопотаміи южно-армянскую область Кордук' (Καρδοῦχοι Ксенофонта), которая, повидимому, тоже, что и упоминаемый имъ Арарадъ (у *Фавста*, III, 10, гора Сарарадъ въ области Кордук'), куда впервые прибылъ Хайкъ изъ Вавилона.— Вообще, Анонимъ ясно отличаетъ страну Арарадъ, въ южной Арменіи, отъ равнины Айрарат*ъ*, что на сѣверѣ Арменіи: Хайкъ приходитъ изъ Вавилона сначала въ Арарадъ; тутъ оставляетъ внука своего, *Кадм*-оса (т. е., въ области, называемой въ Библіи *Кедемъ*), а самъ идетъ на сѣверъ — въ Харк'ъ. Бэлъ преслѣдуетъ Хайка, направляясь съ юга, съ Арарад*а*; около Харк'а Хайкъ убиваетъ Бэла и спускается снова въ Арарадъ. Сыну же своему, Араманіаку, онъ приказываетъ двинуться на сѣверъ, въ Харк'ъ. Потомки Араманіака пошли еще далѣе на сѣверъ и очутились въ равнинѣ Айрарадъ, чѣмъ и завершается, по представленію Анонима, разселеніе Арменіи по направленію съ юга на сѣверъ — отъ Арарад*а* (Сарарада) къ Айрарад*у* (Айрарату).

Продолжая генеалогію Хайка, авторъ, очевидно, подъ вліяніемъ имени *Араман*-іака, нашелъ и третьяго патріарха — *Арама*-иса въ хорошо извѣстной ему Хроникѣ Евсевія, упоминающей не разъ объ одноименномъ египетскомъ царѣ [1]).

Вліяніе Библіи особенно сказывается на образованіи именъ, слѣдующихъ за Арамаисомъ пяти остальныхъ патріарховъ—Амасіи, Гехама, Хармы, Арама и Арайя.

Изъ армянскаго апокрифическаго сочиненія было извѣстно Анониму имя легендарнаго основателя сосѣдняго съ I Арменіей города *Амасіи*, по преданію, принадлежавшаго въ древности Армянамъ [2]); Библія подтверждала существованіе подобнаго имени, между прочимъ, въ лицѣ

---

[1]) *Eusebii Chronicon*, ed. Aucher, in f°, T. I, pp. 104, 111, 112; II, 60, 178.

[2]) Ср. Ист. Арм. *Кат. Іоанна*, стр. 38; также „Petite Bibliotèque“ (Պ-ֆեր), T. XVI, cc. 55—80.

іудейскаго царя, Амасіи (II кн. *Паралипом.* xxiv, 27; xxv, 1, 26),—и вотъ является четвертый армянскій патріархъ *Амасія*.

Такимъ же путемъ составлено имя сына и наслѣдника его, *Гехам'а*—на основаніи названій горы *Гехъ* и кантона и озера *Гех*-акуни и даже, б. м., мѣстности *Гехамъ* [1]); а подтвержденіе тому найдено въ библейскомъ *Геехамъ* [2]) (кн. *Нееміи*, vii, 51).

Далѣе, въ нѣкоторыхъ библейскихъ именахъ съ *Арм* и *Ар* въ началѣ слова какъ будто усматривается авторомъ присутствіе чего то армянскаго, б. м., вслѣдствіе сближенія съ *Араман*-іакомъ; черезъ это является: *Харма*, шестой патріархъ армянскій, передѣланный, повидимому, изъ *Храма* [3]) (I *Паралип.* ii, 25),—*Арамъ*, сынъ Хармы, тождественный съ Симовымъ сыномъ, Арамомъ (I *Паралип.* i, 17, vii, 34 и др.), наконецъ, *Арай*—изъ названія армянской равнины *Ара*-радъ, соименникъ котораго найденъ въ той же книгѣ *Паралипом.* (vii, 38) въ лицѣ *Ара* же, сына Іаѳера.—Арайю данъ эпитетъ „прекрасный“, явившійся какъ переводъ персидскаго слова *ârâ*, что, дѣйствительно, означаетъ „красивый“. Изъ сближенія же этого имени съ названіемъ миѳическаго существа „*Аралеза*“, упоминаемаго у Фавста и Езника, Анонимъ весьма искусно составилъ романическое сказаніе объ Арайѣ Прекрасномъ и Семирамидѣ, не безъ вліянія, какъ я думаю, Діодорова разсказа объ ассирійской царицѣ съ одной стороны и, б. м., Климентова указанія на легенду объ *Эрѣ* [4]) Армянинѣ — съ другой. Подробнѣе объ этомъ вопросѣ мы поговоримъ въ V главѣ нашего изслѣдованія.

---

1) Ср. у *Стефана Сюнійскаго*: Գեղամաքակ, изд. Эмина, стр. 374.

2) Գեհ'ամ (Գեհամ?) рим. венец изд. 1860 г.; вѣрнѣе чтеніе Գեհամ, что объясняется смѣшеніемъ буквъ ղ (ġ) и ղ вслѣдствіе ихъ сходства. См. Словарь библ. именъ во II томѣ Арм. Словаря, Венеція, 1769. Видно, и въ томъ экземплярѣ Библіи, который находился у Хоренскаго, стояло Գեհ'ամ:

3) Համա, также Խամա и ԵՒրամա—см. арм. переводъ Библіи: кн. *Іисуса Нав.* xviii, 25, кн. *Нееміи*, vii, 30 и друг.

4) Ср. также библ. «*Эр*'а» (Եր), первенца Іуды: *Быт.* xxxviii, 3; I *Парал.* ii, 3, iv, 21 etc.

Благодаря подобной этимологизаціи, и армянская гора *Масик'* (Араратъ) получаетъ свое происхожденіе отъ библейской *Масекъ* (кн. *Быт.* xv, 2), одной изъ рабынь Авраама, бѣжавшей, будто, въ Арменію. Даже имена ея потомковъ, поселившихся, по словамъ Анонима, по близости горы Гехъ—*Фароха*, *Фарохта* и *Фаракана* — составлены, какъ мнѣ кажется, на основаніи топографическихъ названій мѣстностей, лежавшихъ по близости этой горы. На это могло навести нашего автора сходство значенія горы *Гехъ*—по армянски красота—съ приведенными названіями, заключающими въ началѣ слова *Фар-*, что по персидски также значитъ красота [1]). Такъ, *Фарахотъ* былъ крѣпостью и селеніемъ въ Коговитѣ, Айраратской провинціи, упоминаемый у Ехише (изд. Венец. 1859, с. 60). Въ той же мѣстности было, вѣроятно, и „поле Фараканъ", встрѣчаемое и у Агаѳангела (с. 164); *Фараканк'* же одинъ изъ кантоновъ Сюнійской провинціи, тянувшійся по южному берегу озера Гехакуни. (Стеф. Сюн. изд *Эмина*, стр. 373).

Знакомствомъ же Анонима съ персидскимъ языкомъ нужно объяснить составленіе именъ слѣдующихъ за восьмымъ потомкомъ Хайка, Арайемъ, правителей армянскихъ — *Сархана*, *Шаваша*, *Фарнаваза* и даже *Зареха*, которыя по своему персидскому происхожденію рѣзко отличаются отъ названій первыхъ армянскихъ патріарховъ. Странно только, что персидскія имена появляются у армянъ за долго до медо-персидскаго владычества, вскорѣ послѣ Сеннахирима [2]), когда они, освободившись отъ ассирійскаго ига, были нѣкоторое время независимы, до покоренія Арменіи Навуходоносоромъ (*Анон.* с. 6).

---

[1]) Ср. арм. текстъ *Себеоса*, изд. Спб., 1879. Примѣчаніе издателя на стр. 7.

[2]) Болѣе десяти разъ встрѣчается имя *Сеннахиримъ* въ Библіи, притомъ въ древнихъ спискахъ армянскаго его перевода оно является въ различныхъ формахъ: Սննքերիմ, Սննաքերիմ, Սնաքերիմ, Սննքարիմ; а въ одномъ случаѣ (III кн. *Макк.*, vi, 4) вм. греч. Σενναχηρειμ стоитъ Սանատրուկ (см. *Слов. соб. имен.* во II ч. Слов. Мхитара, Венеція, 1769, стр. 206); Սննքարիմ имѣетъ и *Анонимъ*. Жаль только, что эти любопытныя разночтенія (за исключеніемъ послѣдняго) уравнены въ венеціанскомъ изданіи арм. Библіи 1860 г.! Въ Хроникѣ *Евсевія* (I pp. 20—22, 26; II. p. 101) также встрѣчаются различныя формы одного и того же имени—Սննքերիբ и Սննքերին.

Въ самомъ дѣлѣ, *Сарханъ* въ значеніи athleta, pugnator встрѣчается, между прочимъ, въ Wis ô Râmîn, стр. 393. Какъ собственное имя, оно, сколько мнѣ извѣстно, ни у кого изъ армянскихъ писателей до X вѣка не встрѣчается; только у продолжателя Ѳомы Арцруни (стр. 308), т. е. въ XI в., упоминается нѣкто „Сраханъ, кровожадный турокъ", опустошившій владѣнія арцрунійскаго княжества.—*Шавашъ* есть авест. Siyavaršna, н. перс. Siâvuš; его болѣе древняя форма Siâvachš (у Фирдауси и Табари); см. *Lagarde*, Armen. Stud. стр. 116. Въ древнеармянскихъ памятникахъ имя Шавашъ мы находимъ впервые въ *Мучен. св. Ѳаддея*, (вѣроятно, V в.), съ окончаніемъ мѣста *-ан* (ան), въ качествѣ названія селенія: „բաղաքագիւղն Շ-ղեան" (Սիոն, VIII, с. 13 и 61). — *Фарнавазъ* есть пехлевійское видоизмѣненіе др. перс. Φαρνάβαζος. (См. у Fick, Griech. Person.). Раньше другихъ армянскихъ писателей употребляетъ это имя *Фавстъ* (V, 15) съ патронимическимъ окончаніемъ *еан* —Փառաւազեան.— *Зарехъ* можетъ соотвѣтствовать по звуковому составу Ζαριάδρης. (*Lagarde*, Armen. Stud. стр. 53).

Что же касается имени *Армог*'а, предшественника Сарханга, то оно могло быть заимствовано изъ того же источника, откуда и многія изъ вышеупомянутыхъ именъ, а именно изъ Библіи. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ спискахъ армянскаго перевода Библіи читается нерѣдко имя *Арбокъ* (Արբոկ), вмѣсто *Арговъ* и *Іавокъ* (Արգով и Յաբոկ) — кн. *Второзак.* III, 4, 19; кн. *Судей*, XI, 13 и др. Въ сочетаніи съ другимъ словомъ Арбокъ встрѣчается и въ помянутомъ нивелированномъ венец. изданіи Библіи (кн. *Іис. Нав.* XXI, 11; кн. *Чис.* I, 10) въ формѣ Քարիաթ-արբոկ. Я допускаю возможность заимствованія Анонимомъ имени Արշոգ изъ библейскаго Արբոկ, при чемъ, или въ бывшемъ у него въ рукахъ спискѣ Ветхаго Завѣта стояло Արշոգ вм. Արբոկ смѣшеніемъ շ и բ, вслѣдствіе ихъ сходства (ср. Սենեքերիմ и Սենեքերիբ), либо въ Արմոգ'ѣ Анонима мы имѣемъ передѣланную переписчиками библейскую форму имени Արբոկ.

Тоже самое, т. е. библейское происхожденіе можно было бы приписать и имени *Зарех'а* [1]), предшественника Армога, если бы вопросъ о знакомствѣ Анонима съ этимъ именемъ черезъ персидскій языкъ представился спорнымъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ списокъ потомковъ *Фарнавазa*, съ котораго, собственно, и начинается тенденціозная часть Анонима. *Багаратъ*, предполагаемый родоначальникъ славныхъ князей Багратидовъ, управлявшихъ Арменіей, какъ извѣстно, болѣе двухъ вѣковъ (VII—IX по Р. Х.), въ качествѣ князя-князей, подъ владычествомъ персовъ и арабовъ, и достигшихъ царской власти въ IX вѣкѣ,—возведенъ въ нашемъ Отрывкѣ, въ силу извѣстныхъ соображеній, къ глубокой древности, удостовѣряемой, хотя бы формально, авторитетнымъ свидѣтельствомъ Библіи. Пытливому автору анонимнаго Отрывка удалось отыскать имя этого родоначальника въ кн. *Нееміи* (VII, 59), гдѣ въ спискѣ сыновъ Израиля, возвращенныхъ изъ вавилонскаго плѣненія *Навуходоносора*, дѣйствительно, упоминается тождественный съ именемъ мнимаго багратидскаго предка—„*Пакаратъ*“ [2]).

Самъ Анонимъ въ трудѣ своемъ, конечно, не ссылается на Библію, ниже сближаетъ *Пакарата* еврейскаго съ *Багаратомъ* армянскимъ; другими словами—онъ не указываетъ намъ того процесса мышленія, который въ немъ происходилъ въ данную минуту. Но, зная тонкіе пріемы нашего автора, его тенденціозныя розысканія и сближенія, не трудно догадаться, что упоминаніе имени *Багаратъ*, и именно послѣ Навуходоносора, вызвано ассоціаціей идей съ библейскимъ указаніемъ. Это видно также изъ того, что *Багаратовъ отецъ*, Фарнавазъ, отнесенъ въ нашемъ Отрывкѣ ко времени *Навуходоносора*, которому тотъ, будто, подчинился: *Багаратъ*, слѣдов., какъ сынъ

---

[1]) См. кн. *Неем.* XI, 24; I кн. *Парал.* I, 44, IV, 24.

[2]) Въ армян. перев. Библіи стоитъ въ этомъ мѣстѣ „Պրակէ Փ-ր-կ“, въ греч. ἐκ τοῦ Φακαρὰθ. То же имя во II кн. *Ездры* (II, 57) встрѣчается въ формѣ Փ-ր-կ-ր-ո-ի или Փ-ր-կ-ր-ո-ի.

Фарнаваза, т. е. позже его на одно поколѣніе, могъ жить при освобожденіи евреевъ отъ вавилонскаго плѣна, продолжавшагося, какъ извѣстно, около 50-ти лѣтъ.

Наконецъ, и отмѣченная тутъ же связь *Багарата* съ божествомъ *Ангехъ* (Анонимъ стр. 6) приводитъ насъ къ Библіи. Въ IV кн. *Царствъ* (XVII, 30), при перечисленіи идоловъ у различныхъ *варваровъ*-язычниковъ, переселенныхъ въ Іудею изъ Ассиріи, говорится между прочимъ, что „мужи *Хута*“ сдѣлали себѣ *Ангеха* [1]).

Эти указанія опять наводятъ Анонима на сближенія съ географическими и этнографическими названіями его родины. Ему была извѣстна древняя армянская область *Ангех*-танъ (домъ, владѣніе Ангеха), находившаяся по сосѣдству съ принадлежавшимъ въ VII—IX вв. Багратидамъ кантономъ Таронъ [2]), который составлялъ часть такъ называемой „Первой Арменіи“; весьма возможно, что во владѣнія этого княжества входила въ тѣ времена также часть *Ангех*-тана, если даже не вся область. Анонимный авторъ зналъ также о преданныхъ Багратидамъ жителяхъ сосѣдней съ Тарономъ и *Ангех*-таномъ гористой области *Хуйтъ*, хотя и не называетъ прямо ихъ имени и довольствуется лишь намекомъ на ихъ *„варварство“*, — отличительная черта въ характерѣ этихъ горцевъ, отмѣченная у писателей X вѣка [3]).

Тутъ уже есть данныя, изъ которыхъ Анонимъ могъ сдѣлать сближенія библейскихъ названій — божества *Ангехъ* и варварскаго народа *Хутъ* съ *Ангех*-таномъ и варварскимъ армянскимъ племенемъ *(Хуйтъ)*; изъ факта же владѣнія Багратидовъ „Первой Арменіей“ (Таронъ) и съ ней вмѣстѣ, б. м., *Ангех*-таномъ онъ отождествилъ два имени — предполагаемаго родоначальника Багратидовъ, *Бага*-рата, въ которомъ не безъ основанія видѣлъ

---

[1]) „Եւ արք Քութացի արարին զԱնգեհեա“ — „Καὶ οἱ ἄνδρες Χουθ ἐποίησαν τὴν Νεργέλ“.

[2]) Ср. *Себеосъ*, стр. 102; *Ѳома Арцруни*. стр. 106 и слѣд., 220; *Катол. Іоаннъ*, стр. 147—150; также *Асохикъ*, С-пб. 1885, стр. 107.

[3]) *Ѳома Арцруни*, стр. 120—121; *Катол. Іоаннъ*, стр. 150.

нашъ авторъ понятіе божества (б. м., подъ вліяніемъ Агаѳангела) [1]), и *Աստուա՛ծ*, божественность котораго подтверждалась Библіей.

Вотъ какія искусныя, замысловатыя и сложныя комбинаціи, какія тонкія соображенія и сокровенныя тенденціи видимъ мы у Анонима въ подборѣ и приноровленіи именъ армянскихъ патріарховъ, именъ, кажущихся на первый взглядъ перечисленными одинъ за другимъ совершенно просто и естественно, безъ всякой задней мысли, даже безъ цѣли!

3) *Евсевій*. — Слѣдующимъ источникомъ Анонима я считаю *Хронику Евсевія* въ арм. переводѣ, сдѣланномъ съ греческаго оригинала, по всей вѣроятности, въ V в.

Весь разсказъ нашего автора о „возстаніи парѳянъ" противъ македонянъ и войнахъ ихъ съ Селевкидами, начиная отъ Антіоха Теоса и до Антіоха (Сидета), убитаго Аршакомъ въ Вавилонѣ,—т. е. одна пятая объема всего Отрывка (стр. 7 и 8), есть парафраза изъ Хроники, съ нѣкоторыми дополнительными подробностями касательно географическихъ данныхъ, заимствованными, какъ мы видѣли, у Себеоса. При этомъ, несмотря на желаніе автора избѣгнуть буквальныхъ извлеченій и передавать Евсевія своими словами, ему это не удается: нерѣдко прорываются у него подлинныя слова и выраженія армянскаго перевода Хроники, какъ увидимъ изъ сравненія русскаго перевода Анонима и Евсевія. Еще лучше видна зависимость анонимнаго автора отъ Хроники изъ сопоставленія армянскихъ текстовъ того и другаго, о чемъ см. во второй части нашего изслѣдованія, гл. II.

Анон. (рус. пер. с. 8—9).	Евсевій (Chron. I, p. 163).
Возстаніе Парѳянъ, случившееся въ то время. Послѣ смерти Александра, ца-	Но *Селевкъ* пошелъ противъ варваровъ (т. е. *Парѳянъ*) и побѣдилъ ихъ, а потому былъ названъ *Ника-*

[1]) См. Венец. изд. 1862, стр. 612. „...գայր (Տրդատ) հասանէր ի քաղաքագիօղն Թեսփռատն, որ անուանեալ կոչի ի Պարթեւական լեզուէն Դիւցաւան։

ря (въ подлинникѣ: императора) Македонскаго, Парѳяне служили *Македонянамъ* 61 годъ. Въ *Вавилонѣ царствовали* (до того времени) *Селевкъ Никаноръ 38 лѣтъ* [1]); *Антіохъ Сотеръ—19; Антіохъ Теосъ*—10 лѣтъ. *На одиннадцатомъ году царя Антіоха возстали Парѳяне*, и освободились отъ рабства македонскаго. *Воцарился* великій *Аршакъ*, сынъ царя тетальскаго въ Бахлъ-Шахастанѣ, въ землѣ Кушанской, и ему подчинились въ рабство всѣ народы востока и сѣвера. Царь Аршакъ со всѣмъ своимъ войскомъ пошелъ войною съ востока на Вавилонъ, во владѣнія вышеупомянутыхъ царей, чтобы тамъ основать свое царство; и онъ достигъ Вавилона. Когда же Антіохъ видѣлъ, что царь парѳянскій Аршакъ съ безчисленнымъ войскомъ устремился на него, и когда онъ не могъ полагаться на свои войска, чтобы встрѣтить врага своего, то онъ скрылся отъ лица его, и убѣжалъ въ Асіастанъ [3]), (восточ. провинціи Малой Азіи) и царствовалъ онъ 5 лѣтъ. Послѣ него *норомъ*; онъ *царствовалъ 32 года*[1]). [*Ib.* II, p., 128, подъ 1-мъ годомъ 117-ой Олимпіады и 1705 г. отъ Авраама значится: „Царствовалъ *Селевкъ Никаноръ* надъ Сиріей, *Вавилономъ* и верхними областями *32 года*“].

Ib. I, p. 163—164. Ему наслѣдуетъ сынъ его, *Антіохъ* (рожденный отъ жены) Апамы, персидской урожденки, и былъ названъ *Сотеръ*, правившій *19* лѣтъ. ...По смерти помянутаго Антіоха Сотера наслѣдуетъ царство *Антіохъ*, названный *Теосъ*, который послѣ 19-ти [2]) лѣтъ заболѣлъ и умеръ въ Ефесѣ...

[*Ib.* II, p. 130, подъ 3-мъ годомъ 132 Олимпіады и 1766 отъ Авраама, который есть *11-й годъ царствованія Антіоха Теоса*, значится: „*Парѳяне возстали* противъ *Македонянъ* и *воцарился* между ними *Аршакъ*: отъ него и Аршакиды“].

Ib. I, pp. 164—165. Послѣ него наслѣдуетъ старшій сынъ, Селевкъ, названный Каллиникъ и царствовавшій 21 годъ... Онъ имѣлъ союзниковъ Галатовъ въ двухъ сраженіяхъ: въ Лидіи (гдѣ было первое сраженіе) онъ выигралъ побѣду, но не взялъ, ни Сардъ, ни Ефеса, ибо они были въ рукахъ Птоломея. Когда же при второмъ сраженіи войска его, числомъ 20 тысячъ,

---

[1]) Число 38 вм. 32 явилось у Анонима не потому, какъ предположилъ русскій переводчикъ Себеоса (стр. 8), что въ немъ входятъ также годы намѣстничества Селевка въ Вавилонѣ, но по описке: въ арм. пер. Хроники Евсевія (I, pp. 163, 170, II, p. 128) стояло 32, т. е. ԼԲ, что было прочитано ԼՌ (38), по сходству второй буквы перваго числа Բ—2 со второю же буквою второго числа Ը—8.

[2]) Очевидная описка вмѣсто 15-ти, какъ и стоитъ въ двухъ случаяхъ въ той же Хроникѣ: въ спискѣ Селевкидскихъ царей (I, p. 170) и въ синхронистическихъ таблицахъ (Canones)—II, p. 130.

[3]) Раньше *Ѳомы Арцруни* (стр. 25,33), никто изъ арм. писателей до X вѣка не упоминаетъ названія Асіастанъ—Ասիաստան, т. е. Асія.

нѣкоторое время правятъ Македоняне Асіастаномъ другъ послѣ друга. Царь Аршакъ подчинилъ себѣ Ассирійцевъ, подвластныхъ Антіоху; также Вавилонянъ, Персовъ, Маровъ и землю армянскую до горы Капкохъ и до береговъ великаго западнаго моря. Царствовалъ Аршакъ въ Вавилонѣ много лѣтъ.

Въ 114-мъ парѳянскаго царя Аршака и *на 4-мъ году* правленія *Димитрія* въ Асіастанѣ и *Сиріи*, когда *Аршакъ* былъ въ отсутствіи на Востокѣ, *Димитрій собралъ войско*, и взялъ *Вавилонъ*. Димитрій видя, что Аршакъ идетъ на него съ безчисленнымъ войскомъ, уступилъ ему и отступилъ къ Антіохіи, и тамъ далъ Аршаку сраженіе. Произошла страшная битва при городѣ Антіохіи; *войска* Димитрія *были* разбиты и *истреблены*, а самъ *Димитрій* попался *въ плѣнъ*. *Аршакъ* связавъ ему руки и ноги, *увезъ* съ собою на востокъ въ Бахлъ-Шахастанъ.

наступили на Митридата въ Каппадокіи, они потерпѣли пораженіе отъ варваровъ (т. е. Парѳянъ) и самъ царь былъ убитъ... Между тѣмъ братъ Каллиника, Антигонъ, обходилъ великую Фригію и принуждалъ жителей къ уплатѣ дани... Послѣ Каллиника царствуетъ сынъ его Селевкъ Керавнъ—3 года, убитый во Фригіи... Селевку Керавну наслѣдуетъ его братъ, Антіохъ, объявленный царемъ войсками въ Вавилонѣ и названный (Великимъ); онъ царствовалъ 36 лѣтъ... Отправившись въ походъ въ Сузу и верхнія области, онъ понесъ пораженіе въ битвѣ противъ Еламитовъ: (войска его) были *совершенно истреблены*. [За Антіохомъ послѣдовательно царствуютъ: Селевкъ (IV Филопаторъ) 12 лѣтъ, Антіохъ Епифанъ—11, Антіохъ (Евпаторъ) $1^1/_2$ г., Деметрій Сотеръ — 12, Александръ—15 [1]), Деметрій сынъ Деметрія—3, Антіохъ Сидетъ—9]... Когда же *Деметрій*, сынъ Деметрія, и Антіохъ, сынъ Александра, прибывъ изъ *Сиріи* и Антіохіи, напали другъ на друга, то Деметрій побѣдилъ и воцарился въ первый годъ 160-й Олимпіады.

Черезъ годъ *онъ собралъ войско* и пошелъ противъ *Аршака* въ *Вавилонъ* и верхнія области; а въ слѣдующемъ году, т. е. въ 3-й годъ 160-й Олимп., былъ *захваченъ Аршакомъ въ плѣнъ и увезенъ* въ Парѳію... почему и названъ Ситеридъ, ибо онъ былъ *уведенъ въ плѣнъ*, закованный въ цѣпяхъ, и содержался подъ стражею.

[1]) Вѣрнѣе 10 лѣтъ, какъ показано въ синхронистическихъ таблицахъ той же Хроники (II, pp. 134—136).

Анон. *Антіохъ, братъ Димитрія, узнавъ, что Димитрій находится* въ рукахъ царя Аршака, самъ воцарился надъ *Сиріей* и Асіастаномъ, собралъ войско и пошелъ на Вавилонъ, послѣ десяти лѣтъ. Свѣдалъ Аршакъ, что воцарился Антіохъ, братъ Димитрія, и идетъ на Вавилонъ. Послѣ *10-ти лѣтъ Аршакъ освобождаетъ Димитрія и отпускаетъ его къ брату*, чтобы поговорить съ нимъ о томъ, что надо было дѣлать. *Но Димитрій* не пошелъ къ брату своему въ Вавилонъ, но перешелъ въ Асіастанъ. Тогда *выступилъ Аршакъ* на Вавилонъ, *съ 130-ю тысячами*. На 128-мъ году своего царствованія, при приближеніи къ Вавилону, неожиданно *напалъ* на него *Антіохъ, въ зимнее время, въ теснинахъ*, но не пересилилъ его. Разбивъ войска его, Аршакъ поразилъ и свалилъ на землю *Антіоха и умертвилъ* его; въ то же время *онъ взялъ въ плѣнъ Селевка, сына Антіохова, котораго держалъ царь* при дворѣ своемъ.

Евсев. I, pp. 166—167. *Антіохъ*, младшій *братъ Деметрія,... узнавъ, что Деметрій* провинился и *находится* въ оковахъ... занялъ *Сирію*... процарствовавъ 9 лѣтъ;... *а въ четвертый годъ* 162-й Олимпіады *выступилъ Аршакъ со 120-ю тысячами* (противъ Антіоха). Онъ думалъ употребить хитрость: *отпустилъ* въ Сирію *брата его* (Антіоха), *Деметрія, находившагося въ плѣну. Антіохъ*, по случаю наступленія *зимы, напалъ* на варваровъ (Парѳянъ) *въ теснинахъ* и въ ожесточенной схваткѣ былъ раненъ и умеръ, имѣя отъ роду 35 лѣтъ. *Сына же его, Селевка*, прибывшаго вмѣстѣ съ отцемъ и совершенно юнаго по возрасту, *царь Аршакъ взялъ въ плѣнъ и держалъ его* по царски.

[*Ib.* II, p. 138, подъ 1-мъ годомъ 163-й Олимпіады и 1880 г. отъ Авраама значится: „Парѳянинъ *Аршакъ убиваетъ Антіоха*“].

Ib. I, p. 167. *Но Деметрій* снова воцарился во 2-мъ году 162-й Олимпіады, *пробывъ въ плѣну десять лѣтъ.*

Изъ Хроники же (I, pp. 20, 34...) впервые была извѣстна Анониму (стр. 5 — 6) армянская форма имени знаменитой ассирійской царицы — *Шамирамъ*, вмѣсто греческой Семирамиды.

Изъ сравненія обоихъ текстовъ ясно, что Анонимъ имѣлъ подъ рукою армянскій переводъ Евсевіевой Хроники. При этомъ, намѣренно, либо по незнанію анонимнаго автора, явилось крупное недоразумѣніе относительно основателя аршакидской династіи, требующее разъясне-

нія. Дѣло въ томъ, что въ Хроникѣ, подъ 3-мъ годомъ 132-й Олимпіады и 1766 г. отъ Авраама, соотвѣтствующимъ 11-му году Антіоха Теоса, упоминается Аршакъ: „Парѳяне возстали противъ Македонянъ и воцарился между ними *Аршакъ*, отъ него и Аршакиды". (II, p. 130). Въ другой разъ, подъ первымъ годомъ 163-й Олимп. и 1888 г. Авр., относящимся къ 9-му году Антіоха Сидета, т. е., спустя 122 года послѣ перваго упоминанія, приводится объ Аршакѣ же: „Парѳянинъ *Аршакъ* убиваетъ Антіоха". (*Chron.* II, p. 138). — Обоихъ этихъ Аршаковъ, жившихъ другъ отъ друга на протяженіи 122-хъ лѣтъ и представляющихъ изъ себя, несомнѣнно, двухъ различныхъ царей парѳянскихъ — Аршака, родоначальника Аршакидовъ и, вѣроятно, Аршака VI-Митридата I, Анонимъ принялъ за одно лице. Вотъ почему основатель парѳянской династіи долженъ былъ, волею-неволей, царствовать 130 лѣтъ, чтобы быть въ состояніи произвести возстаніе при Антіохѣ Теосѣ и убить десятаго послѣ него Селевкидскаго царя, Антіоха Сидета. — Замѣтивъ нѣсколько далѣе эту ошибку, (если только это не было сдѣлано другимъ лицемъ), анонимный авторъ, съ цѣлью, вѣроятно, исправить ее, даетъ Аршаку 56 лѣтъ царствованія и 130 лѣтъ жизни [1]).

4) Кромѣ помянутыхъ трехъ главныхъ источниковъ были у Анонима и другія пособія, какъ то:

а, *Агаѳангелъ* (начала V в.): изъ его „Исторіи обращенія" извѣстенъ Анониму и царь Трдатъ, очевидно, Трдатъ Великій, современникъ Константина Великаго и усердный споспѣшникъ Просвѣтителя въ дѣлѣ распространенія христіанства въ Арменіи, въ началѣ IV в. — Изъ первой же части Агаѳангела (Мученичество св. Григорія и свв. дѣвъ Рипсиміанъ) взято нашимъ авторомъ, какъ я уже сказалъ, „*поле Фараканъ*, мѣсто *для охоты*". (Ср. *Агаѳ.* стр. 164 и *Анон.* стр. 7).

[1]) *Анон.* стр. 9. — Ср. также 26-е примѣч. къ русск. переводу *Себеоса*, стр. 175. — По списку Михрдатьяна (стр. 13) 130 лѣтъ есть продолжительность царствованія Аршака.

Еще важнѣе заимствованіе изъ второй части того же историка (Ученіе св. Григорія)—отрывка о столпотвореніи, видоизмѣненнаго Анонимомъ сообразно своей цѣли, какъ видно изъ слѣдующаго сравненія:

Анон. стр. 2... привью... невѣроятныя сказанія о безумныхъ воинствахъ, которыя, по *порожденіи зачатія* отъ великихъ мукъ столпотворенія (соб. *башни*), *разсѣялись* по великой, безграничной пустынѣ, въ мѣстахъ, гдѣ, отъ *непониманія говоровъ*, *каждый* поднималъ постоянно мечъ свой *на другаго*. Тогда Титанъ первый воцарился на землѣ.

Агаѳ. стр. 464—5... И, боясь въ будущемъ новаго потопа, они стали строить *башню*; но *зачатіе* ихъ *породило* смѣшеніе *непонятныхъ* другъ другу *говоровъ*...они зачали нечестіе, родили дѣленіе языковъ на многіе *говоры*, такъ что *одинъ не понималъ другаго;* и отдѣлившись другъ отъ друга, *разсѣялись*...

Наконецъ, къ предисловію Агаѳангела восходитъ и прологъ автора надписи въ анонимномъ Отрывкѣ, называющаго себя также Агаѳангеломъ и равнымъ образомъ принимающагося за составленіе лѣтописи по повелѣнію Храбраго Трдата. Для сличенія, привожу оба отрывка.

Анон. стр. 1. ...Когда колонны этого дворца (Санатрука) были востребованы ко двору персидскаго царя, то при разрытіи развалинъ для отысканія колоннъ, нашли неожиданно надпись *греческаго письма*, начертанную на камнѣ: дни и годы пяти царей армянъ и парѳянъ. Найдя эту надпись у его учениковъ въ Месопотаміи, я хочу вамъ ее сообщить. Вотъ заглавіе ея:

Я, писецъ *Агаѳангелъ*, написалъ на этомъ камнѣ моею рукою годы первыхъ царей армянскихъ, *по повелѣнію храбраго Трдата*, взявъ содержаніе изъ царскаго архива... Но я *прежде* всего начну разсказы-

Агаѳ. Стр. 18—20 ...Получивъ *повелѣніе*, *я*, *Агаѳангелъ* нѣкій, изъ великаго города Рима, обучавшійся наукамъ на родномъ языкѣ и упражнявшійся въ *письменности* римской и *греческой*, а также весьма свѣдущій въ искусствѣ начертанія письменъ, — прибылъ ко двору Аршакида, во дни *храбраго*, добродѣтельнаго, мощнаго и воинственнаго *Трдата*...; (онъ) повелѣлъ намъ не ложно *повѣствовать* (վիպասանել)о (подвигахъ) его мужества, ниже произвольно вносить *сказанія* болѣе, чѣмъ это слѣдуетъ...

Итакъ, *по* полученіи мною *повелѣнія* отъ великаго царя, *Трдата*,—изложить наосноваиіи

вать *эпосъ*(վիպասանութիւն)о страшномъ царѣ и храбромъ мужѣ, изложу повѣсть о предкахъ... и *сказанія*...

хронологическихъ памятниковъ *сперва* подвиги храбрости отца (его), мужественнаго Хосрова...

b, *Фавстъ Византійскій* (начала V в.): черезъ него зналъ Анонимъ объ *армянскомъ царѣ, Санатрукѣ*, и построенномъ имъ въ Великой Арменіи *городѣ Мцурк'ѣ*; (ср. *Фавст.* изд. 1832, стр. 5, 115 и 142 и *Анон.* стр. 1);— о миѳѣ *Аралез'*овъ, который не лишне сличить съ Анонимовымъ сказаніемъ:

Анон. стр. 5—6. ...Достигши равнины Арая, она (Шамирамъ) даетъ Арайю битву, разбиваетъ войска его и умерщвляетъ Арая въ *битвѣ*. Тогда приказываетъ Шамирамъ *отнести трупъ* его въ верхніе покои своего терема, и говоритъ: я *скажу* богамъ, чтобъ они лизали ему раны и онъ оживетъ. — Когда же *трупъ его сталъ гнить* въ верхнихъ покояхъ, то она приказала тайкомъ бросить его въ ровъ и закрыть его. Нарядивъ одного изъ любовниковъ своихъ, мужа красиваго, она распустила молву, что боги лизали (раны) Арайя и *воскресили* его. Содержа его въ тайнѣ и не показывая никому изъ знакомыхъ, царица Шамирамъ такимъ образомъ выдумала миѳъ объ *Аралезихъ*.

Фавст. VI, 36, стр. 238. ...Когда *понесли трупъ* спарапета Мушеха въ его домъ, къ его семьѣ, его домашніе не хотѣли вѣрить его смерти, хотя и видѣли его голову, отдѣленною отъ туловища. Они *говорили:* онъ бывалъ въ безчисленныхъ *битвахъ* и ни разу не былъ раненъ... Другіе надѣялись, что онъ *воскреснетъ*; почему пришили голову къ туловищу и, привязавъ къ колодѣ, выставили на кровлю одной башни, *говоря*: такъ какъ Мушехъ былъ мужъ храбрый, то *Арлезы* сойдутъ и *воскресятъ его*. Сторожили въ ожиданіи его воскресенія, пока не *сгнилъ трупъ* его. Тогда снесли его съ башни и, поплакавъ надъ нимъ, похоронили его по обычаю.

Я полагаю, что и прозвище Багарата „*Фаразіанъ*“ (*Анон.* стр. 6), если только это не Варазіанъ[1]), сводится къ Фавсту (V, 15).

---

[1]) Ср. у *Себеоса*—Վրուխրոյ Բագրատունի (стр. 63), Վրուէ-Սահակ Բագրատունի (с. 117), оба въ VII в.; сыновья ихъ могли называться *Варазіанъ*, (ибо *-іанъ* есть патронимич. окончаніе), подобно тому, какъ отъ неупоминаемаго въ исторіи Багратида же, Бюрата, (что, б. м., было прозвищемъ, какъ и Варазъ), назывался Сибатъ Бюратіанъ, также въ VII в. (См. также у *Асохика*, с. 101 и слѣд.).

Можно, сверхъ того, указать на сходство описанія убіенія Бэла у Анонима (стр. 4, стрк. 17—23) съ Фавстовымъ разсказомъ о подобномъ же случаѣ (V, 43), напоминающимъ также библейское изложеніе въ IV кн. *Царствъ*, IX, 24. Такъ:

Анон. стр. 4 ...Вставивъ въ дугу исполинскаго лука... и *съ силою пустивъ ее*, онъ (Хайкъ) *пронзилъ его* (Бэла) желѣзныя латы, и пробивъ мѣдный щитъ, поразилъ мясной истуканъ такъ, что *стрѣла* прошла насквозь и воткнулась *въ землю*. И рушился на землю... витязь; а *войско* его *обратилось въ бѣгство*. *Пустившись за нимъ въ погоню*, они (Хайи) *отняли* у нихъ стада лошадей, муловъ и верблюдовъ.

Фавст. V, 43, стр. 254 ...А онъ (Артавазд Мамиконьянъ) *съ силою пустивъ стрѣлу*, *поразилъ* мужа (Меружана) и, пронзивъ его насквозь, выкинулъ *стрѣлу наземь*. Взявъ потомъ копье, онъ *пустился въ погоню* за *обратившимися въ бѣгство* и предалъ мечу *войско* Меружана... а самъ вернулся съ великой славой и добычею, *отнятой* у непріятельскаго войска.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить и упоминаемый Фавстомъ (V, 44) любопытный фактъ—*женитьбу* армянскаго *Аршакида* конца IV вѣка по Р. Х., Вах-*аршака*, на дочери *князя Багратида* (sic!)—намѣренно, какъ мнѣ кажется, перенесенный Анонимомъ (стр. 9) ко II в. до нашей эры. Приведемъ сходные отрывки обоихъ памятниковъ.

Анон. стр. 9... Аршакъ (Великій) отправляетъ его (Аршака Малаго) изъ Мрцана на западъ съ сильнымъ *войскомъ* изъ 70,000 вооруженныхъ съ знатными вельможами — тысяченачальниками и тимниками... Вышелъ къ нему на встрѣчу съ войскомъ *Багаратъ* Паразьянъ, изъ дѣтей Араманьяка, вельможа знатный, поднесъ ему дары золото и серебро; одѣлъ его въ царское украшеніе и наранникъ; *вѣнчалъ его* отечественной *короной;* посадилъ его на золотой, драгоцѣнными камнями украшен-

Фавст. V, 44, стр. 255 — 256. ...Послѣ всего этого, военачальникъ спарапетъ Мануилъ (Мамиконьянъ), собравъ *войска*, прибылъ въ область Каринъ, вмѣстѣ съ царицей Аршакидской и обоими ея сыновьями—*Аршакомъ* и Вахаршакомъ, и въ сопровожденіи всего армянскаго лагеря, *знатныхъ вельможъ* и всѣхъ родоначальниковъ. Тутъ спарапетъ Мануилъ *выдалъ дочь свою*, Вардандухтъ, *въ супружество Аршаку*, принцу *Аршакидскому*, и

ный престолъ, и *далъ ему дочь свою въ супружество. Аршакъ* сдѣлалъ его *Аспетомъ* земли армянской, т.-е. начальникомъ и управляющимъ, главою всѣхъ повелѣній *царя*, отцемъ и братомъ царя; далъ ему власть надъ этимъ государствомъ.

сдѣлалъ его своимъ зятемъ. Онъ устроилъ бракъ и брату его Вах-*аршаку*, *выдавъ за него дочь Аспета Багратида*, изъ области Сперъ; (а родъ Багратидовъ) былъ искони *отцеполагателемъ Аршакидскихъ царей.*

c, *Ехише* (нынѣшн. редакція [1]) не позднѣе VII в.): у него заимствованы—названіе крѣпости *Армавиръ*, передѣланной въ древнѣйшую армянскую столицу (*Ех.* с. 60, *Ан.* 5); — характерное выраженіе „*мясной* холмъ", примѣнительно къ Голіаѳу (*Ех.* с. 84), видоизмѣненное въ „*мясной* истуканъ" (Бэлъ) у Анонима (с. 4); — нѣкоторыя, не встрѣчающіяся у первыхъ армянскихъ писателей, слова и выраженія, какъ то: *խարխել*, *վերաբերմունք* и др.

d, *Іоаннъ Философъ* [2]) (въ первой трети VIII в.): у него, повидимому, заимствованы: — эпитетъ Бэла „*Титанидъ*" (*Տիտանեան*), который впервые мы встрѣчаемъ у этого писателя, а потомъ нѣкоторыя подробности о самомъ Бэлѣ, что онъ, наприм., „*не сознавалъ своей натуры*" (человѣческой), „*что его чтили, какъ бога*"—(*Іоан.* с. 37, *Ан.* с. 2 и 3). Послѣднее слово—*աստուածարէն*—также въ первый разъ, какъ мнѣ кажется, встрѣчается у Іоанна Философа.

Но, и сверхъ означенныхъ пособій, мы встрѣчаемъ у Анонима такія указанія, происхожденіе которыхъ трудно опредѣлить. Подобныя свѣдѣнія могли быть, либо заимствованы изъ распространенныхъ во времена Анонима въ народѣ сказаній, какъ, напр., полукнижная легенда объ *Арайѣ и Семирамидѣ*, вѣроятно, южно-армянскаго происхожденія, либо составлены самимъ авторомъ. Къ числу послѣднихъ я отношу, между прочимъ, и утвержденіе нашего автора о соединеніи узами кровнаго род-

---

[1]) См. мою замѣтку въ журналѣ „*Hantess*" за 1895 г., апрѣль.

[2]) См. Полн. собр. соч. *Іоанна Философа*, (онъ же *Оджнеци*), Венеція, 1833.

ства родоначальника Багратидовъ, *Багарата*, съ олицетворяемыми самимъ Анонимомъ названіями фамильнаго званія этого княжества—*Аспатъ* (вм. Аспетъ), и носимаго поздними Багратидами имени или прозвища *Бюратъ* [1]), въ качествѣ сыновей Багарата (*Анон.* с. 6).

Далѣе, и подробности о другомъ *Багаратѣ-Фаразіанѣ* (*Анон.* с. 9), упоминающемся при первомъ армянскомъ Аршакидѣ, о томъ, *съ какою пышностью и почетомъ встрѣтилъ онъ Аршака, при вступленіи его въ предѣлы Арменіи, поднося ему богатые дары, золота и серебра, какъ выдалъ онъ* за него *дочь свою за-мужъ и сталъ первымъ изъ князей страны и главнымъ правителемъ у царя, и какъ, наконецъ, поразилъ онъ исполиновъ, собравшихся противъ него въ Месопотаміи...*,— все это, я полагаю, можно отнести къ изобрѣтательности Анонима. Впрочемъ, авторъ нашъ могъ при этомъ имѣть въ виду и современныя ему событія изъ жизни кого-нибудь изъ Багратидовъ, игравшихъ въ VIII — IX вв. первенствующую роль въ странѣ, и перенести ихъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, къ отдаленному прошлому, съ цѣлію выставить исключительное положеніе багратидскаго княжества, восходившее, якобы, къ столь глубокой древности.

Наконецъ, остается сказать о *двухъ спискахъ* парѳянскихъ и армянскихъ царей у Анонима (стр. 9—10), происхожденіе которыхъ (списковъ) также неизвѣстно.

Число *персидскихъ Аршакидовъ*, считая и самого основателя династіи Аршака Великаго — *двѣнадцать*, которые совокупно царствуютъ 576 лѣтъ.

Ни по числу царей, ни по именамъ, ни, наконецъ, продолжительностью царствованія династіи списокъ этотъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ извѣстнымъ намъ изъ классическихъ писателей и монетъ. По достовѣрнымъ даннымъ, число парѳянскихъ царей было *втрое* болѣе приведеннаго у Анонима; изъ 12-ти именъ парѳянскихъ царей только *первое и послѣднія два* могутъ счи-

[1]) См. выше, стр. 91, примѣч.

таться подлинными; продолжительность же правленія династіи въ 576 лѣтъ показана на *сто* лѣтъ болѣе дѣйствительной [1]).

Въ виду такихъ явныхъ несообразностей, всякая попытка примирить противорѣчія и внести въ этотъ хаосъ какія-либо разумныя основанія, можетъ кончиться, по моему мнѣнію, только неудачей.

Для меня, по крайней мѣрѣ, одно несомнѣнно: анонимный авторъ, задумавшій представить своимъ читателямъ *списокъ* парѳянскихъ и армянскихъ царей, не имѣлъ его передъ собою готовымъ. Въ извѣстныхъ ему авторитетныхъ сочиненіяхъ, въ томъ числѣ и въ Евсевіевой Хроникѣ, передававшей, между прочимъ, полные списки мидійскихъ и персидскихъ царей,—онъ не нашелъ в о о б щ е для *Аршакидовъ* никакихъ данныхъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ бѣглыхъ, мимоходомъ сдѣланныхъ замѣчаній. Пришлось самому с о ч и н и т ь *списки* по пріемамъ, по которымъ уже были найдены имена древнѣйшихъ армянскихъ патріарховъ. И тѣмъ съ меньшимъ рискомъ можно было пустить въ оборотъ подобное изобрѣтеніе, что, за отсутствіемъ по этому вопросу точныхъ свѣдѣній даже у всеобъемлющаго Евсевія, не было возможности провѣрить или контролировать его.

Собственно для п е р с и д с к и х ъ А р ш а к и д о в ъ Анонимъ располагалъ именами *персидскихъ же царей вообще* и лишь нѣкоторыми п а р ѳ я н с к и м и; тѣ и другія вычиталъ онъ изъ Библіи, у Евсевія и, б. м., еще у двухъ

---

[1]) См. *Gutschmid*, Geschichte Irans etc.—Что же касается 576-и лѣтъ, то число это могло получиться, по моему мнѣнію, изъ того, что Анонимъ, не зная въ точности времени паденія парѳянскаго царства, опредѣлилъ его п р и б л и з и т е л ь н о на основаніи имѣющихся у него подъ рукою источниковъ. Извѣстно, что Хроника Евсевія, указывающая на годъ появленія парѳянъ (11-й г. Антіоха Теоса и 1766 г. Авр.) и оканчивающаяся 20-мъ годомъ Константина В. или 2343-мъ г. Авр., не упоминаетъ о времени паденія этой династіи. Между тѣмъ Анониму было извѣстно изъ Агаѳангела, что Константинъ В. былъ с о в р е м е н н и к ъ Трдата, сына Хосрова, убитаго Арташиромъ Сасаномъ, свергшимъ парѳянскую династію. Не гонялся за точностью, анонимный авторъ вычелъ изъ 2342 (19-й г. Константина и приблизительное время Арташира, перваго Сассанида) 1766 — (годъ появленія парѳянъ и воцаренія Аршака I),—и получилось 576.

армянскихъ писателей. Такихъ именъ оказалось не мало: изъ нихъ Аршакъ (I кн. *Макк.*, XIV, 2—3, XV, 22; *Евс. Хрон.* I, p. 166—167, II, pp. 130, 138) названъ основателемъ династіи, согласно Евсевію; то же имя было повторено въ спискѣ еще два раза. Такимъ образомъ, изъ 12-ти царей имена троихъ изъ нихъ уже были найдены. Остальныя *девять* составлены такъ: Арташесъ, Дарій, Аршавиръ, Аршэнъ (читай: Аршэсъ, б. м., Арсасъ) и Вологесъ—изъ *Библіи* (кн. Ездры, Есѳирь, I Макк., Даніил. и др.) и *Хрон. Евсевія* (I, pp. 50, 89... II, pp. 144—122, 160); Вахаршъ, Артаванъ и Арташиръ—у *Агаѳангела* (с. 29, 31, 32); Перозъ — у *Себеоса* (с. 23—25). Происхожденіе имени „Ашнашъ", если только оно не искажено, я не умѣю объяснить.

Однако, изъ перечисленныхъ лицъ дѣйствительными парѳянскими царями были: *Аршакъ* (I и II), *Вахаршъ* и *Артаванъ*.

По образцу персидскихъ, былъ составленъ списокъ и *армянскихъ* Аршакидовъ (*Анон.* с. 10). Объ *Аршакѣ*, родоначальникѣ династіи, не трудно было догадаться изъ самого названія династіи и изъ свидѣтельства Евсевія (II, p. 130), даже помимо прямаго указанія Прокопія (*De Aedif.* III, 1), который могъ быть Анониму и неизвѣстенъ. Имена остальныхъ 22-хъ армянскихъ Аршакидовъ до Папа включительно (т.-е. до послѣдней четверти IV в. по Р. Х.) авторъ нашъ собралъ и приноровилъ для своей цѣли, повторяя нѣкоторыя изъ нихъ по два раза и включая въ этотъ списокъ также двухъ-трехъ изъ своихъ парѳянскихъ царей. Такъ: Вахаршъ, Хосровъ I и Трдатъ, а также Артаванъ и Арташиръ—взяты у *Агаѳангела*; Тиранъ, Санатрукъ, Хосровъ II, Тиранъ, Аршакъ, Папъ, Вахаршакъ, Аршакъ II и даже Шапухъ Сассанидъ — у *Фавста;* Аршамъ и Абгарь — у *Лабубніи;* Арташесъ — у *Корюна;* Артаваздъ — у *Езника* или изъ народныхъ преданій, (если допустить, что Анонимъ не былъ знакомъ съ *Іосифомъ Флав.* Ant. Iud. XV, 4,3; Bel. Iud. I, 19,5); Арша-

виръ—изъ *Хрон. Евсевія;* наконецъ, Ервандъ возстановленъ изъ названія города Ервандашатъ (*Фавстъ*) или, б. м., изъ позднихъ народныхъ преданій.

Чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ, что авторъ анонимнаго Отрывка, дѣйствительно, пользовался перечисленными трудами, я привожу во второй части моего изслѣдованія, во главѣ второй, подробное сравненіе текста Анонима съ его предполагаемыми источниками, въ синоптическихъ таблицахъ.

II.

ЦѢЛЬ АНОНИМА.

Цѣль у анонимнаго автора — одна: *возвеличеніе Багратидовъ.* Онъ желалъ выставить древность происхожденія Багратидовъ, восходившую, будто, ко временамъ Навуходоносора, и вмѣстѣ съ тѣмъ рельефно оттѣнить тотъ высшій почетъ и то исключительное положеніе, которыми пользовалось это княжество, якобы, еще при первыхъ двухъ армянскихъ династіяхъ—Хайкидахъ и Аршакидахъ. И это въ такую эпоху, когда у Анонима нѣтъ еще и помину ни объ одномъ другомъ армянскомъ княжескомъ родѣ. Это ли нетенденціозное произведеніе!

Такъ, при миѳической династіи Хайкидовъ, Багратиды, какъ сами хайкидскаго происхожденія, владѣютъ на западѣ отдѣльною областью, Ангех-таномъ, (дѣйствительно принадлежавшей имъ въ VII—IX вв. по Р. Х.), а Багаратъ даже названъ богомъ. Во дни перваго армянскаго Аршакида (за два вѣка до нашей эры) Багаратъ—первый и знатнѣйшій князь въ странѣ, а посредствомъ брака дочери своей съ первымъ Аршакидомъ онъ сталъ, сверхъ того, и родственникомъ армянскаго царя, „отцемъ и братомъ“ его [1]). Это, по всей вѣроятности, реминисценція дѣйствительнаго событія—родства одного изъ армянскихъ Аршакидовъ конца IV в. по Р. Х., Вах-*аршака*,

[1]) Первый издатель *Себеоса* (стр. 22—24), не допускавшій никакихъ сомнѣній на счетъ достовѣрности всего передаваемаго Анонимомъ, пресерьезно основывалъ на фактѣ родства Багратидовъ съ Аршакидами права первыхъ на вакантный армянскій престолъ, въ IX в.!

женатаго на дочери Аспета изъ рода Багратидовъ, между тѣмъ какъ за старшимъ его братомъ, Аршакомъ, была за-мужемъ дочь спарапета Мамиконида, Мануила. Багратиды же, по словамъ сообщающаго намъ объ этомъ историка Фавста (V, 44), „съ самаго начала были вѣнценалагателями царскаго рода Аршакуни“. Въ этой искусной родственной комбинаціи Анонима, переносящаго помянутое событіе за 600 лѣтъ впередъ, нельзя не усмотрѣть тонкаго намёка на преимущественное передъ другими княжествами право Багратидовъ наслѣдовать армянскій престолъ послѣ Аршакидовъ, какъ ближайшихъ ихъ родственниковъ, къ чему они, дѣйствительно, и стремились въ теченіи VIII вѣка и достигли своей цѣли только спустя болѣе 450-ти лѣтъ по прекращеніи аршакидской династіи, т.-е. въ 887 г.

Вообще, несмотря на кажущуюся простоту и безъискусственность и даже видимую безсвязность повѣствованія Анонима, онъ, какъ нельзя лучше, выдвинулъ и оттѣнилъ багратидскую тенденцію, изъ за которой, собственно говоря, и задуманъ разбираемый нами Отрывокъ.

III.

СВЯЗЬ АНОНИМА СЪ СЕБЕОСОМЪ.

Мы уже видѣли, что въ числѣ нѣсколькихъ источниковъ своихъ Анонимъ былъ знакомъ всего ближе съ Исторіей Себеоса: онъ усвоилъ себѣ слогъ, изложеніе и пріемы этого писателя, заимствовавъ у него и не мало характерныхъ выраженій и почти всѣ географическія названія. Это—внѣшняя, такъ сказать, связь Анонима съ Себеосомъ.

Но Себеосъ имѣлъ для анонимнаго автора и другое, болѣе цѣнное, качество въ отношеніи внутренняго своего содержанія и идеи. Епископъ багратидскій, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ и первымъ, какъ извѣстно, багратидскимъ историкомъ; въ его „Исторіи Ираклa“ мы находимъ не мало любопытнѣйшихъ описаній и разсказовъ о багратидскихъ князьяхъ и въ особенности о славнѣйшемъ

и старѣйшемъ между ними, Смбатѣ Багратидѣ († 618 г.). Съ него, собственно, и начинается возвышеніе и могущество Багратидовъ, достигшихъ черезъ два столѣтія царскаго престола.

Современникамъ блестящей эпохи Багратидовъ могло казаться естественнымъ допустить мысль, что настоящему положенію этого княжества предшествовало, вѣроятно, и не менѣе блестящее прошлое. Быть можетъ, Багратидамъ и было нужно изъ политическихъ видовъ оттѣнить это прошлое и даже на прошломъ основать свои настоящія претензіи. Между тѣмъ, у армянскихъ историковъ до Себеоса очень мало передавалось о Багратидахъ такого, что заслуживало бы вниманія съ точки зрѣнія Анонима. Явилась потребность, за неимѣніемъ желаемыхъ свѣдѣній, сочинить древнѣйшую исторію Арменіи и уже въ ней удѣлить должное мѣсто багратидскому княжеству. Сочиненіе это должно было служить такимъ документомъ, который бы подтвердилъ древность и знатность этой фамиліи, даже въ ущербъ родовымъ традиціямъ всѣхъ прочихъ армянскихъ княжествъ. Самый документъ, по принятому въ апокрифическихъ сочиненіяхъ шаблону, извѣстному, между прочимъ, и изъ Библіи (ср. кн. *Ездры*),—долженъ былъ представлять изъ себя „надпись", начертанную на колоннѣ царскаго дворца, а ея происхожденіе должно было быть связано съ самыми авторитетными, по мнѣнію Анонима, лицами:—съ одной стороны Трдатомъ, первымъ христіанскимъ царемъ Арменіи, и съ другой—Агаѳангеломъ, первымъ армянскимъ историкомъ, который къ тому же упоминалъ о багратидскомъ родѣ-*вѣнценалагатель*, не называя, однако, фамильнаго ихъ имени. Слѣдовало, поэтому, отъ имени того же Агаѳангела подтвердить вторично—и на сей разъ документально—въ „надписи", такое почетное положеніе Багратидовъ при славнѣйшемъ изъ царей, Трдатѣ, и раньше его, съ приведеніемъ названія самого рода. Для вящей достовѣрности, нужно было, чтобы „надпись" была найдена философомъ Марабой, въ Мцбинѣ (Ни-

7*

543827

зибѣ Месопотамскомъ), при томъ въ развалинахъ дворца древняго армянскаго царя, Санатрука, упоминаемаго у Фавста (IV, 14), въ качествѣ основателя города Мцурк'а въ Арменіи [1]).

Такимъ образомъ, апокрифъ этотъ являлся естественнымъ дополненіемъ къ багратидской исторіи Себеоса, заключавшимъ неизвѣстныя этому послѣднему, но цѣнныя свѣдѣнія о легендарныхъ родоначальникахъ этой знатной фамиліи. Поэтому самому и долженъ былъ быть онъ присоединенъ именно къ Себеосу, какъ его начало, и слиться съ нимъ, теряя личность автора и становясь оттого анонимнымъ. Отдѣльно, какъ самостоятельное произведеніе, памятникъ этотъ, по моему мнѣнію, никогда не существовалъ.

Отрывокъ нашъ не могъ быть присоединенъ и къ другимъ армянскимъ историкамъ: въ началѣ Агаѳангела, напр., онъ бы показался явнымъ противорѣчіемъ „Исторіи обращенія армянъ", въ которой ничего подобнаго ни о Багратидахъ, ниже о спискахъ парѳянскихъ и армянскихъ царей не говорилось. Кромѣ того, вышло бы противорѣчіе и съ послѣдующими за Агаѳангеломъ и пользовавшимися его трудомъ историками, которымъ также ничего не было извѣстно о багратидскихъ родоначальникахъ въ томъ видѣ, какъ это передавалось у Анонима.

Еще менѣе былъ бы умѣстенъ нашъ Отрывокъ въ началѣ историческихъ сочиненій предшественниковъ Себеоса, а именно—Фавста, Л. Парпскаго и Ехише, сочиненій, исключительно посвященныхъ прославленію Мамиконидовъ, — этого могущественнаго княжескаго рода, который грозно соперничалъ съ Багратидами въ VII—VIII вв. изъ-за верховенства власти въ Арменіи [2]).

---

[1]) Повидимому, и мотивъ востребованія колонны Санатрукова дворца къ двору персидскаго царя по Анонниу (стр. 1) находится въ зависимости отъ передаваемаго Фавстомъ же (IV, 24) разсказа о разореніи могилъ армянскихъ царей въ IV в. по Р. Х. персами, не могшими, однако, разрыть гробницу Санатрука, вслѣдствіе колоссальности ея размѣровъ и необыкновенной прочности сооруженія.

[2]) Ср. *Хевондъ*, изд. Спб., 1887, стр. 123—124; *Асохикъ*, стр. 104.

IV.

ВРЕМЯ СОСТАВЛЕНІЯ АНОНИМНАГО ОТРЫВКА.

Уже несомнѣнная связь Отрывка съ Себеосомъ показываетъ, что онъ составленъ никакъ *не ранѣе* конца VII в. (разсказъ у историка Ираклa кончается халифомъ Моавіемъ, управ. съ 664—680 г.). Кромѣ того, въ самомъ памятникѣ есть данныя, опредѣляющія довольно точно эпоху, раньше которой не могъ быть онъ написанъ, т. е. все же не ранѣе VII в. Киликія упоминается у Анонима (стр. 9), какъ часть парѳянскаго царства, а между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что парѳяне никогда не владѣли этой страной; она была занята, и то недолго, Сассанидами—въ первый разъ при Хозроѣ Ануширванѣ (531—578 гг.), во второй — при Хозроѣ Парвизѣ (590 - 627 гг.) [1]). Если же согласиться съ высказанными мною выше догадками о томъ, что Анонимъ, дѣйствительно, пользовался сочиненіемъ католикоса Іоанна Философа, управлявшаго церковію отъ 722 до 733 года, то время составленія Отрывка придется придвинуть къ срединѣ VIII в.

Съ другой стороны, появленіе Анонима не могло быть и позднѣе X вѣка, ибо уже Ѳома Арцруни, жившій въ концѣ IX в., цитируетъ его буквально [2]).

Анонимный отрывокъ былъ, какъ надо полагать, извѣстенъ и Іоанну Католикосу (IX вѣка), вопреки

---

[1]) См. у *Себеоса*, стр. 28 и 81; ср. также у Tabari, *Nöldeke*, с. 290 и сл.

[2]) Изд. Спб. 1887, стр. 22—23. Сличимъ данныя мѣста обоихъ памятниковъ:

Анон. (стр. 3.) ...Ցայնմ ժամանակի ի թագաւորէ ի Բաբելոն որոյոգ հակաց Բելն...հզաւր զաւրութիւնբ... Որոյ զաւրեալ առ աշխարհ խախտ[ո]ւթիւնբ հնարս և հրամանս ի[մ]ագաւորականս տիեզոյ ազգաց և հզաւրաւորեամբ ամբարտաւանութիւնն իւրոյ կոնդիս զգաւթիւրն իւր և ետ երիս գօթանել իջիւս ազգաւթեան և զհս տագոյանել։

Ѳома. (стр. 22—23). ...Իսկ Նաբուվհոդոնոսոր զինքնագլմաքար ասաց զինքն աստուած, և ի Բաբելոնի աստոիկ զբռնութիւնբ՝ տաներ և նշանս խախտ[ո]ւթիւնբ և սո զլօխ... Եւ տիրեաց տիեզոյն ազգաց որ ի ներքոյ երկնից. և ետ հրաման ահիւ մեծաւ՝ առնել տուրնք կոնդիս զգաւթիւր իւր և երիս գօթանել իջիւս ազգաւթեան և զհս տագոյանել։

Ib. стр. 4. Շոն ետ գոս (առէ հայկ ցՔել) և յերեսաւն լանց՝ գալ և ժողովուրդ քո։

Ib. стр. 23. ...չ գիտի զի չետ աստուած (քամահէ հայկ զՔէլ), այլ լոն գոս և երեսաւ լանց, որ զկնի քո տագնապ առհիս։

увѣренію Баумгартнера (*ZDMG*, XL, 466, прим. 1), и Асохику (X—XIв.): ибо несомнѣнно, что они пользовались Себеосомъ, въ началѣ котораго былъ, по всей вѣроятности, помѣщенъ нашъ Отрывокъ. Но оба историка не сочли нужнымъ упомянуть о такой жалкой, по ихъ мнѣнію и по аттестаціи Хоренскаго, компиляціи; тѣмъ болѣе, что тоже содержаніе имѣли они передъ собою въ блестящей обработкѣ Моисея. Выпустилъ же Асохикъ въ своей Хроникѣ всю первую книгу „Исторіи Арменіи“, т. е. миѳическій періодъ армянской исторіи, по изложенію Моисея; а вѣдь никто на этомъ основаніи не сталъ бы дѣлать предположенія, что Асохикъ не имѣлъ въ рукахъ полнаго историческаго труда Хоренскаго.

И такъ, въ промежуткѣ между срединою VIII вѣка и концомъ IX вѣка нужно искать время составленія нашего отрывка.

V.

ВЪ КАКОМЪ ВИДѢ ДОШЕЛЪ ДО НАСЪ ОТРЫВОКЪ?

Сдѣланныя учеными по этому вопросу замѣчанія сводятся, какъ мы видѣли, къ слѣдующему: что Отрывокъ нашъ подвергся сильному *искаженію*; что есть въ немъ *пропуски*, и даже большіе; что, наконецъ, въ составленіи его усматривается *участіе нѣсколькихъ авторовъ*—Марабы Мцурнійскаго, Анонима и еще третьяго лица.

Касательно перваго пункта нужно замѣтить, что, за исключеніемъ, б. м., начальныхъ двухъ строкъ Вступленія и двухъ-трехъ строкъ въ описаніи столпотворенія (стр. 2), которыя могутъ быть приняты также за неясность изложенія, — все остальное не представляетъ, по моему мнѣнію, никакихъ особенныхъ *искаженій*, могущихъ служить серьезнымъ препятствіемъ къ точному пониманію текста. Кое-какія погрѣшности и ошибки могли, конечно, вкрасться въ Отрывокъ по винѣ переписчиковъ, отъ чего, впрочемъ, не гарантированъ ни одинъ болѣе или менѣе древній памятникъ, а тѣмъ менѣе такой, который извѣстенъ намъ лишь въ двухъ спискахъ.

Едва ли основательны и догадки о *дефектности* Отрывка.

Предполагаемый Н. Я. Марромъ („Онач. Ист. Арм. Анон.“ стр. 276) пропускъ именъ *двухъ* сыновей рабыни Авраама, Марсеака, и подробностей о потомкахъ ея въ Арменіи—непосредственно передъ повѣствованіемъ Анонима о „Возстаніи парѳянъ“ (стр. 6 — 7) — можетъ быть объясненъ тѣмъ, что въ приведенныхъ тутъ же въ Отрывкѣ именахъ „Фарохтъ“ и „Фараканъ“ и нужно видѣть искомыхъ двухъ сыновей Авраамовой рабыни, давшихъ свои имена извѣстнымъ мѣстностямъ. Повидимому, также понималъ это мѣсто и русскій переводчикъ Отрывка, Паткановъ (стр. 7 – 8). Вообще, я думаю, что памятникъ нашъ въ самомъ началѣ своего происхожденія имѣлъ именно такой фрагментарный характеръ, видъ схемы или недоконченнаго наброска, съ нѣкоторыми, въ добавокъ, намѣренными недомолвками. Иначе и быть не могло: Анониму, руководившемуся извѣстной уже намъ цѣлію—возвеличить Багратидовъ, нужны были краткіе, но мѣткіе намеки съ присущей „надписи“ отрывочностью; внѣшняя же отдѣлка и выработка сочиненія не входили въ его задачу. Не даромъ же назвалъ Хоренскій (I, 22) это произведеніе нескладнымъ и безсвязнымъ!

Что касается *участія нѣсколькихъ лицъ* въ составленіи анонимнаго сочиненія, то и это мнѣніе мало имѣетъ за собою вѣроятія. Уже единообразіе въ языкѣ и изложеніи автора, употребленіе однихъ и тѣхъ же источниковъ во всемъ памятникѣ, наконецъ, и цѣльность произведенія въ отношеніи господствующей въ немъ тенденціи, проходящей черезъ весь Отрывокъ,—противорѣчатъ подобному предположенію. Ссылка же на авторитеты — сирійскаго *философа, Марабы*, перваго армян. историка, *Агаѳангела*, перваго христіанскаго армян. царя, Трдата,—вмѣстѣ съ подробностями открытія пресловутой „надписи“ въ развалинахъ царскаго дворца, есть присущій большинству апокрифовъ искусный пріемъ [1]), съ цѣлію, какъ было замѣчено, придать достовѣрность тенденціозно вымышленному памятнику.

---

[1]) Ср., напр., мое изслѣдованіе о подобномъ же апокрифическомъ сочиненіи—„Зенобъ-Глакъ“, Вѣна, 1893, стр. 61 и слѣд.

Изъ выясненія сущности анонимнаго Отрывка и опредѣленія времени его составленія самъ собой разрѣшается вопросъ и объ отношеніи къ нему Хоренскаго. Послѣдній, какъ основательно доказываетъ проф. Карріеръ, жилъ не ранѣе конца VIII в. и даже въ началѣ IX в.; въ этомъ еще болѣе мы убѣдимся на основаніи новыхъ данныхъ, приведенныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи. Понятно, слѣдов., что, живя послѣ появленія разбираемаго нами Отрывка, армянскій историкъ могъ свободно имъ пользоваться. Но у насъ есть и несомнѣнное доказательство знакомства Хоренскаго съ нашимъ Анонимомъ.—Выше мы видѣли, что родоначальника Багратидовъ, *Багарата*, жившаго немногимъ позже Навуходоносора, выводитъ Анонимъ отъ *Араманіака*, сына Хайка. Хоренскій же въ 22-й главѣ первой книги своей Исторіи, говоря о *происхожденіи Багратидовъ* отъ Шамбата, одного изъ главныхъ полоненныхъ Навуходоносоромъ *евреевъ*, поселившагося въ Арменіи, — горячо убѣждаетъ своего мецената не вѣрить тѣмъ, которые багратидскій родъ производятъ отъ *Хайка:* „ибо нѣкоторые незаслуживающіе довѣрія люди, замѣчаетъ историкъ, говорятъ—произвольно, не руководясь истиной—что вѣнценалагающій родъ Багратуни происходитъ отъ Хайка. На это скажу: не вѣрь такимъ глупымъ рѣчамъ; ибо въ этихъ словахъ нѣтъ ни слѣда, ни признака правды. Нелѣпо и нескладно болтаютъ они о Хайкѣ и о подобныхъ ему. Но знай, что имя Смбатъ, которое Багратуни даютъ часто своимъ сыновьямъ, есть собственно Шамбатъ на ихъ первоначальномъ, т. е. еврейскомъ языкѣ“.

Ясно изъ этого, что въ приведенныхъ выраженіяхъ Хоренскій намекаетъ именно на анонимный Отрывокъ, такъ какъ во всей древне-армянской литературѣ нѣтъ другаго, кромѣ Анонима, произведенія, къ которому бы такъ вѣрно подходила сдѣланная армянскимъ историкомъ мѣткая характеристика „нелѣпыхъ и нескладныхъ рѣчей о Хайкѣ и подобныхъ ему“. Только въ анонимномъ сочиненіи мы встрѣчаемъ указаніе на *хайкидское* происхожде-

ніе Багратидовъ, противъ котораго такъ рѣзко возстаетъ Моисей.—Самая идея объ *еврейскомъ* происхожденіи этого княжества у Хоренскаго, очевидно, навѣяна тѣмъ же Анонимомъ, который на основаніи библейскаго имени „*Пакаратъ*“, встрѣчающагося въ числѣ полоненныхъ Навуходоносоромъ же евреевъ, пріурочилъ къ эпохѣ этого завоевателя и появленіе родоначальника природно-армянскаго княжескаго рода Багратидовъ—*Багарата*, по сходству именъ; изъ тѣхъ же данныхъ Моисей сдѣлалъ выводъ, неизвѣстно, изъ какихъ побужденій, объ *еврейскомъ* происхожденіи Багратидовъ.

Однако, несмотря на пренебрежительный свой отзывъ объ Анонимѣ, Хоренскій далеко не отвергъ, какъ увидимъ, его произведенія: онъ положилъ его въ основу своей „Исторіи Арменіи“, какъ схему, развилъ его значительно, обогативъ новыми подробностями, и въ совершенно новомъ свѣтѣ представилъ не только предковъ своихъ меценатовъ—Багратидовъ, но и всю изначальную исторію своего отечества.

Вотъ въ какомъ смыслѣ нужно понимать въ высшей степени остроумное замѣчаніе Гутшмида, что анонимный Отрывокъ былъ *первымъ наброскомъ* Хоренскаго!

Едва ли, впрочемъ, будетъ смѣло принимать выраженія знаменитаго нѣмецкаго критика и въ прямомъ ихъ значеніи, то есть—что „Отрывокъ“ принадлежитъ перу того же Моисея, какъ предварительный эскизъ его „Исторіи Арменіи“. Во всякомъ случаѣ, современность обоихъ произведеній (VIII — IX в.) и, въ особенности, общіе обоимъ авторамъ столь характерные тождественные пріемы, замыслы и тенденціи—слишкомъ вѣскія данныя, чтобы можно было ими пренебречь или легко съ ними считаться.

ГЛАВА III.

О борьбѣ Хайка съ Бэломъ.—Непосредственные потомки Хайка.

Перейдемъ къ разбору слѣдующихъ за ѳеогоническимъ сказаніемъ главъ первой книги Хоренскаго и прежде всего къ исторіи родоначальника армянъ, Хайка, считающейся за извлеченіе изъ народнаго армянскаго эпоса. Армянскій историкъ передаетъ о немъ, якобы со словъ Халдейской книги, слѣдующее:

Хор. I, 10 „...*Хайкъ*, *статный*, рослый, быстроокій, съ божественными кудрями, съ крѣпкими мышцами, славившійся между исполинами храбростью, былъ противникомъ всѣхъ, кто подымалъ руку единоличнаго господства надъ всѣми исполинами и полубогами.

„...Тутъ представлялся Бэлу удобный случай захватить въ свои руки всю землю. *Хайкъ*, *не желая покориться Бэлу*, *послѣ рожденія сына его*, *Арменака*, *въ Вавилонѣ*, *двинувшись пошелъ въ землю Араратскую*, *что* въ странахъ *сѣвера*, *съ сыновьями*, *дочерьми и сыновьями своихъ сыновъ* — мужами сильными, числомъ около трехъ сотъ, въ сопровожденіи домочадцевъ и пришельцевъ, приставшихъ къ нему *со всѣмъ ихъ скарбомъ*.

„(Здѣсь) *онъ поселился у подошвы* одной *горы на полянѣ*, гдѣ жило уже небольшое число еще *прежде* разсѣявшихся людей, которыхъ Хайкъ подчинилъ себѣ.

Здѣсь *онъ строитъ* домъ-обиталище *и отдаетъ его въ наслѣдство Кадмосу, сыну Арменака.*

„Это оправдываетъ древнія устныя сказанія.

„*Самъ же* Хайкъ, говоритъ, съ другими домочадцами направляетъ свой путь *на сѣверо*-западъ, *поселяется на высокой полянѣ и именуетъ эту* горную *равнину Хар-к'омъ, что значитъ*: поселившіеся здѣсь суть родоначальники [*вар.* здѣсь *суть отцы...*] *племени* дома Ѳоргома..."

Хор. I, 11 „...Утвердивъ *власть* свою надъ всѣми, Бэлъ титанидъ отправляетъ въ сѣверную страну одного изъ сыновей своихъ въ сопровожденіи преданныхъ мужей съ предложеніемъ *Хайку — покориться* ему и *жить въ мирѣ.* ...Но Хайкъ отослалъ посланцевъ Бэла съ суровымъ отвѣтомъ. Посланный обратно возвращается въ Вавилонъ. *Тогда Бэлъ титанидъ, собравъ рать*, состоявшую изъ полчища пѣшихъ воиновъ, *приходитъ* на сѣверъ *въ землю Араратскую къ дому Кадмоса. Кадмосъ бѣжитъ къ* Хайку,ославъ напередъ добрыхъ гонцевъ. ...„Узнавъ о приближеніи его [Бэла] *къ моему дому, я убѣжалъ и* поспѣшно иду къ тебѣ"...

„(Межъ тѣмъ) *Бэлъ* съ дерзновенной и чудовищной силою своего полчища, словно бурный потокъ, низвергающійся съ крутизны, спѣшитъ дойти до мѣста жительства *Хайка, увѣренный* въ мужествѣ и силѣ мощныхъ (своихъ) мужей. Тутъ умный, разумный, быстрооκій исполинъ съ божественными кудрями поспѣшно собираетъ *сыновей своихъ* и внуковъ — *мужей* храбрыхъ, луконосцевъ, *числомъ* очень *небольшимъ*, (присоединивъ къ нимъ) и другихъ, бывшихъ подъ своей властью; доходитъ до солянаго озера, изобилующаго мелкими рыбками. Собравъ своихъ *воиновъ*, онъ говоритъ имъ: *„при встрѣчѣ съ полчищемъ* Бэла, постарайтесь *проникнуть* туда, гдѣ въ толпѣ героевъ находиться будетъ Бэлъ. Или умремъ, и домочадцы наши поступятъ въ рабство Бэлу, или же, показавъ на немъ мѣткость перстовъ нашихъ, разсѣемъ его полчище и явимся побѣдителями"... Хайкъ узналъ вооруженную дружину, во главѣ которой

предшествовалъ своему полчищу *Бэлъ*, сопровождаемый немногими избранными. Большое пространство раздѣляло Бэла отъ полчища. На головѣ у него была желѣзная шапка съ блестящими привѣсками; *мѣдные* наперсники и нараменники защищали грудь и лопатки, а поножи и локотники—икру и длани; чресла были опоясаны; при лѣвомъ бедрѣ — обоюдоострый мечъ; въ правой рукѣ — ретивое *копье*, въ лѣвой — *щитъ*; по обѣимъ сторонамъ его—избранные (мужи).

„...Страшно сколебалась земля отъ столкновенія исполиновъ *обѣихъ сторонъ* и отъ воинственнаго натиска... Немало крѣпкочленныхъ *исполиновъ падало* тамъ съ обѣихъ сторонъ отъ лезвія меча—и для обѣихъ сторонъ *побѣда* оставалась сомнительною. При видѣ такого неожиданнаго случая, *царь*-титанидъ въ недоумѣніи, *объятый страхомъ*, подаваясь вспять, начинаетъ подыматься на тотъ холмъ, съ котораго было спустился, думая укрѣпиться тамъ *посреди* полчища, пока приспѣетъ вся его воинская сила и онъ возобновитъ *нападеніе*. — Луконосецъ *Хайкъ* понялъ это; устремившись впередъ, приблизился къ царю и, туго натянувъ *широкій-какъ-озеро* лукъ, угодилъ въ *наперсникъ* Бэла стрѣлою съ на-трирацепленнымъ наконечникомъ: желѣзо *пробилось насквозь* межъ плечъ и упало *на земь*. Гордый титанидъ, пораженный такимъ образомъ, *грохнувшись о земь*, испускаетъ духъ. Полчище, *видя* такой ужасный подвигъ мужества, *обращается въ бѣгство* по направленію лица своего.“—Но довольно объ этомъ.

„На мѣстѣ (этого) сраженія Хайкъ построилъ виллу и въ память одержанной побѣды назвалъ ее Хайк'. Поэтому теперь еще область эта называется Хайоц-дцор. Холмъ же, гдѣ палъ Бэлъ съ своими бойцами-героями, Хайкъ наименовалъ Герезманк', что и *теперь* называется *Герезманк'омъ*.

„Расписанный какими-то красками трупъ Бэла Хайкъ приказалъ, говоритъ, отнести въ *Харк'* и погребсти на *возвышенномъ* мѣстѣ, на виду женъ и сыновей своихъ“.

„Страна же наша *по имени* предка нашего, Хайка, *называется Хайк*'".

Хор. I, 12 „...Послѣ этого *Хайкъ*, говоритъ, *возвращается на мѣсто* прежняго (своего) жительства. *Внуку своему*, *Кадмосу*, онъ даетъ большую часть отъ оставшагося (на полѣ) сраженія, также мужей именитыхъ изъ своихъ домочадцевъ; приказываетъ ему жить на прежнемъ мѣстѣ своего жительства. Самъ же возвращается на мѣсто, названное Харк'.

„Какъ мы уже сказали, въ Вавилонѣ у него родился Арменакъ; послѣ чего, проживъ еще много лѣтъ, *умираетъ*, поручивъ весь (свой) народъ сыну своему, Арменаку. (Этотъ послѣдній) оставляетъ двухъ изъ своихъ братьевъ, Хора и Манаваза, *со всѣми ихъ домочадцами*, равно какъ и сына Манаваза — База, *на мѣстѣ, называемомъ Харк'*. Изъ нихъ Манавазъ наслѣдуетъ Харк', а сынъ его, Базъ, сѣверо-западный берегъ солянаго озера, и называетъ море и область своимъ именемъ. Отъ этихъ послѣднихъ, говорятъ, произошли *нахарарскіе роды: Манавазеанъ*, *Бзнуneанъ и Ордуни*, которые, какъ разсказываютъ, *истребили другъ друга въ усобицахъ* послѣ святаго Трдата.

„*Арменакъ, взявъ* все множество (своихъ) отправляется *на сѣверо*-востокъ, останавливается въ *глубокой равнинѣ*, окруженной *высоко*вершинными *горами, по которой* съ запада *протекаютъ* журчащія *рѣки... Арменакъ, поселившись* въ глубинѣ этой поляны, обстроиваетъ часть ея на сѣверной сторонѣ (равно какъ и) подошву *горы* на той же сторонѣ; гору же, примѣнительно къ своему имени, называетъ Арагатц, а владѣнія (свои) — Арагатц-отн.

„...Этотъ *Арменакъ*, проживъ нѣсколько лѣтъ, родитъ Армаиса и умираетъ послѣ многихъ лѣтъ жизни.

„*Сынъ его*, *Армаисъ, строитъ себѣ жилище* на бугрѣ, (возвышающемся) *на берегу рѣки и по имени своему называетъ его Армавиромъ*, а рѣкѣ даетъ названіе Ерасхъ по имени внука своего, Араста. Сына (же) своего, Шарая,

многородящаго и прожорливаго, со всѣми его домочадцами отправляетъ на близкую, добрую и плодоносную поляну, по которой протекаютъ многія воды, за хребтомъ сѣверной горы, названной Арагатц'омъ. По имени его, говорятъ, и область названа Ширакомъ. Этимъ оправдывается поговорка, повторяемая между поселянами: „коль у тебя глотка Шарая, у насъ не Ширакскіе амбары". ...*Армаисъ*, проживъ нѣсколько лѣтъ, родитъ *Амасію*, послѣ чего, проживъ еще нѣсколько лѣтъ, умираетъ. Амасія, поселившись въ Армавирѣ черезъ нѣсколько лѣтъ родитъ *Гехама*; послѣ Гехама (родитъ) мужественнаго П'ароха и Цолака.

„...Эти (дома) отдаетъ онъ въ наслѣдство двумъ сыновьямъ своимъ—мужественному П'ароху и рѣзвому Цолаку. Они, поселившись въ нихъ, назвали тѣ мѣста своими именами; отъ П'ароха — *П'арахотъ*, отъ Цолака — *Цолакертъ*. Но Амасія своимъ именемъ называетъ гору Масис'омъ, и, возвратившись въ Армавиръ, умираетъ черезъ нѣсколько лѣтъ... А Гехамъ, по истеченіи лѣтъ, родитъ *Хармая* въ Армавирѣ. Обстроивъ берегъ озерка, населяетъ его жителями и онъ также гору называетъ Гехомъ по своему имени, а селеніе—*Гехакуни*. Этимъ именемъ называется также *и море*. Здѣсь у него родился сынъ Сисакъ;... гранью его наслѣдію [онъ] назначаетъ отъ моря на востокъ до поляны, гдѣ рѣка Ерасхъ... спускается на поляну. Сисакъ, поселившись здѣсь,... страну называетъ именемъ своимъ *Сюник'*, что Парсы вѣрнѣе называютъ *Сисакан'омъ*. ...Отнынѣ, говоритъ, *начали размножаться и наполнять страну...*"

Извѣстно, что изначальная исторія всякаго народа, помимо легендарности, представляется болѣе или менѣе искусственной. Она является въ эпоху самосознанія народа, пытающагося разгадать корень своего происхожденія соединеніемъ своего прошлаго съ какимъ-нибудь великимъ событіемъ древности или съ какимъ-либо героемъ и даже

съ божествомъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ фантазія народа опирается на преданія, въ которыхъ сохранились глухіе отголоски какихъ-нибудь событій изъ его жизни и, во всякомъ случаѣ, на такія сказанія, которыя не только не противорѣчатъ настоящему его міровоззрѣнію, его религіознымъ взглядамъ, культурѣ и проч., но, напротивъ того, совершенно согласны съ ними и вытекаютъ изъ нихъ.

Исторію Урартійцевъ (Урарту-Араратъ), древнѣйшаго народа, населявшаго географическую Арменію и принимаемаго нѣкоторыми учеными за прото-армянъ, нужно въ данномъ случаѣ оставить въ сторонѣ, вслѣдствіе спорности и запутанности вопроса объ языкѣ Ванскихъ надписей, равно какъ и объ національности начертившаго эти надписи племени. Гораздо важнѣе для насъ та эпоха въ жизни армянъ, которую застаетъ достовѣрная исторія, а именно—VI вѣкъ до нашей эры, когда Арменія является сначала союзницей Мидіи и Персіи[1]), а потомъ, въ V в., не безъ упорной борьбы, становится надолго персидской сатрапіей[2]) вмѣстѣ съ другими странами Передней и Малой Азіи — Грузіей, Понтомъ[3]), Каппадокіей, Лидіей и др. Съ этого времени (486—323) начинается въ Арменіи, какъ и въ упомянутыхъ странахъ, усиленная *иранизація*, выразившаяся въ распространеніи персидской культуры—персидскаго языка, нравовъ, религіи и проч. Селевкидское господство въ Арменіи, продолжавшееся около 150 лѣтъ (323—187), въ смыслѣ вліянія греческой культуры на армянъ, прошло почти безслѣдно, по крайней мѣрѣ, мало сохранилось у насъ данныхъ отъ этой эпохи. Съ большею силой процессъ иранизаціи сталъ продолжаться въ этой странѣ при парѳянахъ, имѣвшихъ въ Арменіи, сверхъ того, побочную линію Аршакидовъ. Многіе порядки въ странѣ, какъ-то: политическое устройство, родовая аристократія, администрація, судъ, кален-

[1]) Ср., напр., въ Библіи кн. *Іерем.* LI, 27, у Ксенофонта (*Кироп.* III. 1).
[2]) Ср. Бисутунскія надписи (*Spiegel*), у Геродота, Полибія, Страбона и др.
[3]) Ср., между прочимъ, *Reinach*, Mithridate Eupator, Paris 1890, pp. 9—29.

дарь, синкретическая религія, культурныя понятія, отчасти даже оффиціальный языкъ и канцелярія—были парѳянскіе. Они не исчезли не только послѣ паденія персидскихъ Аршакидовъ (226 г.), но и послѣ принятія армянами христіанства (въ началѣ IV в.). Даже въ V в., когда у армянъ зародилась своя письменность, понятія и нравы народа мало чѣмъ отличались отъ прежняго, языческаго быта[1]). Я уже не говорю объ армянскомъ языкѣ, который подъ перомъ уже первыхъ армянскихъ писателей наводненъ пехлевійскими и вообще персидскими словами до такой степени, что лингвисты одно время считали его за иранскую вѣтвь[2]).

При такихъ условіяхъ, если и было у древнихъ армянъ какое-нибудь представленіе о своемъ прошломъ, оно должно было выразиться, конечно, въ духѣ парѳянскомъ, имѣть, во всякомъ случаѣ, иранскій характеръ, подобно тому, какъ это мы замѣчаемъ въ ихъ религіи, миѳологическихъ сказаніяхъ и т. под. Мнѣ кажется, что повѣствованія объ изначальной исторіи армянъ V—VI вв. по Р. Х. должны были походить скорѣе на эпическіе разсказы въ прозѣ у *Фавста Византійскаго* (начала V в.), носящіе явно иранскій отпечатокъ, либо даже на сохранившіяся до насъ пехлевійскія легенды, напр. *Karnamak*[3]) и *Yatkari-Zareran*[4]) (редакція VI в. по Р. Х.).

Вопреки всѣмъ приведеннымъ неоспоримымъ даннымъ, вопреки историческимъ, можно сказать, законамъ, начальная лѣтопись армянъ—*индоевропейцевъ* по происхожденію и *иранцевъ* по культурѣ—явилась въ сильной *семитической* окраскѣ, благодаря вліянію библейско-христіанскихъ, книжныхъ представленій эпохи; а это обстоятельство ясно указываетъ, во-первыхъ, на ея искусственность

---

[1]) Ср., напр., у *Фавста Византійскаго*, у *Корьюна* и др.

[2]) См. первыя изслѣдованія по арм. языку *Лагарда*, *Фр. Миллера* и др.

[3]) Geschichte des Artachsiri Pâpakân aus dem Pehlewi übersetzt von *Th. Nöldeke*, Göttingen, 1879.

[4]) *W. Geiger*, Ueber das Yatkari-Zareran. (Sitz. d. München. Akad., philos. philol. Clas. vom 3 Mai 1890). См. также *Nöldeke*, Pers. Stud. II.

и, во-вторыхъ, на болѣе позднее ея составленіе, чѣмъ V и VI вв.

И это представленіе о прошломъ армянъ вполнѣ отразилось на личности ихъ родоначальника, Хайка, по изложенію Хоренскаго: таковы—его происхожденіе отъ Ноева сына, Іафета, черезъ Θоргома [1]), участіе въ столпотвореніи, воспротивленіе насильнику Бѣлу-Немвроду, приходъ его изъ Вавилона на сѣверъ и пр. Самый разсказъ—посольство Бѣла къ Хайку, приготовленіе къ битвѣ, рѣчь Хайка къ воинамъ, вооруженіе Бѣла, картина боя и „страшное колебаніе земли отъ воинственнаго натиска“ нѣсколькихъ десятковъ армянъ,—помимо многихъ другихъ несообразностей [2]), не представляетъ ничего эпическаго: это ничего болѣе, какъ реторическія описанія, образцы которыхъ мы встрѣчаемъ въ приписываемой тому же Хоренскому книгѣ „Хрій“ [3]). Изложеніе и слогъ нашего историка являются искусственными [4]) даже тамъ, гдѣ труднѣе всего можно было бы этого ожидать. Я разумѣю эпитеты (epitheton ornans), помощію которыхъ изображаются физическія и духовныя свойства того или другаго героя. Хайка, напр., Моисей называетъ „быстроокимъ“, „съ божественными кудрями“, „съ крѣпкими мышцами“, „могучимъ метателемъ стрѣлъ“, „владѣвшимъ толстымъ лукомъ“ [5]) и пр. Тигранъ Хайкидъ (I, 24) изображенъ „бѣлокурымъ“, „съ завитыми концами волосъ“, „красивоглазымъ“,

---

1) О Θоргомѣ см. выше, с. 76 и примѣч. Вышеприведенныя соображенія и догадки о происхожденіи армянъ отъ Θоргома Хоренскій выработалъ въ систему, искусственность которой, однако, довольно рѣзко бросается въ глаза. Такъ, между прочимъ, соотвѣтствующіе библейскимъ Гомеру—Θирасу—Θоргому (Գոմէր, Թիրաս, Թորգոմ, кн. Бит. x) *Мероѣ-Сиравъ-Θаклавъ* (Մերոխ, Սիրաք, Թաղլաթ—*вар.* у Вистон. стр. 24. Թաղլաթ—*Хор.* I, 9) Халдейской книги, въ сущности, анаграммы изъ „Гомеръ“ и „Θирасъ“, какъ замѣтилъ еще Гарагашіанъ (Крит. ист. ч. I, с. 136), а *Θаклавъ* заимствованъ, вѣроятно, изъ библейскаго же имени ассирійскаго царя,—*Θаклаѳ*-Феласара,—*Θаγλаθφιλλасар* LXX Толк. и Թաղլաթ-Փաղասար арм. перев. (IV кн. *Цар.* xv и xvi).

2) Ср. также *Гарагашіана*, *l. c.*, стр. 138 и слѣд.

3) Վերայիծ դերք, въ Полн. соб. соч. *Хоренскаго*, Венеція, 1865, с. 341—570.

4) Ср., для примѣра, слѣдующій отрывокъ: „...Դիմաւ գայ ի վերայ քո Բել յաւերժից քոյոց և երկայնադիզոց հաւակօք սկայից մրցողօք“... (I, 11).

5) Խոյատակն, քաջագանգուր, հաստաբազուկ, կորովաձիգ, հաստաղեղն. (*Хор.* I, 9, 10).

„плечистымъ“, „съ крутыми икрами“, „красивоногимъ“, „умѣреннымъ въ пищѣ и питіѣ“ и пр.

Было бы, мнѣ кажется, ошибкой думать, что всѣ эти и подобные имъ эпитеты представляютъ изъ себя поэтическія формулы, почерпнутыя Хоренскимъ изъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвались именно Хайкъ и Тигранъ. Что народныя пѣсни были у армянъ во всѣ времена, а слѣдов. и при Хоренскомъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Возможно даже допустить, что историкъ нашъ заимствовалъ изъ пѣсенъ своего времени кое-какія слова и эпическія выраженія; но болѣе чѣмъ невѣроятно, чтобы пѣсни эти могли заключать въ себѣ эпопеи или поэмы изъ столь отдаленныхъ временъ, какъ эпоха Хайка, Арама, Тиграна и др., т. е. за 3000—1500 лѣтъ до Хоренскаго, и быть сложенными именно объ этихъ легендарныхъ личностяхъ.

Самые эпитеты у нашего историка, несмотря на видимую ихъ своеобразность и типичность, сводятся къ произведеніямъ армянской литературы V—VII вв., какъ оригинальнымъ (напр., Агаѳангелъ, Фавстъ, Л. Парпскій, Себеосъ, Ширакаци), такъ въ особенности переводнымъ (Яковъ Мцбинскій, Библія, Хроника Евсевія, Каллисѳенъ, Филонъ и др.). Это тѣ сочиненія, которыми вообще пользуется Хоренскій при составленіи своего труда, заимствованіемъ изъ нихъ не только подходящихъ отрывковъ, передѣлываемыхъ имъ, сообразно своимъ цѣлямъ, но и отдѣльныхъ выраженій и глоссъ.

Остановимся на эпитетахъ Хайка: изъ нихъ *կորովաձիգ*— „могучій метатель (стрѣлъ)“—встрѣчается, между прочимъ, въ древ. арм. переводѣ *Ефрема Сирина*[1]) и у *Парпскаго*[2]) (с. 26); *աւշխնեայ*—„рослый“—въ I кн. *Царствъ*

---

[1]) Толков. на первыя 14 библ. книгъ, отъ кн. *Быт.* до II кн. *Парал.*, Венеція, 1836. Т. I. стр. 390. *«ազեղնաւոր էր (Ցոփհամ) Ասպուար [որով-ձիգ»*:

[2]) Въ изданномъ мною въ 1883 г. изслѣдованіи на древне-армянскомъ языкѣ, о Лазарѣ Парпскомъ я относилъ М. Хоренскаго, согласно господствовавшимъ тогда въ наукѣ взглядамъ, къ V вѣку, высказавъ при этомъ догадку, что историкъ „Войнъ Варданіанъ и Ваханіанъ“ пользовался между прочими источниками и

(IX, 2) и у *Фавста* (IV, 56); հաստաղեղն—„(владѣющій) толстымъ лукомъ“ и հաստաբազուկ—„съ крѣпкими мышцами“ образованы, повидимому, подъ вліяніемъ библейской цитаты: „արարեր զբազուկ իմ որպէս զաղեղն հաստ“. (*Псалм. Дав.* XVII, 35); ср. также երկայնաքաշուկ *въ Хроникѣ Евсевія* (I, p. 50, II, p. 118); խայտաչն—„быстроокій“ и գեղապատշաճ—„статный“—составлены по образцу, напр., խաժաչն и սրաչն (*Каллисѳенъ*, *Филонъ* In Exodum, II, 22) и գեղապարմար (*Каллисѳ.* стр. 108). Слово լայնալիճն—„широкій какъ озеро (лукъ)“, употребленное Хоренскимъ (I, 11), какъ эпитетъ гигантскаго лука у Хайка, восходитъ, по всей вѣроятности, къ Библіи (кн. *Мудр. Солом.*, V, 22), а, б. м., и къ *Себеосу* (стр. 151), который, очевидно, парафразируетъ здѣсь означенную библейскую цитату. Слову բաղգանգուր покойный Н. О. Эминъ въ новомъ своемъ переводѣ Хоренскаго придалъ эпическій колоритъ, передавая его черезъ „съ божественными кудрями“; но это объясняется желаніемъ ученаго армениста отыскать въ „Исторіи“ Моисея слѣды армянскаго эпоса (см. также его М. Хор. и др. эп. арм., стр. 39). На самомъ же дѣлѣ, բաղեփանեփ значитъ буквально прекрасно-кудрый, какъ գանգրագեղ у *Фавста* (IV, 3), или, какъ его объясняли составители армянскаго академическаго словаря,—աղէկ գոյս; самъ Эминъ въ первомъ изданіи Хоренскаго (1858) перевелъ его черезъ „съ густыми кудрями“. Слѣдуетъ по этому поводу замѣтить, что изъ трехсотъ армянскихъ словъ, образованныхъ съ начальнымъ բաղ и встрѣчающихся въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ переводныхъ произведеніяхъ[1]) (только у Филона болѣе 65 ти), лишь въ одномъ—բաղակաղ—բաղ имѣетъ значеніе духа злаго, бѣса („одержимый бѣсомъ“); въ прочихъ—բաղ обыкновенно соотвѣтствуетъ греческому εὐ—, наприм., բաղխորհուրդ—εὔβουλος, բաղածնունդ—εὐτοχος, բաղպոյս—εὐελπις,

---

„Исторіей Арменіи“ Моисея. Но, послѣ появленія новѣйшихъ работъ о времени, когда жилъ Хоренскій, вопросъ о заимствованіи долженъ быть рѣшенъ въ обратномъ отношеніи.

[1]) См. акад. словарь, Венеція, ч. II, 1837, стр. 982–990.

բաղուսուցիչ — εὐδίδακτος, բաղաւրան — εὔλογος, բաղամարտիկ — εὐπόλεμος и т. п. Тѣ же слова принадлежатъ къ числу излюбленныхъ эпитетовъ Хоренскаго. При этомъ, изъ 15-ти отмѣченныхъ мною у нашего историка такихъ эпитетовъ съ начальнымъ բաղ половина восходитъ къ армянскому переводу Филона (вѣроятно, VII вѣка) [1]); остальные распредѣляются между Л. Парпскимъ и древне-армянскими переводами нѣкоторыхъ твореній Григорія Назіанзина [2]) и Ефрема Сирина; въ томъ числѣ четыре эпитета составлены по образцу подобныхъ же глоссъ у Филона, въ Библіи и у Ширакаци [3]).

Наконецъ, для характеристики пріемовъ Хоренскаго нужно упомянуть и о такихъ случаяхъ, когда авторъ нашъ намѣренно передѣлываетъ заимствованныя имъ слова,—чтобы не походить на свой источникъ, образуя

---

1) См. объ этомъ мою замѣтку въ вѣнскомъ журналѣ „Hantess", 1895, апрѣль.

2) Встрѣчающіяся между армянскими переводами твореній Назіанзина „Слова противъ Евноміанъ" («Ընդ որս...» Ը—ԺՐ; см. въ акад. слов. предисл. стр. 9 и у *о. Зарбаналяна*, Catalogue des anc. traduct. armén. siècles IV—XIII, p. 346), повидимому, по ошибкѣ приписываются Григорію Назіанзину, не писавшему противъ Евноміанъ; б. м., ихъ нужно отнести къ другому Григорію, Нисскому, который какъ извѣстно, оставилъ 12 словъ противъ Евномія. См. *Nirschl*, Lehrbuch der Patrol. und Patr. II B. стр. 178 и слѣд. и 201 и слѣд. Впрочемъ, не имѣя подъ рукою арм. рукописи «Ընդ որս...», я лишенъ возможности разрѣшить это недоразумѣніе.

3) Для наглядности, приведемъ эти эпитеты съ указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ они могли быть заимствованы—прямо или косвенно.

Хорен. I, 4. բաղայլայլ.	*Филонъ.* De Vit. Sapient. Вен. 1892, с. 35.
„ I, 19. բաղախոհակ.	„ De Provid. II. Вен. 1822.
„ II, 27. բաղաքեր.	„ *Ib.* II, p. 104.
„ III, 26. բաղօրէն.	„ De Vit. Sap.
„ III, 54. բաղասուն.	„ *Ib.* также De Prov. II.
„ III, 55. բաղամասն.	„ In Exodum, II, 34, Вен. 1826.
„ III, 56. բաղաբան.	„ In Genesin, IV, 207, Вен. 1826.
„ I, 11. բաղքնիմացիկ.	*Григ. Наз.* De Pauper. amore.
„ II, 63. բաղատոհմիկ	„ *Ib.* Contra Eunom. (Ը. որս, Ը.)
„ I, 10. բաղամարտիկ.	*Ефр. Сир.* Толк. кн. Суд., Цар. с. 332, 401.
„ III, 19. բաղաձի.	*Лаз. Парп.* բ. противопоставл. „վատաձի".
„ I, 29. բաղահատ.	кн. *Чис.* XIII, 33. յաղթահատ.
„ III, 59. բաղանդրդն.	*Л. Пар.* պարտամբրդն, յաղթանդրդն с. 26. *Фил.* De Decalog. Вен. 1892. գեղեցկանդրդն.
„ II, 68. բաղահնար.	кг. *Муд.* VIII, 8; *Сир.* XI, 25. բազմահնար.
„ I, 11. բաղաբոխ	*Ширак.* համաբոխ. (См. акад. слов.).

такимъ путемъ новые эпитеты. Прекраснымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить отрывокъ изъ любопытнаго описанія Китая въ Географіи, приписываемой Ананіи Ширакаци (изд. *Патканъ.* стр. 25 арм. текста).

Такъ, приведенный у послѣдняго отрывокъ—*Լինի ի ձիոյ աչաքին դարիճենիկ և հոշիբոտակ և բուխճենիկ և կասիմոն և սրիկոն. Ուներ եւ հրեշ եւ մուշկ և օքտաւթի շատ, տխուր անքաւ, ապրիշում շատ եւ ապնիւ...*—Хоренскій (II, 81) передѣлалъ слѣдующимъ образомъ: *Սքանչելի է աչաքն (ձիոյ) առատու. թեամբ ամենայն պտղոց, եւ գեղեցիկ բուսովք վարդարեալք, տըխմաւէտ և օքտաւթիաշատ* (*вар.* одной рукоп. *սիրամարգաւէտ եւ բազմամեւտաքս, անքաւութիւն յամուրաց եւ հրեշէյ...* Благодаря искуснымъ превращеніямъ, получились выраженія, сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчающіяся въ армянской литературѣ *до* IX вѣка.

Сказанное объ эпитетахъ Хайка равнымъ образомъ относится и къ Араму, Тиграну и другимъ героямъ и царямъ древности въ „Исторіи Арменіи“: ab uno disce omnes.

Что касается легенды о происхожденіи названія народа или страны *Хайк'* (армяне и Арменія) отъ героя Хайка, о чемъ упоминаетъ Хоренскій въ концѣ разбираемой нами 11-й главы I книги,—мы уже видѣли, что она составлена совершенно искусственнымъ путемъ и произвольно. До Моисея и его источника, Анонима, ни одинъ изъ армянскихъ писателей не знаетъ о Хайкѣ, какъ о родоначальникѣ армянъ. Также неизвѣстны имъ образованныя изъ имени того же героя прилагательныя — Хайкскій, Хайкидъ и Хайканскій [1]), не упоминаемыя и у Анонима, и являющіяся только съ конца IX в. (впервые у историковъ—Іоанна Католикоса и Ѳомы Арцруни), т. е. послѣ Хоренскаго, который, по всей вѣроятности, первый пустилъ ихъ въ оборотъ.

---

1) *Հայեան, Հայոցն, Հայկական* (*Хор.* I, 13, 14, 25, 26, II, 8 и др.)—Ср. также *Гарагашіанъ, l. c.* с. 6.

Правда, у *Агаѳангела* (стр. 376) встрѣчается нарѣчіе *Հայկաբար* (отъ имени миѳическаго стрѣльца *Հայկ*; см. предыдущую главу, с. 75); но оно значитъ «исполински», «гигантски», какъ и стоитъ въ греческомъ переводѣ — γιγανταίως (Agathangelos, *Lagarde*, p. 63). Понятіе «гиганта» видно и въ армянскомъ переводѣ *Филона* (In Genesin, I, § 92, стр. 66)—„*Հսկաչափ*“ и „*Հսկից ծնունդ*“, т. е. „гигантскаго размѣра“ и «рожденіе гигантовъ», если только мы не имѣемъ здѣсь дѣло съ позднимъ исправленіемъ, вмѣсто первоначальныхъ—*հսկայաչափ* и *հսկի ցծնունդ*, согласно заглавію этого параграфа—*Ընդէ՞ր ի հրեշտակաց և իկանանց հսկայն*—Qua ratione ex angelis et mulieribus *gigantes?*—Понятіе же «армянскій», вмѣсто вышеприведенныхъ прилагательныхъ, древніе писатели *до* Хоренскаго выражали черезъ: *Հայ* и *Հայկան* (*Нана*), *Հայաղ* (*Хевондъ*), *Հայաբարբառ*, *Հայկոյս* (*цорр Агаѳангелъ и Себеосъ*), *Հայաստան* (*Агаѳангелъ, Корьюнъ, Л. Парпскій, Себеосъ* [1]).

Переходя къ вопросу о самостоятельности разсказа Хоренскаго о Хайкѣ, считаю нужнымъ замѣтить, что въ немъ я нахожу слѣды прямыхъ заимствованій, съ намѣренными, притомъ, измѣненіями и дополненіями со стороны нашего историка, съ цѣлію скрыть фактъ заимствованія. Пріемъ этотъ, какъ увидимъ, для Хоренскаго очень обыкновенный: а именно, примѣнить къ описанію древнихъ героевъ и царей отрывки изъ позднихъ писателей съ переработкою этихъ отрывковъ, согласно своимъ тенденціознымъ намѣреніямъ. Такія заимствованія я замѣчаю:

Во-первыхъ, у *Анонима*, а именно—изъ его описанія Хайка и борьбы этого послѣдняго съ Бэломъ. Для наглядности, я приведу этотъ отрывокъ въ русскомъ переводѣ, подчеркивая тѣ слова и выраженія, которыя буквально сохранились у Хоренскаго.

---

[1]) Ср. арм. акад. словарь, ч. II, стр. 29—32.

„...Въ то время *Хайкъ*-Іафетидъ *не захотѣлъ подчиниться* царю *Бэлу*, и не согласился назвать его богомъ... Это тотъ *Хайкъ* [1]), *который родилъ сына своего Араманіака въ Вавилонѣ... Переселился Хайкъ изъ Вавилона съ женою, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Пошелъ онъ и поселился въ землѣ арарадской, у подножія горы*, въ домѣ, который *прежде* построилъ отецъ Зрванъ съ братьями. Послѣ того *оставилъ Хайкъ это владѣніе въ наслѣдство внуку своему Кадмію, сыну Араманьяка. Самъ же переселился оттуда и ушелъ на сѣверъ, и поселился на одной возвышенной полянѣ. Это поле* получило *названіе Харкъ* во имя *отцевъ*. По тому же случаю и страна получила названіе Хайкъ со всѣми Хайями. При могучей силѣ, *Хайкъ былъ красивъ* собой, *искусенъ въ метаніи стрѣлъ* и былъ *сильнымъ бойцомъ. Въ то время царствовалъ* въ Вавилонѣ герой-охотникъ, *Бэлъ-Титанидъ*... Онъ былъ княземъ всѣхъ народовъ, разсѣявшихся по лицу земли. Употребивъ передъ ихъ глазами волшебныя средства и *раздавая* царскія *повелѣнія всѣмъ народамъ*, въ порывѣ дерзновенной гордости своей, онъ соорудилъ подобіе свое и заставилъ всѣхъ поклоняться ему и приносить жертвы, какъ богу. И немедленно всѣ народы исполнили его приказаніе; но нѣкто *Хайкъ* изъ старшинъ народныхъ, *не покорился* ему... И было его имя *Хайкъ*, противъ котораго у царя Бэла родилась страшная ненависть. *Царь Бэлъ, собравъ войско въ Вавилонѣ, устремился на Хайка*, чтобы убить его. *Онъ достигаетъ въ землѣ арарадской до ихъ* отечественнаго *дома*, построеннаго у подножія горы. *Кадмъ убѣжалъ въ Харкъ къ отцу своему*, чтобы увѣдомить его о томъ, и говорилъ: „*Устремился на тебя царь Бэлъ и достигъ нашего дома, и вотъ я* съ женою и дѣтьми *нахожусь въ бѣгствѣ.*“ — *Хайкъ беретъ съ собою* Араманьяка и Кадма,

---

[1]) Вмѣсто *Гайкъ*, *Гегамъ*, *Гарма*, *Гаркъ* и проч. русскаго перевода *К. Патканова*, я пишу *Хайкъ*, *Гехамъ*, *Харма*, *Харкъ*—для единообразія съ русскимъ переводомъ Исторіи Арменіи Хоренскаго *Н. Эмина* (по изданію 1893 г.), цитируемымъ въ моемъ изслѣдованіи.

сыновей своихъ, *дѣтей ихъ и сыновей* семи дочерей своихъ, *мужей, витязей, хотя и малыхъ числомъ*. — *Встрѣтился Хайкъ съ царемъ Бэломъ* и не могъ устоять противъ множества *мужей-исполиновъ и вооруженныхъ*... Бэлъ поспѣшилъ за нимъ съ оруженосцемъ своимъ. Остановился Хайкъ и сказалъ ему: „что ты преслѣдуешь меня? Возвратись лучше въ землю свою, чтобъ не умереть тебѣ сегодня отъ рукъ моихъ, ибо стрѣла моя никогда не даетъ промаха“. — Отвѣчаетъ ему Бэлъ и говоритъ: „Я не хочу, чтобы ты попалъ въ руки отроковъ моихъ и умеръ. Подчинись мнѣ и *живи съ миромъ* въ домѣ моемъ, управляя отроками охотниками моего дома“... — Отвѣтствуетъ ему Хайкъ и говоритъ: „Ты собака и изъ стаи собакъ — ты и народъ твой. Вотъ за это сегодня же высыплю на тебя колчанъ мой.“ Царь *Титанидъ*, *будучи вооруженъ, полагался на крѣпкую* броню свою. — Іафетидъ-*Хайкъ приблизился къ нему*, имѣя въ рукѣ лукъ, подобно сильной кедровой палицѣ. Хайкъ остановился и приготовилъ противъ него лукъ свой. Вставивъ стрѣлу въ дугу исполинскаго *лука*, который опирался въ землю, и съ силою *пустивъ ее*, онъ пронзилъ его *желѣзныя латы* и, *пробивъ мѣдный щитъ*, поразилъ мясной истуканъ такъ, что *стрѣла прошла насквозь и воткнулась въ землю. И рушился на землю* воображающій себя богомъ *витязь;* а войско его *обратилось въ бѣгство*“ [1]).

Во-вторыхъ, изъ Исторіи *Себеоса* Моисей Хоренскій взялъ нѣкоторыя черты изъ описанія единоборства Смбата Багратида съ Кушанскимъ царемъ, примѣнивъ ихъ къ борьбѣ Хайка съ Бэломъ. Современникъ Историка Иракла, Смбатъ былъ полководцемъ Хозроя Парвиза, слѣдовательно, достовѣрно историческое лице, между тѣмъ какъ Хайкъ—лице миѳическое.

Вотъ это мѣсто у Себеоса:

---

[1]) Русск. перев. *Себеоса*, стр. 2—5.

„...Тогда Смбатъ собралъ свои *войска*, снова вооружилъ ихъ, набралъ еще многихъ другихъ себѣ на помощь и *устремился* на народъ Кушанскій и царя Хефталитовъ. И тотъ съ своей стороны, сдѣлавъ большія приготовленія, *вышелъ противъ него. Дойдя до мѣста* битвы, они устремились *другъ на друга*. Царь Кушанскій посылаетъ къ Смбату переговорщика и говоритъ: „что за польза *смѣшанно* вступать въ битву и такимъ образомъ (взаимно) истреблять войска наши? Чѣмъ можно узнать мою или твою храбрость? Давай, сразимся только мы съ тобою. Я съ моей стороны буду твоимъ соперникомъ, а ты съ своей, и сегодня ты испытаешь мою храбрость.“ — Но тотъ (Смбатъ), ударивъ себя рукой, сказалъ: „вотъ я готовъ умереть.“ *Устремившись* другъ на друга съ той и другой стороны, они разомъ схватились и бились другъ съ другомъ *посреди обоихъ войскъ*; и не скоро могли одолѣть другъ друга, потому что оба они были немалосильны и *тяжело* вооружены. Наконецъ, получивъ содѣйствіе свыше, Смбатъ копьемъ своимъ пробиваетъ бахлійскую кольчугу и тяжелое вооруженіе царя Кушанскаго, который отъ сильнаго удара Смбата трупомъ *повалился на землю*. Войско его, *видя* своего царя въ такомъ положеніи, *устрашилось*, поворотило и *обратилось въ бѣгство*...“ [1]).

Наконецъ, въ-третьихъ, Хоренскій заимствовалъ изъ армянскаго перевода *Псевдо-Каллисѳена* [2]), а именно — подробности описанія *могилы* полубога Протея, расположенной *на высокомъ холмѣ* острова Фароса, въ Египтѣ. Эти мелкія указанія вошли въ описаніе подобной же легенды о *могилѣ* Бѣла, устроенной также *на высокомъ холмѣ*, якобы, по приказанію Хайка, побѣдителя Титанида.

На сходства, замѣчаемыя вообще въ Исторіи Хоренскаго съ армянскимъ переводомъ „Исторіи Александра“, впервые было обращено вниманіе составителями арм. ака-

---

1) Русск. переводъ *Себеоса*, стр. 74—75.

2) Պատմութիւն Աղէքսանդրի Մակեդոնացւոյ, Վենետիկ, 1842, стр. 39.

демическаго словаря [1]). Въ изданной въ 1887 г., въ Стокгольмѣ, авторомъ извѣстнаго французско-армянскаго словаря, г. Норайромъ, любопытной литографированной брошюрѣ [2]), въ числѣ четырехъ греческихъ писателей, представляющихъ въ армянскихъ своихъ переводахъ сходства съ изложеніемъ Хоренскаго (*Филонъ*, *Григорій Назіанзинъ и Григорій Нисскій*) приведенъ также *Псевдо-Каллисѳенъ*. Изъ него выписано 26 отрывковъ, хотя на самомъ дѣлѣ число это можетъ быть удвоено. Также неполно сдѣланы выписки изъ другихъ писателей. Кромѣ того, сходства эти толкуются г. Норайромъ, какъ вліяніе Хоренскаго на переводчиковъ упомянутыхъ писателей или даже, какъ переводъ самого автора „Исторіи Арменіи“, что, по моему мнѣнію, неосновательно [3]). Уже судя по языку армянскаго Псевдо-Каллисѳена и тому обстоятельству, что онъ былъ извѣстенъ армянскимъ историкамъ VI—VII вв., переводъ „Исторіи Александра“ долженъ быть отнесенъ къ V вѣку, а, слѣдовательно, и сходные пункты его съ Исторіей Моисея, относимой нынѣ ко времени не ранѣе VIII вѣка, объясняются проще—заимствованіями армянскаго историка.

Вслѣдъ за разсказомъ о Хайкѣ у Хоренскаго слѣдуетъ повѣствованіе о первыхъ потомкахъ армянскаго родоначальника (I, 12), которое покойный учитель мой, Н. О. Эминъ, считалъ заимствованнымъ изъ народныхъ преданій“ [4]).

Съ своей стороны, я сильно сомнѣваюсь, чтобы и тутъ было что-нибудь *народное*. Это — отъ начала до конца искусственно-составленная генеалогія армянскихъ родо-

---

1) См. подъ словами—Ա֊Ի֊Բ֊Ա֊Յ, Հ֊Ա֊Դ֊Ա֊Յ, Հ֊Ե֊Գ֊Ա֊Ց֊Ա֊Բ֊Ա֊Ն, Ց֊Ու֊Ց֊Ա֊Կ֊Ա֊Պ֊Ա֊Ր֊Ի֊Կ и др. Ср. также: „Polyhistor“, 1878, I, стр. 7—14, статья покойнаго *о. Сукри*;—Gildemeister, Pseudecallisthenes bei Moses von Khoren, *ZDMG*, 1886, стр. 88—91.

2) „Քննասէր“, բ. стр. 36—63.

3) Ср. также изслѣдованіе о Псевдо-Каллисѳеновой „Жизни Александра“ вѣнскаго Мхитариста *о. Дашіана* (Ուսումնասիրութիւն Պատմ֊Կալլիսթենեայ) въ журналѣ „Hantess“, Вѣна, за 1891—92 гг. и отдѣльно, въ „Աղբ֊Մատենադարան“, Ե֊—1892, стр. 72 и слѣд.

4) Моисей Хоренскій и древній эпосъ армянскій, стр. 46.

начальниковъ, съ помощію такъ называемой народной этимологіи. Пріемъ этотъ, неизвѣстный армянскимъ писателямъ до VIII в. и впервые введенный Анонимомъ, получаетъ у Хоренскаго самое широкое примѣненіе: вся древнѣйшая исторія Арменіи возсоздана имъ подобнымъ образомъ. Это — этіологическое миѳообразованіе, какъ выразился Киппертъ, посредствомъ этимологическаго производства топографическихъ названій Арменіи [1]); но работа эта принадлежитъ не *народу*, а нашему Моисею, который развилъ и усовершенствовалъ остроумный пріемъ Анонима. Такъ, наприм., изъ дѣйствительно существовавшихъ древне-армянскихъ названій — горъ Арарата (или Масиса) и Арагаца, озеръ—Бэнуни и Гехамъ, рѣки—Ерасхъ, городовъ и крѣпостей—Армавира, Гарни, Фарахота, Мажака, княжествъ — Манавазіанъ, Хорхоруни, — Хоренскій выводитъ армянскихъ родоначальниковъ Арая (изъ Арарата), Амасію (изъ Масиса?), Арменака (изъ Арагаца?), База (изъ Бэнуни), Араста (изъ Ерасха?), Армаиса (изъ Армавира?), Гарника (изъ Гарни), Фароха (изъ Фарахота), Манаваза (изъ Манавазіанъ), Хора (изъ Хорхоруни) и пр. [2]).

На основаніи Анонима же составлены и подробности въ интересующей насъ главѣ у Хоренскаго, какъ видно изъ слѣдующаго отрывка.

„... *Возвратился Хайкъ въ землю* свою, говоритъ Анонимъ (русск. пер. стр. 5—6), и владѣлъ Хайкъ землею араратскою, и поселился тамъ съ своимъ народомъ до нашего времени. Передъ смертью онъ оставилъ это владѣніе въ наслѣдство *Кадму, внуку своему*, сыну Араманьяка, брату Хармы. А Араманьяку приказалъ идти на сѣверъ, гдѣ онъ прежде остановился. *Послѣ смерти* Хайка, *Араманьякъ взялъ* съ собою сыновей и дочерей своихъ,

---

[1]) Ueber älteste Landes-und Volksgeschichte von Armenien, въ *Monatschrift d. König. Pr. Acad. Wiss. zu Berlin*, März, 1869, pp. 216 и слѣд.—См. также у *К. Патканова*, „Ванск. над.“, стр. 70 и слѣд.

[2]) См. также у *Гарагашіана*, l. c. стр 147—155.

мужей ихъ, семерыхъ сестеръ съ ихъ мужьями, сыновей и дочерей ихъ, *и все свое имущество*, и поселился тамъ въ первой области, которую во имя отцевъ своихъ назвали *Харкъ*. Послѣ того *Араманьякъ* подвигается *къ сѣверу* и достигаетъ *глубокой равнины*, находящейся между *высокими горами*, и *чрезъ которую* прорываясь *протекаетъ* быстрая *рѣка*. Перейдя ее, *Араманьякъ поселяется* тамъ, и *обращаетъ* землю себѣ въ наслѣдственное *помѣстье*, въ странѣ *гористой* и каменистой. Послѣ Араманьяка, *сынъ его Арамаисъ, на берегахъ рѣки строитъ себѣ жилище, и называетъ его по своему имени—Арамаиръ*. Дѣти его *стали множиться и наполнять землю*, и основали области. Умеръ *Арамаисъ;* страною владѣлъ сынъ его *Амасія;* а *послѣ него Гехамъ*. Умеръ Гехамъ, и правилъ сынъ его *Харма*...“

Названіе области *Ширакъ*, славившейся издавна своимъ плодородіемъ, Хоренскій приводитъ въ связь съ легендой о нѣкоемъ обжорѣ, *Шарайѣ*-Хайкидѣ, отъ котораго, будто, самая область и получила свое наименованіе. Послѣднее, вѣроятнѣе всего, находится въ связи съ жившимъ здѣсь въ древности народомъ Сираковъ, упоминаемымъ еще Страбономъ (кн. XI, гл. 2 и 5). Что же касается поговорки—„коль у тебя глотка Шарайя, у насъ не Ширакскіе амбары“, приводимой Моисеемъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія,—она искусно составлена историкомъ изъ сближенія названія „Ширакъ“ съ персидскимъ *шара*, что обозначаетъ „*обжору*“[1]), подобно тому, какъ и эпитетъ „прекрасный“, придаваемый седьмому отъ Хайка родоначальнику, *Арайю* (I, 5), находитъ свое объясненіе въ персидскомъ же *ара*—„красивый“, б. м., послужившемъ поводомъ къ образованію самой легенды объ Арайѣ.

Что эти и подобныя имъ многія имена армянскихъ родоначальниковъ или патріарховъ составлены искусственнымъ путемъ, и въ сравнительно позднее время, видно

---

[1]) Ср. у *Алишана*, „Ширакъ“, Венеція, 1881, стр. 3;—*К. Патканова*, Матер. для словаря арм. яз., вып. I, Спб., 1882, стр. 29—30.

еще изъ того, что, кромѣ приведенныхъ мѣстъ у Моисея и у Анонима, у армянскихъ писателей *до* IX вѣка они совершенно не встрѣчаются.

Въ разбираемой нами главѣ Хоренскій пользуется случаемъ, еще въ самомъ началѣ возникновенія Армянскаго государства— примѣрно за 2000 лѣтъ до Р. Х., исподоволь сообщать краткія данныя о существовавшихъ въ историческую эпоху (едва ли, однако, ранѣе персидской Ахеменидской династіи) армянскихъ княжескихъ родахъ, возводя ихъ родоначальниковъ къ внукамъ и ближайшимъ потомкамъ архегета армянъ. Раньше другихъ мы видимъ три южно-армянскихъ княжества — *Хор*-хоруни, *Бз*-нуни, *Манавaз*-іанъ и одно сѣверо-восточное — *Сисак*-анъ, происшедшихъ, по объясненію нашего историка, отъ соотвѣтствующихъ именъ ихъ родоначальниковъ. Названія первыхъ двухъ нахарарствъ историкъ нашъ зналъ изъ *Фавста*, подробно передающаго объ избіеніи трехъ армянскихъ родовъ, послѣ Трдата Великаго— Манавазіанъ, Ордуни и Бзнуни (III, 4 и 8). Изъ Сисакана, извѣстнаго Моисею изъ Географіи Ширакаци (изд. Спб. с. 19 арм. тек.), какъ названіе области, получился родоначальникъ *Сисакъ*, не безъ вліянія, быть можетъ, и библейскаго Сисака (кн. Іереміи, xxv, 26, LI, 41). *Фарахотъ* и *Цолакертъ* заимствованы у Ехише [1]) (изд. 1850, Венец. с. 60).—И въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи Хоренскій будетъ втискивать, при удобномъ случаѣ, бѣглыя замѣчанія о происхожденіи того или другаго армянскаго нахарарства, судьбою котораго онъ почему либо заинтересованъ.

---

[1]) На знакомство Хоренскаго съ Фавстомъ, Ехише, Географіей Ан. Ширакаци мы не разъ еще будемъ имѣть случай указывать.

ГЛАВА IV.

Объ Арамѣ — первомъ армянскомъ завоевателѣ.

Вслѣдъ за исторіей Хайка, Хоренскій сообщаетъ лишь отрывочныя свѣдѣнія о первыхъ его потомкахъ. Съ Арама, седьмаго родоначальника армянъ, историкъ нашъ опять начинаетъ свое обстоятельное повѣствованіе, посвящая знаменитому армянскому завоевателю двѣ главы, а именно: о войнѣ Арама съ восточанами, побѣдѣ его и смерти Нюк'ара Мадеса (гл. 13) и о войнѣ Арама съ ассирійцами и его побѣдѣ (гл. 14). Съ содержаніемъ этихъ главъ слѣдуетъ намъ предварительно ознакомиться.

Хор. I, 13 „...Арамъ, мужъ *трудолюбивый*, *любящій* (свое) *отечество*, предпочиталъ (скорѣе) *умереть за* родной край, нежели видѣть, какъ сыны инородныхъ *попираютъ* родную землю, а чужеродные *мужи* господствуютъ надъ единственными его соплеменниками".

„Этотъ Арамъ немного прежде воцаренія *Нина въ Ассиріи* и Ниневіи, тѣснимый окружавшими его народами, *собираетъ множество* храбрыхъ мужей (изъ) своихъ домочадцевъ, луконосцевъ, мощныхъ копьеносцевъ *юныхъ и благородныхъ*, отличавшихся мѣткостью рукъ, мужественныхъ, жаждущихъ боя—числомъ до пятидесяти тысячъ; встрѣчаетъ на границахъ *Арменіи Марскихъ* юношей и подъ предводительствомъ нѣкоего Мадеса, прозваннаго Нюк'аромъ, (мужа), по словамъ того же исто-

рика, кичливаго и войнолюбиваго... Арамъ *напалъ на него внезапно до восхода* солнца, *истребилъ* многихъ изъ его полчища *и самого Мадеса*, прозваннаго Нюк'аромъ, *схвативъ*, приводитъ въ Армавиръ. И тутъ приказываетъ *вколотить* ему въ лобъ желѣзный *колъ и пригвоздить* къ вершинѣ башенной *стѣны* на позоръ (мимо) проходящихъ и всѣхъ, туда приходившихъ. На его страну до самой горы, называемой Зараспомъ, (Арамъ) налагаетъ дань и держитъ ее въ зависимости (отъ себя) до воцаренія Нина въ Ассиріи и Ниневіи".

„*Нинъ*, воцарившись въ Ниневіи, имѣя въ умѣ память о враждѣ предка своего, *Бэла*, дошедшую до него по сказаніямъ, долгіе годы думалъ объ отместкѣ, выжидая только благопріятнаго времени для истребленія всего племени, происшедшаго отъ потомковъ полубога Хайка. Но опасаясь, какъ бы не привелось лишиться своего царства, скрываетъ свой умыслъ, *приказывая* Араму смѣло *удержать за собою власть свою*, разрѣшаетъ ему носить жемчужную повязку и называться вторымъ по себѣ. Но довольно объ этомъ; ибо предстоящій трудъ не позволяетъ намъ мѣшкать, останавливаясь на этой исторіи".

Хор. I, 14 „...Этотъ самый Арамъ послѣ сраженія, даннаго имъ восточанамъ, отправляется съ тою же (воинскою) силою къ предѣламъ Ассиріи, гдѣ находитъ опустошителя своей страны изъ поколѣнія исполиновъ, по имени *Баршамъ*, во главѣ сорока тысячъ вооруженной пѣхоты и пяти тысячъ всадниковъ... Арамъ, сразившись съ нимъ и истребивъ большую часть его воинства, заставляетъ его броситься черезъ область Кордук на ассирійскую равнину; но Баршамъ убитъ, настигнутый его (Арама) оруженосцами.—*Сирійцы* причислили *Баршама* къ лику боговъ и долго чествовали за мужественные его подвиги.

„...Пусть никто не усумнится, недоумѣвая—почему обо всемъ этомъ не упомянуто въ собственныхъ книгахъ царей и въ храмовыхъ исторіяхъ? Потому

во-первыхъ, что это случилось ранѣе воцаренія *Нина*, когда никто не *заботился* о подобныхъ вещахъ; во-вторыхъ, потому что не находили нужнымъ и необходимымъ *вносить* въ свои храмовыя книги или въ книги царей древнія преданія и стародавнія сказанія, касающіяся чужихъ народовъ и отдаленныхъ странъ. Къ тому же какая слава или гордость (описывать) подвиги мужества и храбрости чужихъ народовъ?—Впрочемъ, хотя (эти сказанія) и не (вошли) въ собственныя книги (царей), однако они собраны незначительными и неизвѣстными гусанами и хранятся въ царскихъ архивахъ, какъ говоритъ Маръ Абасъ Катина. Онъ же приводитъ тому еще другую причину, говоря, что *Нинъ*, какъ я узналъ, какъ человѣкъ кичливый и себялюбивый, желая выставить только себя одного первоначальникомъ завоеваній, *храбрости* и совершенства, приказываетъ предать огню находившіяся въ разныхъ мѣстахъ книги и сказанія древнихъ о чьихъ бы то ни было подвигахъ храбрости; онъ запрещаетъ изображать подвиги своихъ современниковъ, а *писать* только о себѣ одномъ".

Мы уже видѣли, что, благодаря народной этимологіи источникъ Хоренскаго, Анонимъ, возсоздалъ изъ національнаго названія народа Хайк' (хайевъ-армянъ) ихъ эпонимъ *Хайка*. Теперь, по тому же пріему, изобрѣтаетъ Хоренскій другой эпонимъ изъ названія, которое давали его соотечественникамъ сосѣдніе народы. Такимъ образомъ, изъ *Armin*, какъ называли Арменію персы, и Ἀρμενία — греки, Моисей, быть можетъ, не безъ вліянія Іосифа Флавія [1]), восходитъ къ какому-то миѳическому

[1]) См. *Ant. Jud.* Lib. I, cap. VI (VII), 4. По сообщенію Іосифа, армяне происходятъ отъ одного изъ сыновей *Арама*—Ул'я [Ἀρμενίαν δὲ Οὖλος (κτίζει).] Въ арм. переводѣ Библіи (кн. *Быт.* X, 24) сыномъ Арама названъ Емуль — Եմուլ, но безъ всякаго отношенія къ армянамъ.—Замѣтимъ кстати, что и *Арамъ* или *Араме*, читаемый въ ассир. надписяхъ, въ качествѣ урартійскаго (араратскаго) царя, и сопоставляемый нѣкоторыми (см., напр., Клиновбр. надп. Ванск. царей и проч. въ III Т. „Древн. Вост. Труд. Вост. Ком. М. Арх. Об.", вып. III, ст. *М. В. Никольскаго*, стр. 400) съ одноименнымъ завоевателемъ въ „Исторіи Арменіи", едва ли имѣетъ съ нимъ что-нибудь общее.

Араму, по имени котораго и названъ, будто, народъ армянскій, хотя такое заключеніе скорѣе было бы примѣнимо къ сыну и наслѣднику Хайка, *Армен*-аку, какъ показано у Анонима [1]). Историкъ нашъ даже не стѣсняется тѣмъ, что Арамъ есть древнее названіе Сиріи (кн. *Быт.*, x); напротивъ того, это обстоятельство должно служить еще опорою для его смѣлой фантазіи, какъ увидимъ далѣе.

Какъ и всякому эпониму народа, Араму также подобало быть воинственнымъ и необыкновенно удачливымъ въ войнѣ съ сосѣдями, чтобы тѣмъ имѣть возможность прославить себя внѣ предѣловъ своего отечества. И такъ какъ въ означенное время, т. е. во дни Нина ассирійскаго, Арменію, по мнѣнію Хоренскаго, окружали — съ востока мидійцы, съ юга ассирійцы, съ запада каппадокійцы, то и нужно, чтобы Арамъ совершалъ походы по тремъ указаннымъ направленіямъ и побѣждалъ эти народы. Въ особенности нужно было покореніе „страны у предѣловъ Ассиріи“, какъ выражается нашъ историкъ, т. е. той самой, которая издревле была извѣстна подъ именемъ „Арама“, чтобы даже національное названіе Сиріи возвести къ славному армянскому завоевателю.

Вглядываясь ближе въ описанія войнъ и великихъ дѣяній Арама, мы, однако, не имѣемъ въ нихъ ничего народнаго или эпическаго: они составлены главнымъ образомъ на основаніи совершенно чуждаго армянской жизни и воззрѣніямъ этого народа источника, *Діодора Сицилійскаго*. Въ дополненіе къ нему приведены мѣстами отрывки нѣкоторыхъ армян. историковъ VII—VIII вв., повѣствующихъ о совершенно другой эпохѣ и другихъ лицахъ.

Діодоромъ, несмотря на прямое заявленіе Хоренскаго о неимѣніи его Исторіи подъ рукою [2]), нашъ авторъ

---

[1]) См. выше, стр. 78. Ср. также у *Патканова*, Вапск. над., стр. 79 и слѣд.

[2]) *Хор.* III, 1. — Нѣкоторыя сопоставленія Діодорова разсказа съ Моисеевымъ объ Арамѣ были сдѣланы еще бр. *Вистонами* (Mosis Choren. etc. p. 37).—Здѣсь нужнымъ считаю замѣтить разъ на всегда: утверждая, что Хоренскій пользовался Діодоромъ, Іосифомъ, Прокопіемъ и др. греческими писателями, я не представляю это непремѣнно въ томъ видѣ, что армянскій историкъ располагалъ именно ихъ подлинными сочиненіями, и то, въ оригиналѣ. Могло

пользовался несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, его II книгою, и пользовался довольно своеобразно. Игнорируя упоминаемаго у греческаго историка армянскаго царя Барзана (Βαρζάνης), изъявившаго покорность великому ассирійскому воителю, Нину,—Хоренскій безъ стѣсненія переноситъ на никому неизвѣстнаго Арама разсказы о подвигахъ ассирійскаго царя.

Такъ, превозносимыя армянскимъ историкомъ—*„трудолюбіе“* Арама и его *„любовь къ родинѣ“*, также *„собираніе имъ войска изъ юношей“*, *„походъ его противъ мидійцевъ“* (sic!), *„захватъ въ плѣнъ ихъ царя и распинаніе его на башнѣ“* — взяты цѣликомъ изъ второй книги Сицилійскаго историка [1]). Мотивы эти у обоихъ писателей на столько сходны, что невозможно допустить существованіе тождественныхъ сказаній о Нинѣ и Арамѣ. Заимствованіе—вотъ единственный путь объясненія этихъ сходствъ. Ясно, конечно, кто у кого могъ заимствовать.

Изъ того же источника переняты Хоренскимъ: *опасеніе Нина*, якобы, передъ Арамомъ и данное имъ армянскому царю разрѣшеніе носить жемчужную повязку и называться *„вторымъ“* по себѣ, — передѣланныя изъ Діодорова разсказа о великодушномъ поступкѣ ассирійскаго царя по отношенію къ армянскому царю, Барзану. За послѣднимъ было оставлено царство, съ обязательствомъ съ его стороны доставки вспомогательнаго войска въ войнѣ Нина противъ мидійцевъ [2]).

Даже несправедливое, какъ мнѣ кажется, обвиненіе Моисея противъ Нина въ сожженіи книгъ (?) и уничтоженіи сказаній о подвигахъ храбрости другихъ царей, съ цѣлію себя одного выставить первоначальникомъ за-

---

быть такъ, что существовали армянскіе переводы нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей, не дошедшіе до насъ; или же, что также весьма возможно, — Хоренскій имѣлъ подъ рукою какой-нибудь компендіумъ, въ качествѣ сборника отрывковъ изъ произведеній греческихъ авторовъ.

[1]) *Diodori Siculi* Bibliothecae historicae quae supersunt, ex nova recensione Lud. Dindorfii graece et latine... Car. Mullerus, volumen I. Parisiis, 1842. Liber II, c. I—II.

[2]) *Ibid.*

воеваній, храбрости и совершенства, — есть парафраза изъ введенія Сицилійскаго историка о Нинѣ, съ тенденціозными дополненіями армянскаго историка. „Отъ первыхъ царей Азіи, говоритъ Діодоръ, не сохранилось никакихъ важныхъ дѣяній, никакого имени, достойнаго памяти: *первый*, о которомъ упоминаетъ исторія это — *Нинъ*“. [1])

Далѣе, выраженія Хоренскаго, относящіяся къ патріотизму Арама, — „скорѣе *умереть* за родной край, нежели видѣть, *какъ сыны инородныхъ попираютъ родную землю*, — заимствованы, по моему мнѣнію, у *Хевонда*, автора Исторіи халифовъ [2]). Послѣдній, какъ духовное лице, а, сверхъ того, и очевидецъ передаваемыхъ имъ событій, естественно, съ болью въ сердцѣ говоритъ о попираніи въ Арменіи христіанскихъ святынь мусульманами, въ VIII вѣкѣ [3]).

Я полагаю, что и такія подробности въ описаніи *нападенія* миѳическаго Арама на какого то Мадеса, какъ— *„внезапно, до восхода солнца“*, что считается нѣкоторыми за эпическій мотивъ,—носятъ явные слѣды книжнаго заимствованія, а именно — изъ *Себеосовой* исторіи войнъ Хозроя Парвиза съ греками (с. 72. Спб. изд.). Имя же Мадесъ, которымъ намѣренно замѣнилъ нашъ Моисей мидійскаго царя, Фарна, (Φάρνος у Діодора), есть искусно приноровленный эпонимъ народа, быть можетъ, не безъ связи съ Библіей, въ которой, дѣйствительно, упоминается подобное имя [4]). Въ виду этихъ соображеній,

---

[1]) Отрывокъ этотъ былъ извѣстенъ Хоренскому также изъ армянскаго перевода *Хроники* Евсевія (I, pp. 40—41), пользовавшагося Діодоромъ.

[2]) Պատմութիւն Դիոնիսիոսի Հռոմայեցւոյ изд. II, Спб., 1887. Первое изданіе вышло въ Парижѣ, 1857, трудами *о. Шахназаріана*, которому принадлежитъ и французскій переводъ Хевонда (Парижъ, 1856). Русскій переводъ сдѣланъ К. Паткановымъ, Спб. 1862.

[3]) См. стр. 149. Спб. изданія.

[4]) I кн. *Паралип.*, IV, 21. „Դաթան Հայր Իսրայէլի“. — *Патканов* (Ванс. изд., с. 122) склоненъ думать, что имя *Мадесъ* указываетъ на вторженіе скиѳовъ въ Арменію и Мидію при Кіаксарѣ, подъ предводительствомъ Madyes (*Herod.* I. 103) или Madys (*Strab.* I, 61).

стараніе нѣкоторыхъ строить на этомъ названіи теорію существованія у армянскаго историка древняго *сирскаго источника* [1]), остается, по моему мнѣнію, безплоднымъ.

Также и сказаніе Моисея о „Баршамѣ, изъ поколѣнія исполиновъ", „убитомъ оруженосцами Арама и причисленномъ сирійцами къ лику боговъ"—можетъ считаться народнымъ, на сколько книжный источникъ армянскаго историка, дѣйствительно, содержалъ въ себѣ элементы народнаго преданія. Но дѣло въ томъ, что Хоренскій, по своему обыкновенію, не ограничивается заимствованными у армянскихъ писателей данными и произвольно перерабатываетъ ихъ самъ. Такой примѣръ переработки чужаго матеріала мы видимъ и въ помянутомъ сказаніи: источникомъ нашему Моисею служилъ *Ананія Ширакаци*, VII вѣка. Послѣдній, коснувшись въ астрономическомъ трактатѣ своемъ объясненія Млечнаго пути, приводитъ извѣстныя ему объ этомъ явленіи различныя преданія. Между прочимъ, онъ упоминаетъ и о слѣдующей армянской легендѣ: „Древніе армяне, говоритъ Ширакаци, разсказывали, что (какъ то разъ) во время суровой зимы Вахагнъ, предокъ армянъ, укралъ солому у Бахаама (б. м., Баршама), предка *сирійцевъ:* (оброненныя имъ дорогой соломенки образовали Млечный путь), который вслѣдствіе того былъ названъ слѣдомъ Соломокрада" [2]).

Моисей воспользовался этимъ преданіемъ о бывшемъ нѣкогда столкновеніи между Арменіей и Сиріей, видоизмѣнивъ роли предковъ обоихъ народовъ въ болѣе выгодномъ для своихъ соотечественниковъ свѣтѣ. При этомъ, предка сирійцевъ, Баршама, онъ обратилъ въ божество, вѣроятно потому, что и соперникъ этого послѣдняго, Вахагнъ, въ легендѣ Ширакаци, на сколько было ему извѣстно изъ Агаѳангела, являлся тоже божествомъ. О Вахагнѣ рѣчь впереди.—Впрочемъ, на боже-

---

1) См. *Vetter*, Das Sibyllen-Citat bei Moses von Choren.

2) Անանիայի Շիրակունւոյ Պատմութիւն բանից, ի լոյս ած Ք. Պ(ատկանեան). Спб. 1877, стр. 48.—Отрывокъ этотъ я привелъ по переводу *Эмина*, Очеркъ религ. и вѣров. языч. армянъ, Москва, 1864, стр. 24.

ственное происхожденіе Баршама могло навести Хоренскаго и сопоставленіе его съ богомъ Баршимнія, упоминаемымъ также у Агаѳангела (с. 589).

Наконецъ, и поводъ раздѣленія Арменіи на Первую, Вторую, Третью и Четвертую, при миѳическомъ Арамѣ, представляется совершенно невѣроятнымъ. Напротивъ того, достовѣрно извѣстно, что такое дѣленіе произошло при Юстиніанѣ [1]) (527—565 г.). Подтвержденіемъ тому служитъ и то обстоятельство, что писателямъ армянскимъ до VI в. еще не знакомо наименованіе „Четвертая Арменія“, исключительно употребляемое Хоренскимъ, вмѣсто древняго названія этой области, *Цопкъ* — Σωφένη грековъ. Самое дѣленіе на четыре Арменіи заимствовано нашимъ историкомъ изъ Географіи Ананіи Ширакаци [2]).

Исторію Арама Хоренскій заключаетъ страннымъ признаніемъ, раскрывающимъ, вопреки его ожиданію, всю его искусную изобрѣтательность относительно источника его, Маръ Абаса Катины, и его Халдейской книги.

Не находя въ свое оправданіе никакихъ, даже косвенныхъ, намековъ на великія дѣянія армянскаго завоевателя ни у Діодора и Евсевія, повѣствующихъ о Нинѣ ассирійскомъ, ни даже у Анонима, ограничивающагося упоминаніемъ лишь имени этого родоначальника, — армянскій историкъ старается предупредить возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано читателемъ на счетъ достовѣрности всего имъ сообщаемаго, въ особенности же — послѣ его заявленія о варварскомъ поступкѣ Нина по отношенію къ письменнымъ памятникамъ. Если вѣрить

---

[1]) См. Novel. Const. Dn. Justiniani a *I. Homberck*, новелла XXXI, p. 368—370.—Арм. географія VII в. пер. *Патканова*, стр. 33—35, 43—44. Ср. также: *Gutschmid*, Kleine Schriften, T. III, 335—336.—Историкъ *Іоаннъ Католикосъ*, конца IX в., (изд. Іерусалимъ, 1867, стр. 88—89, изд. *Эмина*, стр. 40) сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія касательно дополнительныхъ послѣ Юстиніана дѣленій греческой Арменіи на „Глубокую“ — խորունկ (Тайкъ), „Внутреннюю“ — ներքին (Двинъ) и др., произведенныхъ императоромъ Маврикіемъ (582—602 г.).

[2]) Изд. *Патканова*, арм. текстъ, стр. 15 и 18.

тому, что „ассирійскій царь велѣлъ предать огню находившіяся въ разныхъ мѣстахъ книги и сказанія древнихъ о чьихъ бы то ни было подвигахъ храбрости“,—какимъ же тогда образомъ могла сохраниться въ Ниневійскомъ архивѣ Халдейская книга, заключавшая въ себѣ, по увѣренію Моисея, предшествовавшую Нину начальную исторію Арменіи въ такомъ блестящемъ изложеніи, которое льститъ патріотизму армянъ? Историкъ нашъ пытается обойти это противорѣчіе разсужденіями въ родѣ того, что, „хотя объ этихъ сказаніяхъ не упомянуто въ ассирійскихъ Книгахъ царей и въ Храмовыхъ исторіяхъ, такъ какъ не вносились въ нихъ преданія чужихъ народовъ, но они были собраны незначительными и неизвѣстными рапсодами и хранятся въ *царскихъ архивахъ*, какъ говоритъ Маръ-Абасъ Катина“.

На эти и подобныя несообразности въ изложеніи Хоренскаго было въ свое время обращено вниманіе его критиками. Противъ вышеприведенныхъ доводовъ армянскаго историка одинъ изъ нихъ [1]) ставитъ на видъ слѣдующія, по моему мнѣнію, вполнѣ основательныя соображенія.—Прежде всего, странно, какимъ образомъ изъ пѣсенъ рапсодовъ могла сложиться такая подробная и обстоятельная исторія, которая, къ тому же, „внесена въ царскій архивъ незначительными и неизвѣстными людьми“. Далѣе, если ассирійцы „не находили нужнымъ и необходимымъ вносить въ свои Храмовыя книги или въ Книги царей древнія и стародавнія сказанія, касающихся чужихъ народовъ и отдаленныхъ странъ“,—то какимъ же образомъ они могли помѣстить тѣ же сказанія въ царскомъ архивѣ? Не есть ли это противорѣчіе? —Непонятно также, какая разница между „Книгами царей“ и „царскимъ архивомъ.“ Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что, по представленію Хоренскаго, во времена Нина, и даже раньше его, существовала книжная

---

1) *Гарагашіанъ*, *l. c.* стр. 156—157.

письменность: всюду находились книги, архивы и лѣтописи, какъ то было въ эпоху самого историка, почему онъ и заставляетъ Нина „*жечь* всюду *книги* и написать новыя"; а между тѣмъ достовѣрно мы знаемъ, что въ Ассиріи относительно упомянутаго періода не можетъ идти рѣчь о книгахъ, а лишь о клинописи на камняхъ или на глиняныхъ плиткахъ.

ГЛАВА V.

Объ Арайѣ Прекрасномъ и Семирамидѣ.

Приведемъ сначала относящійся къ этой главѣ текстъ Хоренскаго, а именно: объ Арайѣ и смерти его въ войнѣ съ Семирамидой (гл. 15); какъ, послѣ смерти Арайя, Семирамида строитъ городъ, рѣчную плотину и свой домъ (гл. 16); почему Семирамида истребляетъ своихъ сыновей; ея бѣгство въ Арменію отъ мага Зрадашта; ея смерть отъ руки Нинія, сына ея (гл. 17); о войнѣ Семирамиды въ Индіи и смерть ея въ Арменіи (гл. 18).

Хор. I, 15 „...*Арай* незадолго до кончины Нина облеченъ былъ (послѣднимъ) такою же властью на управленіе своимъ отечествомъ, какою и отецъ его, *Арамъ*. Но *сладострастная* и блудная *Шамирамъ*, давно уже *слышавшая о красотѣ его*, хотя и искала случая видѣть его, но не рѣшалась дѣйствовать открыто; послѣ же кончины, или бѣгства *Нина* на Критъ—я раздѣляю (послѣднее) мнѣніе — она смѣло начинаетъ лелѣять страсть свою: посылаетъ *пословъ къ Араю Прекрасному* съ дарами и приношеніями; дѣлая ему большія обѣщанія, ситъ его убѣдительно пріѣхать *къ ней въ Ниневію*, взять ее въ супружество и царствовать надъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ владѣлъ Нинъ; или же, *удовлетворивъ ея страсть*, возвратиться съ миромъ на свое мѣсто съ большими дарами.

Послѣ неоднократныхъ сношеній съ *Араемъ* и несогласія его (на предложеніе царицы), по прекращеніи переговоровъ, *Шамирамъ*, въ сильномъ гнѣвѣ, *въ сопровожденіи* многочисленнаго *войска*, спѣшитъ проникнуть въ землю Армянскую и (напасть) *на Арая*... Въ страстномъ своемъ безуміи она, какъ (поется) о ней въ Пѣснѣ, горѣла къ нему желаніемъ, живо представляя его себѣ. Она стремительно *является на поле Арая*, *названное по имени* послѣдняго *Айраратомъ*. Передъ боемъ она даетъ приказаніе своимъ военачальникамъ стараться, если удастся, сохранить жизнь Арая. Но когда завязался бой, *войско Арая понесло пораженіе* и *онъ* самъ *палъ* (подъ ударами) юношей Шамирамъ. Послѣ побѣды царица отправляетъ на мѣсто сраженія расхитителей *труповъ* искать между тѣлами падшихъ (своего) многожеланнаго любимца. Находятъ Арая мертвымъ между (падшими) храбрецами. Царица *приказываетъ положить* его *въ горницѣ дворца*.

И когда армянскія войска снова возстали войною противъ *царицы Шамирамъ* на отомщеніе за смерть Арая, она сказала: „я приказала моимъ *богамъ лизать его раны, и онъ оживетъ*“.—Въ то же время она, обуянная безумною *страстью*, *надѣялась* оживить его чарами своего волшебства. *Но когда трупъ его разложился, она приказала бросить его въ* глубокій *ровъ и засыпать*; и *объ одномъ изъ своихъ любимцевъ, втайнѣ облеченномъ въ пышную одежду*, *распустила* такую *молву*: „*боги, облизавъ Арая*, оживили его, и тѣмъ исполнили наше страстное желаніе... *Такимъ образомъ* Шамирамъ, *пустивши въ ходъ* эту *молву* по землѣ армянской и убѣдивъ (въ томъ) всѣхъ, положила конецъ войнѣ.“.

Хор. I, 16 „...*Послѣ этихъ* удачныхъ *событій*, немного отдохнувъ *на полѣ*, *названномъ по имени Арая Айраратомъ*, *она отправляется* на югъ *въ гористую часть страны съ желаніемъ прогуляться* по долинамъ и цвѣтистымъ полянамъ, ибо пора была весенняя. *Видя* красоту страны, чистоту воздуха, *воды* прозрачныхъ *источниковъ*, журчаніе величественныхъ рѣкъ, она сказала: „надлежитъ

намъ *построить городъ и дворецъ* въ этой *странѣ*, гдѣ *такой* благорастворенный воздухъ и такія прозрачныя воды; и проводить четвертую часть года—лѣтнее время, въ Арменіи въ полномъ удовольствіи, другія же три прохладныхъ времени года — въ Ниневіи."

„Осмотрѣвъ многія мѣста и дошедъ съ восточной стороны до берега солянаго озера, Шамирамъ *увидѣла* близъ берега озера *продолговатый холмъ* съ легкимъ скатомъ съ сѣверной стороны, *тянувшійся въ протяженіи* своемъ къ закату; на югѣ же находилась *пещера, прямо и отвѣсно обращенная къ небу*...

„Здѣсь-то сладострастная, съ мужавымъ духомъ *Шамирамъ* остановила свой взоръ и дала приказаніе *привести немедленно на желанное* (это) *мѣсто изъ Ассиріи* и *другихъ подвластныхъ* (ей странъ) *двѣнадцать тысячъ* простыхъ работниковъ и шесть тысячъ изъ ея *мастеровъ искусныхъ* рѣщиковъ на деревѣ, камнѣ, на мѣди и желѣзѣ, знающихъ въ совершенствѣ свое искусство. *Повелѣніе* царицы *съ точностью было исполнено:* немедленно приведена разнородная толпа работниковъ и много *искусныхъ совершенныхъ художниковъ*.

„Прежде всего Шамирамъ приказываетъ строить *рѣчную* плотину *изъ огромныхъ* дикихъ *камней*, вмѣстѣ сплоченныхъ посредствомъ извести и песку—на безмѣрную ширину и вышину, *что*, какъ говорятъ, *твердо стоитъ до настоящаго времени*. Въ разсѣлинахъ этой *плотины* теперь, какъ слышно, *скрываются* бѣглецы и *разбойники* той страны, живущіе въ нихъ, какъ въ пещерахъ высокихъ горъ...

„Тамъ она приказываетъ раздѣлить толпу на нѣсколько разрядовъ и назначить надъ каждымъ изъ разрядовъ мастерами избраннѣйшихъ изъ художниковъ. *Занимая* ихъ *такимъ образомъ сильно-напряженной работой*, она, по прошествіи немногихъ лѣтъ, *завершаетъ* постройку дивнаго (города), обведеннаго крѣпчайшими *стѣнами съ мѣдными воротами. Строитъ* также внутри города множество великолѣпныхъ двухъ и трехъ этажныхъ *дворцовъ*,

обращенныхъ, какъ надлежало, на востокъ и украшенныхъ различными красками и разноцвѣтными *камнями*. Части города она отмѣчаетъ яркими красками и проводитъ между ними широкія улицы. Посреди города на надлежащихъ мѣстахъ *строитъ чудесныя бани*, удивленія достойныя. Часть рѣки, *отводя, проводитъ по городу для разныхъ нуждъ—орошенія садовъ* и цвѣтниковъ, *а другую* ея часть — *по* правому и лѣвому *берегамъ озера для орошенія* города и всѣхъ его окрестностей. *Восточную, сѣверную* и *южную* стороны города *украшаетъ* виллами, *вѣтвистыми деревьями, отличающимися* (одни отъ другихъ) плодами и листвой; *сажаетъ* также множество виноградныхъ лозъ, плодоносныхъ, обильно обѣщающихъ вино. *И во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпно* и *славно созидаетъ* она крѣпкостѣнный (городъ) и населяетъ его безчисленнымъ множествомъ народа...

„Шамирамъ обводитъ окраину города стѣнами и на ихъ вершинахъ строитъ *потаенные царскіе покои* съ трудными входами и съ труднѣйшими выходами.

„Никто не доводилъ до нашего свѣдѣнія вѣрнаго описанія *этихъ построекъ*, почему въ нашей Исторіи мы и не указываемъ на ихъ назначеніе. Скажемъ *только* одно, *что* изъ построекъ всѣхъ царей, какъ мы слышали, эти считаются первѣйшими и вѣликолѣпнѣйшими. На сторонѣ пещеры, обращенной на востокъ, по поверхности которой не проведешь теперь черты посредствомъ желѣзнаго (рѣзца)—такова твердость вещества—изсѣчены различные дворцы, покои съ почивальнями, *казнохранилища* продолговатыя углубленія — и кто разскажетъ, какихъ чудесъ она не настроила тутъ! По всей поверхности скалы она, какъ перомъ по воску, начертила множество *письменъ*. Одинъ только видъ этой скалы приводитъ въ изумленіе всякаго. Этого мало: Шамирамъ во многихъ мѣстахъ страны армянской *воздвигла столпы, и подобными же письменами приказала начертить какія-то надписи*. Во многихъ мѣстахъ утвердила термы съ такими-же письменами.

„*Вотъ все, касающееся дѣяній Шамирамъ* въ Арменіи!“

Хор. I, 17 „...Всякій разъ, когда Шамирамъ въ лѣтнее время отправлялась въ сѣверныя страны,... она оставляла правителемъ Ассиріи и Ниневіи *мага Зрадашта,* родоначальника Мар'овъ... Наконецъ Шамирамъ вполнѣ передала Зрадашту всю свою власть. Шамирамъ, часто порицаемая *своими сыновьями* за сильно-распутный и *распущенный образъ жизни, истребляетъ ихъ* всѣхъ за исключеніемъ младшаго, *Нинія.* Она, нимало не заботясь о своихъ *сыновьяхъ*, предалась своимъ полюбовникамъ: дѣлила съ ними власть и всѣ свои сокровища. Вотъ почему и *мужъ ея, Нинъ*—который *умеръ* не въ Ниневіи *и погребенъ* не *въ дворцѣ*, какъ говорятъ — узнавъ сладострастный и злолюбивый ея нравъ, покинулъ царство и удалился на Критъ. Сыновья ея, по достиженіи совершеннолѣтія, (требуютъ, чтобы она) передала имъ власть и свои сокровища. Это сильно возбудило ея ярость — она истребляетъ ихъ всѣхъ. Остается одинъ *Ниній*, какъ мы сказали выше, Вслѣдствіе какихъ-то проступковъ *Зрадашта* противъ *царицы* и возникшихъ между ними распрей *Шамирамъ идетъ на него войною*; ибо Маръ задумалъ-было завладѣть всѣмъ. Когда сильно возгорѣлась война, Шамирамъ спасается отъ Зрадашта бѣгствомъ въ Арменію. Здѣсь-то *Ниній*, улучивъ удобное время для своей мести, *убиваетъ мать свою* и самъ воцаряется въ Ассиріи и Ниневіи...“

Хор. I, 18„...Я помню и *Кефаліона*, чтобы не дать себя на посмѣяніе многимъ. Основываясь на словахъ другихъ, онъ *повѣствуетъ* сначала о *рожденіи Шамирамъ*, затѣмъ о войнѣ съ *Индійцами*. Но достовѣрнѣе этихъ (сказаній) показались намъ изслѣдованія халдейскихъ книгъ Маръ Абасомъ Катиною, который разсказываетъ все это послѣдовательно, объясняя и причины войны. Къ тому же легенды нашего отечества оправдываютъ многосвѣдущаго сирина. Въ нихъ (легендахъ) говорится о смерти *Шамирамъ*, (приключившейся въ Арменіи), о *бѣгствѣ* ея пѣшкомъ, о мучительной жаждѣ, о желаніи напиться, объ

утоленіи жажды и о томъ, какъ она, будучи настигнута вооруженными воинами, (бросаетъ) въ море свой талисманъ. Отсюда и Пѣснь про нее: „Ожерелье Шамирамъ, (брошенное) въ море". Впрочемъ, если ты любишь *баснь*, (то скажу), что *Шамирамъ раньше Ніобеи* (превратилась) *въ камень...*"

Хор. I, 19 „...По *смерти Шамирамъ отъ* (*руки*) *ея сына Замасиса, т. е. Нинія*, что совершилось послѣ убіенія Арая, мы принимаемъ слѣдующій достовѣрный порядокъ: воцаряется *Ниній*, *умертвивъ* сладострастную (свою) мать, и живетъ *въ мирѣ. При немъ* прекращаются дни *Авраама.*"

Въ основу приведеннаго повѣствованія положенъ, какъ видно, романъ Семирамиды по Анониму, дополненный новыми подробностями изъ другихъ источниковъ. Вотъ отрывокъ объ Арайѣ у Анонима:

„... Послѣ него (Хармы) *Арамъ*; потомъ сынъ его *Арай Прекрасный, по которому и равнина* та получила названіе *Айрарадъ.—Шамирамъ*, супруга ассирійскаго царя Нина, *слыша о красотѣ его*, хотѣла завести съ нимъ дружбу, чтобы *исполнить съ нимъ* сладострастныя *свои желанія.* Слухъ о красотѣ его заставилъ ее *сильно желать* его и красоту его. Въ то время не было мужа, имѣвшаго такой прекрасный видъ, какъ онъ. Потому она посылаетъ *къ нему пословъ съ подарками*, и приглашаетъ *къ себѣ въ Ниневе.* Но *Арай* не принялъ подарковъ ея, ниже согласился отправиться въ Ниневе къ Шамирамъ. Тогда *Шамирамъ, собравъ войска свои, идетъ на него въ Арменію. Достигши равнины Арайя*, она даетъ *Арайю битву, разбиваетъ войска его* и умерщвляетъ *Арайя въ битвѣ. Тогда приказываетъ Шамирамъ* отнести *трупъ* его *въ верхніе покои своего терема*, и говоритъ: „я скажу *богамъ, чтобы они лизали ему раны и онъ оживетъ*".— *Когда же трупъ его сталъ гнить въ верхнихъ покояхъ, то она приказала* тайкомъ *бросить его въ ровъ и закрыть его. Нарядивъ одного изъ любовниковъ своихъ*, мужа красиваго, она распу-

стила *молву*, что *боги лизали* (раны) *Арайя* и воскресили его. *Содержа* его *въ тайнѣ* и не показывая никому изъ знакомыхъ, *царица Шамирамъ такимъ образомъ выдумала миѳъ* объ Аралезахъ (стр. 6—7 русск. пер.).

Тѣсная связь Анонима съ Хоренскимъ особенно ясна въ настоящемъ случаѣ. Выше высказалъ я предположеніе, что анонимный авторъ для краткаго своего разсказа объ Арайѣ пользовался, повидимому, указаніями Діодора. Историкъ армянскій, цѣликомъ принявшій этотъ разсказъ, безъ всякаго, при томъ, съ своей стороны возраженія, приводитъ въ дополненіе къ нему такія данныя, которыя исключаютъ сомнѣніе въ знакомствѣ его съ Сицилійскимъ историкомъ. То, что въ анонимномъ отрывкѣ было высказано вскользь, намеками, между строкъ, здѣсь распространено и переработано. Ничего, поэтому, не было бы удивительнаго, если бы авторомъ обоихъ разсказовъ—какъ краткаго, такъ и распространеннаго—мы считали одно лице, Хоренскаго. Во всякомъ случаѣ, замѣчанія наши о пріемахъ и источникахъ Моисея, въ разборѣ исторіи Арайя, одинаково относятся и къ Анониму.

Основнымъ источникомъ Хоренскаго въ составленіи подробностей пяти вышеприведенныхъ главъ не были ни „Халдейская книга“, ниже народный эпосъ, а все тотъ же *Діодоръ*, которымъ историкъ армянскій пользуется здѣсь болѣе широко, чѣмъ въ предыдущихъ главахъ своей Исторіи. На помощь Сицилійскому историку Моисей придаетъ еще *Хронику* Евсевія, также содержащую отрывки изъ Діодора; наконецъ, я нахожу у Хоренскаго слѣды заимствованія у *Флавія Іосифа*, а, быть можетъ, и Климента Александрійскаго.

Прежде всего, авторъ нашъ принялъ къ свѣдѣнію мимоходомъ сдѣланное Евсевіемъ замѣчаніе и воспользовался имъ для своихъ цѣлей очень искусно. „О Семирамидѣ, женѣ Нина, воцарившейся послѣ него въ Ассиріи, говоритъ авторъ Хроники (II, p. 34), передаютъ

безчисленное множество разсказовъ; между прочимъ, ей приписываются — завоеваніе Азіи, сооруженіе рѣчныхъ плотинъ, переустройство заново многихъ городовъ въ Вавилоніи".

Кромѣ того, Хоренскій нашъ зналъ изъ той же второй книги Діодора о построеніи великой ассирійской царицей многихъ городовъ на берегу Евфрата и Тигра, въ которыхъ учреждены были складочныя мѣста для торговли, шедшей изъ Мидіи, Паратакены и сосѣднихъ странъ. Также важно было указаніе Сицилійскаго историка о добываніи въ Арменіи камней громадныхъ размѣровъ, вывозимыхъ (камней) въ Ассирію и въ Вавилонъ для грандіозныхъ сооруженій Семирамиды.— Изъ всего этого, естественно, вытекало, что Арменія входила въ составъ ассирійской монархіи, хотя бы въ качествѣ вассальнаго государства. На то же обстоятельство намекало замѣчаніе Евсевія (*Chron.* I, p. 41), со словъ Діодора, что Семирамида завоевала всю Азію, кромѣ Индіи.

Уже этихъ данныхъ было достаточно для того, чтобы армянскій историкъ по нимъ, какъ по канвѣ, сплеталъ новые узоры, внушаемые ему его богатой фантазіей. При этомъ онъ даетъ понять своимъ читателямъ, что переданныя имъ басни объ Арайѣ и дѣяніяхъ Семирамиды въ Арменіи суть, какъ бы, эпизоды именно изъ сказаній обширнаго Семирамидова цикла, о чемъ упоминалось у Евсевія. Нашлись и другіе подходящіе мотивы, которые не менѣе искусно утилизировалъ Хоренскій для своихъ цѣлей.

Упоминая о пребываніи Семирамиды въ Мидіи, Діодоръ (L. II, cap. XIII), между прочимъ, сообщаетъ, что по смерти своего мужа, ассирійская царица не чувствовала охоты вступать въ законный бракъ, изъ опасенія лишиться верховной власти; но она выбирала себѣ самыхъ *красивыхъ* мужчинъ изъ своей арміи и, послѣ удовлетворенія своего желанія, умерщвляла ихъ тайкомъ.

Этотъ мотивъ легъ въ основу сказанія о „сладострастіи Семирамиды“, рѣзко оттѣненномъ Хоренскимъ. Тутъ уже не трудно было придумать романтическій эпизодъ изъ жизни ассирійской царицы, въ которомъ фигурировалъ бы какой-нибудь армянскій князь, въ качествѣ ея возлюбленнаго. Арменія вѣдь была однимъ изъ вассальныхъ государствъ Ассиріи; правитель армянскій, обратившій на себя вниманіе Семирамиды, долженъ былъ быть необыкновенно *красивъ*, ибо о такихъ именно мужчинахъ говорится у Діодора. И дѣйствительно: имя его—*Арай*, что по персидски означаетъ „красивый“. Но дальнѣйшая исторія армянскаго князя сбивается на ветхозавѣтную варіяцію въ эпизодѣ Іосифа Прекраснаго, что объясняется библейско-христіанскими воззрѣніями армянскаго автора. Изъ чувства цѣломудрія Арай отвергаетъ любовь сладострастной [1]) ассирійской царицы и геройски падаетъ въ битвѣ отъ рукъ ея воиновъ.

Тутъ исторія Арайя обогащается новымъ мотивомъ, почерпнутымъ изъ армянскихъ народныхъ легендъ, но путемъ книжнымъ: сходство имени этого Прекраснаго князя съ первою частью названія миѳическаго существа *Ара*-лезъ наводитъ нашего автора на любопытное вѣрованіе древнихъ армянъ, упоминаемое у Фавста и Езника. Послѣднее онъ мастерски приноровилъ къ своему герою, *Араю,* невольно удержавъ нѣкоторыя слова и выраженія изъ описаній названныхъ писателей. Мало того, самыя существа миѳическія (*аралезы*), согласно своеобразному толкованію Хоренскаго, будто, получили свое названіе отъ *лизанія* ранъ *Арайя*.

Разсказъ Фавста о тщетномъ ожиданіи Мамиконидовъ воскресенія трупа родоначальника ихъ, храбраго Мушеха, помощію *Аралезовъ*—былъ приведенъ мною выше, на стр. 91, параллельно съ подобнымъ же повѣствовані-

---

1) Не лишне замѣтить, что эпитетъ Семирамиды у Хоренскаго—*վատաշ* „сладострастная“ гораздо раньше нашего историка употребляютъ: авторъ предисловія къ арм. переводу библейской кн. *Бытія* („*ՅԵ ի վաղ ուիկնոցԼն գրպարտեալ Ըռվեփ*“), *Каллисѳенъ*, стр. 4 („*էր նևրտանեբոս վաղ մոլի ի կանայս*“.) и др. См. акад. слов.

емъ у Анонима. Здѣсь я укажу на Езника, который, въ числѣ различныхъ суевѣрій армянъ V вѣка, отмѣчаетъ и вѣрованіе ихъ въ миѳическаго *Аралеза*: онъ представлялся въ образѣ собаки, которая *лизала раны падшихъ на полѣ сраженія храбрыхъ воиновъ* и тѣмъ *оживляла ихъ*. (См. изд. Венец. стр. 98—100).

Но, сверхъ приведенныхъ данныхъ, послужившихъ матеріаломъ составителю сказанія объ Арайѣ, онъ могъ вычитать еще у Климента Александрійскаго (*Strom.* L. V, cap. xiv, p. 255 edit. Oxon. 1715 г.), любопытную легенду объ Эрѣ (Ἤρος) Армянинѣ (онъ же Зороастръ, упоминаемый Евсевіемъ, *Chron.* I, p. 44, со словъ Кефаліона, въ исторіи Семирамиды). Павъ, какъ говорятъ, въ сраженіи, онъ воскресъ спустя 12 дней и разсказалъ все имъ видѣнное на томъ свѣтѣ.—Проводимая здѣсь идея воскресенія и могла навести нашего автора на миѳъ объ Аралезахъ.

Легенда объ Эрѣ встрѣчается впервые у Платона (*De republ.*); она была извѣстна и Евсевію (*Praepar. Euang.* XIII). Но Хоренскій, если только ее зналъ, то, по моему мнѣнію, только черезъ Александрійскаго ученаго; по крайней мѣрѣ, съ однимъ изъ популярнѣйшихъ твореній этого христіанскаго философа, а именно—съ „Cohortatio“ или „Admonitio ad gentes“ историкъ армянскій, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно былъ знакомъ.

Такимъ образомъ, сказаніе объ Арайѣ воспроизведено искусственнымъ путемъ на основаніи цѣлаго ряда книжныхъ памятниковъ, относящихся ко времени не ранѣе V вѣка по Р. Х.

Что касается подробностей *построенія Семирамидой города на югѣ Арменіи*, по изложенію Хоренскаго (I, 16), какъ-то—*созывъ архитекторовъ и рабочихъ, сооруженіе рѣчной плотины, дворцевъ, казнохранилищъ, потаенныхъ ходовъ и дверей, городской стѣны, искусственныхъ садовъ, начертаніе на скалѣ ассирійскихъ надписей* и проч., — все это заимствовано армянскимъ историкомъ, иногда даже бук-

вально, изъ Діодорова описанія [1]) сооруженій ассирійской царицы въ Вавилонѣ и Экбатанѣ. (*Діодор.* l. c. cap. VII—XIII). Для той же цѣли мѣстами онъ пользуется, повидимому, и *Іосифомъ* [2]). Что Іосифъ, несомнѣнно, былъ однимъ изъ источниковъ Хоренскаго, видно, сверхъ того, изъ другихъ мѣстъ „Исторіи Арменіи"; для примѣра, укажемъ на 22-ю главу II книги, заключающую буквальный переводъ отрывка изъ гл. XXI (XVI), 11, I кн. *Bel. Jud.* Греческіе тексты отрывковъ Діодора и Іосифа, переработанныхъ нашимъ авторомъ для своей Исторіи, читатель найдетъ во II части этого изслѣдованія, въ синоптическихъ таблицахъ, гл. V, стр. 28—38.

Дальнѣйшій разсказъ о Семирамидѣ передѣлываетъ Хоренскій (I, 17 и 18) также произвольно, какъ и все предыдущее, съ цѣлію не походить на свой дѣйствительный источникъ. Такимъ источникомъ, несмотря на упорное молчаніе армянскаго историка, могла служить ему только Хроника Евсевія, а именно—передаваемое въ ней краткое содержаніе Исторіи *Кефаліона* объ ассирійскомъ царствѣ (Chron. I, pp. 43—44). Самой Исторіи Кефаліона Моисей, вопреки его увѣренію (кн I, гл. 5), не имѣлъ въ рукахъ.—„Въ Азіи, говорится въ упомянутомъ отрывкѣ Евсевія, впервые воцарились ассирійцы, отъ которыхъ происходилъ и Нинъ, изъ рода Бэла; время его ознаменовано великими дѣяніями и блестящими подвигами храбрости. Продолжая затѣмъ разсказъ свой, Кефаліонъ повѣствуетъ: *о рожденіи Семирамиды, о войнѣ ея* съ бактрійскимъ *магомъ*-царемъ, *Заравештомъ* [3]) (Зороастромъ)

---

[1]) Сходства разсказа Хоренскаго съ описаніями Діодора были замѣчены учеными съ давнихъ поръ. Одни изъ нихъ, какъ Шульцъ, Риттеръ, Чамчіанъ, Инчинчіанъ и др. (см. I изд. русс. пер. Ист. Арм. М. Хоренск. Эмина, 1858, стр. 260, также новый его переводъ 1893, стр. 228) отмѣчали ихъ *не* въ смыслѣ литературнаго заимствованія Моисеемъ у Сицилійскаго историка; другіе, какъ Паткановъ („Ванск. надп.") и Гарагашіанъ (Крит. ист. Арм., ч. I), признавая фактъ заимствованія, касались этого вопроса весьма поверхностно.

[2]) См. *Ant. Jud.* L. XV, cap. IX (XII) 6; *Bel. Jud.* L. I, cap. XXI (XVI).

[3]) Въ другомъ мѣстѣ у Евсевія (*Chron.* II, p. 34) тотъ же бактрійскій магъ-царь названъ *Зрадашт*'омъ; Хоренскій воспользовался послѣдней формой имени; у Діодора (l. c. cap. VI) бактрійскій царь названъ Ὀξυάρτης.

и *пораженіи* этого послѣдняго, о кончинѣ Нина, послѣ 52-лѣтняго царствованія, и воцареніи Семирамиды, о построеніи ею Вавилонской стѣны, о приготовленіяхъ *къ войнѣ противъ индійской страны, о пораженіи и бѣгствѣ ея, объ истребленіи ею своихъ сыновей и смерти ея отъ руки своего сына, Нинія*".

По этой схемѣ и составилъ Хоренскій послѣднія главы свои о Семирамидѣ. Потерпѣвшій отъ ассирійской царицы бактрійскій магъ-царь долженъ былъ потерять свое царство и, по заключенію армянскаго историка, стать въ подчиненное отношеніе къ побѣдительницѣ, въ качествѣ никому невѣдомаго „намѣстника Ассиріи и Ниневіи". Для полноты характеристики его, какъ мятежника, на него перенесена, повидимому, преступная роль евнуха, помощію котораго сынъ Семирамиды, Ниній, составилъ, по словамъ Діодора (L. II. cap. xx), заговоръ противъ своей матери.

Далѣе, тотъ же Діодоръ мимоходомъ сдѣланнымъ въ той же главѣ замѣчаніемъ о Семирамидѣ, что въ началѣ была она куртизанкой, обворожившей своими прелестями ассирійскаго царя,—подалъ поводъ нашему Моисею распространяться на тему о „распутной жизни и злолюбиваго нрава" ассирійской царицы, хотя, въ сущности, онъ не высказываетъ здѣсь ничего новаго. Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ чертъ ея характера являются, по объясненію армянскаго историка, и упоминаемое Кефаліономъ истребленіе ею своихъ сыновей, а также отпаденіе Зрадашта, пораженіе царицы и бѣгство ея въ Арменію, даже ея смерть. Самыя подробности о злосчастной судьбѣ Нина у Хоренскаго, также приведенныя въ связь съ нестерпимымъ нравомъ Семирамиды и расходящіяся съ разсказомъ Діодора (*l. c.* cap. vii) о спокойной кончинѣ этого царя и погребеніи его въ ниневійскомъ дворцѣ, — вызваны, какъ мнѣ сдается, отчасти другой версіей Сицилійскаго историка, со словъ *Ктезія*, (*l. c.* cap. xx) о заключеніи Семирамидой своего мужа, Нина, посредствомъ хитрости въ оковы, отчасти же какимъ-нб. сказаніемъ, въ родѣ при-

веденнаго у *Малалы* (ed. Bonn. стр. 15–16) и въ *Пасх. Хроникѣ* (стр. 36 и слѣд. по Dindorf.) о бѣгствѣ Пика-Зевса, *Нинова* брата, на западъ, что у позднихъ писателей (напр., у *Михаила Сирина*, XII в., см. арм. пер. стр. 38) является болѣе опредѣленнымъ, а именно—Критъ. Легенду о бѣгствѣ Нина въ Критъ, я полагаю, Хоренскій черпалъ именно изъ такого рода поздняго источника и едва ли изъ Африкана, какъ думаетъ А. Баумгартнеръ. (*ZDMG.* 1886, B. 40, SS. 506–509).

Наконецъ, увѣреніе Хоренскаго въ томъ, что сказаніямъ Кефаліона о рожденіи Семирамиды и походѣ ея въ Индію онъ предпочитаетъ болѣе достовѣрный, по его словамъ, разсказъ о томъ же предметѣ, переданный, якобы, въ Халдейской книгѣ Маръ Абаса, оправдывающійся, какъ онъ говоритъ, и армянскими легендами (I, 18), — не заслуживаетъ, по моему мнѣнію, довѣрія. Моисей думаетъ представить намъ сокращенный разсказъ этой достовѣрной исторіи Семирамиды; въ сущности же всѣ эти бѣглыя замѣчанія основаны на вышеприведенномъ отрывкѣ Кефаліона, а также на Діодоровой Исторіи, съ намѣренными отъ нихъ отступленіями и измѣненіями, имѣющими, между прочимъ, цѣлію выставить ассирійскую царицу волшебницей. Впрочемъ, послѣдняя черта могла быть отголоскомъ и позднихъ легендъ.

Въ самомъ дѣлѣ: „*бѣгство* Семирамиды пѣшкомъ“ по Моисееву разсказу—тоже, что и *бѣгство* послѣ пораженія, понесеннаго ассирійскою царицею отъ индійскаго царя—по Кефаліону и Діодору (*l. c.* сар. XIX). И упоминаемыя у Хоренскаго подробности, что, „*будучи* настигнута вооруженными (воинами), Семирамида бросаетъ въ море свой талисманъ“, — есть, повидимому, передѣлка разсказа Сицилійскаго историка о томъ, какъ въ злополучномъ индійскомъ походѣ царь индійскій, обративъ въ бѣгство ассирійцевъ и преслѣдуя ихъ царицу, *чуть было не настигъ ее:* онъ пустилъ за ней стрѣлу и попалъ ей въ плечо; потомъ брошеннымъ

имъ дротикомъ онъ нанесъ ей рану въ спину; но вѣрный конь домчалъ царственную всадницу до моста, перекинутаго ассирійской воительницей черезъ рѣку Индъ, и тѣмъ спасъ ее отъ неминуемой гибели.

Легенды же о таинственномъ „*талисманѣ* Семирамиды и брошенномъ ею въ море *ожерельи*“, а также о превращеніи царицы въ камень раньше *Ніобеи*, — если только это не отголоски позднихъ сказаній временъ Хоренскаго, то составлены также книжнымъ путемъ. По крайней мѣрѣ, послѣдняя легенда навѣяна, какъ мнѣ кажется, греческими преданіями о Ніобеѣ, между прочимъ, тѣмъ самымъ, которое приведено въ Хроникѣ Евсевія (II, p. 44): „Съ *Ніобеею*, первою изъ женщинъ, говорятъ эллины, соединился Зевсъ“. Ніобея, какъ извѣстно, *обратилась потомъ въ камень*.—Самая мысль о *превращеніи* Семирамиды подана была Хоренскому, по всей вѣроятности, Діодоромъ же (L. II, cap. xx), который, со словъ Ктезія, передаетъ, что ассирійская царица превратилась въ голубя. Но армянскій историкъ предпочелъ для своей героини обращеніе въ камень, что сближало его версію также съ библейскимъ преданіемъ о Лотовой женѣ, сопоставленной съ Ніобеею еще Климентомъ Александрійскимъ. (Cohort. ad gent. cap. x, p. 29).

Относительно „ожерелья“ ассирійской царицы не лишне будетъ упомянуть о передаваемомъ понынѣ у жителей южной Арменіи сказаніи объ „ожерельи Семирамиды,“ записанномъ на мѣстѣ въ 50-хъ годахъ извѣстнымъ археологомъ Мхитаристомъ о. Н. Саргисяномъ[1]); русскій переводъ помѣщенъ у Эмина, въ его „Эпосѣ“, стр. 49—50. Нашъ почтенный арменистъ склоненъ былъ видѣть въ этомъ сказаніи „отголоски Пѣсни випасановъ“, „какъ бы дополненіе или разъясненіе сжатаго, отрывочнаго разсказа армянскаго историка объ ожерельи Шамирамъ (Семирамиды), брошенномъ въ море.“ Но мнѣ думается, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ поздней легендой, образовавшейся

[1]) См. его *Путеш. по Малой и Вел. Арменіи*, Венеція, 1864, стр. 274.

подъ вліяніемъ Моисеева разсказа, такъ какъ общій ея характеръ вполнѣ совпадаетъ съ своеобразнымъ представленіемъ нашего историка о Семирамидѣ: то же мѣсто дѣйствія—окрестности Ванскаго озера, тоже представленіе объ ассирійской царицѣ, какъ о волшебницѣ и сластолюбицѣ, то же довѣренное лице царицы—Зрадаштъ у Хоренскаго и старецъ въ легендѣ и пр.—По поводу превращенія ассирійской царицы отмѣчу другую любопытную легенду Семирамидова цикла, б. м., издревле занесенную въ Арменію изъ Сиріи и съ теченіемъ времени утратившую свою внѣшнюю, языческую обстановку, но не фабулу. Древнѣйшая ея редакція приведена еще у Діодора (L. II, cap. IV). Это—сказаніе о богинѣ Деркето, обратившейся въ рыбу, послѣ рожденія отъ нея дочери Семирамиды, вслѣдствіе преступной любви. Армянская версія записана лучшимъ знатокомъ народной старины, покойнымъ епископомъ Сруанцтянцомъ, и напечатана въ Константинополѣ, 1874 („Գրոց ու բոց“). Подробнѣе см. въ моемъ „Очеркѣ народн. арм. сказокъ“, Москва, 1885, стр. 26—27.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что и упоминаніе у Моисея о „Замесѣ или Ниніи“ (I, 19) и указаніе его на современность этого царя Аврааму, — восходитъ къ тому же Евсевію (*Chron.* I, pp. 47, 68; II, pp. 34 - 36), съ намѣреннымъ, однако, или невольнымъ отступленіемъ со стороны нашего автора отъ точныхъ данныхъ Кесарійскаго епископа. Судя по его *Хроникѣ*, Ниній, дѣйствительно, былъ современникомъ Авраама, такъ какъ вступилъ на престолъ на 52-мъ году еврейскаго патріарха; но послѣдній умеръ не при сынѣ Семирамиды, какъ ошибочно утверждаетъ армянскій историкъ, а пережилъ его и двоихъ его преемниковъ, проживъ послѣ него еще 85 лѣтъ.

Въ заключеніе, относительно сказаній о Семирамидѣ нужно замѣтить вообще, что Хоренскій исходитъ въ этомъ, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, отъ топографическихъ названій Арменіи, связанныхъ съ именемъ

ассирійской завоевательницы и упоминаемыхъ въ армянской литературѣ, повидимому, только съ VIII—IX вѣка, т. е. съ того времени, когда у усилившихся въ ту пору Арцрунійскихъ князей возникаетъ тенденція — производить свой родъ, на основаніи одного библейскаго намека, отъ ассирійскихъ царей. Такъ, у Ѳомы Арцруни, писателя IX вѣка, приводятся: „городъ *Семирамиды*“ (тоже, что и Ванъ, стр. 63) — резиденція Арцрунійскихъ князей и царей отъ VIII—XI вв; — „крѣпость *Семирамиды*“ (стр. 270) на сѣверъ отъ предыдущаго, въ кантонѣ Чуашъ, Васпураканской области; ихъ знаютъ также историки Іоаннъ Католикосъ (стр. 38 Іерус. изд.) и Асох'икъ (стр. 40 Спб. изд.).

Что же касается встрѣчающихся у Арцрунійскаго историка преданій о Семирамидѣ и Арайѣ, равно какъ и о нѣкоторыхъ армянскихъ родоначальникахъ и царяхъ, какъ-то—о Хайкѣ, Тигранѣ I, Вахагнѣ, Ервандѣ, Арташесѣ II и др., то ихъ отнюдь не слѣдуетъ считать, какъ это могло казаться, варіантами приводимыхъ Моисеемъ эпическихъ отрывковъ и на этомъ основаніи строить доказательства подлинности этихъ послѣднихъ. Разъ на всегда нужно принять къ свѣдѣнію, что Ѳома, въ изложеніи древняго періода своей Исторіи, обыкновенно повторяетъ Хоренскаго, или же передѣлываетъ его, не безъ собственныхъ фантастическихъ прибавленій, имѣющихъ цѣлію возвеличеніе Арцрунидовъ, какъ у его образца и руководителя, Моисея, — восхваленіе Багратидовъ. Эти заимствованія, переработки и тенденціи Арцрунійскаго историка до такой степени очевидны для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя, что мы не считаемъ нужнымъ тратить время на подробное ихъ разсмотрѣніе.

ГЛАВА VI.

Правители Арменіи и цари отъ Арайя до Тиграна I. О происхожденіи Багратидовъ и Арцрунидовъ.

Разсмотримъ сначала текстъ Хоренскаго, относящійся къ этой главѣ, а именно: о родоначальникѣ армянъ П'арнасѣ, современникѣ Іисуса Навина; о Хайкакѣ, современникѣ Бэлохоса ассирійскаго; о Зармайрѣ, участникѣ въ Троянской войнѣ (гл. 19); о внукѣ Арайя, Анушаванѣ, прозванномъ Сосъ (гл. 20); о Паруйрѣ, сынѣ Скайорди — первомъ вѣнценосцѣ въ Арменіи: онъ помогаетъ Мару Варбаку въ завладѣваніи царствомъ Сарданапала (гл. 21); о происхожденіи княжескаго рода Багратидовъ (гл. 22); о сыновьяхъ Сеннахирима, отъ которыхъ происходитъ родъ Арцруни и др. (гл. 23).

Хор. I, 19„...Сравнительное родословіе нашего народа съ (родословіями) Евреевъ и Халдеевъ до Сарданапала названнаго Т'оносъ-Конхолерос'омъ.

Еврейское.	Халдейское.	Армянское.
Исаакъ.	*Аріосъ.*	Ара...
Іаковъ.	*Араліосъ.*	
Левій.	*Сусарисъ.*	Анушаванъ [Сосъ].
Каатъ.	*Ксескссеръ.*	Парэтъ.
Амрамъ.	*Галеосъ.*	Арбакъ.
Моисей.	*Армамитреосъ.*	Заванъ.
Іисусъ.	*Бэлохосъ.*	*П'арнасъ.*

„Начиная отъ Іисуса [въ арм. текстѣ: отъ него] слѣдуютъ мужи не по происхожденію, но по личнымъ достоинствамъ, и всѣ они отъ Авраама. *Хананеяне во время понесеннаго ими* отъ Іисуса [въ арм. текстѣ: отъ него] *пораженія убѣжали отъ него и перешли въ Аграсъ* [Афрасъ?], плывя на Θарсисъ, что *видно изъ надписей, начертанныхъ на столпахъ въ Африкѣ и точно сохранившихся до нашего времени такимъ образомъ*: „*мы, хананейскіе* вожди, *бѣжавшіе отъ разбойника Іисуса*, пришли сюда *на житье*“. Одинъ изъ этихъ (вождей) — знаменитый нашъ *Хананидасъ* (поселился) въ Арменіи. По наведеннымъ вѣрнымъ справкамъ мы нашли, что родъ Гнт'уни происходитъ отъ него несомнѣнно. Хананейское происхожденіе мужей этого рода доказывается ихъ обычаями...

Гедеонъ. *Зпаросъ.* Хайкакъ.

„Говорятъ, Хайкакъ жилъ при Бэлохосѣ и погибъ во время необдуманно вызваннаго имъ возмущенія...

Авдонъ.	*Миѳреосъ.*	Хрантъ.
Самсонъ.	*Тевтамосъ.*	Ендзакъ...
Саулъ.		Зармайръ...

„Зармайръ, посланный *съ еѳіопскимъ войскомъ на помощь Пріаму*, погибаетъ отъ героевъ Эллады“.

[*Ib.* I, 32. „... Здѣсь, разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ тому, что повѣствуетъ Гомеръ и что онъ говоритъ объ *иліонской войнѣ* при *Тевтамѣ, ассирійскомъ* царѣ, и о нашемъ Зармайрѣ, который, какъ вассалъ ассирійскаго царя, съ небольшимъ отрядомъ присоединяется къ *еѳіопскому воинству на помощь Пріаму*. Тамъ умираетъ Зармайръ, раненный гелленскими героями, или скорѣе, Ахилломъ, но не кѣмъ-нибудь другимъ изъ героевъ.“]

Хор. I, 20. „ ... Затѣмъ *онъ* продолжаетъ повѣствованіе слѣдующимъ образомъ: „Арай, сынъ Арая, умираетъ на войнѣ противъ Шамирамъ, оставивъ по себѣ сына, Анушавана, богато-одареннаго (отъ природы), многоумнаго въ словѣ и дѣлѣ. Онъ былъ прозванъ Сос'омъ, потому

что по священнымъ обрядамъ былъ посвященъ въ платаны Араманеака, что въ Армавирѣ. Шелестъ листьевъ этихъ деревьевъ и колебаніе ихъ при *тихомъ* или сильномъ *дуновеніи* воздуха составляли, въ теченіе долгаго времени, предметъ *гаданія* въ землѣ Хаевъ...“

Хор. I, 21. „...Послѣднимъ изъ жившихъ во время *ассирійскаго* царства, со временъ Шамирамъ и *Нина*, былъ нашъ Паруйръ *при Сарданапалѣ*. Онъ получилъ немалую помощь отъ *Мара Варбака* и *отнялъ* у *Сарданапала* его царство...

„*Варбакъ* родомъ изъ одной изъ крайнихъ, небольшихъ, но сильно-укрѣпленныхъ областей *Мидіи*, мужъ хитрѣйшій въ житейскихъ дѣлахъ, замѣчательный въ бою, зная женоподобный нравъ и сладострастную *изнѣженность слабохарактернаго* [вар. *Ламб. рук. Բդնդի — Тонна*] *Конхолероса*, хитростью и щедрыми дарами окружаетъ себя *приверженцами* изъ людей мужественныхъ и полезныхъ, которые въ то *время*, какъ извѣстно, *твердо* правили *ассирійской* монархіею. Онъ склоняетъ на свою сторону также храбраго нахарара нашего, Паруйра, обѣщая ему царскія почести и вѣнецъ, и многихъ мужественныхъ воиновъ, искусно владѣющихъ копьемъ, лукомъ и мечемъ. Такимъ образомъ (Варбакъ), завладѣвъ *царствомъ Сарданапала*, господствуетъ надъ Ассиріей и Ниневіей. Поставивъ здѣсь другихъ правителей, онъ *переноситъ царскій престолъ (ассирійскій) въ Марк'*...“

Хор. I, 22. „... Храчеай, такъ онъ называется потому, что лицо у него было открыто-ясное, глаза огненные, цвѣта пламени. Говорятъ, въ его время жилъ *Навуходоносоръ*, *царь вавилонскій, отведшій въ плѣнъ Евреевъ*. Говорятъ (также), что Храчеай, выпросивъ у Навуходоносора одного изъ главныхъ полоненныхъ Евреевъ, по имени Шамбатъ, привелъ его и поселилъ въ (Арменіи) съ великой честью. Историкъ говоритъ, что отъ него происходитъ родъ *Багратуни*—и это вѣрно... Но знай, что имя Смбатъ, которое *Багратуни* даютъ своимъ сыновьямъ, есть собственно Шамбатъ на ихъ первоначальномъ, т. е. еврейскомъ языкѣ...“

Хор. I, 23. „ ... Мы было забыли о *Сеннахиримѣ. Восьмьюдесятью годами*—болѣе или менѣе—прежде воцаренія *Навуходоносора* жилъ *Сеннахиримъ, царь ассирійскій*, который осадилъ Іерусалимъ *при Езекіи*, начальникѣ Евреевъ. *Онъ умерщвленъ своими сыновьями—Адрамеломъ и Саннасаромъ, которые спаслись бѣгствомъ* у насъ. Одного изъ нихъ, т. е. *Саннасара*, мужественный родоначальникъ нашъ, Скайорди, поселилъ на юго-востокѣ нашей страны, близъ предѣловъ Ассиріи. Его потомки, размножившись, наполнили (собою) гору, называемую Сим'омъ. Впослѣдствіи главнѣйшіе и славнѣйшіе изъ нихъ, показавъ на службѣ вѣрность нашимъ царямъ, удостоились получить достоинство бдешх'а въ этихъ странахъ.—*Аргамозанъ* же поселился на юго-востокѣ отъ той страны. Отъ него, говоритъ историкъ, произошли роды *Аригуни* и Гнуни. Вотъ причина, почему мы упомянули здѣсь о Сеннахиримѣ!

„Тотъ же историкъ говоритъ, что *домъ Анцехъ* происходитъ отъ нѣкоего Паск'ама, внука Хайкака".

Послѣ Арайя и Семирамиды и, вообще, завоеванія Арменіи ассирійцами вплоть до Сарданапала или паденія ассирійскаго царства, въ продолженіи болѣе 1000 лѣтъ, объ армянахъ ничего достойнаго вниманія не упоминается у Хоренскаго, если не считать длиннаго ряда придуманныхъ имъ голыхъ именъ армянскихъ правителей, приводимыхъ параллельно со списками патріарховъ еврейскихъ и царей халдейскихъ, согласно Евсевіевой Хроникѣ. Число этихъ правителей доходитъ до 27, при чемъ лишь о нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы краткія замѣчанія, а именно: объ Анушаванѣ, внукѣ Арайя Прекраснаго, о Фарнасѣ, Хайкакѣ, Зармайрѣ и Паруйрѣ.

О легендѣ *Анушавана* мы поговоримъ ниже.

О *Фарнасѣ*, современникѣ Іисуса Навина, упоминаетъ Хоренскій, пріурочивая къ его времени происхожденіе армянскаго княжества Гнт'уни отъ родоначальника Хана-

нидаса, родомъ хананеянина, для чего дѣлается ссылка даже на африканскія надписи! Самое имя армянскаго родоначальника, повидимому, заимствовано изъ вышеприведеннаго Діодорова отрывка (L. II, cap. 1), въ которомъ упоминается мидійскій царь Φάρνος.

Но сообщаемое здѣсь Хоренскимъ объ *Іисусѣ* и *хананеянахъ*, очевидно, не можетъ быть ни извлеченіемъ изъ фиктивной Халдейской книги Маръ Абаса, ни тѣмъ менѣе отголоскомъ народнаго армянскаго эпоса. Это — простой пересказъ *Прокопіева* разсказа о найденной имъ въ *Африкѣ надписи про хананеянъ*, съ произвольнымъ примѣненіемъ ея со стороны нашего Моисея къ армянамъ. „... Тамъ (въ Африкѣ), говоритъ Кесарійскій историкъ, возлѣ большаго источника, есть двѣ *колонны*, имѣющія финикійскія письмена, *начертанныя* на финикійскомъ языкѣ, *и заключающія слѣдующее: Мы—бѣжавшіе отъ* лица *Іисуса разбойника*, сына Наве..." (*De bel. Vand.* II, 10).

О той же надписи, съ незначительными варіяціями, упоминаетъ и *Свида* въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „(Іисусъ Навинъ) изгналъ всѣхъ царей и правителей народовъ (хананейскихъ), которые, *убѣжавъ отъ него* черезъ приморскія (части) Египта и Либію *въ* страну *Афровъ*... и на каменныхъ таблицахъ написали причину, почему они пришли изъ земли хананейской въ Африку. И таблицы тѣ, *существующія понынѣ* въ Нумидіи, *заключаютъ въ себѣ слѣдующее: Мы—Хананеи, которыхъ изгналъ Іисусъ разбойникъ*. — Женскій родъ — Хананея. И земля *Хананитисъ* (Καὶ Χαναναῖτις γῆ)". (См. *n. c.* Χαναάν, ed. Bernhardy, p. 1594).

Еще въ прошломъ столѣтіи было отмѣчено бр. Вистонъ, въ примѣчаніи къ латинскому ихъ переводу „Исторіи Арменіи" Хоренскаго (стр. 50), сродство Моисеева отрывка съ приведенными у означенныхъ греческихъ писателей указаніями на африканскую надпись. Съ своей стороны я могу прибавить, что связь Хоренскаго съ редакціей Свиды ясно видна, между прочимъ, и въ тенденціозно втиснутомъ имени родоначальника армянскаго княжества Гнт'уни, Хананидаса, обязаннаго своимъ про-

исхожденіемъ, по всей вѣроятности, „Καὶ Χαναναῖτις γῆ“— заключительнымъ словамъ даннаго греческаго отрывка.

Проф. Карріеръ, недавно подвергшій ту же надпись детальному изслѣдованію, выразилъ такую мысль, что, при составленіи замѣтки о хананеянахъ, армянскій историкъ пользовался не прямо Прокопіемъ, но общимъ со Свидой источникомъ. Таковымъ, по предположенію французскаго арменіста, могъ быть утерянный отрывокъ извѣстной Хоренскому Хронографіи Малалы (*Moïse de Khoren.*, Supplém. p. 29 и слѣд.), хотя вопросъ о предполагаемомъ отрывкѣ Антіохійскаго хронографа, кажется, не достаточно выясненъ [1]). Во всякомъ случаѣ, на него возлагаютъ слишкомъ много надеждъ. Да и расходящійся съ традиціонной редакціей Малалы извѣстный славянскій рукописный переводъ его Хронографіи едва-ли можетъ оправдать эти надежды. Мы знаемъ, что рукопись эта далеко не полная, а встрѣчающіеся въ ней фрагменты, неизвѣстные печатному Малалѣ, сводятся, въ сущности, къ позднимъ византійскимъ лѣтописцамъ, Амартолѣ [2]) и др.—Поэтому я бы полагалъ, что намекаемый А. Карріеромъ этотъ общій Прокопію и Свидѣ источникъ придется, пожалуй, искать въ другомъ мѣстѣ.

Третій правитель Арменіи, о которомъ нужнымъ счелъ Хоренскій сказать нѣсколько словъ,—это *Хайкакъ*, современникъ ассирійскаго Белохоса II. Эпизодъ о несчастномъ Хайкакѣ напоминаетъ разсказъ греческихъ историковъ о Белохосѣ II или IV ассирійскомъ, при которомъ вавилоняне напали на Ассирію и разграбили Ниневію; ниневійцы, возмущенные слабостью своего царя, свергли его и царемъ провозглашенъ начальникъ царскихъ садовъ, Багодоресъ [3]).—Вотъ о какомъ *возмуще-*

---

[1]) См., напр., замѣтку *C. Gleye* въ „Archiv für slavische Philologie“, Jagic, XVI B., III—IV Heft, 1894, SS. 578—587.

[2]) См. у Jagic „Hermes“, XV, p. 239. Ср. также: *Patzik*, Unerkannt und unbekannt gebliebene Malalasfragmente, Leipzig. 1891, S. 11.

[3]) См. у *Гарагашіана, l. c.* стр. 169.

ніи говоритъ Моисей, который приписалъ это событіе правителю Арменіи, названному имъ Хайкакомъ.

Слѣдующій правитель Арменіи, о которомъ сдѣлано такое же бѣглое замѣчаніе, это—*Зармайръ*, участникъ въ Троянской войнѣ. У армянъ не сохранилось никакихъ преданій объ этой войнѣ; замѣтка же армянскаго историка, какъ видно, сокращена изъ разсказовъ Діодора и Кефаліона, приведенныхъ въ извлеченіи въ Хроникѣ Евсевія (I, pp. 42, 46). Въ послѣдней упоминается о *посылкѣ ассирійскимъ царемъ, Тевтамомъ* же, *Пріаму помощи противъ эллиновъ*, состоявшей изъ *отряда евіопскихъ* и нусіанскихъ (*читай:* сусіанскихъ) войскъ подъ начальствомъ Мемнона, сына Тиѳона. Хоренскій только подмѣнилъ Мемнона арменіномъ Зармайромъ, имя котораго въ единственный сей разъ и упоминается здѣсь.

Наконецъ, послѣдній изъ армянскихъ правителей при ассирійскомъ владычествѣ—*Паруйръ*, первый вѣнценосецъ, который „получилъ немалую помощь отъ мидянина Варбака и отнялъ у Сарданапала его царство". Нѣсколько ниже историкъ нашъ измѣняетъ отношенія Паруйра къ Варбаку: оказывается, что царствомъ Сарданапала завладѣлъ не правитель Арменіи, но мидянинъ Варбакъ, а Паруйръ оказалъ ему только помощь, за что удостоился получить отъ него „царскія почести и вѣнецъ". (I, 21).

Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, мы видимъ заимствованіе фактовъ изъ греческихъ источниковъ, и приноравливаніе ихъ къ армянамъ. Въ самомъ дѣлѣ, вся 21-я глава первой книги, въ которой упоминается о Паруйрѣ, составлена изъ Діодорова отрывка у Евсевія (*Chron.* I, p. 43, 48), при чемъ роль друга Варбакова, вавилонскаго военачальника Белесиса, оказавшаго важную услугу въ дѣлѣ разрушенія ассирійскаго царства, передана Хоренскимъ армянскому правителю, Паруйру. Нужно замѣтить, что третьимъ участникомъ въ заговорѣ противъ Сарданапала, кромѣ Варбака и Белесиса, Сицилійскій историкъ называетъ друга этого послѣдняго, царя арабскаго (L. II, cap. XXIV),—что также могло

подать поводъ къ тенденціознымъ сближеніямъ. Даже относящіяся къ характеристикѣ отважнаго мидянина и изнѣженнаго ассирійскаго царя выраженія взяты Моисеемъ изъ той же Хроники Евсевія, съ нѣкоторыми намѣренными отъ нея уклоненіями, съ цѣлью отдалиться отъ своего источника.

Діодоровъ отрывокъ у Евсевія упоминаетъ о тѣхъ же событіяхъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „*Сарданапалъ* 35-й отъ Нина... сталъ царемъ Ассиріи. Онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ утонченностью жизни и *изнѣженностью*... Онъ былъ до такой степени развратенъ, что растлилъ не только свою жизнь, но и всю *ассирійскую монархію*, *прочно* существовавшую съ давнихъ поръ. Нѣкто *Варбакъ*, *родомъ мидянинъ*, человѣкъ добродѣтельный по мужеству своему и прекраснымъ качествамъ души, былъ военачальникомъ мидійцевъ, одинъ изъ тѣхъ, которые ежегодно отправлялись въ городъ Нина (*Ниневію*). Во время своего военачальства, при личномъ свиданіи съ полководцемъ вавилонскимъ, онъ *подружился* съ нимъ и, будучи упрашиваемъ имъ, онъ сокрушилъ царство ассирійское“. (*Chron.* I, p. 42—43). „*Тоннось-Конхолеросъ*, котораго греки называютъ Сарданапаломъ, потерпѣвъ пораженіе отъ Варбака и Белесиса, предалъ себя въ жертву пламени... Отнявъ *царство ассирійское*, *Варбакъ* назначилъ Белесиса царемъ надъ вавилонянами, а самъ *перенесъ ассирійскій престолъ* (букв. владычество) *въ Мидію*“. (*Ib.* I, p. 48).

Отъ Паруйра до Тиграна слѣдуютъ семь армянскихъ вѣнценосцевъ: изъ нихъ никто, однако, не ознаменовалъ себя ничѣмъ; они обращаютъ на себя вниманіе лишь тѣмъ, что къ ихъ времени пріурочивается появленіе нѣкоторыхъ армянскихъ нахарарствъ. (I, 22 и 23).

Извѣстно, что княжескій родъ *Арцруни* упоминается въ самыхъ раннихъ армянскихъ памятникахъ. Занимая видное положеніе среди другихъ княжествъ, родъ этотъ съ теченіемъ времени особенно выдвинулся, а въ началѣ X в. (въ 908 г.) даже успѣлъ образовать небольшое цар-

ство на югѣ Арменіи, въ то время, когда на сѣверѣ ея только что утвердилась династія Багратидская (въ 887 г.).— Древніе армянскіе писатели не сохранили никакихъ свѣдѣній о томъ, какія преданія существовали у Арцрунійскихъ князей *до* IX вѣка относительно ихъ происхожденія. Достовѣрно однако, что, достигши царства, они выводили себя отъ ассирійскихъ царей, пользуясь, безъ сомнѣнія, библейскимъ преданіемъ *объ ассирійскихъ царевичахъ, Адрамелехѣ и Сарасарѣ, бѣжавшихъ въ южную Армению.* (IV кн. *Царств.* XIX, 37). Это видно изъ свидѣтельствъ фамильнаго ихъ историка, Ѳомы Арцруни [1]) и другаго Арцрунійскаго писателя той эпохи, Григорія Нарекскаго [2]), который передаетъ о томъ независимо отъ Ѳомы и Хоренскаго.

На сравнительно позднее появленіе легенды объ ассирійскомъ происхожденіи Арцрунидовъ указываетъ и употребленіе у нихъ библейскаго имени ассирійскаго царя *Сеннахерима* (отца Адрамелеха и Сарасара), встрѣчающагося едва ли, однако, ранѣе IX в. [3]). На это обстоятельство было обращено вниманіе еще проницательнымъ Ла-Крозомъ, который въ оттѣненіи этого имени Хоренскимъ усматривалъ новое доказательство поздняго состав-

---

1) Ср. слѣд. мѣсто у Арцрунійскаго историка (стр. 6—7). „...Արդեօք Աստւր, որ վնինուէ շինեաց, հաւ Նինոսի՞ իցէ ի Տննդոց Սեմայ, ուստի Նեբրովթ, կամ թէ արդեօք ա ց դ ն Ա ր ծ ր ու ն ե ա ց Սեմա՞յ սերունդք իցեն, թէ քամայ ի Նեբրովթայ: Քանզի որպէզ գրեցաւն՝ Աստւր ի Սեմայ շինէ զնինուէ, եւ Սննեքերիմ պայազատաբար թագաւորէ ի նին էէ եւ ասի Ասորոց թագաւոր“;

2) См. Полное собр. сочин. *Г. Нарекскаго*, Венеція, 1840: „Исторія божеств. креста святой обители Апаранк'ъ, что въ области Мокацъ“, стр. 386. „...յաւուրս ունողաց տանս վաստուրականի՝ եղբարց երից վհից... ի յարնէ ա ր ք ա յ ի ց... սկզբնաւորեալ երևելի եւ յերանելի նախնեաց, ի քեռն Աստւոյ դստեր Ս ե մ ա յ որդւոյ Նոյ. ի Տննդաբանութենէ նախապետութենէն Նեբրովթայ, որդւոյ Քուշայ, զաւակի Քամայ: ...Աստւ եղբայր մօր Նեբրովթայ՝ շինեաց հրամանաւ Նեբրովթայ զԱստւ յորմէ Ասորիք մեծք եւ քաջագործք, մինչև եւթներորդն ի նմանէ Նինոս, որ յիւր անուն փոխարկեալ Նինուէ անուանեաց“;

3) Въ томъ же сочиненіи *Нарекскаго*, написанномъ, какъ видно, въ 983 г., перечисляются вслѣдъ за приведеннымъ отрывкомъ имена упоминаемыхъ въ немъ трехъ Арцрунійскихъ царевичей: изъ нихъ старшій назывался Ашотомъ, средній Горгэномъ и младшій Сенек'еримомъ, по имени, какъ сказано, *дѣда* своего (*l. c.* стр. 387). Отсюда слѣдуетъ, что дѣдъ этотъ могъ жить въ IX в.

ленія его „Исторіи“; другими словами — ассирійскій Сеннахеримъ у армянскаго историка является предвѣстникомъ арцрунійскаго Сенек'ерима, жившаго въ IX—X вѣкѣ по Р. Х. [1]).

Существовало ли когда-нб. подобное вышеприведенному преданіе у князей *Гнуни* и бдешховъ *Ахцник'ъ*, которыхъ армянскій историкъ соединяетъ узами родства съ Арцрунидами по единству ихъ происхожденія отъ ассирійскихъ царевичей,—намъ также неизвѣстно. Знаемъ только, что владѣнія княжества Гнуни, о которыхъ ничего опредѣленнаго не упоминается у древнихъ армянскихъ писателей, находились, по крайней мѣрѣ, въ IX в. наиболѣе близко къ арцрунійскимъ, а именно — на сѣверномъ и сѣверо-восточномъ побережьи Ванскаго озера, съ городомъ Арчэшъ [2]). Весьма возможно, что въ означенное время оба эти княжества и находились въ близкомъ родствѣ между собою.

Что касается бдешховъ Ахцник'ъ, то поводомъ къ возникновенію вышеупомянутаго преданія, кромѣ близкаго сосѣдства одноименной области съ Ассиріей, откуда, со словъ Библіи, прибыли ассирійскіе царевичи въ Армению,—могло служить еще сближеніе названія одного изъ кантоновъ области Ахцник'ъ, *Арзнъ*, съ фамильнымъ именемъ княжества *Арцруни*, или, какъ Ѳома выражается, „*Арзруни* изъ Арзнъ“ [3]).

На противорѣчіе Хоренскаго—выводить Арцрунидовъ въ одномъ случаѣ отъ Адрамела (I, 23), въ другомъ

---

[1]) „Auctor vitae Gregorii Narecensis, говоритъ *Ла-Кроз*ъ, qui Gregorius sub finem X saeculi floruit, dicit ejus tempore Vaspuracani sive Aspracani, quae est Atropatene antiquorum tunc Regem fuisse Senacherim. Ejusdem *Σενναχηρειμ* meminit Cedrenus ad Ann. 6524. T. II, p. 710 — 712. Eum Senacherim refert auctor vitae Gregorii ad Ardzrunaeos; *et fere credo Mosem ad eum hic* (т. е. кн. I, гл. 23) *digitum intendere.*“ (См. Латин. пер. Хоренскаго *бр. Вистоновъ*, стр. 61, примѣч. 5.)

[2]) „Արծէշ քաղաք Գնունեաց գաւառին“. *Ѳома, l. c.* стр. 308 и др.

[3]) „Վասն բնակութեան նախնեացն նորա (կին-բոսի (?) Արծրունեայ) Ադրամելէայ եւ Սանասարայ (յ)Արզն՝ կոչեցին Արծրունիս“ *Ib.* стр. 44.

отъ Санасара[1]) (III, 55), было указано другими[2]); а наименованіе армянскимъ историкомъ одного и того же ассирійскаго царевича то Адрамеломъ, то Аргамозаномъ, послужившее предметомъ различныхъ толкованій, объясняется, по моему мнѣнію, очень просто. Для исторіи ассирійскихъ царевичей авторъ нашъ пользовался двумя источниками — армянскими переводами Библіи и Евсевіевой Хроники: въ первой приводится имя старшаго царевича въ формѣ „Адрамелекъ", замѣненной Хоренскимъ черезъ *Адрамелъ*, согласно Абиденовскому отрывку у Евсевія (I, p. 26). Но въ той же Хроникѣ, въ отрывкѣ изъ Полигистора (I, p. 21), царевичъ этотъ названъ *Ардумузан*омъ[3]). Послѣднее имя перешло къ нашему историку въ формѣ „Аргамозанъ", б. м., вслѣдствіе смѣшенія переписчиками двухъ сходныхъ между собою въ армянскомъ алфавитѣ буквъ *г* и *д*.—Библейскаго *Сарасара*, являющагося у Хоренскаго въ формѣ „Санасаръ"[4]), на сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается у Евсевія.

О родоначальникѣ *Багратидовъ* мы имѣли случай говорить выше (с. 83). Принимая въ основѣ свидѣтельство Анонима (стр. 6) о Багаратѣ, какъ о современникѣ Навуходоносора, Моисей, однако, оспариваетъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ *природно-армянское* происхожденіе этого княжества, какимъ оно является у автора анонимнаго отрывка, и выводитъ ихъ отъ *евреевъ* (I, 22). Основаніе тому онъ пытается найти въ собственныхъ именахъ, носимыхъ Багратидами въ теченіи V—VIII вв.

---

[1]) Высказаннымъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ *Blau*, на основаніи нумизматическихъ данныхъ, соображеніямъ на счетъ этого ассирійскаго царевича, разселенія его потомковъ въ Софенѣ, какъ и происхожденія историческаго Заріадра (*Strabo*, XI, 15) отъ Санасара, — не слѣдуетъ придавать серьезнаго значенія. (См. *Numism. Zeitschr.* Wien, 1877, кн. Янв.—Іюль, стр. 90 и слѣд.)

[2]) *Гараіанціанъ*, *l. c.* стр. 171.

[3]) См. также мою статью въ *WZKM.* за 1893 г. I, стр. 25—26.

[4]) Ср. у *Ѳомы Арцруни*, l. c. стр. 121. „...Ոչքա (քնակիչք խոյճ լերին) են գռեհիկք Ասորոց, որ չուեցին վկնի Ադրամելեայ եւ Սանասարայ որդւոյ Սննեքերիմ արբայի Թագաւորի Ասորեստանի եւ Նինուէի, յորոց անուն ինքեանք Սանասարք վինքեանս անուանեն..."

по Р. Х. Но эти произвольныя сближенія бывшихъ въ употребленіи у армянъ и персовъ чисто иранскихъ именъ съ семитическими, конечно, ничего не доказываютъ, кромѣ горячаго желанія нашего историка отъискать каждому изъ Багратидовъ подходящаго предвѣстника или предшественника въ Библіи [1]), какъ это мы видѣли и по отношенію къ Арцрунидамъ и другимъ. Однако, сверхъ филологическихъ соображеній, столь неудачно высказанныхъ Хоренскимъ, были у него, вѣроятно, и разсчеты политическіе, въ силу которыхъ воцарившимся въ IX в. патронамъ его, Багратидамъ, нужно было почему либо производить свой знатный родъ не отъ армянъ, какъ то было у большинства тогдашнихъ армянскихъ княжествъ, а отъ древнѣйшаго въ мірѣ народа, *евреевъ!*

Важно замѣтить, что о подобной генеалогіи Багратидовъ никто изъ армянскихъ писателей до VIII в. включительно не упоминаетъ, изъ чего можно было бы заключить, что она появилась едва ли ранѣе этой эпохи. Грузинская вѣтвь Багратидовъ съ теченіемъ времени пошла еще дальше въ этомъ направленіи, возводя свой родъ къ самому пророку Давиду [2]).

Происхожденіе рода *Ангех-танъ*, упоминаемаго нашимъ историкомъ вслѣдъ за Багратидами (I, 23), также находится въ зависимости отъ Анонима (стр. 6). У послѣдняго, какъ мы видѣли, Багаратъ отождествляется съ

---

[1]) Такихъ библейскихъ именъ, какъ Багадія, Вазарія, Асудъ, Шамбатъ, соотвѣтствующихъ, по увѣренію нашего историка (I, 22, II, 63), Багарату, Варазу, Ашоту и Смбату, не существуетъ, если не считать встрѣчающагося раза-два въ арм. переводѣ Ветхаго Завѣта Ա-ւ-ր-ի — *Асовд*-янинъ, въ греч. „ἐκ τῶν υἱῶν τοῦ Ἀσωθείτου“ (II кн. *Цар.* XXIII, 27; I кн. *Парал.* XI, 29) и Ա-ֆ-ա-թ, Ա-ֆ-ա-ա, Ա-ֆ-ա, Ա-ֆ-ա-թ-ա, Ա-թ-ա-ի-ա, Ջ-ա-ի — Сапатія, Сапата, Сапатъ, Сабатэосъ, Сабатосъ и Забатъ (II кн. *Царствъ*, III, 4; кн. *Неем.* VII, 59; I кн. *Ездры*, V, 34, IX, 14 и 48; I кн. *Парал.* XI, 41 и др.). Ср. также у *Гараіашіана*, *l. c.* стр. 173 и слѣд.—Имя *Бюратъ*, какъ патронимическое (*Бюратіанъ*), встрѣчается въ литературѣ не ранѣе VII в. (См. *Асохикъ*, *l. c.* стр. 101 и слѣд.).

[2]) См. арм. текстъ „Грузинской Хроники,“ приписываемой *Джеванширу*, Венеція, 1884, стр. 116.

Ангех'омъ — отъ него и Ангех'танъ; но съ цѣлію не повторить анонимнаго автора, Хоренскій выводитъ этотъ родъ отъ какого-то Хайкака, очевидно, Хайкида по происхожденію, каковымъ является и Ангех'ъ у Анонима.

Перейдемъ къ *Анушавану-Сосу* (I, 20).

Принято думать, что сообщаемое Хоренскимъ о посвященіи платанамъ и гаданіи по шелесту листьевъ въ Армавирскомъ храмѣ было древнѣйшимъ вѣрованіемъ армянъ.

Уже то обстоятельство, что историкъ нашъ ссылается здѣсь на свидѣтельство Маръ-Абаса, внушаетъ намъ подозрѣніе. По крайней мѣрѣ, у первыхъ армянскихъ писателей ничего подобнаго приведенному не встрѣчается. Названіе „Анушаванъ", какъ собственное имя лица, не извѣстно въ армянской исторической литературѣ; оно упоминается только, какъ наименованіе селенія въ области Сюник'ъ:—Ա՛նուշաւան ի ձորուկ և յԱղահէճ.[1]) И этимологія этого слова показываетъ, что оно относится не къ лицу, а къ селенію: ибо Անուշաւան состоитъ изъ Անոյշ—пріятный, и աւան (или վան)—селеніе. Ср. Արշակաւան, Մհրուժան и др. Но откуда могли быть извѣстны Моисею, жившему не ранѣе VIII в., религіозныя вѣрованія армянъ болѣе чѣмъ за тысячелѣтіе до Р. Х.? Въ лучшемъ случаѣ, легенда объ Анушаванѣ въ основѣ своей могла быть позднимъ суевѣріемъ временъ Хоренскаго, искусно переработаннымъ на основаніи библейско-греческихъ сказаній о почитаніи дерева примѣнительно къ древнимъ армянамъ.

Дѣйствительно, о подобномъ культѣ въ *Библіи* упоминается неразъ: армянскій историкъ не могъ не знать, напр., о возобновленныхъ царемъ Манассіей святилищахъ на высотахъ, о постановкѣ имъ жертвенника Ваалу, о насажденіи *рощи, о гаданіи и ворожбѣ* и проч. (IV кн. *Царств.* XXI, 3—7).

Повидимому, на тѣ же библейскія преданія намекаетъ и

---

[1]) См. у *Стефана Сюнійскаго*, изд. Эмина, стр. 375 и 379.

знакомый Моисею по армянскому переводу *Григорій Назіанзинъ*. Въ своемъ второмъ словѣ противъ Юліана онъ повторяетъ помянутое библейское описаніе *священныхъ рощъ на высотахъ и посвященія богамъ сыновей* (*sic!*) *и дочерей* [1])—въ выраженіяхъ, напоминающихъ интересующій насъ отрывокъ у Хоренскаго.

Но, сверхъ ветхозавѣтныхъ мотивовъ, авторъ нашъ могъ утилизировать для своей цѣли и подобныя имъ легенды, встрѣчающіяся у греческихъ писателей, быть можетъ, даже въ армянскомъ переводѣ. [2])

На послѣднее предположеніе бросаетъ свѣтъ одинъ изъ армянскихъ писателей, ученый князь Пахлавуни, Григорій Магистръ, жившій на полтора, примѣрно, столѣтія позднѣе Моисея. Онъ пользовался именно такимъ греческимъ источникомъ, который могъ быть общимъ съ Моисеевымъ.—Въ одномъ изъ многочисленныхъ своихъ посланій, имѣющихъ каждое въ отдѣльности большой интересъ, Магистръ дѣлаетъ любопытный перечень деревьевъ, упоминаемыхъ въ легендарныхъ сказаніяхъ грековъ и парѳянъ. Таковы: знаменитый дубъ Зевса, осѣнявшій во время зноя; Гераклова *сосна*, питавшаяся молокомъ стада овецъ въ семь миріадъ (?): *вѣтви* ея, привязанныя ко лбу, употреблялись для лѣченія противъ болѣзней въ храмѣ Аполлона, *а шелесту ея листьевъ, при тихомъ дуновеніи, приписывали волшебную силу вороженія*... Далѣе, Сабалановъ кедръ, изъ вѣтвей котораго, по разсказу парѳянъ, построено три города, а изъ корня и стержня, обратившихся въ камень, памятникъ (себѣ) воздвигъ Спандіаръ... Есть еще у парѳянъ дерево, называемое ими „Шамачу“, т. е. предназначенное для дѣтей и юношей: его втыкаютъ въ землю во время состязаній при кулачныхъ бояхъ, обвѣсивъ его въ большомъ количествѣ богатыми подарками, достающимися въ награду первому

---

[1]) *S. Gregor. Theol.* Oratio V contra Julianum, II, § xxix. Ср. также кн. *Исаіи*, xxxiii, 9.—Арм. рукоп. Эчміадз. монастыря за № 908 печ. катал., стр. [illegible]. Самый текстъ см. ниже, во II ч. стр. 40.

[2]) Напр., ср. у *Псевдо-Каллисѳена*, стр. 145, 147.

побѣдителю [1]).—Между прочимъ, упоминаетъ Магистръ, очевидно, со словъ Хоренскаго, и о платанахъ въ Армавирѣ, и о Сосѣ, посвященномъ этимъ деревьямъ.

Подчеркнутыя мною въ описаніи „Геракловой сосны" выраженія такъ близки къ Моисееву отрывку, что самъ собою возникаетъ вопросъ: какъ объяснить столь замѣтное сходство въ изложеніи даннаго мѣста у двухъ писателей, изъ которыхъ одинъ не ранѣе VIII вѣка, а другой—XI в.?

На первый взглядъ можетъ казаться естественнымъ допустить, что тутъ имѣло мѣсто заимствованіе писателемъ болѣе позднимъ, въ данномъ случаѣ Магистромъ, у болѣе ранняго, т. е. у Хоренскаго. И это тѣмъ болѣе, что князь Пахлавуни, дѣйствительно, имѣлъ въ рукахъ и пользовался сочиненіемъ нашего историка. Но я отвергаю возможность такого заимствованія, основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ. Ученый авторъ XI в., отлично знакомый съ древне-греческою литературой и самъ дѣлавшій изъ нея переводы на армянскій языкъ, между прочимъ, Платона (см. его посланіе 46-ое), приводитъ кстати общеизвѣстныя подробности *о гаданіи по шелесту листьевъ сосны* въ храмѣ Аполлона, повидимому, со словъ какого-нб. греческаго источника; между тѣмъ какъ Моисей, въ своемъ описаніи, повторяя буквально тѣ же подробности, соединяетъ ихъ съ именемъ какого-то Анушавана и Армавирскими платанами, о которыхъ никто, кромѣ самого историка, ничего подобнаго не упоминаетъ. Что самъ Хоренскій слѣдовалъ въ этомъ случаѣ не-армянскому источнику, видно также изъ намѣренной или непонятой имъ передѣлки латинскаго „Platanus Armeniacus" въ *платаны Араманіака* (т. е. сына Хайка) [2]).

Если допустить основательность этихъ соображеній,

---

[1]) *Грш. Магистръ*, Посланіе 12-ое (по рукоп. моей библіотеки); арм. текстъ этого отрывка см. во II части нашего изслѣдованія, стр. 40.—Не понимаетъ ли Магистръ подъ *ոշի* (собственно—с о с н а) другое какое-нб. дерево л и с т в е н н о й породы?

[2]) Ср. *Гарагашіана, l. c.* стр. 182.—Ср. также сказаніе *Моисея Каханкатваци* о поклоненіи Гунновъ *деревьямъ* еще въ VII в., что также могло быть извѣстно Хоренскому; изд. *Эмина*, стр. 196—205.

придется остановиться на мысли объ общемъ обоимъ писателямъ источникѣ. Я бы могъ указать, конечно, гадательно, и на того греческаго автора, у котораго, вѣроятно, передавалось объ оракулахъ въ Греціи, а также о гаданіи по шелесту листьевъ—въ томъ видѣ, какъ это мы встрѣчаемъ у Хоренскаго и Магистра. Это — философъ *Олимпіодоръ*, восторженно превозносимый ученымъ княземъ Пахлавуни, какъ авторъ весьма замѣчательнаго и чуднаго поэтическаго сочиненія. Судя по словамъ Магистра, онъ зналъ Олимпіодора по древнему армянскому переводу и, какъ видно, не мало черпалъ изъ него для своихъ философскихъ и миѳологическихъ этюдовъ [1]). Не тотъ ли это „*Олимпіодоръ*, совершеннѣйшій между философами и авторъ любопытныхъ устныхъ сказаній", о которомъ упоминаетъ Хоренскій въ 6-й главѣ своей первой книги?

Но что могло подать нашему историку поводъ коснуться почитанія дерева у армянъ въ столь глубокой древности, отъ которой не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній?

Извѣстно, что въ XI—XII вв. въ городѣ Самосатѣ, въ сѣверной Месопотаміи, находилась секта христіанъ, называвшаяся *Аревордик*'ъ, т. е. сынами солнца. Отличительными чертами этой секты было—поклоненіе солнцу и *почитаніе дерева* тополя, одного изъ видовъ *платана*. При армянскомъ католикосѣ Нерсесѣ Благодатномъ (†1172) сектанты эти оставили свои заблужденія и добровольно вступили въ лоно армянской церкви [2]).

---

[1]) „Ըստ և գտեալ ասր խոկ, говоритъ Магистръ, ի հայ լեզուս գրեալ Թ ա բ գ մ ա ն չ ա ց ն զգիրս Ոլըմպիոդորոսի, զոր Դաւիթ յիշատակէ կարի յոյժ սքանչելի եւ հրաշալի բանաստեղծութիւնս մեկնասացեալ բոլոր իմաստասիրական բանիւք." Посл. 46-е.

[2]) См. Соборн. посланіе Нерсеса Благодатнаго, сохранившаго намъ любопытныя свѣдѣнія о самой сектѣ: „Ընդհանրական", Іерусалимъ, 1871, стр. 223—230. „Եւ գիտուրէ նոսա ի՛ սուխ պտղոսէ քան զուսերն և գկաղամախիսն...: Եթէ այլ ոք ի ձէնջ գիտէ սա. Նոսա (սա. քարեր ծառս) գխոսան ի՛ն չ բ ժ ժ ա ն ք... ասացէք Թողուլ և ի բաց կալ". (*Ib.* стр. 225)—Изъ факта почитанія платана у Аревордиn'ъ XII в. покойный *Н. О. Эмин*ъ (Очеркъ религіи и вѣров. изнч. арм., стр. 57 и слѣд.) дѣлалъ обратное заключеніе въ пользу достовѣрности Моисеева разсказа о томъ же культѣ у древнихъ армянъ.

Мнѣ кажется, что именно этими поздними вѣрованіями армяно-сирійскихъ сектантовъ, существовавшихъ, по всей вѣроятности, еще во времена Хоренскаго [1]), и навѣяно сказаніе о священной рощѣ платановъ у древнихъ армянъ. Вообще, реконструкція позднихъ преданій и событій, современныхъ Моисею, и возведеніе ихъ къ незапамятной древности—есть пріемъ, къ которому неразъ прибѣгаетъ нашъ авторъ.

Наконецъ, самое прозвище Анушавана—„Сосъ“ могло быть составлено, какъ замѣтилъ еще К. Паткановъ (*Ван. надп.* с. 126), подъ вліяніемъ имени современнаго армянскому родоначальнику ассирійскаго царя *Сус*-ариса или *Сос*-ароса у Евсевія (*Chron.* I, p. 48), подобно тому, какъ и 16-й отъ Анушавана родоначальникъ Храптъ (Հրաչեա) созданъ въ подражаніе современному ему Евсевіеву Миѳреос'у—по сходству ихъ значенія. [2])

Но мы еще не кончили съ Анушаваномъ.

Дѣло въ томъ, что, перечисляя пять армянскихъ патріарховъ отъ Анушавана до Фарнаса, параллельно съ такимъ же числомъ патріарховъ еврейскихъ отъ Исаака до Іисуса Навина и царей халдейскихъ отъ Аріоса до Белохоса, Хоренскій, какъ мы выше видѣли, замѣчаетъ: „начиная отъ *него* слѣдуютъ мужи не по происхожденію, но по личнымъ достоинствамъ, ибо всѣ они отъ Авраама. Хананеяне [3]) во время понесеннаго ими отъ *него* пораженія убѣжали отъ *него* и перешли въ Аграсъ, плывя на Ѳарсисъ, что видно изъ надписей, начертанныхъ на столпахъ въ Африкѣ и точно сохранившихся до нашего времени такимъ образомъ: „Мы, хананейскіе

---

[1]) Быть можетъ, на подобныя суевѣрія намекаетъ и вышеупомянутый Григорій Нарекскій, X в., въ словѣ своемъ противъ Тондракской ереси: „...(հերձեցիքն) քահանանձն է յայտնապէս սրբոտիսն ընդէնն անդատաց, զի ի բնաւէից մայրեաց աշխարհի՝ նմանութեամբ կենաց փայտի, է սա տեղն նատէին...“: (Նարեկ, բան ՀԸ, 9).

[2]) О Сосѣ см. также у *Баумгартнера* въ *ZDMG.* 1886, III, S. 483.

[3]) Преданіе объ изгнаніи хананеянъ Іисусомъ Навиномъ, сообщаемое въ еврейскихъ (Талмудъ), христіанскихъ (греч. и арм.) и арабскихъ памятникахъ, подробно разсмотрѣно у *Моверса*—Die Phönizier, T. II, ч. 2, стр. 427—435.

вожди, бѣжавшіе отъ разбойника Іисуса, пришли сюда на житье". (*Хор.* I, 19.)

Хотя въ приведенномъ текстѣ Моисеева отрывка не упоминается никакого имени, но по смыслу совершенно ясно, что рѣчь идетъ здѣсь объ Іисусѣ Навинѣ, т. е., что личное мѣстоименіе (отъ *него*, *ի սմանէ*) относится къ вождю евреевъ, какъ то подтверждается и со словъ надписи.

Однако армянскій историкъ IX вѣка, Католикосъ Іоаннъ, слѣдующій шагъ за шагомъ за Хоренскимъ и почти буквально повторяющій цѣлыя главы изъ его „Исторіи Арменіи", перепуталъ приведенный отрывокъ, относя сказанное объ Іисусѣ и еврейскихъ вождяхъ къ Анушавану и армянскимъ родоначальникамъ, и сдѣлалъ на этомъ основаніи ошибочный выводъ въ томъ смыслѣ, что послѣ Анушавана стали, якобы, господствовать *въ Арменіи не по праву происхожденія, а по успѣхамъ*, т. е. что послѣдующіе за Анушаваномъ правители захватили власть насильственно: они были тираны[1]).

Къ этому прибавились и непонятыя тѣмъ же историкомъ мѣста въ двухъ главахъ той же первой книги Хоренскаго, въ 21-й и 22-й, о первомъ армянскомъ вѣнценосцѣ, Паруйрѣ, 27-мъ отъ Анушавана родоначальникѣ. Этого Паруйра, какъ Хайкида, Моисей называетъ „кореннымъ, настоящимъ нашимъ родоначальникомъ", равнымъ образомъ и потомковъ его, наслѣдовавшихъ царское достоинство „до владычества парѳянъ", — „единокровниками" своими и „навѣрными

---

[1]) Для ясности, приведу текстъ Католикоса Іоанна параллельно съ Моисеевымъ.

Іоан. (изд. Эмина, с. 13—14, Іерус. 1867, с. 25—26). „...Ի զարմից սորա (Անուշաւանայ) և զաւակաց մ՚չ մինչեւ զաստանէին Հայրենի նահապետութեանցն, այլ այլք սմանէ բռնակալեալք ել ըստ ոչխի, այլ ըստ յաղթողիսն[illegible] մինչեւ թագաւորեցին սոքա որ ասեմք գրոհի, որոց անուանքն են այսոքիկ. Պարիւ, Արքաւ, Զաւան, Փառնաւ, Սաբ... Կայպոյ, Սիայրդէ.

Хор. I, 19. „...Ի սմանէ (ի Յեսուայ) յառաջ ել ըստ ոչխի, այլ ըստ յաղթութեանն արանց. զի և սմանէքեան յԱբրահամէ ի սատակել սորա զՔանանացիս՝ անցին ի սմանէ փախստականք յԱղաւս—(Անուշաւան). Պարիւ, Արքաւ, Զաւան, Փառնաւ, Սաբ... Կայպոյ, Սիայրդէ, Պարսյր:"

Ib. I, 21. „...Եւ այժմ ահա զսպարճացայց՝ ոչ փոքր ինչ կրելով խնդութիւն, հասանելով ի տեղիս սերունդք թագաւորութեան հասանեն սատիճանի

сродниками“,—очевидно, въ отличіе отъ упоминаемыхъ здѣсь парѳянскихъ царей, т. е. армянскихъ Аршакидовъ, которыхъ онъ считаетъ инородными.

Не вникнувъ въ сущность дѣла, историкъ Іоаннъ вообразилъ, что рѣчь идетъ тутъ о чуждыхъ и враждебныхъ другъ другу двухъ династіяхъ: изъ нихъ первую—отъ Парэта, 2-го отъ Анушавана правителя, до Скайорди, 26-го отъ Анушавана и отца перваго вѣнценосца Паруйра,—какъ происходившую, по его мнѣнію, *не* отъ Хайка, онъ назвалъ „худородною“; Паруйръ же, „изъ рода Хайка, разогналъ, по его словамъ, худородныхъ и возобновилъ родоначальническую власть своего племени“, начавъ собою новую династію [1]).

Въ этомъ превратномъ смыслѣ былъ понятъ разбираемый отрывокъ и хронографомъ XII в., Самуиломъ Анійскимъ, находившимся, какъ видно, подъ вліяніемъ Іоанна [2]). Изъ подобнаго толкованія нѣкоторые дѣлали выводъ, что у названнаго армянскаго Католикоса и даже у Самуила были подъ рукою какіе-то не дошедшіе до насъ и только имъ однимъ извѣстные источники (Маръ-Абасъ Катина), на которыхъ были основаны свѣдѣнія о „худородныхъ“ правителяхъ-тиранахъ въ Арменіи, въ промежуткѣ времени между Анушаваномъ и Паруйромъ [3]).

Этотъ, по моему мнѣнію, плодъ простой ошибки и недоразумѣнія послужилъ предметомъ особаго изслѣдованія, въ которомъ авторъ его, Н. О. Эминъ, взялся растолковать „покровенно-выраженное Моисеемъ объ Анушаванѣ и Паруйрѣ“ и доказать, что „послѣ Анушавана, де-

---

յետ ամենցուն սոցա պարսից անուն յաղէ հայկայ: Ասատնօր զանազգիսն ի բաց լքեալ եւ հիւրքեալ եւ զնահապետութիւն ազգի խրոյ վերստին նորոգեալ պայազատեր“ (Պարսիր:)

Ib. I, 22. „Արդ այժմ անցից ի թիւս մերոց ազգաց, մանաւանդ ի թագաւորաց, քանզի ցաւերութիւնն պարթեւաց զանգի ինձ այսորիկ արքն ի մերոյ թագաւորէն (ի Պարսից) սերիլքեր, որպէս բնի կք եւ իմոյ արեան առուք եւ հաւատոք հարազատք... իսկ մեր առաջին ի վերբակոյ պատկաւ Պարսիր՝ որդի Սկայորդւոյ...“

[1]) См. также у *Гарагашіана*, *l. c.*, стр. 185 и слѣд.

[2]) *Самуилъ Анійскій*, Эчміадзинъ, 1893, стр. 44—45.

[3]) Ср., напр., *Langlois*, Coll. T. 1, p. 31, note 1⁰.

сятаго отъ Хайка родоначальника, произошелъ въ древней Арменіи великій переворотъ въ династическомъ порядкѣ наслѣдованія верховной власти", которую „захватилъ силою какой-то Парэтъ, не происходившій отъ Хайка". „За нимъ продолжали поперемѣнно господствовать въ Арменіи 24 честолюбца, пока наконецъ не была реставрирована Паруйромъ, потомкомъ Хайка, династія послѣдняго".—Основываясь на этихъ догадкахъ, покойный арменистъ также дѣлалъ заключеніе о существованіи въ языческой Арменіи историческихъ твореній, которыми пользовались Хоренскій (по словамъ Эмина, весьма небрежно), Католикосъ Іоаннъ и Самуилъ Анійскій, и которыя до насъ, будто, не дошли. [1])

Подводя итоги тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ черпалъ армянскій историкъ матеріалы для составленія разсмотрѣнныхъ нами главъ 19 — 24 первой своей книги, мы видимъ, что они тѣ же, что и въ предыдущей части его труда: Анонимъ, Библія, въ особенности же Евсевій; къ нимъ придалъ нашъ историкъ еще отрывки изъ Прокопія или другаго греческаго источника, общаго со Свидой, а также, быть можетъ, фрагменты изъ Григорія Назіанзина и Олимпіодора.

---

[1]) См. Династич. списокъ Хайкидовъ, Москва, 1884, стр. 7—8, 14 и слѣд.

ГЛАВА VII.

О Тигранѣ Хайкидѣ и Аждахакѣ Мидійскомъ.

Тиграну Хайкиду Хоренскій посвящаетъ семь главъ—отъ 24-ой до 30-ой,—почерпнутыхъ, по словамъ нашего историка, изъ народныхъ пѣсенъ. Намъ нужно предварительно ознакомиться съ этими главами со словъ самого автора, ибо сокращенный пересказъ ихъ лишилъ бы насъ возможности прослѣдить своеобразное изложеніе Хоренскаго, въ чемъ изслѣдователи и видятъ печать народнаго эпоса, а я усматриваю лишь болѣе или менѣе искусную компиляцію изъ разнообразныхъ книжныхъ источниковъ, не имѣющихъ, притомъ, никакого отношенія къ историческому царю, Тиграну.—Содержаніе этихъ главъ слѣдующее: подробности о Тигранѣ (гл. 24); опасеніе и страхъ, внушенные Аждахаку дружественнымъ союзомъ Кира съ Тиграномъ (гл. 25); Аждахакъ, волнуемый сомнѣніемъ, видитъ въ чудесномъ снѣ свою будущность (гл. 26); мнѣнія совѣтниковъ—затѣмъ и собственныя мысли Аждахака и приведеніе ихъ въ исполненіе (гл. 27); письмо Аждахака; согласіе Тиграна; отправленіе Тиграуи въ землю Мар'овъ (гл. 28); измѣна открывается; начинается война; смерть Аждахака (гл. 29); Тиранъ отправляетъ сестру свою Тиграуи въ Тигранакертъ; объ Ануйшѣ, первой женѣ Аждахака, и о мѣстѣ водворенія плѣнныхъ (гл. 30).

Хор. I, 24 „...Разскажемъ теперь о Тиранѣ и его дѣяніяхъ. Державствомъ и разумностью онъ превосходилъ всѣхъ нашихъ царей, а мужествомъ не только этихъ мужей, но и всѣхъ прочихъ. Въ союзѣ съ *Киромъ* онъ *сокрушилъ владычество Мар'овъ* и, покоривъ *Грековъ*, не малое время держалъ ихъ въ повиновеніи. Ставъ во главѣ мужей и показавъ мужество, онъ тѣмъ *возвысилъ* нашъ народъ, и насъ, находившихся подъ игомъ другихъ, сдѣлалъ налагателями ярма на многихъ и заставляющими платить себѣ дань. — *Пѣхота очутилась на коняхъ; пращники* явились вообще мѣткими *стрѣлками;* паличники *вооружены мечемъ* и *копьемъ*, (прежде) безоружные покрылись *щитомъ* и желѣзной броней. Достаточно было одного вида этого воинства, собраннаго въ одно, закованнаго въ *блестящія* и *сіяющія* латы, чтобы обратить непріятеля въ бѣгство.

[*Ib.* III, 37. „...Когда взошло *солнце* противъ нашего войска, *лучи отъ мѣдью покрытыхъ щитовъ*, какъ отъ огромной тучи, *начали отражаться на горахъ*; тогда полетѣли изъ среды нашихъ нахараровъ храбрые мужи, *одѣтые въ панцырь*, *блестящіе какъ искры молніи*].

...Насадитель *мира и зиждитель*, Тиранъ *медомъ и елеемъ* питалъ всѣ возрасты. Много еще подобнаго совершилъ для нашей страны *бѣлокурый* этотъ Тиранъ, съ завитыми концами волосъ, Тиранъ Еруандовичъ, съ лицомъ *румянымъ*, красивоглазый, *рослый, плечистый, съ крутыми икрами, красивоногій, умѣренный въ пищѣ и питіи, воздержный* на пирахъ. О немъ древніе наши Пѣвцы, при звукахъ бамбирн'а пѣли: „Онъ *владѣлъ* своими страстями, былъ *краснорѣчивъ* и *велемудръ во всемъ полезномъ для человѣчества*“... „*Правосудный*, нелицепріятный, онъ на вѣсахъ ума своего взвѣшивалъ поступки каждаго; не завидовалъ лучшимъ (мужамъ), не презиралъ простолюдина, а старался равномѣрно простирать на всѣхъ покровъ своей заботливости. Тиранъ, давній союзникъ *Аждахака*, что *изъ Мар'овъ*, по убѣдительной просьбѣ послѣдняго, отдаетъ за него *замужъ* сестру свою, Тигрануи. Ибо Аждахакъ говорилъ (самъ съ собой): „такой союзъ или упрочитъ дружбу

съ Тиграномъ, или же облегчитъ черезъ измѣну извести его".—Аждахакъ опасался его вслѣдствіе какого-то пророчества, неожиданно внушеннаго ему слѣдующимъ случаемъ.

Хор. I, 25—26 „...Причиною подобныхъ думъ былъ союзъ дружбы между Киромъ и Тиграномъ: часто *сонъ* покидалъ Аждахака при одномъ вспоминаніи объ этомъ. Онъ безпрестанно предлагалъ о томъ вопросы своимъ совѣтникамъ—какими средствами расторгнуть намъ узы дружбы, соединяющія Парса съ многодесятитысячнымъ Хайкидомъ?—Между тѣмъ какъ такія *мысли* волновали его, въ какихъ-то вѣщихъ сновидѣніяхъ представляется ему *откровеніе* предстоящаго, о чемъ онъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ.

„...Въ тѣ дни, говоритъ (Эпосъ), немалой опасностью угрожалъ Аждахаку, что изъ Мар'овъ, союзъ Кира съ Тиграномъ. Поэтому отъ сильнаго волненія *мыслей* ночью во *снѣ* явилось ему *видѣніе*, какого не приходилось ему видѣть на яву глазами, ниже слышать ушами. Онъ вскакиваетъ со сна и, не дожидаясь установленнаго обычнаго часа совѣщанія — хотя была еще глубокая ночь — сзываетъ своихъ совѣтниковъ. Сидитъ онъ съ печалью на лицѣ, съ потупленными въ землю глазами, и изъ глубины сердца рыкаетъ, вздыхая. Совѣтники *спрашиваютъ* о причинѣ такой печали — онъ долго медлитъ отвѣтомъ. Наконецъ съ воздыханіями начинаетъ *высказывать мысли* и опасенія, сокровенно лежавшія въ тайникѣ его сердца, и съ тѣмъ вмѣстѣ подробности *ужаснаго видѣнія*. „Сегодня, говоритъ онъ, былъ я, друзья мои, въ какой-то невѣдомой странѣ близъ *горы*, высоко подымающейся надъ землею, (горы,) вершина которой казалась покрытою льдами. Говорили, будто, это было въ *землѣ* Хайкидовъ. Между тѣмъ какъ я пристально смотрѣлъ на эту *гору*, представилась моимъ глазамъ *женщина*, *сидящая* на самой ея вершинѣ, одѣтая *въ пурпуръ*, и покрытая небеснаго цвѣта покрываломъ; (женщина) прекрасноглазая, высокорослая и краснощекая: она мучилась *родами*. Въ то время какъ я въ удивленіи смотрѣлъ на это зрѣлище, та *женщина* вдругъ

разрѣшилась тремя взрослыми совершеннолѣтними полубогами. Изъ нихъ, *первый*, сѣвъ на *льва*, понесся къ закату; *второй* на *леопардѣ* держалъ путь на полночь; третій же, взнуздавъ чудовищнаго *дракона*, стремился на наше государство. Во время этихъ смутныхъ сновидѣній, казалось, я стою на кровлѣ своего дворца; вижу всю поверхность моихъ палатъ убранною разноцвѣтными красивыми коврами; (вижу) вѣнчавшихъ насъ боговъ, стоящими тамъ въ дивномъ величіи и себя, чествующаго ихъ съ вами *ѳиміамомъ и жертвоприношеніями*. *Взглянувъ* наверхъ, я *завидѣлъ* вдругъ сидящаго на *драконѣ* несущимся на *орлеподобныхъ крыльяхъ*; онъ, приблизившись, хотѣлъ *сокрушить боговъ*. Но я, Аждахакъ, бросился межъ нихъ, принялъ на себя нападеніе полубога и вступилъ съ нимъ въ бой. Сначала мы копьями наносили другъ другу раны и, проливая кровь ручьями, обратили солнцеподобную поверхность нашихъ палатъ въ море пролитой крови... Но какая мнѣ польза продолжать этотъ разсказъ, такъ какъ дѣло кончилось моимъ пораженіемъ. Сильный потъ, вызванный страхомъ, обливалъ меня; — улетѣлъ отъ меня сонъ: съ тѣхъ поръ я не считаю себя въ числѣ живыхъ. Явленіе этихъ видѣній означаетъ не иное что, какъ сильное на насъ нашествіе, приготовляемое Тиграномъ Хайкидомъ. Но кто, послѣ боговъ, оказавшій намъ помощь словомъ или дѣломъ, не имѣлъ бы права дѣлить съ нами власть царскую?—Аждахакъ, выслушавъ много полезныхъ мыслей отъ своихъ совѣтниковъ, почтилъ ихъ благодарностью".

Хор. I, 27—28 „...Друзья Аждахака... приступаютъ къ дѣлу: Аждахакъ отправляетъ къ Тиграну одного изъ своихъ совѣтниковъ съ большими сокровищами и съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Ты знаешь, любезный братъ, что изъ даровъ, данныхъ намъ богами, въ жизни на этомъ свѣтѣ полезнѣе всего имѣть много друзей, въ особенности (друзей) мудрыхъ и могучихъ. Ибо тогда не возникнутъ крамолы извнѣ; если же явятся, то, не имѣя возможности проникнуть внутрь (государства), скоро бу-

дутъ отражены. Видя такую пользу отъ дружбы, я рѣшился еще тверже и глубже утвердить существующую между нами пріязнь... А это осуществится, когда ты отдашь мнѣ въ жены царевну Великой Арменіи, сестру твою Тиграуи; и если сочтешь для нея за благо, она будетъ назначена царицею царицъ...“

„Скажу въ короткихъ словахъ: приходитъ посланный и исполняетъ (порученіе) относительно прекрасной царевны. Тиграпъ соглашается и отдаетъ сестру свою Тиграуи Аждахаку въ жены. Не подозрѣвая еще (тутъ) измѣнническихъ замысловъ, (Тиграпъ) отправляетъ сестру свою, (по заведенному) у царей обычаю. Аждахакъ принимаетъ и назначаетъ ее первою между своими женами не только по затаенной въ его сердцѣ измѣнѣ, но и по красотѣ ея.—А (между тѣмъ) злоба внизу снуетъ основу“.

Хор. I, 29. „...Послѣ того (Аждахакъ) приступаетъ къ дѣлу: черезъ пословъ предлагаетъ Тиграну пріѣхать на свиданіе въ назначенное на границахъ двухъ государствъ мѣсто какъ бы для совѣщанія о важномъ дѣлѣ, которое невозможно рѣшить письменно, или черезъ посольство, но только при свиданіи ихъ между собою лицемъ къ лицу. Но Тиграпъ, зная исходъ посольства, не скрылъ отъ Аждахака замысловъ послѣдняго и въ письмѣ высказалъ ему все лежавшее въ глубинѣ его сердца. И когда зло обнаружилось, никакія слова, никакая хитрость не могли бросить на него покрова. Тогда явно загорѣлась война...

„Но хвалю моего копьеносца, роста божественнаго, стройнаго, совершеннаго красотою, (отличающагося) соразмѣрностью членовъ и не имѣющаго себѣ равнаго по силѣ. Но зачѣмъ длю я свой разсказъ?—Когда завязался бой, Тиграпъ широкимъ остріемъ копья (своего) разсѣкъ крѣпкую желѣзную броню Аждахака, какъ воду, и Маръ, насквозь пронзенный, очутился на концѣ копья его. Тутъ Тиграпъ, отдергивая свою руку, вмѣстѣ съ оружіемъ вынулъ половину легкихъ Аждахака...“

Хор. I, 30. „...Послѣ совершенія этихъ дѣлъ, Тиграпъ съ многочисленной свитой по-царски отправляетъ сестру

свою Тиграпуи въ Арменію, въ пригородъ, построенный Тиграномъ и по его имени названный Тигранакертомъ, подчинивъ (прилежащія) области служенію ей. Отъ потомковъ Тиграпуи, говоритъ, происходитъ дворянство, встрѣчаемое въ тѣхъ странахъ и называемое Остан'омъ, какъ происхожденія царскаго. Первую жену Аждахака, Ануйшъ, и многихъ дѣвъ отъ его сѣмени вмѣстѣ съ юношами и множествомъ другихъ *плѣнныхъ* — числомъ болѣе десяти тысячъ — поселилъ (Тигранъ) за восточнымъ хребтомъ великой горы до предѣловъ *Гох'т'на*, т. е. въ Тамбатѣ, въ Оскіох'ѣ, Дажгуйнк'ѣ и въ другихъ *виллахъ*, стоящихъ у берега *рѣки*, изъ которыхъ одна называется *Вранджуник'*, насупротивъ крѣпости *Нахчавана*. (Онъ отводитъ имъ) также три *пригорода: Храмъ, Джух'у и Хошакуник'*; а по другую сторону *рѣки*—всю равнину, начинающуюся отъ Аждапакана до самой крѣпости *Нахчавана*. Вышеупомянутую жену (Аждахака)—Ануйшъ, съ ея сыновьями Тигранъ поселилъ въ безопасномъ мѣстѣ, откуда (начиная) тянутся (остатки) обрушившагося обвала съ великой горы, что случилось, какъ говорятъ, отъ ужаснаго землетрясенія. Объ этомъ повѣствуютъ *многостранствовавшіе путешественники, измѣрившіе на стадіи* по приказанію *Птоломея*, не только *обитаемыя земли*, но отчасти и *море* и страны необитаемыя, начиная отъ *жаркаго пояса* до К'иммеріона. Тигранъ назначаетъ (царицѣ) Ануйшъ служителей изъ тѣхъ же *Мар'овъ*, которыхъ поселилъ онъ у подошвы (помянутой) горы. Истину этихъ (словъ) подтверждаютъ также Хронологическія Пѣсни, которыя, какъ слышу, охотно сохраняютъ жители *Гох'т'енской* области, *изобилующей виномъ*. Въ нихъ-то нанизаны слова Пѣсней, объ Арташесѣ и его сыновьяхъ, и иносказательно упоминается о потомкахъ Аждахака, называемыхъ вишапазунк'ами, такъ какъ аждахакъ на нашемъ языкѣ значитъ „*драконъ*“.—(Въ тѣхъ Пѣсняхъ) поется также, что Аргаванъ въ честь Арташеса приготовилъ обѣдъ и *въ дворцѣ* вишап'овъ устроилъ было ему ковы.—Поется въ нихъ также, что при основаніи Арташата, храбрый

сынъ Арташеса—*Артавазд*ъ, не нашедъ мѣста для (своего) *дворца*, пошелъ, говоритъ Пѣснь, и между *Мар'ами* выстроилъ Маракертъ на *полянѣ*, называемой Шарур'омъ..."

Исторія Тиграна въ томъ видѣ, въ какомъ она приведена у Хоренскаго, до такой степени напоминаетъ извѣстный разсказъ Геродота объ Астіагѣ и Кирѣ [1]), что естественно возникаетъ вопросъ: откуда могло явиться такое сходство?

Въ самомъ дѣлѣ, у отца исторіи Астіагъ опасается Кира; у Хоренскаго тому же Астіагу (Аждахаку) внушаетъ опасеніе Тигранъ; у обоихъ историковъ брачный вопросъ играетъ большую роль въ судьбѣ Астіага; и тамъ, и тутъ Астіагъ видитъ странные сны, толкуемые его совѣтниками неблагопріятно для мидійскаго царя; наконецъ, у обоихъ авторовъ выведенъ одинаково несчастный конецъ Астіага и мидійскаго царства.

Предположить, какъ это дѣлали нѣкоторые изслѣдователи, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сохраненной армянскими народными пѣвцами армянской версіей преданія объ Астіагѣ [2]), потому неосновательно, что, во-первыхъ, изъ сказаннаго до сихъ поръ мы уже убѣдились въ несуществованіи такого армянскаго эпоса, который бы обнималъ событія столь отдаленныхъ временъ. Во-вторыхъ, подозрѣніе внушаетъ сходство или даже тождество мотивовъ въ разсказѣ Хоренскаго съ Геродотовскими, носящее явные слѣды заимствованія и уподобленія. Къ тому же, въ исторіи Тиграна мы видимъ не единственный примѣръ перенесенія роли персидскаго или инаго царя на армянскихъ правителей: въ данномъ случаѣ Тигранъ замѣняетъ Кира персидскаго, въ другихъ случаяхъ—къ Араму, какъ мы видѣли, перенесена дѣятельность Нина ассирійскаго, къ Паруйру—Белесиса вавилонскаго и проч. Это—характерная особенность пріе-

---

[1]) *Herod.* L. I, cap. LXXIII и слѣд., XCV.

[2]) Ср. у *Эмина*, Мидійцы въ древней Арменіи, Москва, 1881, стр. 6 и слѣд.

мовъ нашего автора, замѣчаемая и въ остальныхъ книгахъ его Исторіи. И въ третьихъ, повѣствованіе армянскаго историка о Тигранѣ Хайкидѣ, не заключая въ себѣ отличительныхъ чертъ дѣйствительно народной эпической поэзіи, представляетъ, напротивъ того, прямые признаки книжнаго вліянія, иначе говоря—простаго заимствованія изъ разнородныхъ источниковъ, а потому является искусственной варіяціей на схемѣ Геродотовскаго разсказа [1]).

Едва ли можетъ представлять большой интересъ—останавливаться на рядѣ несообразностей Моисеева повѣствованія, недостовѣрность или невѣроятность которыхъ очевидны сами собою. Тигранъ, напр., покоряетъ Грецію и не малое время держитъ ее въ повиновеніи! Онъ не только сокрушаетъ могущество Мидіи, но, при согласіи и помощи Кира, захватываетъ въ свои руки царство мидійское и даже персидское (sic!) (I, 31). Далѣе, и подробности Аждахакова заговора противъ Тиграна — участіе въ немъ сестры армянскаго царя, назначеніе свиданія зятя съ шуриномъ гдѣ-то на границахъ Мидіи и Арменіи и проч. — представляются странными, чтобы не сказать ребяческими, затѣями со стороны Аждахака [2]).

Обращаясь къ вопросу о книжномъ вліяніи на интересующій насъ разсказъ, мы замѣчаемъ, что при составленіи первой же главы о Тигранѣ, а именно описанія физическихъ и духовныхъ качествъ армянскаго царя—авторъ слѣдовалъ греческому источнику. Выше мы упомянули объ общемъ со Свидой источникѣ Хоренскаго; тотъ же памятникъ легъ, вѣроятно, въ основу и пространнаго описанія Тиграна. Если это предположеніе оправдается приводимыми ниже доводами, тогда заявленіе нашего

[1]) Нужнымъ считаю замѣтить, что, несмотря на прямую ссылку на Галикарнасскаго историка, Хоренскій (II, 2) все же не имѣлъ его, по моему мнѣнію, въ подлинникѣ, а лишь въ извлеченіи у какого-нб. компилятора. Равнымъ образомъ и Ксенофонтовымъ разсказомъ о дружбѣ Кира съ Тиграномъ армянскимъ (*Cyropaed.* III, 1—3) авторъ нашъ едва ли пользовался непосредственно. Такимъ общимъ источникомъ могла быть, недошедшая, къ сожалѣнію, до насъ VII книга Діодора, изъ фрагментовъ которой видно, что она была посвящена Исторіи Персіи.

[2]) Ср. также у *Гарагашіана*, *l. c.* стр. 191 и слѣд.

историка о томъ, что разсказъ свой онъ черпаетъ изъ древнѣйшихъ народныхъ пѣсенъ (I, 24), сведется къ фикціи.

Вотъ что говоритъ Свида объ одномъ армянскомъ Аршакидѣ, Санатрукѣ: „Будучи *роста* средняго, онъ имѣлъ влеченіе *ко всему великому*; онъ былъ *первымъ въ дѣлахъ военныхъ, строгимъ блюстителемъ правосудія* и такимъ *воздержнымъ въ жизни*, какъ лучшіе изъ грековъ и римлянъ“ [1]).

Въ сущности, къ этимъ пяти чертамъ и подводится довольно растянутая характеристика Тиграна у Хоренскаго. Дѣйствительно, указаніе источника Свиды,—„первый въ дѣлахъ военныхъ“ — подало мысль армянскому историку возводить къ Тиграну организацію военнаго дѣла въ Арменіи. Упоминаніе о „строгомъ блюстителѣ правосудія“ у греческаго писателя превратилось здѣсь въ панегирикъ, передающій въ реторическихъ выраженіяхъ о Тигранѣ, что „правосудный и нелицепріятный, онъ на вѣсахъ ума своего взвѣшивалъ поступки каждаго“ и пр. Далѣе, и рѣдкая „воздержность“ Санатрука сведена у Моисея къ подраздѣленію этой добродѣтели на отдѣльныя категоріи: „умѣренный въ пищѣ и питіѣ, воздержный на пирахъ, Тигранъ владѣлъ своими страстями“. Наконецъ, понятіе о „влеченіи ко всему великому“ у Свиды армянскій историкъ развилъ во всей главѣ, представляя Тиграна образцомъ и совершенствомъ силы, красоты и ума: „онъ былъ краснорѣчивъ и велемудръ во всемъ полезномъ для человѣчества“ и т. п.

Само собою разумѣется, что человѣкъ, соединявшій въ себѣ столь цѣнныя и рѣдкія качества, долженъ былъ быть

---

[1]) См. *s. v.* Σανατροὺκης ed. Bernhardy, II, 2, col. 668. — Прямыхъ указаній объ этомъ царѣ, извѣстномъ *Діону* (LXXV, 9) и другимъ, какъ о современникѣ Септ. Севера (190—211 по Р. Х.), не имѣется у армянскихъ историковъ. Послѣдніе, въ свою очередь, упоминаютъ объ неизвѣстномъ классическимъ писателямъ одноименномъ армянскомъ царѣ, называя его убійцей апостола Ѳаддея и тѣмъ опредѣляя время, когда онъ жилъ. (*Мученич. ап. Ѳаддея*, «Մ-ԹԹԳՔ», VIII; *Фавстъ*, III, 1, IV, 14 и 24; *Хорен.* II, 34—36). Несмотря на это, описанный Фавстомъ (IV, 24) могильный памятникъ арм. царя, Санатрука, въ древней армянской столицѣ, Ани Даранахійской, поражавшій своими грандіозными размѣрами и замѣчательной художественной работой, можетъ быть, по моему мнѣнію, отнесенъ именно къ тому царю, о которомъ говоритъ Свида.

совершененъ и въ отношеніи внѣшности; поэтому, вмѣсто „средняго роста“ у Свиды, герой Хоренскаго представленъ необыкновенно „рослымъ“, „роста божественнаго“, „плечистымъ“, а также „красивымъ“, „бѣлокурымъ“, „румянымъ“, „красивоглазымъ“, „красивоногимъ“ и пр.

Странно, что такой трезвый критикъ, какъ Гарагашіанъ, усматриваетъ въ перечисленныхъ эпитетахъ прямое доказательство заимствованія ихъ изъ народнаго эпоса[1]), какъ будто трудно было Моисею сочинить эпитеты. Образцы послѣднихъ мы уже видѣли выше, на стр. 114—116, примѣнительно къ Хайку. Равнымъ образомъ и на квалификаціи Тиграна не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на готовыя, искони утвердившіяся эпическія формулы: онѣ либо заимствованы у предшествовавшихъ писателей, либо составлены искусственно, большею частію какъ риторическія выраженія. Въ самомъ дѣлѣ: *խարտեաշ* „бѣлокурый“ и *անձնեայ* „рослый“, также, какъ и эпитетъ Тиграновой сестры, Тиграуи, *խորագէտ* „хитроумная“—восходятъ, по всей вѣроятности, къ *Библіи* (I кн. Цар. xvii, 12; ix, 2; кн. Притч. Сол. xii, 17, xiii, 1 и др.); *խարտեաշ* встрѣчается и у *Евсевія* (Chron., I, p. 101, *խարտեաշ և կարմրայտ*); *պերճաբան* „краснорѣчивый“ мы находимъ въ литературномъ памятникѣ конца VII в., а именно—у *Іоанна Философа* (см. Акад. слов.). Во всякомъ случаѣ, эпитеты эти употреблены въ литературѣ гораздо раньше Хоренскаго. Далѣе — *մեղուաքն* „красивоглазый“, *գեղեցկոտն* „красивоногій“, *բարձահասակ* „роста божественнаго“ и *տոյփարարձն* „съ крутыми икрами“, повидимому, составлены по образцу *библейскихъ* *հարտն*, *արագոտն* и *յաղթահասակ* (кн. Притч. xxiii, 6, xxiv, 34; кн. Чис. xiii, 33), и *տոյփագաւակ* у *Л. Парпскаго* (стр. 23).—О значеніи *բարձհասակ* слѣдуетъ повторить замѣчаніе наше по поводу *բարձագանգուր* на стр. 115—116.—Слово *գունեան* „румяный“ кажется мнѣ нѣсколько необычнымъ; мнѣ такъ сдается, что историкъ нашъ замѣнилъ имъ извѣстное ему изъ Хроники Евсевія *կարմրայտ*—

---

1) См. выше, с. 41. Также относился къ эпитетамъ и *Паткановъ*, Ван. надп., с. 77.

румянолицая—примѣнительно къ египетской царицѣ, Нитокрисѣ. Наконецъ, и слово *Թիկնաւէտ* „плечистый", по моему крайнему разумѣнію, грѣшитъ противъ законовъ армянскаго языка, т. какъ суффиксъ *աւէտ* показываетъ изобиліе и множество чего-нб. въ отношеніи количественномъ, будетъ ли то предметъ, или отвлеченное понятіе, напр., *Հայաւէտ, կոհակաւէտ, շահաւէտ, ուրախաւէտ*. Изъ болѣе, чѣмъ сорока армянскихъ словъ съ означеннымъ суффиксомъ, примѣненіе его къ части человѣческаго тѣла, въ данномъ случаѣ — къ плечу, мы видимъ только въ эпитетѣ *Թիկնաւէտ*.

Возвращаясь къ вопросу объ источникахъ Хоренскаго для первой главы исторіи Тиграна, нужно замѣтить, что авторъ нашъ разработалъ помянутый отрывокъ Свиды новыми подробностями, заимствуя для того отдѣльныя выраженія или даже цѣлыя фразы изъ Хроники Евсевія, Библіи и другихъ сочиненій.

Изъ первой было извѣстно Хоренскому сверженіе Киромъ мидійскаго царя, Астіага, и завладѣніе его царствомъ (*Chron.* I, p. 49), что буквально повторяется въ изложеніи армянскаго историка; оттуда же зналъ Моисей и самую форму имени „Аждахакъ", впервые, кажется, встрѣчаемую въ армянскомъ переводѣ этой Хроники.

Изъ Библіи заимствовалъ историкъ нашъ для той же цѣли множество выраженій, относящихся къ описанію вооруженій и вообще военнаго быта и примѣненныхъ къ дѣятельности Тиграна. Такъ, изъ книги *Юдиѳъ* (IX, 6) парафразированъ слѣдующій отрывокъ: „Вотъ Ассиріяне умножились въ силѣ своей, *гордятся конемъ* и всадникомъ, тщеславятся мышцею *пѣшихъ*, надѣятся на *щитъ* и на *копье* и на *луконосцевъ* и *пращниковъ*".—Изъ II кн. *Маккав.* (V, 3) заимствовано слѣдующее: „и стройные отряды конницы (Антіоха)... обращеніе щитовъ, множество копьевъ и *взмахъ* мечей, бросаніе стрѣлъ и *блескъ* золотыхъ *доспѣховъ*".—Что книги Маккавеевъ вообще служили Хоренскому источникомъ, видно, между прочимъ, еще изъ того, что и напоминающій разбираемое описаніе отрывокъ

37-ой главы III книги его Исторіи (сраженіе на Дзиравскомъ полѣ) цѣликомъ заимствованъ изъ I кн. *Макк.* (VI, 39). Вотъ это мѣсто: „Когда блеснуло *солнце*, то *лучи отъ мѣдью покрытыхъ вооруженій и щитовъ начали отражаться на горахъ* и *искрились*, *какъ* огненные *свѣтильники*“. Ср. также I кн. *Макк.* VIII, 1—3 и *Хор.* II, 2.—Къ Библіи же восходитъ выраженіе нашего историка: „елеемъ и медомъ питалъ Тигранъ возрасты“, а именно къ кн. *Исаіи* (VII, 15 и 22), гдѣ говорится, что *елеемъ* (въ рус. пер. „молокомъ“) и *медомъ* будетъ питаться Еммануилъ. Приданное же къ послѣдней цитатѣ выраженіе Моисея: „Тигранъ, насадитель мира и зиждитель“ (или строитель), кромѣ Библіи, встрѣчается и у *Агавангела* (стр. 109 и др.): „отъ боговъ—*строительство*, изобиліе и *миръ*“. (См. также Акад. слов. *п. с.* ՀԱՄԱՐԱՐԵՉ.)

Слѣдующія за описаніемъ личности Тиграна главы также не заключаютъ въ себѣ ничего эпическаго или народнаго; а подробности Аждахакова сна (I, 26), сверхъ того, поражаютъ сходствомъ съ библейскими и апокалипсическими мотивами, столь чуждыми воззрѣніямъ языческихъ армянъ, къ эпохѣ которыхъ относитъ нашъ историкъ эпопею о Тигранѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое безпокойные сны мидійскаго царя у Хоренскаго, предложеніе совѣтникамъ немедленно растолковать ихъ, роды женщины, разрѣшившейся въ сѣверной странѣ тремя полубогами, эти фигурирующіе въ сновидѣніи левъ, леопардъ и драконъ? — какъ не тѣ же *Навуходоносоровы сны въ книгѣ Даніила*: то же тревожное состояніе вавилонскаго царя, тотъ же немедленный созывъ волхвовъ для толкованія сна, то же соперничество между сѣвернымъ царемъ и южнымъ и пораженіе послѣдняго, тѣ же аллегорическіе звѣри—левъ, леопардъ, къ которымъ нужно прибавить еще дракона (изъ Апокалипсиса), преслѣдующаго женщину, мучившуюся родами.

Для большей ясности и убѣдительности приведу тѣ

мѣста изъ книги Даніила и Апокалипсиса [1]), которыми, по моему мнѣнію, пользовался нашъ историкъ для 25-й главы.

Кн. Даніила: „Во второй годъ царствованія Навуходоносора *снились* Навуходоносору *сны* и возмутился духъ его и *сонъ удалился отъ него. И велѣлъ царь созвать* тайновѣдцевъ, и гадателей, и чародѣевъ, и халдеевъ, чтобы они разсказали царю сновидѣнія его. Они пришли и стали передъ царемъ"...

„*Мысли* твои, царь, (говоритъ ему Даніилъ) волновали тебя на ложѣ твоемъ, что будетъ послѣ сего? и *открывающій* тайны показалъ тебѣ то, что будетъ. — Тебѣ, царь, было такое видѣніе: вотъ, какой то большой истуканъ, огромный былъ этотъ истуканъ; въ чрезвычайномъ блескѣ [2]) стоялъ онъ предъ тобою и *ужасенъ* былъ *видъ* его [3]).

„Ты видѣлъ его, доколѣ камень не оторвался отъ горы безъ содѣйствія рукъ, ударилъ въ истукана ... и разбилъ. Тогда все вмѣстѣ раздробилось ... а камень, разбившій истуканъ, сдѣлался великою *горою*, и наполнилъ всю землю". (*Ib.* II, 1, 2, 29, 31, 34, 35).

„Начавъ рѣчь, Даніилъ сказалъ: видѣлъ я въ ночномъ видѣніи моемъ, и вотъ четыре вѣтра небесныхъ боролись на великомъ морѣ. И четыре большихъ звѣря вышли изъ моря, непохожіе одинъ на другаго. *Первый* какъ *левъ* (въ арм. пер., какъ и греч., „львица"), но у него *крылья орлиныя*; *я смотрѣлъ*, доколѣ не вырваны были у него крылья и онъ поднятъ былъ отъ земли, и сталъ на ноги, какъ человѣкъ, и сердце человѣческое дано ему. И вотъ еще звѣрь, *второй*, похожій на медвѣдя... Затѣмъ видѣлъ я, вотъ еще звѣрь, какъ *леопардъ*; на спинѣ у него четыре птичьихъ крыла... Послѣ сего видѣлъ я въ ночныхъ ви-

---

[1]) Русскій переводъ кн. *Даніила* я привожу здѣсь по изданію 1875 г., Спб., in 8°, стр. 262—295, (Свящ. книги Ветхаго Завѣта), а *Апокалипсисъ св. Іоанна* по изданію 1879 г., Спб., in 16°, стр. 587—626 (Новый Завѣтъ и Псалтирь).

[2]) Послѣднихъ двухъ словъ нѣтъ въ армянскомъ переводѣ Библіи Венеціанскаго изданія 1860 г.

[3]) Арм. переводъ сверхъ того имѣетъ: „и лице его", согласно греческому переводу LXX Толковъ.

дѣніяхъ, и вотъ звѣрь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный... Встрепеталъ духъ мой во мнѣ, Даніилѣ, въ тѣлѣ моемъ, и видѣнія головы моей смутили меня. Я подошелъ къ одному изъ предстоящихъ, и спросилъ у него объ истинномъ значеніи всего этого, и онъ сталъ говорить со мною, и объяснилъ мнѣ смыслъ сказаннаго"... (*Ib.* VII 2—8, 15—17).

„Тогда царь Навуходоносоръ палъ на лице свое, и поклонился Даніилу, и велѣлъ принести ему дары (въ арм. пер. „*жертвоприношенія*") и *виміамъ*... „Теперь (говоритъ Даніилъ) возвѣщу тебѣ истину: вотъ еще три царя возстанутъ въ Персіи; потомъ четвертый превзойдетъ всѣхъ великимъ богатствомъ ...[и] подниметъ всѣхъ противъ царства Греческаго... И усилится южный царь, и одинъ изъ князей его пересилитъ его ... но черезъ нѣсколько лѣтъ они сблизятся, и дочь южнаго царя прійдетъ къ царю сѣверному, чтобы установить правильныя отношенія между ними (въ арм. пер. „заключить договоръ"); но она не удержитъ силы въ рукахъ своихъ, не устоитъ и родъ ея, но преданы будутъ какъ она, такъ и сопровождавшіе ее и рожденные ею [1]) и помогавшіе ей въ тѣ времена. Но возстанетъ отрасль отъ корня ея, прійдетъ къ войску, и войдетъ въ укрѣпленія царя сѣвернаго, и будетъ дѣйствовать въ нихъ, и усилится. Даже и *боговъ* ихъ, истуканы ихъ онъ *сокрушитъ*, а драгоцѣнные сосуды ихъ, серебряные и золотые, увезетъ въ плѣнъ въ Египетъ" [2]). (*Ib.* II, 46; XI, 2, 5—9).

Апокалипсисъ Іоанна. „...И прошелъ одинъ изъ седми ангеловъ, имѣющихъ седмь чашъ и, говоря со мною, сказалъ мнѣ: подойди, я покажу тебѣ судъ надъ великою блудницею... И повелъ меня въ духѣ въ пустыню; и я *увидѣлъ женщину, сидящую* на звѣрѣ багряномъ, съ седмью головами и десятью рогами. И *женщина* облече-

---

[1]) Вмѣсто того въ арм. перев., какъ и въ греч., стоитъ „и *два*".

[2]) Послѣдній стихъ я привожу, придерживаясь армянскаго перевода.

на была *въ порфиру* и багряницу, украшена золотомъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ... И сказалъ мнѣ ангелъ... Звѣрь, котораго ты видѣлъ, былъ, и нѣтъ его, и выйдетъ изъ бездны, и пойдетъ въ погибель... Седмь головъ суть седмь *горъ*, на которыхъ *сидитъ женщина*". (*Ib.* XVII, 1, 3, 4, 7—9).

„*Явилось* на небѣ великое знаменіе: *жена*, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ. Она имѣла во чревѣ, и кричала отъ *болей* и *мукъ рожденія*. И другое знаменіе явилось на небѣ. Вотъ *большой* красный *драконъ*... Драконъ сей сталъ предъ женщиною, которой надлежало родить... И *родила она* младенца мужескаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы... И произошла на небѣ война. Михаилъ и ангелы его воевали *противъ дракона*, и драконъ и ангелы его воевали противъ нихъ. Но не устояли, и не нашлось уже для нихъ мѣста на небѣ. И низверженъ былъ великій *драконъ*, древній змѣй...

„И сталъ я на пескѣ морскомъ, и увидѣлъ выходящаго изъ моря звѣря съ седмью головами и десятью рогами... Звѣрь, котораго я видѣлъ, былъ подобенъ *леопарду*; ноги у него какъ у медвѣдя, и пасть у него какъ пасть у *льва*; и далъ ему *драконъ* силу свою и престолъ свой и великую власть". (*Ib* XII, 1—9, 13; XIII, 1—3).

Предлагаемъ читателю самому сравнить эти отрывки съ приведеннымъ въ началѣ настоящей главы текстомъ Моисея Хоренскаго.

Остальныя три главы о Тигранѣ, а именно: растянутое разсужденіе по поводу мнѣній совѣтниковъ Аждахака, какъ поступить царю послѣ его зловѣщаго сна (I, 27); письмо Аждахака къ Тиграну относительно руки его сестры, Тигрануи (I, 28), также приправленное академическими разсужденіями на тему о пользѣ имѣть побольше друзей, и цѣликомъ выдуманное, по образцу писемъ Псевдо-Каллисѳена и др.; и, наконецъ, малосодержательное описаніе войны мидійскаго царя съ Тиграномъ и смерть его отъ руки послѣдняго (I, 29) — всѣ носятъ совершенно искус-

ственный характеръ, а сверхъ того очень мало прибавляютъ свѣдѣній къ тому, что уже извѣстно намъ изъ предыдущаго. Нужно поэтому полагать, что главы эти, какъ реторическіе образцы, цѣликомъ принадлежатъ перу Хоренскаго, въ томъ числѣ и мотивъ о замужествѣ сестры Тиграна, Тигрануи, навѣянный, какъ мнѣ думается, Евсевіевымъ разсказомъ со словъ Полигистора. Послѣдній передаетъ о предложеніи Сарданапала, сдѣланномъ Астіагу—выдать за своего сына, Навуходоносора, мидійскую царевну, Амухіанъ. (*Chron.* I, pp. 22, 27, 34).— Хоренскому могло быть извѣстно и упоминаніе Геродота (I, 74) о женитьбѣ Астіага на дочери Аліатта лидійскаго, Aryena.

Къ числу искусныхъ вымысловъ нужно, быть можетъ, отнести и имена: первой жены Аждахака, Ануйшъ, и жены Тиграна, Заруи, (*Хор.* I, 29, 30).

Я уже не говорю о той несообразности, что личность сестры армянскаго царя, Тигрануи, явившаяся въ національной борьбѣ противъ Мидіи не менѣе героическою, чѣмъ самъ Тигранъ, тотчасъ же предается забвенію, когда надобность въ ней миновала для Хоренскаго. И неужели пресловутые Гохтенскіе пѣвцы, воспѣвавшіе, по увѣренію нашего историка, съ такимъ умиленіемъ красоту ногъ и мощь икръ Тиграна, могли такъ неблагодарно пренебрегать благородной фигурой самоотверженной армянской царевны!

Гораздо болѣе интереса представляетъ для насъ послѣдняя глава—о построеніи Тигранома „селенія Тиграна-кертъ“ и разселеніи плѣнныхъ мидійцевъ въ предѣлахъ Арменіи (I, 30).

Вслѣдствіе неясности изложенія, трудно понять, какой Тиграна кертъ разумѣетъ здѣсь Хоренскій. Извѣстно, что, кромѣ одноименнаго великаго города на сѣверѣ Месопотаміи, основаннаго армянскимъ царемъ, Тигранома, современникомъ Лукулла и Помпея, въ I в. до Р. Х. (*Страбонъ*, XI, 14, *Плутархъ* въ біогр. Лукулла),— упоминается у армянскихъ писателей еще о существованіи

„селенія Тигранакертъ“ въ крайней восточной провинціи Арменіи, Пайтакаранѣ, у сліянія Куры и Аракса, около Мидіи (*Себеосъ*, с. 93, *Асох.*, с. 115). На тоже селеніе указываетъ, повидимому, и *Птоломей* (V, 13), называя его „Τιγρανάανα“, близъ Мидіи.—Правда, въ 28-ой главѣ III книги своей Исторіи Моисей, перепутавъ городъ Амиду въ сѣв. Месопотаміи съ находившимся по близости его Тигранакертомъ, приписываетъ основаніе этого послѣдняго Тиграну I, Хайкиду, современнику Кира; а при изложеніи разбираемой главы историкъ нашъ имѣлъ въ виду не помянутый городъ въ Месопотаміи, но, какъ я полагаю, Тигранакертъ Пайтаканскій. Это подтверждается еще тѣмъ, что какъ разъ въ этихъ мѣстностяхъ упоминается у старѣйшаго армянскаго историка, Агаѳангела, о „Пайтаканѣ, царственномъ городѣ армянскомъ“ [1]). На это не безъ намѣренія ссылается и Хоренскій, замѣтивъ мимоходомъ о встрѣчаемомъ въ тѣхъ странахъ (т. е. гдѣ Тигранакертъ) дворянствѣ, въ качествѣ потомковъ Тигрануи, и называемомъ Останомъ, какъ происхожденія царскаго (I, 30).

Что, во всякомъ случаѣ, не въ Месопотаміи надо искать „селенія Тигранакертъ“, видно также изъ того, что еще Ѳома Арцруни (стр. 38), а изъ новѣйшихъ—Чамчіанъ и др. [2]) помѣщаютъ его въ районѣ восточныхъ отроговъ Масиса, по близости Нахчавана и Гохтна. Мхитаристскій историкъ (Т. I, стр. 196, 566) даже намѣчаетъ мѣсто его, а именно—Апаранъ (или Апарнеръ, т. е. дворецъ, въ Сюникѣ), подъ которымъ, по его мнѣнію, и нужно разумѣть Тигранакертъ—мѣстопребываніе армянской царевны и вмѣстѣ съ тѣмъ царицы мидійской и ея потомковъ.

---

1) *Агаѳ.* стр. 628 „Փայտակարան քաղաք արքայութեան Հայոց“—не „Phaidagaran, ville du royaume d'Arménie“, какъ переводитъ Лангуа (*Coll.* I, p. 180), ибо каждый армянскій городъ былъ тѣмъ самымъ и городомъ армян. царства, но Ph. ville *royale* d'Arménie, т. е. что Пайтаканъ былъ нѣкогда *столицею*, быть можетъ, и временной; подобно тому, какъ въ сосѣдствѣ съ Пайтакараномъ находилась зимняя резиденція арм. царя, Халхалъ—„ի Խաղխաղ քաղաքի ի Մերձս արքայութեան Հայոց“. (См. *Агаѳ.* с. 37).

2) *S. Martin*, Mémoires, I, p 173; *Алишанъ*, „Сисаканъ“, Венеція, 1893, с. 492

Если уже называть мѣсто резиденціи Тиграуи, то, мнѣ кажется, не съ меньшей достовѣрностью можно было бы указать на другой пунктъ въ томъ же Гохтнійскомъ кантонѣ,—на существующее понынѣ селеніе *Танакертъ* (акулисск. Тнакартъ), въ которомъ, вѣроятно, скрывается древній Тигранакертъ. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть третій армянскій городъ того же названія—Тигранакертъ Гохтнійскій. Кромѣ того, подобно Пайтакаранскому, и Гохтнійскій Тигранакертъ находился въ мѣстностяхъ, гдѣ также существовалъ Останъ или царскій дворъ, именно—Останъ Нахчаванскій [1]), на который тоже могъ намекать Хоренскій и который, равно какъ и резиденція Пайтакаранская, едва ли, однако, относится ко времени ранѣе Аршакидовъ.

Кромѣ этого подновленія, Моисей искусно пользуется въ разбираемой главѣ поздними свидѣтельствами о мидійцахъ или даже о „мидійскихъ селеніяхъ“ въ Арменіи, усматривая въ существованіи ихъ несомнѣнное доказательство результатовъ побѣды Тиграна надъ Аждахакомъ!

Хоренскій зналъ, что область, лежавшая за восточными отрогами горы Масиса, издавна была извѣстна у армянъ подъ названіемъ „страны“ или „области мидійской“, которая въ IV, по крайней мѣрѣ, вѣкѣ по Р. Х. находилась въ вассальной зависимости отъ Арменіи (*Фавстъ*, IV, 24, 50; V, 11). Изъ Корьюна также видно, что за Гохтномъ лежала „мидійская область“ (изд. 1833, стр. 8). Еще важнѣе были для Моисея свѣдѣнія, найденныя имъ у Хевонда, писателя VIII в., о существовавшихъ въ его время такъ наз. „*мидійскихъ селеніяхъ*“, на востокъ отъ горы Масиса, неподалеку отъ „*Гохтна* и крѣпости *Нахчавана*“. Тотъ же авторъ Исторіи Халифовъ въ другомъ мѣстѣ своего труда приводитъ и названія трехъ „мидійскихъ селеній“, расположенныхъ на лѣвомъ [2]) берегу Аракса—*Храмъ*, *Джухъа* и *Хошакуникъ*,

[1]) См. у *Ѳомы Арцруни*, стр. 128, 247.

[2]) Ср. *Ѳома*, с. 105, *Асох.*, с. 124; о „Хошакуникъ“ см. также у *Инчинчіана*. Нов. Арм. Венеція, 1806, с. 267.

на которыя были сдѣланы арабами нападенія въ началѣ VII вѣка [1]). Къ нимъ нужно присоединить и упоминаемое у Себеоса (с. 93) селеніе на правомъ берегу Аракса, *Вранджуник'ъ*: тутъ былъ бродъ, черезъ который перешелъ рѣку императоръ Ираклъ, преслѣдуемый съ сѣверо-востока персидской арміей.

На основаніи этихъ отрывочныхъ данныхъ и составилъ Хоренскій описаніе разселенія Тиграномъ плѣнныхъ мидійцевъ въ Арменіи за шесть вѣковъ до Р. Х.—Изъ числа отведенныхъ роду мидійской царицы, Ануйшъ, селеній, сверхъ помянутыхъ, армянскій историкъ приводитъ еще три малоизвѣстныхъ, находившихся, повидимому, на правомъ берегу Аракса, а именно: *Тамбатъ*, *Оскіох'а* и *Дажгуйнк'ъ* и равнина *Аждanаканъ* до самой крѣпости Нахчавана.

Собственно, названій Оскіох'а и Дажгуйнк'ъ мы ни у кого изъ армянскихъ писателей не встрѣчаемъ; быть можетъ, мы имѣемъ передъ собою формы, искаженныя переписчиками. По крайней мѣрѣ, относительно перваго изъ нихъ это можно допустить. Существуетъ варіантъ Оски, Кох'а [2]), который я читаю Оски, Ох'а, т. е. два имени: изъ нихъ первое намъ не извѣстно, а во второмъ я вижу упоминаемое у историковъ VIII и IX вв названіе селенія и крѣпости *Ух'аэ* или *Ух'э* [3]) на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ указываетъ и Хоренскій, а именно — у подошвы Масиса. Въ той же мѣстности встрѣчается и гора *Тамбатъ* и рѣка того же названія (см. карту „Айрарата" у Алишана, Венеція, 1890).—Чтеніе „Аждanаканъ" также имѣетъ варіантъ: „Аждан аканн" (яма (?) Аждanъ [4]), хотя такого названія не находимъ въ литературѣ. Есть

---

[1]) „Եւ առնուին (համայեալացիքն) ի գերութիւն զառաջս Մարաց և զգաւառսն գաղթն և զբոյթիերդն նախճաւանս..." (*Хевонд.* изд. Спб. с. 7). — „գործէին (որդիք համայէլի) զանօրէնութիւնս յառաջս Մարաց ի Խրամ, ի Զոպաց և ի Խալխաղ..." (*Ib.* с. 267).

[2]) Ոակի, Կողայ; см. *Ламбр.* списокъ, изд. Карениана, Тифлисъ, 1858, стр. 50; у *Вистон.*, стр. 71.

[3]) Ուղայէ у *Хевонда*, стр. 24; Ուղէ у *Іоан. Кат.* Іерус. с. 97 и у *Ѳомы* с. 286.

[4]) Ա֊ժդան ականն; см. *Ламбр.* списокъ, стр. 50.

Аждакъ, но это дальше отъ намѣченной мѣстности, въ Сюникѣ, на сѣверо-востокъ отъ кантона Гохтнъ. (См. *Стеф. Орб.*, изд. Эмина, стр. 377). Упоминаніе Аждинакана (или Аждана) не вызвано ли сближеніемъ его съ именемъ мидійскаго царя, Аждахака?

Что касается приведеннаго въ концѣ разбираемой главы Маракерта, построеннаго, по словамъ Моисея, царевичемъ Артаваздомъ во II в. по Р. Х., то это, б. м., — „селеніе *Мараканъ* въ Чуашѣ, у рѣки Кармиръ“ (нынѣ Кизиль-Чай), одного изъ правыхъ притоковъ Аракса, какъ упоминается у Ѳомы [1]). Сохранившійся донынѣ Мараканъ обозначается на картахъ нѣсколько западнѣе, на рѣчкѣ Маку (или Ахчай), также правомъ притокѣ Аракса. На рѣкѣ же Кармирѣ помѣщается нѣкоторыми Маракендъ, б. м., передѣланный изъ Маракерта [2]), хотя, если вѣрить Хоренскому, это противорѣчитъ его прямому указанію, по которому Маракертъ находился на равнинѣ Шаруръ, т. е. на лѣвомъ берегу Аракса.

Даже сдѣланный нашимъ авторомъ тутъ же намекъ на „дворецъ (*ապարանք*ъ) Артавазда“ вызванъ, по моему мнѣнію, упоминавшимся еще въ VII вѣкѣ наименованіемъ „скита Артаваздова дворца“ [3]), который находился, по всей вѣроятности, неподалеку отъ Шарурской равнины.

Къ числу источниковъ 30-ой главы нужно отнести и Географію Ширакаци, изъ которой парафразируетъ нашъ историкъ слѣдующія строки: „...Такимъ образомъ

---

[1]) „Ա՛ստուածն աւուրս սոսա կարծիքն կոչնցեալ գետով, որ իջանէ ի գետն Երասխ“: *Ѳома*, стр. 254; ср. также стр. 225 и 264.

[2]) См. карту *Кипперта*—Georgien, Armenien und Kurdistan, 1854; полков. *Бутурлина* — Carte du théatre de la guerre (1826 — 1829) dans les pays Caucasiens: la Perse et la Turquie Asiatique, 1844.

[3]) См. приведенное у *Ухтанеса* (Вахаршап. 1871, II, сс. 63—65) Соборное посланіе католикоса Авраама (нач. VII в.), гдѣ, между многими епископами и іереями, подписавшими посланіе, значится и настоятель скита *Артаваздова дворца* Іоаникъ — „Ց՛ովհաննէս Արտաւազդ ապարանէ“; а *Стеф. Орбел.* (Моск. стр. 126) называетъ „скитъ *Артавазова дворца*“ — „Անապատ Արտաւազի ապարանէ“, въ разсказѣ о католикосѣ Маштоцѣ, IX в. Ср. также у *Алишана*, Айраратъ, стр. 401, гдѣ и нашелъ я эти ссылки.

Клавдій *Птоломей измѣрилъ аспарезами* (стадіями) всю *землю* относительно долготы, начиная съ запада... Также поступилъ онъ относительно широты, начиная съ *жаркаго пояса* и доходя до Неизвѣстнаго *моря*"... „Но *Птоломей*, люди *котораго при многолѣтнихъ странствованіяхъ измѣрили* всю *землю*, говоритъ, что Океанъ не окружаетъ земли". [1])

Въ сущности, приведенный отрывокъ приплетенъ Моисеемъ въ разбираемую нами главу совсѣмъ не кстати; относительно же повѣствованія Птоломеевыми посланцами о землетрясеніи въ Великой горѣ [2]), т. е. въ Масисѣ— мы узнаемъ впервые отъ нашего автора.

Вторая часть той же 30-й главы I книги предназначена Хоренскимъ къ тому, чтобы заранѣе подготовить читателя къ ознакомленію съ содержаніемъ исторіи, не менѣе славнаго чѣмъ Тигранъ, армянскаго царя Арташеса II, жившаго, однако, на *семьсотъ* лѣтъ позднѣе его. Связь между этими царями установлена, по увѣренію нашего историка, народными же пѣснями или эпосомъ. Армянскіе, а именно Гохтенскіе пѣвцы, передававшіе о подвигахъ Тиграна, воспѣвали, по словамъ Хоренскаго, и помянутаго Арташеса, и жену его, царицу Сатиникъ, и сына ихъ, Артавазда, вмѣстѣ съ тѣмъ *иносказательно* упоминая о потомкахъ плѣненныхъ Тиграномъ мидянъ, изъ рода Аждахака, называемыхъ „драконидами", ибо „Аждахакъ" на нашемъ языкѣ, замѣчаетъ армянскій историкъ, значитъ „драконъ".

Принято думать, что эта ссылка Хоренскаго на эпосъ, воспѣвавшій, будто, событія столь отдаленныхъ другъ отъ друга эпохъ, какъ VI в. *до* Р. Х. и II в. *по* Р. Х., указываетъ на цѣльность, обширность и послѣдовательность армянскихъ народныхъ пѣсенъ [3]). Позволяю себѣ

---

[1]) См. русск. пер. Арм. Геогр. VII в. *К. П. Патканова*, Спб., 1877. стр. 7 и 11.

[2]) О происшедшемъ въ 340-1 г. по Р. Х. землетрясеніи въ горахъ армянскихъ упоминаетъ Ефремъ Сиринъ въ одномъ изъ мелкихъ своихъ твореній, не сохранившемся въ армянскихъ переводахъ этого писателя. (См. у *о. Амшана*, Айраратъ, стр. 458—459).

[3]) *Эминъ*, Моисей Хор. и древн. эпосъ арм., стр. 34.

не соглашаться съ подобнымъ заключеніемъ. Напротивъ того, я полагаю, что связь между отстоящими столь далеко другъ отъ друга лицами, какъ Тигранъ и Аждахакъ, съ одной стороны, и Арташесъ и Артаваздъ — съ другой, возникла у Хоренскаго совершенно искусственно, по механической, можно сказать, ассоціаціи идей, и даже, быть можетъ, случайно.

Въ самомъ дѣлѣ, Моисей, излагая (II, 61) исторію легендарнаго армянскаго царя, Артавазда (во II в. по Р. Х.), на основаніи, какъ я думаю, сообщаемыхъ Езникомъ нѣкоторыхъ любопытныхъ сказаній,—наткнулся на слово *вишапъ*, что значитъ драконъ. Драконы, по вѣрованію армянъ V вѣка, между прочимъ, уводили въ свои дворцы царевичей и держали ихъ въ заточеніи, какъ это сдѣлали и съ нѣкоимъ Артаваздомъ. Ниже мы увидимъ, какъ искусно воспользовался Хоренскій этой легендой, разработавъ на ея основѣ исторію Артавазда; но теперь важно замѣтить, что историкъ нашъ по ассоціаціи идей приходитъ отъ слова „драконъ“ къ *Аждахаку*, потому только, что имя это также обозначаетъ дракона. Отсюда довольно странное умозаключеніе нашего автора: уводившіе Артавазда *драконы* тоже, что и потомки царя *Аждахака*, т. е. Дракониды; послѣдніе, естественно, должны были явиться враждебными къ армянскому царствующему дому, который покорилъ ихъ родоначальника, полонилъ ихъ и насильно переселилъ въ Арменію. Что соединяющимъ звеномъ между Тиграномъ и Арташесомъ служили *драконы*, видно еще изъ того, что у Хоренскаго упоминается объ этихъ существахъ впервые при Тиграновомъ противникѣ, Аждахакѣ, и по его же поводу; послѣ него, въ теченіе семи вѣковъ, нѣтъ помину о *драконахъ*, и такъ называемый армянскій эпосъ за этотъ періодъ времени совершенно смолкаетъ. *Драконы* снова появляются при сынѣ Арташеса, Артаваздѣ, похищенномъ, по преданію, драконами.

Такимъ образомъ, авторъ „Исторіи Арменіи“ хотѣлъ установить искусственную циклизацію воображаемаго ар-

мянскаго эпоса вокругъ такихъ, по его мнѣнію, выдающихся личностей, какъ Тигранъ и Арташесъ и, притомъ, такъ, чтобы оба цикла имѣли между собою тѣсную связь.

Попытку Шпигеля—объяснить сродство между только что названными армянскими царями отождествленіемъ ихъ личностей на почвѣ армянскаго эпоса, нужно считать, по моему мнѣнію, совершенно неудачною [1]).

Остановимся на тѣхъ немногихъ, на видъ характерныхъ словахъ у Моисея Хоренскаго, которыя касаются атрибутовъ эпоса, выражая понятія—„пѣснь“ и „эпосъ“ (*երգ, վէպ*), „пѣвецъ“ или „рапсодъ“ (*վիպասան*), „плясовыя пѣсни“ и „пѣсни во время представленій“ (*երգք ցըուց և պարուց*), „бамбирнъ (*բամբիռն*)—особый видъ музыкальнаго инструмента и др. Употребленіе ихъ въ „Исторіи Арменіи“ [2]) могло бы подать поводъ предположить у ея автора какіе-то особенные, ему одному извѣстные источники народной поэзіи; но подобное заключеніе едва-ли можно считать основательнымъ. Я полагаю, что перечисленныя выраженія, подобно вышеприведеннымъ эпитетамъ, восходятъ къ книжнымъ источникамъ нашего историка. Иначе говоря, термины эти задолго до Хоренскаго были употребительны въ армянской литературѣ, особливо переводной, въ качествѣ обычныхъ эквивалентовъ соотвѣтствующихъ греческихъ словъ, или въ смыслѣ сказанія и пѣсни вообще, безъ отношенія къ спеціально-армянскому, національному эпосу, будто заключавшему въ поэтическомъ изложеніи извѣстныя эпохи изъ армянской исторіи.

Переходя отъ этого общаго замѣчанія къ частностямъ, я считаю нужнымъ указать на то, что упоминаемый у Моисея, какъ техническій терминъ, *Հայոց երգք վիպասանաց*

[1]) *Eran. Alterth.* III p. 228.—Между прочими данными, подтверждающими, по мнѣнію Шпигеля, тождество Тиграна I съ Арташесомъ II, нѣмецкій ученый приводитъ и то, что у нихъ у обоихъ было по *три* сына. Почтенный иранистъ, очевидно, по недосмотру упустилъ изъ виду, что у Арташеса было сыновей какъ разъ вдвое больше приводимаго имъ числа, а именно—*шестеро*. (Ср. Хор. II, 53, 55, 62, 64).

[2]) См. выше, стр. 43 и слѣд.

и принимаемый учеными со словъ нашего же автора за опредѣленный циклъ историческихъ пѣсенъ армянскихъ рапсодовъ, находится, повидимому, въ зависимости отъ одного отрывка въ древне-армянскомъ переводѣ толкованія *Ефрема Сирина* на I кн. Царствъ (*l. c.* стр. 377, и арм. Акад. слов.): «*յարգեցին վնա (գԴաւիթ) կանայք ի գէջս վիպասանաց*», «*ի ձեռն վիպասան երգոց կանանց ժողովրդեանն յայտ եղև ինձ*» (*ասէ Սաւուղ*).—Для меня, по крайней мѣрѣ, ясно, что *վիպասան երգ* и *երգք վիպասանաց* Ефремова отрывка имѣютъ значеніе вообще какой-нб. поэтической пѣсни (ср. соотв. мѣсто I кн. *Цар.* XVIII, 6); между тѣмъ какъ Моисей спеціализируетъ послѣднее выраженіе, придавая ему смыслъ готовыхъ поэмъ армянскихъ рапсодовъ, компонированнаго армянскаго эпоса, воспѣвавшаго подвиги Хайка, Тиграна, Арташеса и др.

Далѣе, и происхожденіе замысловатаго выраженія «*երգք ցոյց և պարուց*», передаваемаго одними черезъ „плясовыя пѣсни во время *представленій*“ (Эминъ, нов. пер. Хоренск. стр. 12), другими — черезъ „canti delle *canzoni* e delle danze“ (Cappelletti p. 17) или „*ballades* et danses“ (Langlois, Col. II, p. 61),—нужно, б. м., искать въ любопытномъ фрагментѣ у Агаѳангела (стр. 143, также Акад. слов.): «*իբրև եկն եմուտ (Տրդատ ատ Հռիփսիմէ)... ատ Հաստարակ մարդիկն... էջս առեալ բարբառեցան կայմիւք վակելով ցոյց բարձեալ... համարէին հարսանեացն պէս պարել և վկաքաւան յորդորել*»

Сомнительно, чтобы и заманчивое, но трудно объясняемое слово *բամբիռն* было особенно древнимъ. Судя по Акад. словарю, ранѣе IX вѣка оно не встрѣчается въ армянской литературѣ, и, что важнѣе, во всѣхъ трехъ случаяхъ употребленія его въ „Исторіи Арменіи“ мы имѣемъ интересные варіанты—*ֆանդիռն*, *բանդիռն* и *ֆանբիռն*[1]), сближающіе его съ употребительнымъ древнимъ *փանդիռն* (ср. παυδούρα). Послѣднее приводится, между прочимъ, въ Хроникѣ Евсевія (*փանդռնահար*. I, pp. 135, 145) и у Фавста (V, 31). Въ виду этого, само собою напрашивается предположеніе, что или Хоренскій переиначилъ *փանդիռն*, желая тѣмъ избѣгнуть обычнаго выраженія и создать нѣчто новое,

[1]) См. *Ламброн. списокъ*, изд. Каренянца, стр. 23, 45, 51.

своеобразное, или это искаженіе надо отнести къ переписчикамъ, или же, наконецъ, нужно признать, что *բամբիռն* слово позднее, не восходящее ранѣе IX вѣка.

Не трудно доказать, что и ссылка на *Гохтенскихъ пѣвцовъ*, равно какъ и упоминаніе названія самой пѣсни—*т'веліацъ*, *Թուելեաց երգ*—еще не могутъ служить гарантіей достовѣрности того, что передается у нашего историка о Тиграпѣ и о потомкахъ Аждахака.

Начать съ того, что никто изъ арм. писателей, ни до, ни послѣ IX в., не знаетъ о какихъ-то спеціальныхъ пѣвцахъ въ „изобилующемъ виномъ *Гохтнѣ*", которые одни, будто, имѣли привилегію хранить пѣсни о древне армянскихъ царяхъ и герояхъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему именно въ Гохтнѣ, и только здѣсь, должны были храниться эти пѣсни?

Выше мы видѣли, что поселенія мидійскія простирались, по словамъ Хоренскаго, отъ подошвы Арарата вплоть до кантона *Гохтнъ*, населеннаго издревле, какъ надо полагать, армянскимъ элементомъ. Далѣе, историку нашему было извѣстно изъ Географіи Ан. Ширакаци, что кантонъ этотъ славился, по крайней мѣрѣ, въ VII в. по Р.Х., обиліемъ вина. Отсюда и заимствовалъ Моисей самый эпитетъ кантона—„изобилующій виномъ Гохтнъ"[1]). Затѣмъ уже, какъ я предполагаю, по ассоціаціи идей *вина* съ *весельемъ* и *пѣсней*,—идей, навѣянныхъ, быть можетъ, Іоанномъ Мандакуни, относимымъ къ V вѣку[2]), Гохтнъ явился у Хоренскаго излюбленнымъ мѣстомъ армянскихъ пѣвцовъ. А кому, какъ не Гохтнійцамъ, жившимъ возлѣ плѣнен-

---

[1]) „Գողթն գաւառէս." Арм. Геогр. VII в., изд. К. *Патканова*, стр. 19.

[2]) Ср., напр., 17-ое Слово *Іоанна Мандакуни* (Венеція, изд. II, 1860)—„О нечестивыхъ позорищахъ бѣсовскихъ" („Վասն անօրէն թատերաց դիւականաց"), гдѣ, между прочимъ, говорится: „пороченъ обычай, порочны и внушители его—*вино, пѣвцы* и дьяволъ". („Զի չար է սովորութիւնն, չար են և յորդորիչք նորա՝ գինի և գուսան և սատանայ": стр. 132) Также: „... гдѣ только есть шуты и *пѣвцы* (или пѣвицы), безстыдно выступающіе на посмѣяніе, тамъ и демоны съ ними за одно пускаются въ пляску и еще болѣе приводятъ въ изступленіе *пѣвцовъ*". („Զի ուր կատակք և գուսանք են խաղ և ծաղր լկտիք, անդ և դեւք ընդ նոսա ի պարս անցանեն ... եւ առաւել ի մոլեգնութիւն բորբոքեն զգուսանսն": стр. 134). Также: „...кто будетъ предаваться *пѣнству* и посѣщать бѣсовскія позорища шутовскихъ *пѣвцовъ*"... („Եւ որ այպիսի... գինեմոլ զեղխութեամբ կեցցէ եւ դիւական թատերօք և ծաղրածու գուսանօք..." *Ib.*)

ныхъ мидійцевъ, и подобало знать о дѣяніяхъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, слагать пѣсни объ нихъ и хранить ихъ съ любовію! Для той же цѣли—локализаціи армянскихъ пѣвцовъ—историкъ нашъ могъ пользоваться и указаніемъ Корьюна (*l. c.* стр. 7—8) о томъ, что среди жителей именно Гохтна дольше и упорнѣе другихъ армянскихъ областей держалось язычество. Къ Гохтну же могъ отнести Хоренскій и жалобу Фавста на страстную любовь армянъ его времени къ языческимъ пѣснямъ и сказаніямъ [1]).

Такимъ путемъ, по мнѣнію моему, возникла въ литературѣ легенда о привилегированныхъ Гохтенскихъ пѣвцахъ.

Не болѣе заслуживаетъ вѣры и самое названіе *пъсни* этихъ пѣвцовъ. Принятое за архаическое слово „*Թուխեաց երգք*“ передавалось одними черезъ „пѣсни хронологическія“ [2]), другими черезъ „пѣсни метрическія“ [3]) или „риѳмованныя“ [4]). Въ дѣйствительности же „*Թուխեաց*“ образовано, какъ мнѣ кажется, самимъ Хоренскимъ изъ глагола *Թուխլ*– считаться, *казаться*, въ причастной формѣ множ. ч. *Թուխլիք* – *кажущіяся*, объясняемое самимъ историкомъ въ смыслѣ иносказанія или, что тоже, *аллегоріи*.—По увѣренію нашего автора, „Тигранъ назначаетъ царицѣ Ануйшъ (первой женѣ Аждахака) служителей изъ тѣхъ же Маровъ, которыхъ поселилъ онъ у подошвы горы (Масисъ). Истину этихъ (словъ) подтверждаютъ также *аллегорическія* [5]) Пѣсни, которыя, какъ слышу, охотно сохраняютъ

---

[1]) *Фавстъ*, III, 13. „...եւ զերգեսեալ մաշէին յանուղղայ կրճումիւն ընդ չքնոյի մտացն ի հնումիւն հեմանոսութեանց սովորութեանց, բարբարոս խուժադուժ փոս ունելով։ Եւ զիւրեանց երգս ասացիկաց վիպասանութեանն սկրեցեալք ի փոյթ կրճումեանցն, և նմին հաւատացեալք, և ի նոյն հանապազորդեալք...“.

[2]) *Эминъ*, վէպք (1850), стр. 19; М. Хор. и др. эпосъ арм. (1881), с. 34.

[3]) *Dulaurier*, Journ. Asiatique, 1852, vol. XIX, p. 27.

[4]) *Tommaseo*, итальян. пер. Хоренскаго, изданіе II, 1850, стр. 82, примѣч.— *Н. Я. Марръ* („Изъ лѣтней поѣздки въ Арменію“ въ 1890 г., стр. 5—6, изъ „Зап. Вост. От. Имп. Русск. Арх. Об“. Т. V, стр. 211—241) объясняетъ слово „*Թուխլ*“ и произшедшее отъ него „*Թուխլեաց*“ изъ „*Թուխլիք*“, какъ „одинъ изъ способовъ складывать или произносить стихи“, нѣчто вродѣ декламаціи.

[5]) Нижеслѣдующіе два отрывка привожу я по переводу Эмина, съ измѣненіемъ въ одномъ случаѣ слова „хронологическія“ въ аллегорическія и въ другомъ—„какъ говоритъ Басня“—говоря аллегорически; кромѣ того, я привожу здѣсь пропущенное имъ въ переводѣ слово *будто*.

жители Гохтенской области, изобилующей виномъ. Въ нихъ-то нанизаны слова пѣсней объ Арташесѣ и его сыновьяхъ, и иносказательно (sic!) упоминается о потомкахъ Аждахака, называемыхъ *вишапазунк'* (драконидами), такъ какъ *аждахакъ* на нашемъ языкѣ значитъ „вишапъ“ (драконъ) [1]).—„Дѣянія послѣдняго Арташеса, замѣчаетъ нашъ историкъ въ другомъ мѣстѣ, большею частію извѣстны тебѣ изъ (пѣсней) випасан'овъ [пѣвцовъ, рапсодовъ], которыя поются въ Гохтнѣ: построеніе города, свойство (Арташеса) съ Аланами, рожденіе его потомковъ, страстная [будто] любовь (царицы) Сатиникъ къ Драконидамъ, говоря аллегорически [2]) (sic!), къ потомкамъ Аждахака... Впрочемъ, и мы упомянемъ объ этомъ вкратцѣ и подтвердимъ аллегорическій ихъ смыслъ“ [3]).

Выходитъ такимъ образомъ, что пѣсни Гохтенскихъ пѣвцовъ были, судя по Моисею, *аллегорическія* [4]), ибо „въ нихъ *аллегорически* упоминалось объ Аждахакѣ и его потомкахъ, называемыхъ Драконидами, такъ какъ Аждахакъ на нашемъ языкѣ значитъ драконъ“.

„*Аллегорически*“ же, якобы, передавалось пѣвцами Гохтенскими: о любви царицы Сатиникъ къ Аждахакиду Аргаму (I, 30, II, 51), о враждѣ женщинъ изъ рода Аждахака къ царевичу Артавазду (II, 61). Даже похищеніе Арташесомъ аланской царевны, воспѣтое пѣв-

---

[1]) „...Իսկ պաշտօնեայս սայ (Տիգրան) Անուշայ (առաջին կնոջն Աշտահակայ) ի նոյն Արտաց, որ առ ոտամբ լերինն (Արասեաց) քնակեցան:—„Յայնմէն զայս ճշմարտապէս եւ Թ ո ւ ե լ ա ց ն երգք, զոր պահեցին ախորժելով, որպէս լսեմ, մարդիկ կողմանն գինաւէտ գաւառին Գողթան. յորս շարին քանք երգոցն զԱրտաշիսէ եւ զորդւոց նորա, յիշելով այլաբանաբար եւ զարմից Աշտահակայ՝ վիշապազունս գնոսա կոչելով...“: (*Хор.* I, 30).

[2]) Или, какъ удачно переведъ выраженіе „*առասպելաբար*“ покойный К. П. Паткановъ—„въ переносномъ смыслѣ“ (см. *Ванск. надписи*, стр. 78).

[3]) „Արտաշիսի վերջնոյ գործք բազում ինչ յայնի են քեզ ի վիպասանացն, որ պատմին ի Գողթան. չինել զքաղաքն եւ խնամութիւն ընդ Ալանս եւ Ծնունդք զարմից եւ էք (*sic!*) արփանք Սահինկան ընդ վիշապազունն՝ առասպելաբար, այսինքն ընդ զարմս Աշտահակայ...քայց յիշատակեցուք եւ մեք կարճառօտիւք եւ զայլաբանութիւնն ճշմարտեսցուք“: (*Ib.* II, 49).

[4]) Первый итальянскій переводчикъ „Исторіи Арменіи“ (Венеція, 1841, стр. 64), передавая „*Թուելաց երգք*“ черезъ „*immaginosi* canti“, вѣроятно, понималъ подъ ними фантастическія пѣсни, пѣсни воображаемыя, что также приближается къ моему толкованію.

цами (II, 50), оказывается *аллегоріей:* т. какъ брошенный Арташесомъ на царевну „арканъ съ золотымъ кольцомъ", по объясненію Хоренскаго, есть ни что иное, какъ *аллегорическое* выраженіе „краснаго сафьяна и золота", уплоченныхъ въ большомъ количествѣ армянскимъ царемъ аланскому, въ качествѣ выкупа за его дочь, Сатиникъ. (II, 50)

Приведенные всѣ сюжеты какъ разъ подходятъ подъ аллегорическія пѣсни—„Ծուխ լաւդ երգք".

И такъ, *аллегорію* нужно понимать въ томъ смыслѣ, что подъ драконом въ пѣсняхъ пѣвцовъ подразумѣвался мидійскій царь, Аждахакъ, а подъ Драконидами—потомки Аждахака или Аждахакиды. Другими словами: когда пѣвцы пѣли о драконѣ, *казалось* (Ծուէր), что они воспѣваютъ Аждахака; когда они передавали о заселеніи драконами горы Масиса, (какъ это сказано у Езника,) нужно было представить себѣ, что рѣчь идетъ о Драконидахъ или, что тоже, объ Аждахакидахъ, жившихъ у подошвы Масиса. Вездѣ и во всемъ аллегорія!

Отсюда, я думаю, ясно, что собственно объ Аждахакѣ и Аждахакидахъ въ т. наз. армянскомъ эпосѣ ничего не упоминалось.[1]) Аллегорія, такимъ образомъ, не на сторонѣ пѣвцовъ, но самого Хоренскаго, который потому только, что Аждахакъ поармянски значитъ „драконъ", приписалъ этому царю и его потомкамъ все то, что воспѣвалось пѣвцами о *драконахъ*.

А мы знаемъ, что именно воспѣвалось, вѣрнѣе говоря, разсказывалось у армянъ о драконахъ. Еще Езникъ (V в.) въ трактатѣ своемъ „Объ ересяхъ язычниковъ", говоря о народныхъ суевѣріяхъ въ своемъ отечествѣ, приводитъ въ сжатой формѣ, между прочимъ, любопытныя сказанія о чудесныхъ драконахъ, которымъ приписывались человѣческія свойства. Такъ, они ходили, подобно людямъ, на охоту, увозили на вьючныхъ животныхъ хлѣбъ съ гумна; у нихъ были свои дворцы, въ которыхъ они дер-

---

[1]) Ср. также *Spiegel*, *l. c.*, III, с. 227 и слѣд.

жали въ заточеніи царевичей и героевъ [1]), словомъ сказать — все то, что и понынѣ передается въ народныхъ армянскихъ сказкахъ о драконахъ и дэвахъ[2]). Да и не въ однѣхъ армянскихъ сказкахъ.

Хоренскій, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ съ Езниковымъ разсказомъ, и самъ зналъ эти сказки; и вотъ тутъ то и есть отгадка упоминаемой нашимъ историкомъ таинственной *аллегоріи*, въ силу которой онъ совершенно произвольно перенесъ на мидійскаго царя, Аждахака, и его потомковъ *сказочные мотивы о драконахъ*, выдавая эти мотивы за пѣсни Гохтенскихъ пѣвцовъ!

Во всякомъ случаѣ, если уже дракона (чудовищнаго змія) считать за аллегорію, то въ немъ никакъ нельзя видѣть мидійскаго царя, Астіага (Аждахака), который къ тому же и не могъ быть извѣстенъ армянскимъ пѣвцамъ, а скорѣе библейскаго сатану, обыкновенно олицетворяемаго христіанскими писателями въ змѣ-драконѣ. Указаніе на это есть уже въ Апокалипсисѣ (xii, 13). Изъ армянскихъ авторовъ раньше другихъ упоминаетъ о томъ же Езникъ [3]).

Въ заключеніе обзора исторіи Тиграна не можемъ не замѣтить еще разъ, что она представляетъ механическую мозаику, въ которой произвольно соединены куски отъ разныхъ рисунковъ. Наслоенія на образъ историческаго Тиграна есть, такимъ образомъ, продуктъ искусственной поэтизаціи, и участіе народнаго творчества совершенно не замѣчается въ нихъ. — Ниже, въ разборѣ исторіи Арташеса, царицы Сатиникъ и Артавазда, мы найдемъ новыя подтвержденія высказаннымъ въ этой главѣ догадкамъ.

---

[1]) „...Եւ ոչ վէպ զտաճկական արդեանց կրեն, և ոչ գրաստ զոյ նոցա՝ եթէ զարդիւնս ի կալոց ուրէք կրեցին... Եւ ոչ որս երբէք՝ որպէս մարդկան՝ արարեալ են վէպս, կամ առնելցին, և ոչ պատառ իրրև մարդկան են նոցա ի բնակութիւն, և ոչ զոր ի ծոփս-արպէնոյ և ի դիւցազանց ուրէք կապեալ առ իւրեանս կենդանի“: (*Езникъ*, Венеція, 1826, стр. 103—104).

[2]) См. мой „Общій очеркъ народн. арм. сказокъ“, Москва, 1885, и нѣмецкій его переводъ въ „Armenische Bibliothek“, B. IV, Leipzig, 1887.

[3]) Относящуюся сюда цитату изъ Езника см. во II части этого изслѣдованія, гл. VII, стр 50.

ГЛАВА VIII.

О Вахагнѣ, сынѣ Тиграна I.

Разсмотримъ сначала подлинныя слова Хоренскаго о Вахагнѣ.

Хор. I, 31. „...Сыновья Тиграна — Бабъ, Тиранъ, Вахагнъ; объ этомъ послѣднемъ легенда гласитъ:

„Въ мукахъ рожденія находились Небо и Земля,
„Въ мукахъ рожденія лежало и пурпуровое Море,
„Море разрѣшилось
„Красненькимъ Тростникомъ:
„Изъ горлышка Тростника *выходилъ дымъ*.
„Изъ горлышка Тростника *выходило пламя*,
„Изъ пламени выходилъ *юноша* (вар. *бѣлокурый юноша*)—
„У него были огонь-*волосы*,
„У него была *борода* - полымя,
„И глаза—(словно два) солнышка.

„Мы собственными ушами слышали, какъ пѣли эту пѣснь, сопровождая ее бамбирномъ. Затѣмъ въ пѣснѣ воспѣвали борьбу *Вахагна съ драконами* и побѣду надъ ними. Все воспѣваемое о немъ имѣло большое сходство съ подвигами *Геракла*. Воспѣвали также его *апоѳеозу*; и тамъ, въ странѣ Иверовъ, была ему воздвигнута статуя въ ростъ его, которую чествовали жертвами. — *Вахнуник*'ъ суть потомки Вахагна...“

Едва ли нужно распространяться о томъ, что въ указанное Хоренскимъ время не было въ Арменіи такого царя, по имени „Вахагнъ“, и что лице это, несомнѣнно, миѳическое [1]). Авторъ нашъ зналъ, конечно, изъ Агаѳангела, что *Вахагнъ* считался однимъ изъ божествъ армянскаго пантеона, а именно богомъ войны [2]), соотвѣтствующимъ Гераклу; это видно изъ армянскаго перевода Библіи и нѣкоторыхъ другихъ сочиненій [3]). *Вахагнъ* былъ извѣстенъ Моисею и изъ вышеупомянутаго астрономическаго трактата Ананіи Ширакаци, по словамъ котораго армяне его времени приписывали *Вахагну* происхожденіе „Млечнаго Пути“ [4]). Здѣсь *Вахагнъ*, какъ будто, сближается съ солярнымъ божествомъ. Съ *солнцемъ* же мы находимъ отождествленіе *Вахагна* у армянскаго переводчика Филона [5]),—что также не могло быть неизвѣстно Хоренскому. Этихъ миѳическихъ Вахагновъ авторъ нашъ историзировалъ, соединивъ ихъ въ лицѣ выдуманнаго имъ сына знаменитаго Тиграна Хайкида.

Не обладая, однако, достаточнымъ матеріаломъ для исторіи фиктивнаго армянскаго царя, но желая представить его въ подобающемъ богу-герою блескѣ и величіи, историкъ армянскій приводитъ какую то пѣснь, описывающую, надо полагать, чудесное рожденіе Вахагна. Правда, фрагментъ этотъ, хотя и не весь, быть можетъ, единственно сохранившійся образецъ поздней пѣсни въ

---

[1]) Ср., напр., *Виндишмана*, Die Persische Anahita, München, 1856, p. 22; *Юсти*, Handbuch der Zendsprache, Leipzig, 1864, p, 285: *Лагард*, Gesammelte Abhandlungen, Leipzig, 1866, pp. 9, 21, 275 и др.; *К. Патканов*, Объ армянск. мѣсяц., Спб., 1871, стр. 6—8; *Эминъ*, Вахагнъ Вишапакахъ' etc., Спб., 1873.

[2]) „...քաջութիւն հասցէ ձեզ ի քաջն վահագնէ սմինդ հայոց աշխարհիս“. (стр. 106).

[3]) Ср., напр., II кн.. *Макк.* VI, 19; также *Фавстъ*, III, 14.

[4]) См. объ этомъ выше, въ главѣ IV, стр. 132.— Изъ вышедшаго на дняхъ послѣдняго труда неутомимаго *о. Алишана* „Древнія вѣрованія армянъ“ (Венеція, 1895, стр. 293) я узнаю, что въ цитированномъ мною выше (на стр. 132, а также стр. 28 II ч. этого изслѣдованія) отрывкѣ изъ изданія К. Патканова (стр. 48)—должно стоять чтеніе „Բարշամ Աորեւտանեայց“ вмѣсто „Բաղամ Աորոց“, которое встрѣчается лишь въ одной рукописи даннаго сочиненія Ширакаци.

[5]) См. древне-арм. переводъ его „Слова о десяти заповѣдяхъ“, Венеція, 1892, стр. 237: „...քանզի կոչէն ոմանք... զՀուր Հեփեստոսն և արեգակն զվահագն“:

трудѣ Моисея, изображавшей въ метафорическихъ выраженіяхъ, вѣроятно, восходъ солнца; но изъ этого нельзя еще дѣлать заключенія о существованіи въ древней Арменіи пространной эпопеи о Вахагнѣ. Я полагаю, что „пѣснь“ эта, въ лучшемъ случаѣ, могла быть отдѣльнымъ лирическимъ стихотвореніемъ, безъ отношенія, однако, къ Вахагну, и никакъ не отрывкомъ какого-то эпоса, какъ думаетъ увѣрить насъ Моисей. Но какую могутъ имѣть цѣну подобныя увѣренія? Неужели можно вѣрить тому, что авторъ нашъ имѣлъ подъ рукою цѣлую эпопею о Вахагнѣ и привелъ изъ нея лишь крошечный обрывокъ. Могъ ли писатель, который хватается за всякій удобный случай, за подходящія къ его видамъ выраженія, даже за отдѣльныя слова и глоссы, который ссылается на краткія изрѣченія и поговорки, который цѣпляется за малѣйшіе намеки и недомолвки своихъ источниковъ, чтобы далѣе развить ихъ и почти изъ ничего создать новые мотивы и эпизоды—съ единственною цѣлію возможно блестяще и славнѣе воспроизвести древнѣйшую исторію своего отечества, — могъ ли, говорю я, такой писатель имѣть въ своемъ распоряженіи обширный народный эпосъ, грандіозную поэму о Вахагнѣ и не пользоваться ею по возможности полнѣе? Очевидно, нѣтъ.

Посмотримъ, однако, что новаго сообщаетъ намъ Хоренскій изъ пресловутыхъ пѣсенъ о Вахагнѣ, чего не было бы намъ извѣстно изъ другихъ, болѣе древнихъ и достовѣрныхъ источниковъ.

„Въ пѣснѣ, замѣчаетъ нашъ историкъ, воспѣвали борьбу *Вахагна съ драконами* и побѣду надъ ними“. Но это ничего болѣе, какъ толкованіе эпитета *Վիշապքաղ* — *„убійца драконовъ“*, даннаго богу Вахагну у Агаѳангела (стр. 606).

Далѣе, говоря, что „все воспѣваемое армянскими пѣвцами о *Вахагнѣ* имѣло большое сходство съ подвигами *Геракла*“, Хоренскій имѣлъ, конечно, въ виду неоднократныя, какъ я выше замѣтилъ, указанія армянскихъ

переводовъ на отождествленіе греческаго Геракла съ армянскимъ Вахагномъ. Кромѣ того, что сказанія о Вахагнѣ, авестійскомъ Веретрагнѣ [1]), и его подвигахъ должны были, по міровоззрѣнію древнѣйшихъ армянъ, имѣть своеобразный, несомнѣнно, иранскій колоритъ, а слѣдовательно значительно расходиться съ греческими миѳами о Гераклѣ; но и изъ самаго факта внѣшняго, такъ сказать, литературнаго сближенія обоихъ этихъ божествъ армянскій историкъ дѣлаетъ совершенно произвольное умозаключеніе, напоминающее его отношенія къ аллегоріямъ Аждахака. Гераклу, разсуждаетъ Моисей, приписывали замѣчательные подвиги; Гераклъ, судя по армянскимъ переводамъ, соотвѣтствуетъ Вахагну; слѣд., и у Вахагна должны были быть подобные же подвиги. Мало того, встрѣчая, напр., въ армянскомъ переводѣ Хроники Евсевія упоминаніе о *Гераклѣ*, который изъ Испаніи прибылъ въ Лаціумъ и поставилъ свой жертвенникъ на форумѣ Боарія [2]), — Хоренскій изъ сближенія древняго названія Пиринейскаго полуострова—*Иберіи* съ *Иверіей* (Грузіей) сдѣлалъ, повидимому, заключеніе о существованіи какого-то *Иверійскаго Геракла*. На то же сближеніе могли навести нашего историка и другія кое-какія указанія у того же Евсевія. [3])

И утвержденіе нашего историка о томъ, что отъ *Вахагна* произошелъ жреческій родъ *Вахунник'ъ* (вѣдь были же Гераклиды отъ Геракла!), есть, по моему мнѣнію, результатъ простаго сближенія названій божества

---

[1]) См. у *Виндишмана*, Die Persische Anahita etc. стр. 22; *Лагарда*, Armen. Stud., p. 141 и у др. Впрочемъ, сопоставленіе первой строки „пѣсни“ (о Небѣ и Землѣ) у *Феттера* (Die nation. Gesänge etc., p. 65) съ мотивами Риг-Веды кажется мнѣ мало основательнымъ.

[2]) „...Եւ յետ նորա (Պիկոլ) յիշատակեցաց Փաւնոս, որդի Պիկոլ՝ ամս Խ. Եւ որով հէրաւիղս երիվեալ ի Սպանիա (sic!) աչխարհէ՝ բազկն կանգնեցաց ի հրապարակի Բոյարիայ (въ лат. пер. *Aviera* „in foro Boario“). վասն զի գՁար („Cacus“) որդին Եփեստեայ նպաստ“ (*Chron.* I, p. 182).

[3]) „...Արդ նաւուց նաւամարտիկ տորիքն նաւացն նաւարկեաց ի փասին գետ եւ առ Ալինաւ կողբիաց, և հ ե ր ա կ լ է ս մոլորեր ի նաւէն վասն ցանկութեան և առ անձուկ հիւանդ. և որպէս առեն 'ի Գ ա մ բ ս (περὶ τοὺς Καπαδόκας) կոյս ուրեմն վրիպեաց չորաս“ (*Ib.* I, p. 45—46)—„հ ե ր ա կ լ է ս ի փիւնիկէ ճանապէր, Աբանդաս յորջորջեալ որ և ցայժմ իսկ ի Գ ա մ բ ա ց և ի հնոյացոց անուանի“ II, p. 58.

и княжескаго рода, на основаніи народной этимологіи. Дѣйствительно, въ промежуткѣ отъ V — VII вѣка упоминается у армянскихъ писателей о довольно могущественномъ княжескомъ родѣ *Вахевуникъ; но были ли прежде* эти князья жреческаго происхожденія и происходили ли вообще отъ Вахагна, весьма сомнительно. И у историковъ не находимъ по этому поводу никакихъ указаній.

Но народная этимологія, имѣвшая столь обширное примѣненіе въ изложеніи Моисея, не ограничивается въ исторіи Вахагна одними только приведенными сближеніями. Самое названіе послѣдняго Хайкидскаго царя, *Вахе*, погибшаго, по словамъ Хоренскаго, отъ Александра Македонскаго, имѣетъ близкое отношеніе къ имени армянскаго божества: оно составлено, какъ мнѣ кажется, изъ первой части названія храма Вахагна — *Вахе-вахіанъ*, приводимаго у Агаѳангела (стр. 606).

Не лишне замѣтить, что для такого важнаго момента въ исторіи армянъ, какъ борьба ихъ, въ лицѣ Вахе, съ Великимъ Македонянином, съ именемъ котораго связано такъ много сказаній на Востокѣ, Хоренскій довольствуется двумя строчками! Чѣмъ это объяснить, какъ не отсутствіемъ вообще какихъ бы то ни было мѣстныхъ, армянскихъ источниковъ по древней исторіи, либо по эпосу армянъ.

Возвращаясь къ „пѣснѣ“ о рожденіи Вахагна, я долженъ замѣтить, что въ эпоху Хоренскаго, быть можетъ, и существовало въ народѣ какое-нб. лирическое стихотвореніе, заключавшее въ себѣ описаніе восхода солнца; но въ томъ видѣ, въ какомъ представлена она у нашего историка, (за исключеніемъ, быть можетъ, четырехъ начальныхъ стиховъ), она возбуждаетъ недовѣріе къ себѣ. Я склоненъ видѣть въ ней искусственно подобранные мотивы, пригнанные, не всегда, впрочемъ, удачно, подъ внѣшнюю форму поздней пѣсни; заимствованы же они, какъ и въ другихъ случаяхъ, изъ источниковъ письменныхъ. Можетъ быть, видоизмѣненіе и вообще переработка новой для времени Хоренскаго пѣсни на старый ладъ даже требовалось по разсчетамъ самого исто-

рика, чтобы тѣмъ съ большею убѣдительностію увѣрить своихъ современниковъ въ ея древности, а слѣдовательно и въ ея достовѣрности.

Обратимся къ книжнымъ источникамъ „пѣсни“.

Прежде всего, въ основу ея положено упомянутое у Филона отождествленіе *солнца* съ *Вахагномъ*. Затѣмъ, по ассоціаціи солнца съ Вахагномъ Хоренскій обратился къ изображенію солнца же, приведенному въ томъ же астрономическомъ трактатѣ у Ананіи Ширакаци, въ любопытномъ описаніи его сна. „Однажды, говоритъ ученый математикъ во II главѣ означеннаго сочиненія, когда я былъ на утренней молитвѣ въ часовнѣ св. Евгенія и мысли мои были заняты этимъ вопросомъ („кому свѣтитъ солнце послѣ того, какъ скрывается отъ насъ“?), меня одолѣлъ сонъ. И видѣлъ я (во снѣ), какъ будто *солнце* въ моментъ восхода стало спускаться къ землѣ. Я пошелъ къ нему на встрѣчу и обнялъ его: то былъ *юноша* безъ *бороды*, златокудрый; губы у него точно залиты были золотомъ; онъ имѣлъ на себѣ блестящія, бѣлыя одѣянія, а изъ *устъ* его *выходилъ* сильный свѣтъ“. [1])

Это описаніе восхода солнца наводитъ Хоренскаго на мысль представить рожденіе Вахагна: вѣдь солнце и Вахагнъ идентичны. Но при возникновеніи въ нашемъ историкѣ такой мысли, онъ встрѣчаетъ тутъ же у Ширакаци, въ томъ же трактатѣ и на той же страницѣ, ссылку армянскаго астронома на книгу Іова касательно того же вопроса о солнцѣ. Авторъ библейской книги, въ грозномъ и величавомъ изображеніи ветхозавѣтнаго сатаны (кн. *Іов.*, XLI), въ свою очередь снабжаетъ Хоренскаго новыми матеріалами, употребленными этимъ послѣднимъ для полноты картины описанія восхода солнца, не безъ намѣренныхъ, однако, отступленій отъ своего источника, чтобы заимствованіе не бросалось въ глаза.

---

[1]) Сочиненія Ананіи Ширакаци, изд. К. П. Патканова, Спб., 1877, стр. 39—40. Армянскій текстъ этого отрывка, вмѣстѣ съ упоминаемыми здѣсь другими источниками Хоренскаго, приведенъ во II ч. нашего изслѣдованія, стр. 51.

Такимъ образомъ, „*юноша* безъ *бороды*, златокудрый“ въ астрономическомъ трактатѣ превратился у Хоренскаго въ „*юношу*“ же, у котораго „были огонь-волосы но и *борода*-полымя“.

Выраженіе кн. Іова (XLI, 8—13):

„Изъ пасти его *выходятъ* пламенники...,
„*Изъ* ноздрей его *выходитъ дымъ*...
„Изъ пасти его *выходитъ пламя*“...

передѣланы армянскимъ историкомъ такъ:

„*Изъ* горлышка тростника *выходилъ дымъ*,
„*Изъ* горлышка тростника *выходило пламя*“.

Слѣдующій стихъ нашей пѣсни:

„Изъ пламени выходилъ *юноша* (вар. *бѣлокурый юноша*),—

кажется мнѣ составленнымъ не безъ вліянія опять таки Библіи, а именно—выраженій, относящихся къ описанію юноши Давида въ I кн. Царствъ (XVII, 12):

„*Юноша бѣлокурый* съ красивыми глазами“.

Понятіе о рожденіи юноши-солнца должно было быть представлено началомъ или вступленіемъ пѣсни,—

„Въ мукахъ рожденія находились Небо и Земля,
„Въ мукахъ рожденія лежало и пурпуровое Море,
„Море разрѣшилось
„Красненькимъ Тростникомъ...

—въ которомъ, быть можетъ, и нужно видѣть единственно сохранившійся, какъ я сказалъ, образецъ современной Хоренскому народной пѣсни. За подлинность четырехъ первыхъ стиховъ говорятъ замѣчаемые въ нихъ правильный ритмическій тактъ и 7-исложный размѣръ, которые въ остальныхъ стихахъ той же пѣсни совершенно нарушаются, и мы имѣемъ строки, состоящія то изъ 6-и, то изъ 8-и и 9 и, а то и изъ 10-и и 12-и слоговъ [1]).

Заключительная строка пѣсни:

„И глаза—(словно два) солнышка“—

[1]) Излюбленный размѣръ пѣсни въ эпоху Моисея Хоренскаго, т. е., въ VIII—IX вѣкѣ, если только можно составить объ этомъ понятіе по духовнымъ стихамъ *Григорія Нарекскаго*, писателя X в., былъ, повидимому, 7-и и 8-исложный. Изъ

также передѣланы Хоренскимъ изъ вышеупомянутаго описанія въ кн. *Іова:*

„Отъ его чиханья показывается свѣтъ,
„*Глаза* у него, какъ рѣсницы зари".

Но мнѣ кажется, что вслѣдствіе такого заключенія пѣсни какъ будто нарушается самая идея о восходѣ солнца: оказывается, что чудесный юноша, который есть олицетвореніе солнца, само солнце, имѣетъ еще *глаза* —словно *два* солнышка!

Эта несообразность, по моему мнѣнію, также указываетъ на искусственность интересующей насъ пѣсни или, по крайней мѣрѣ, на ея литературную переработку со стороны армянскаго историка.

Что такъ назыв. „пѣснь о рожденіи Вахагна" составлена на основаніи матеріаловъ, имѣющихъ тѣсную связь съ духовно-книжной литературой и главнымъ образомъ съ Библіей, видно и изъ Апокалипсиса, въ которомъ также повторяются приведенныя выше библейскія выраженія и мотивы. Такъ:

„Изо рта ихъ (коней) *выходилъ огонь и дымъ*..." (IX, 17);
„*Очи* у него (у Сына Божія), какъ *пламень огненный*..." (XIX, 12);
„Лице его (ангела), какъ *солнце*" (X, 1).

Даже самая идея родовъ могла быть навѣяна Хоренскому Апокалипсисомъ (XII, 1—6),— источникомъ, изъ котораго, какъ мы видѣли, достаточно черпалъ нашъ авторъ для исторіи отца Вахагна, Тиграна, а именно для фантастическаго сна Аждахака.

стихотвореній этого поэта, по крайней мѣрѣ, тѣ немногія, которыя имѣютъ народный колоритъ, написаны именно этими размѣрами. Ср. въ особенности на стр. 473—474 Полн. собр. сочиненій *Нарекскаго* (Венеція, 1840), а также стр. 464, 475, 482.— Образецъ 7-исложнаго стиха сохранился и у *Григорія Магистроса* (род. въ X в.), который этотъ видъ стихотворенія считаетъ наиболѣе простымъ и понятнымъ. См. русск. пер. „Всеобщ. Ист. Вардана В." *Н. Эмина*, М. 1861, Прилож. III., стр. 205—206.

ГЛАВА IX.

Объ Ерванд Аршакид.

Покончивъ съ первой книгой Хоренскаго, мы перейдемъ къ той части его Исторіи, которая, по увѣренію самого историка, цѣликомъ составлена на основаніи *народнаго эпоса* и которая, несмотря на семисотлѣтній періодъ, отдѣляющій ее отъ времени Кирова современника, Тиграна, является, будто, естественнымъ продолженіемъ событій изъ эпохи этого послѣдняго. Это—царствованія узурпатора Ерванда II и законнаго наслѣдника Аршакидскаго престола въ Арменіи, Арташеса II. Послѣдній подъ перомъ нашего автора является любимымъ народнымъ героемъ, а время его правленія—вѣкомъ высшаго процвѣтанія и благоденствія армянской страны.

Исторію этой эпохи, обнимающую главы отъ 37—67 второй книги, Хоренскій черпалъ, по его словамъ, изъ „Храмовой исторіи жреца Анійскаго храма, Улюпа“, изъ народнаго „Армянскаго эпоса“ и изъ „Персидскихъ книгъ“.

Что касается промежуточной „Исторіи Арменіи“, именно отъ 1-й до 36-й главы второй книги Моисея, а равно и эпохи послѣ Арташеса и его сыновей, т. е. отъ 67-й до 92-й главы книги второй и всей третьей книги,—то онѣ, какъ неимѣющія прямаго отношенія къ эпосу, составляютъ предметъ особаго изслѣдованія и потому въ настоящее сочиненіе не войдутъ.

Разсмотримъ сначала тѣ главы изъ Исторіи Хоренскаго, которыя относятся къ царствованію Ерванда.

Хор. II, 37. „По смерти Санатрука возникаютъ смуты въ (цѣломъ) государствѣ. Ерандъ, сынъ женщины изъ рода Аршакуни, вступаетъ на престолъ на восьмомъ году царствованія послѣдняго Дареха. Въ сказаніяхъ находимъ о немъ слѣдующее: „какая-то *женщина*, Аршакуни по происхожденію, *огромнаго роста*, съ крупными чертами лица, женщина *сладострастная*, которой никто не рѣшался взять въ жены, *прижила* вслѣдствіе противоестественнаго *сочетанія* двухъ дѣтей какъ *Пазифае—Минотавра*". Когда дѣти подросли, одного назвали *Ерандомъ*, другаго—*Ерузомъ*. По достиженіи совершеннолѣтія Ерандъ является (человѣкомъ) неустрашимымъ съ сильно-крупными членами..."

[III, 55. „... на веселомъ пиру Хосровъ Гардманскій, упоенный виномъ... присталъ, *какъ разгоряченный любовникъ*, къ женщинѣ, искусно игравшей на киѳарѣ..."]

Хор. II, 39. „*Во дни* Ерванда царскій дворъ переносится *съ холма*, называемаго Армавиромъ, *ибо рѣка Ерасхъ* удалилась и въ продолжительную *зиму суровое* дыханіе сѣвернаго вѣтра *сковывало льдомъ* ея воды такъ, что не было возможности имѣть достаточно воды для *мѣстопребыванія* царя..."

[III, 8. „...Онъ (Хосровъ II) переноситъ свой дворъ на высокое мѣсто, (возвышающееся) надъ лѣсомъ; строитъ тамъ тѣнистыя *палаты*—(мѣсто), *называющееся* по парсійски *Двинъ*, что значитъ *холмъ*. *Ибо* въ то время Арей сопутствовалъ солнцу и дули знойные, зараженные, зловонные *вѣтры*..."]

Хор. II, 41. „Ерандъ *насадилъ* также большую *рощу на сѣверной сторонѣ рѣки*, обвелъ ее *стѣнами*, впустилъ туда быстрыхъ оленей, ланей, онагровъ и *вепрей*, которые, *размножившись*, *наполнили* рощу для *царской забавы* во время *охоты*. Онъ назвалъ ее Рощею Рожденія.

Хор. II, 42. Мнѣ пріятно разсказать и о прекрасной виллѣ, Ерандакертѣ, которую тотъ же Ерандъ укра-

силъ *изящными и безподобными постройками*. Онъ наполнилъ средину большой долины людьми и веселыми (на видъ) *зданіями*, свѣтлыми, какъ зеница ока. (*Жилища*) же *людей обвелъ* онъ *цвѣтниками*, цвѣтами благоухающими, какъ окружаетъ зеницу весь *кругъ глаза*. *Множество виноградниковъ* представляютъ какъ бы кругъ густыхъ, прекрасныхъ рѣсницъ. Круговидное *положеніе* сѣверной части (виллы), дѣйствительно, походитъ *на брови прелестной дѣвы*. На югѣ ровность полей напоминаетъ гладкость *прекрасныхъ* ланитъ, а *рѣка* съ высокими берегами изображаетъ (какъ бы) двѣ губы. И эта *великолѣпная мѣстность* глядитъ, подумаешь, неподвижно-прямо на *высокое* обиталище царя. Вилла плодородная и по истинѣ царская! Всѣ эти постройки Еруанда Трдатъ Великій жалуетъ людямъ изъ рода *Камсаракановъ*, какъ близкимъ своимъ и единокровнымъ съ родомъ Аршакидовъ...“

Хор. II, 46. „Смбатъ съ юнымъ Арташесомъ идетъ на берегъ Гех'амскаго моря, *за гору*, называемую *Арагатц'омъ*: они спѣшили *прибыть въ лагерь* Еруанда. Не обращая вниманія на множество его войска, опасались они единственно Мурацан'а Аргама, мужа храбраго, повелителя многочисленныхъ копьеносцевъ. Лагерь Еруанда былъ расположенъ на разстояніи болѣе чѣмъ на триста стадій отъ его города на сѣверъ, *на рѣкѣ* Ахуріанѣ. Еруандъ, узнавъ объ этомъ, выдвинулъ многочисленное свое войско и выстроилъ его недалеко отъ своего стана... И когда знамена Арташеса начали развѣваться передъ челомъ войска Еруанда, Аргамъ съ многочисленной своей *пѣхотой* перешелъ на сторону (Арташеса). Смбатъ *приказалъ трубить* въ мѣдныя *трубы* и, выдвинувъ свой отрядъ, налетѣлъ какъ орелъ на стадо куропатокъ. *Армянскіе нахарары*, находившіеся *на правомъ* и лѣвомъ *крылѣ*, также присоединились къ нему. Войско *Иверійцевъ* вмѣстѣ *съ царемъ* своимъ *П'арсман'омъ*, въ стремительномъ своемъ нападеніи хотя и *нанесло* сильное *пораженіе*, однако скоро *обратилось въ бѣгство. Тутъ можно было видѣть* страшную рѣзню, произведенную въ войскѣ Еруанда и въ полкахъ

месопотамійскихъ. Когда такъ смѣшались всѣ *полки*, окружили Арташеса храбрые мужи изъ жителей Тавра, обѣщавшіе Еруанду, во что бы то ни стало, убить Арташеса. Гисакъ, сынъ кормилицы Арташеса, спѣшившись, бросился между ними и всѣхъ положилъ на мѣстѣ; тутъ же мечемъ снесли *половину лица* его, и онъ *умеръ* побѣдителемъ послѣ такого подвига. Остальное (непріятельское) *войско обратилось въ бѣгство.*

Но Еруандъ на своемъ *конѣ*, проѣхавъ огромное *пространство*, очутился на станціяхъ, назначенныхъ между его станомъ и городомъ его, и *на кождой станціи мѣняя коня, бѣжалъ;* а храбрый Смбатъ *гнался за нимъ* и сильно преслѣдовалъ его *ночью* до самыхъ городскихъ воротъ. Тогда войска Маровъ заняли *мѣсто* войска Еруанда и *съ наступленіемъ сумерекъ расположились станомъ на трупахъ*. Арташесъ, *доѣхавъ* до палатки Еруанда, обтянутой кожей и парусиной, *спѣшился* и въ ней *провелъ* ту *ночь*. Съ разсвѣтомъ поступилъ онъ какъ побѣдитель: *приказалъ предать землѣ* убитыхъ и назвалъ долину, гдѣ онъ *станомъ расположился надъ трупами*, Марац-*Маръ*, а поле сраженія — Еруанда-*ванъ*, *какъ оно называется* до сихъ поръ, т. е. на этомъ мѣстѣ онъ обратилъ въ бѣгство Еруанда...

„Смбатъ, который съ небольшимъ отрядомъ преслѣдовалъ Еруанда *ночью*, охранялъ городскія *ворота* до прибытія Арташеса и всего войска. Но когда *храбрые* (воины) *завязали дѣло* съ крѣпостью, народъ, въ ней находившійся, сдался и *отперъ городскія ворота*. Одинъ изъ вошедшихъ воиновъ ударилъ мечемъ по головѣ Еруанда: мозгъ его разсыпался по полу дома...“

Въ самомъ началѣ личность Ерванда обращаетъ на себя вниманіе необычнымъ своимъ происхожденіемъ. Изъ неясныхъ выраженій Хоренскаго можно, пожалуй, заключить, что мать его, сладострастная Аршакидская принцесса, которую никто не рѣшался взять въ жены, родила

своего сына такимъ же противоестественнымъ путемъ, какъ и Пасифае — Минотавра. Историкъ нашъ увѣряетъ, что подробности эти онъ черпаетъ изъ армянскихъ сказаній. Въ дѣйствительности же не можетъ быть тутъ рѣчи о народномъ сказаніи, такъ какъ онѣ заимствованы изъ Филонова [1]) разсказа, съ неудачнымъ, притомъ, перенесеніемъ эпитетовъ животнаго на Аршакидскую княжну.

Въ самомъ дѣлѣ, еврейскій философъ въ толкованіи своемъ о „Десяти заповѣдяхъ", коснувшись седьмой—„не прелюбодѣйствуй", иллюстрируетъ порочный нравъ человѣка примѣрами даже *противоестественнаго соединенія* съ животными. Таково древне-греческое сказаніе о *Пасифае,* женѣ Критскаго царя Миноса, которая, будучи увлечена *неудержимою страстью* къ быку, желала соединиться съ нимъ, что ей и удалось, благодаря находчивости Дедала: отъ этого соединенія родился у нея *Минотавръ*.—„Пасафаи, замѣчаетъ тотъ же авторъ, могутъ быть и у другихъ (народовъ), если только не обуздывать страстей".

Вслѣдъ затѣмъ, продолжая свою бесѣду о противоестественномъ же соединеніи разнородныхъ животныхъ, Филонъ указываетъ на распространенный въ его время „обычай разведенія въ табунахъ и конюшняхъ *ословъ* крупной породы, называемыхъ *харсти* (հարիւր), для скрещиванія съ кобылами, отъ чего получаются полуослы" или мулы.

Оба эти отрывка, какъ ни нелестно, и легли, по моему мнѣнію, въ основу описанія Аршакидской принцессы, которая есть снимокъ съ Критской царицы: данный Хо-

---

[1]) См. армянскій переводъ твореній *Еврея Филона*, коихъ греческіе оригиналы дошли до насъ, Венеція, 1892, стр. 279. Существуютъ армянскіе переводы и такихъ сочиненій Филона, оригиналы которыхъ утеряны: они были изданы въ Венеціи же, въ двухъ выпускахъ, въ 1822 и 1826 гг., съ латинскимъ переводомъ о. *Авгеріана* подъ слѣдующими заглавіями: 1, Philonis Judaei opera in Armenia conservata; 2, Philonis Judaei Paralipomena Armena.—Слѣдуетъ замѣтить, что приведенными г. *Норайромъ* (քննութիւն, II, 1887, литограф. изд., стр. 46—56) 23-мя параллелями Филона и Хоренскаго далеко не исчерпываются заимствованія нашего историка изъ арм. переводовъ еврейскаго философа.

ренскимъ армянской княжнѣ эпитетъ „харсти“ (*խարտի*), несомнѣнно, есть „харсти“ же Филона, который подъ этимъ названіемъ понимаетъ, однако, особую породу *ословъ*-самцовъ, какъ видно и изъ входящаго въ его составъ слова „*хар*“, что поперсидски означаетъ „оселъ“ [1]).— Вслѣдствіе этого и сопоставленіе въ армянскихъ словаряхъ *խարտի* съ *Ցարտի* и передача его переводчиками Хоренскаго черезъ „крупный“, „могучій“ — не имѣютъ, мнѣ кажется, основанія.

Что при составленіи скабрезнаго описанія матери Ерванда авторъ нашъ находился подъ вліяніемъ Филона, видно еще изъ другаго эпитета этой княжны—*վարար*— „*сладострастная*“, перенятаго Хоренскимъ у того же философа. Въ сочиненіи своемъ „De ratione quam habere etiam bruta animalia“, сохранившемся лишь въ армянскомъ переводѣ (Венеція, 1822), ученый еврей еще разъ касается вопроса о соитіи животныхъ и, между прочимъ, останавливается на крокодилахъ, съ примѣненіемъ къ самцу-крокодилу выраженія *վարարեալ* — „*сгарая страстью*“, „*подобно разгоряченному любовнику*, поясняетъ Филонъ, *преслѣдующему* (свою) самку“ (*l. c.*, p. 150). Глаголъ *վարիմ* Моисей передѣлалъ въ прилагательное *վարտ*, а подчеркнутыя характерныя поясненія утилизировалъ для скандальной пирушки (III, 55), герой которой — Гардманскій князь, Хосровъ, выступаетъ въ роли крокодила-самца буквально въ Филоновыхъ выраженіяхъ.

Далѣе, въ той же главѣ бросаются въ глаза неточности и анахронизмы, указывающіе на недостовѣрность разсказа Хоренскаго: упоминается о какомъ то персидскомъ царѣ, *Даріѣ Послѣднемъ*, который никому не извѣстенъ и даже прямо противорѣчитъ свѣдѣніямъ классическихъ писате-

---

[1]) У *Филона* въ оригиналѣ (De special. legibus, ed. Colon., 1613, p. 605) стоитъ *κήλων*, что, по объясненію Свиды (въ Словарѣ подъ тѣмъ же словомъ, *ed. Bernhardy*,) означаетъ: *ὁ θερμὸς εἰς συνουσίαν*.—Быть можетъ, въ *խարտի* слѣдовало бы видѣть *խար-ատի* (*խար-ատի*), т. е. оселъ-лошадь, лошакъ, какъ предполагаетъ иранистъ баронъ Р. Р. Штакельбергъ.

лей и монетъ [1]); приводится названіе *крѣпости Байбердъ*, которая, по свидѣтельству Прокопія [2]), была основана Юстиніаномъ, а слѣд. и не могла существовать въ I в. по Р. Х., какъ увѣряетъ Хоренскій.

Но все это съ точки зрѣнія недостовѣрности разсказа Хоренскаго сравнительно не такъ важно, какъ данныя о построеніи Ервандомъ городовъ и виллъ, чѣмъ и наполнено сплошь двадцатилѣтнее правленіе этого царя. Тутъ Моисей прибѣгаетъ къ такимъ пріемамъ, изъ которыхъ до очевидности ясно, что приписываемое имъ Ерванду, какъ историческому лицу, отъ начала до конца выдумано. При этомъ, измышленія эти не могутъ быть оправдываемы ни Армянскимъ эпосомъ, ни Храмовой исторіей Улюпа, ниже Персидскими книгами.

Начнемъ съ Ервандашата.

Фавстъ Византійскій, перечисляя армянскіе города, захваченные и разоренные персами въ срединѣ IV в. по Р. Х., упоминаетъ въ числѣ другихъ и о „великомъ городѣ Ервандашатѣ“ (кн. IV, гл. 55), въ которомъ было до 20,000 армянъ и 30,000 евреевъ, переселенныхъ сюда еще знаменитымъ современникомъ Помпея, Тиграномъ Великимъ. Отсюда ясно, что существовавшій еще въ I в. до нашей эры городъ Ервандашатъ не могъ быть построенъ Ервандомъ, современникомъ Веспасіана и Тита, какъ утверждаетъ Хоренскій.

Съ другой стороны, въ самомъ описаніи новой столицы мы находимъ признаки, обличающіе Моисея въ заимствованіи изъ позднихъ источниковъ. Такъ, подроб-

---

[1]) За время отъ 60—93 г. по Р. Х., когда, примѣрно, могъ жить царь Ервандъ, современникъ Веспасіана и Тита, въ Персіи царствовали, судя по монетамъ: Волагезъ I, Волагезъ II и Пакоръ II и Артабанъ IV; имени *Дарія* совершенно не встрѣчается между персидскими Аршакидами. См. *Gutschmid*, Geschichte Irans etc.—Объ спискѣ персидскихъ Аршакидовъ у Хоренскаго ср. *Гарагашіана*, *l. c.* I, с. 226 и слѣд.—Матер. для арм. слов. *К. Патканова*, II, стр. 49—64.

[2]) „Ὅτε ἅπαντα σχεδόν τι ἀχυρώματα, ὅσα δὴ ἐνταῦθα ξυμβαίνει εἶναι, Ἰουστινιανοῦ βασιλέως τυγχάνει ἔργα ὄντα. Ἐνταῦθα δὲ καὶ φρούριον ᾠκοδομήσατο τό τε Βαιβερδῶν καλούμενον καὶ τὸ Ἀρέων“.—*Procop.* De Aedif. III, 4.— На этотъ анахронизмъ у Хоренскаго впервые обратилъ вниманіе *Ла-Кроз* (см. Латинск. переводъ бр. Вистоновъ, стр. 148).

ности о *замерзаніи рѣки Аракса отъ суроваго дыханія зимы* составляютъ, какъ мнѣ кажется, парафразу изъ описанія битвы между арабами и армянами, произшедшей въ VIII в., во время *суровой зимы*, *на рѣкѣ Араксѣ* и переданной современникомъ Хевондомъ [1]). О знакомствѣ Хоренскаго съ Исторіей этого послѣдняго мы имѣли случай замѣтить выше, въ разборѣ главъ объ Арамѣ и Тигранѣ.

Что касается перемѣны русла Аракса и удаленія рѣки якобы отъ прежней столицы, Армавиръ, этотъ фактъ констатируется даже нынѣшними путешественниками. Но когда именно произошло это удаленіе, не извѣстно; по крайней мѣрѣ, никто изъ древнихъ историковъ не сообщаетъ объ этомъ явленіи; а потому пріурочиваніе его ко времени именно Ерванда кажется мнѣ произвольнымъ.

Вообще мотивы, по которымъ совершается у Хоренскаго перенесеніе армянской столицы изъ одного центра въ другой, не выдерживаютъ критики своею наивностью и однообразіемъ.[2])

Наконецъ, еще одинъ вопросъ: былъ ли когда-нибудь Ервандашатъ столицей Арменіи? Разсказъ Хоренскаго (I, 12) о построеніи столицы Хайкидовъ, *Армавира*, на берегу Аракса, Армаисомъ, внукомъ родоначальника Хайка, чуть ли не за 2000 лѣтъ до Р. Х., болѣе чѣмъ подозрителенъ. Древнѣйшее упоминаніе объ этомъ городѣ встрѣчается у Птоломея (V, 13), II в. по Р. Х., который называетъ его Ἀρμαυρία. Объ немъ не знаетъ ни Агаѳангелъ, ни Фавстъ, ни Лазарь Парпскій.

Судя по свидѣтельству классическихъ, а равно и древне-армянскихъ писателей, древнѣйшимъ политическимъ центромъ армянъ былъ *Арташатъ*, построенный царемъ Арташіасомъ, въ началѣ II в. до нашей эры, на рѣкѣ Араксѣ [3]). При Тигранѣ II († 55 до Р. Х.) возникаетъ

---

[1]) Изд. Спб. 1887, с. 25. Арм. текстъ этого отрывка см. ниже, во II ч. сего изслѣдованія, стр. 53.

[2]) См., напр., 8-ю гл. III кн. – Хосровъ II (въ IV в.) переноситъ дворъ изъ Арташата въ Двинъ: „ибо въ то время... дули (въ Арташатѣ) знойные, зараженные, зловонные вѣтры“.

[3]) Объ Арташіасѣ см. у *Полибія*, XXXI, 4; любопытныя подробности о построеніи и мѣстоположеніи города Арташата см. у *Страбона*, XI, 14.

на югѣ Арменіи новый центръ—Тигранакертъ (Tigranocerta), хотя столица государства по прежнему остается на сѣверѣ Арменіи, въ Арташатѣ (*Плутархъ*, V, 612, 32 sqq. ed. Didot, Parisiis), пока не была она разрушена Корбулономъ, во второй половинѣ I в. по Р. Х. (въ 58 г. по *Тациту*, Annal. XIII, 34—42). Любопытно замѣтить, что какъ разъ въ ту эпоху, когда у Хоренскаго появляется столица Ервандашатъ, Артацатъ возобновляется и заново украшается армянскимъ царемъ, Тиридатомъ (I), переименовавшимъ самый городъ въ Неронію, въ честь своего покровителя, императора Нерона [1]). Однако, за непопулярностью этого прозвища, столица армянская продолжала называться прежнимъ своимъ именемъ вплоть до вторичнаго своего разрушенія, произведеннаго во время римско-парѳянскихъ войнъ полководцемъ Прискомъ, въ 163 г. [2]) Неподалеку отъ Арташата римляне основали новую столицу, Кайнополь или Нор-к'ахак'ъ (Нов-городъ), названный также Вахаршапатомъ. Во II, III, IV вв. и въ началѣ V вѣка Вахаршапатъ былъ какъ политическимъ, такъ и духовнымъ центромъ Арменіи [3]), почти при одновременномъ существованіи Арташата, который рано оправился отъ римскаго погрома и былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ страны [4]). Онъ былъ извѣстенъ также своею сильною крѣпостью [5]). Послѣ паденія армянской Аршакидской династіи около 430 г., надъ другими городами возвышается незначительный дотолѣ *Двинъ*, вблизи Арташата, ставшій съ тѣхъ поръ мѣстопребываніемъ персидскихъ марзпановъ до VII в. [6]), а потомъ и арабскихъ остикановъ (намѣстниковъ). Въ Двинъ же, въ концѣ

[1]) См. у *Suet.*, Nero, 13; *Plin.*, XXX, 2, III, 3; *Dio*, LXIII, 7.

[2]) *Mommsen*, Römische Geschichte, V B., II Aufl., Berlin, 1885, S. 407.

[3]) См у *Агаѳангела*, сс. 33, 38, 40... *Корьюнъ*, Венец. 1833; *Лазарь Парп.* Венец. 1873, сс. 6, 28, 81, 105.

[4]) *Фаустъ* (III, 8, 12) называетъ его великимъ городомъ—...«Ⴔ ⴓⴍⴕⴍⴓⴔ Ⴕⴓ-ⴍⴍⴓⴓⴍⴍ»; см. также IV, 55; *Ехише*, стр. 52; ср. и у *Ammian. Marc.*, XXV, 7, 12.

[5]) *Агаѳ.*, с. 103, *Лазарь*, с. 367.

[6]) *Лазарь Парпскій*, сс. 367, 382... 479, 525, 542.—*Себеосъ*, (изд. Спб.) сс. 25, 26, 31... *Асохикъ* (Спб.), стр. 83, 86, 89, 91...

V вѣка, переносится надолго резиденція и армянскихъ католикосовъ [1]).

Вотъ краткій обзоръ исторіи перехода армянской столицы изъ одного центра въ другой, за время отъ начала II в. до Р. Х. и вплоть до VII в. нашей эры: *Ервандашатъ*, какъ метрополія, совершенно не упоминается между ними.

Я полагаю, что Хоренскій и въ этомъ случаѣ исходитъ отъ извѣстнаго ему изъ Фавста географическаго названія, связаннаго съ именемъ *Ервандъ*. Къ этому названію самъ историкъ отъ себя прибавляетъ еще два никѣмъ не упоминаемыхъ — *Ервандакертъ* и *Ервандаванъ*—и такимъ образомъ создаетъ никому невѣдомаго армянскаго царя, который, по его разсчету, долженъ былъ жить въ концѣ I вѣка по Р. Х.

Но Моисей упоминаетъ и о другомъ армянскомъ царѣ, *Ервандѣ* же, отцѣ Тиграна I, жившемъ, по его словамъ, за шесть вѣковъ до нашей эры (I, 22). Какъ бы въ доказательство своихъ словъ, историкъ нашъ приводитъ какой-то отрывокъ изъ народнаго эпоса о нѣкоемъ юношѣ Вардгесѣ [2]), пришедшемъ къ царю *Ерванду* „тесать да ваять его врата“ (II, 65).

Почему же, однако, этотъ *Ервандъ* долженъ быть именно отцомъ Тиграна I, какъ увѣряетъ Хоренскій, и какимъ образомъ могли сохраниться воспоминанія объ этомъ, въ сущности, неважномъ событіи, спустя около 1500 лѣтъ, непонятно, по крайней мѣрѣ, для меня? Впрочемъ, зная, какъ нужно относиться къ династическому списку Хайкидовъ и вообще къ первой книгѣ Моисея, мы не ошибемся, если допустимъ, что *Ерванда I* (какъ и всѣхъ Хайкидовъ) выдумалъ нашъ историкъ, исходя изъ географическихъ названій, которыя потомъ приписалъ другому, болѣе позднему, одноименному Аршакидскому царю I в. по Р. Х. Ервандъ Хайкидъ—предвѣстникъ Ерванда Аршакида.

---

1) См. *Лазарь Парп.*, с. 541—542; *Асохикъ*, Спб., с. 86.

2) Подробнѣе о Вардгесѣ см. ниже, гл. XIV.

Такимъ образомъ, ни тотъ, ни другой Ервандъ не могутъ считаться достовѣрно историческими лицами въ томъ видѣ, какъ они переданы у Хоренскаго, если даже признать вмѣстѣ съ С. Мартеномъ и Гутшмидомъ, что Ервандъ II (Моисея) есть современный ему Озроенскій царевичъ, Ἀρβάνδης. О послѣднемъ упоминаетъ Діонъ (LXVIII, 21), черезъ котораго, надо полагать, и могло быть извѣстно это лице армянскому историку [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что и имя Ервандова брата, „*Ервазъ*“, составлено, какъ я полагаю, не безъ связи съ топографическимъ названіемъ, а именно — съ названіемъ извѣстнаго у языческихъ армянъ селенія „*Ерезъ*“ (въ обл. Екехіацъ, Высокой Арменіи), въ которомъ находился одинъ изъ самыхъ древнихъ храмовъ высокочтимой богини Анахиты [2]). Быть можетъ, именно поэтому „Ервазъ“ является у Хоренскаго жрецомъ.

Перейдемъ къ другимъ постройкамъ Ерванда.

Въ 40-ой главѣ второй книги своей Моисей говоритъ, что, основавъ Ервандашатъ, Ервандъ переноситъ туда изъ Армавира все, кромѣ *кумировъ*, для которыхъ построилъ онъ небольшой городокъ, на берегу р. Ахуріана, на разстояніи сорока стадій отъ столицы, назвавъ его *Багаран*'омъ, что значитъ „въ немъ устроены жертвенники“.

Нѣсколько ниже, въ 48-й главѣ той же II кн. Хоренскій разсказываетъ о построеніи „другаго“ или „втораго *Багарана*“ полководцемъ Ервандова соперника, Арташеса, Смбатомъ Багратидомъ, „за горою Масисъ“, въ который и переносятся имъ подаренные ему царемъ служители или рабы главнаго жреца „перваго Багарана“, числомъ до 500 человѣкъ. При этомъ историкъ нашъ не безъ цѣли, какъ увидимъ, выражается неопредѣленно о мѣстоположеніи

---

1) Fragments d'une Histoire des Arsacides, *S.-Martin*, Paris, 1850, I, p. 145—158. — Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroëne, *Gutschmid*, въ Mémoires de l'Acad. Impér. des sciences de S.-Pétersbourg, 1887, VII, Serie, T. XXXV, № 1, p. 17.

2) См. *Агав.*, стр. 49, 590.

новаго города:—„за Масисомъ“ слѣдуетъ понимать именно кантонъ Коговитъ, въ которомъ и находился Багаранъ.

Нужно замѣтить, что оба городка *Багаранъ*, несмотря на отношеніе самаго названія къ языческому культу въ Арменіи, не упоминаются ни у кого изъ первыхъ армянскихъ историковъ [1]). Откуда же могло быть извѣстно Хоренскому, что города эти построены въ I в. по Р. Х. и тѣми именно лицами, имена которыхъ онъ приводитъ? О существованіи селенія *Багарана* впервые мы узнаемъ изъ указаній историка IX в., Католикоса Іоанна; оттуда, по его словамъ, происходилъ католикосъ греческой части Арменіи, Іоаннъ III [2]), современникъ императора Маврикія (582 — 602). Багаранъ находился въ кантонѣ Когѣ или Коговитѣ [3]) (долина Кога), Айраратской области, лежавшемъ, дѣйствительно, „за Масисомъ“.

Когъ встрѣчается въ IV в. у Фавста, какъ государево имѣніе, но безъ упоминанія о селеніи Багаранѣ; тамъ же находилась знаменитая крѣпость Даронк'ъ, нынѣшній Баязидъ, гдѣ хранились царскія сокровища. (*Фавстъ*, III, 7, V, 1).—Въ чьи руки переходитъ Коговитъ непосредственно вслѣдъ за паденіемъ Аршакидовъ, мы не знаемъ, но уже въ VI в. онъ является родовымъ имѣніемъ и резиденціей князей Багратидскихъ, съ крѣпостью же Даронк'ъ (надо полагать, и съ селеніемъ Багараномъ), служившей имъ „искони и фамильной усыпальницей“ [4]). Такъ продолжалось до послѣдней четверти VIII в. [5]), когда одинъ изъ владѣтельныхъ Багратидовъ, Ашотъ, по прозванію *Мя-*

---

1) Если только видѣть въ словѣ Բագարան корень Բագ—сан. *bhâga*, авест. и др. перс. *baga* въ значеніи *богъ*; ср., напр., Բագին —жертвенникъ, Բագ-աւան—селеніе боговъ—у Агаѳангела, с. 612.—См. также *Lagarde*, Arm. Stud. 308—313.

2) „Ցնա այսորիկ ըստ հրամանի կայսերն Մօրիկայ զՑոհան ոմն ի գաւառէ Կոգայ ի Բաբերդ գեղջէ կացուցին կաթուղիկոս Ցունական կողմանն“: *Іоанн. Кат.*, изд. Эмина, стр. 42, Іерус. 1867, стр. 93.—См. также *Асохикъ*, стр. 86.

3) У *Фавста* Կոգ (стр. 106, 187, 251) или Կովգ (стр. 16); у *Себеоса* — только Գոգովիտ (стр. 45, 68, 94, 108—9); въ *Геогр. Ширакаци*, изд. К. Патк. с. 20, Կոգովիտ; у *М. Хор.* Կոգայովիտ (*вар.* Ламбр. сп. Կովգայովիտ) III, 23 и 37.

4) „Բնիկ հանգստարան (Բագրատունեաց) ... տապան ի գիւղն Դարբինս ի Գոգովիտ գաւառի.“ *Себеосъ*, стр. 68, 116; Դարաւնից քերդ, стр. 117.

5) У *Хевонда*, пис. VIII в., Даронк'ъ все еще резиденція (останъ) Багратидовъ; см. стр. 119, 124 Спб. изданія.

соѣдъ, купилъ у князей Камсараканов тянувшійся небольшой полосой вдоль лѣваго берега Аракса кантонъ Аршаруник'ъ и туда перенесъ столицу свою изъ Коговита [1]). Къ этому времени, какъ мнѣ кажется, и относится построеніе *Багарана* на р. Ахуріанѣ Багратидами, которые назвали этимъ именемъ новую свою столицу, вѣроятно, въ память Коговитскаго Багарана, перешедшаго, повидимому, къ младшей линіи того же рода. Новая столица также служитъ Багратидамъ фамильной усыпальницей [2]).

Во всякомъ случаѣ, *раньше девятаго вѣка* не имѣется никакихъ свѣдѣній объ Аршаруникскомъ Багаранѣ.

За Ервандашатомъ и Багараномъ идетъ Ервандакертъ, построенный, по словамъ нашего историка, какъ и оба первые, Ервандомъ и обведенный богатыми садами и цвѣтниками. (*Хор.* II, 42).

Прежде всего нужно замѣтить, что о такой виллѣ въ Аршаруникскомъ кантонѣ ни до, ни послѣ Хоренскаго (до XIV в.) никто изъ арм. историковъ не упоминаетъ. Возникающее вслѣдствіе этого подозрѣніе на счетъ достовѣрности сообщаемаго Моисеемъ усиливается еще тѣмъ, что все описаніе этой прекрасной виллы, представляющее образецъ реторической напыщенности, заимствовано, повидимому, изъ книжныхъ источниковъ, исключающихъ участіе народнаго эпоса.

Эти источники—*Себеосъ*, писатель VII в., и армянскій переводъ *Филона*—тоже, вѣроятно, не ранѣе VII в. Историкъ императора Иракла, разсказывая о построеніи современникомъ своимъ, католикосомъ Нерсесомъ II, въ половинѣ VII в., великолѣпной церкви въ Вахаршапатѣ, говоритъ: „То была величественная, *безподобная постройка*, достойная чествованія Господа, Которому она и была посвящена.

---

[1]) „Ա՛յս ... որ Մասկերն կոչիւր ... գանձագին արար զգաւառն Արշարունեաց յազգէն Կամսարականաց և զարքունիսն ի Կոգովիտ յԱրշարունիս փոխեաց“ *Асохикъ*, стр. 106. См. также у *о. Амшана*, „Ширакъ,“ стр. 5—6; „Айраратъ“, 495—7.

[2]) „Թագաւորանիստ աւանն Բագարան“ (Аршаруніи). — „ի հիմն քնարանացն որ ի քաղաքագեօղն Բագարան“. *Іоан. Катол.* изд. Эмина, стр. 80, 107, 123; Іерус. 1867, стр. 181, 244, 245, 283.

Онъ(Нерсесъ) провелъ изъ *рѣки* воду и употребилъ въ дѣло мѣстность, называемую Арапаръ [1]), *насадивъ въ ней виноградники* и рощу, *а вокругъ жилища людей обвелъ высокой* стѣной *великолѣпной постройки*, во славу Божію". (Изд. Спб., стр. 119).

Хоренскій описываетъ виллу Ервандакертъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: онъ также говоритъ о *безподобныхъ постройкахъ*, о томъ, какъ *жилища людей обвелъ* царь *виноградниками*, упоминаетъ о *рѣкѣ* и что эта *великолѣпная* мѣстность глядитъ на *высокое* обиталище царя и проч.

Филонъ въ словѣ своемъ „о Самсонѣ" описываетъ здоровую, цвѣтущую молодость героя въ слѣдующихъ затѣйливыхъ выраженіяхъ: цвѣтъ юности на его лицѣ, на подобіе прекрасныхъ *полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ*, приводитъ человѣка въ изумленіе, и вы видите щекочущую улыбку прекрасныхъ, нѣжныхъ *глазъ*, когда играютъ лучи солнца на его щекахъ. Цвѣтъ лица его не такой, какъ у взлелѣянныхъ, изнѣженныхъ *дѣвъ* и женъ, а такой, какой бываетъ у могучихъ мужей отъ тяжелыхъ трудовъ подъ палящимъ солнцемъ. *Брови* его—словно лунные рога, когда они образуютъ *полный кругъ*... [2]).

Мнѣ кажется, что подробности описанія виллы у Моисея, касающіяся *цвѣтниковъ*, *цвѣтами благоухающихъ*, и сравненій *круговиднаго ея положенія* съ *бровями прелестной дѣвы* и т. п.—составлены не безъ вліянія приведеннаго отрывка еврейскаго философа, хорошо извѣстнаго нашему историку.

Только изъ желанія не повторять буквально своего источника Хоренскій рѣшается употребить ни у кого изъ армянскихъ писателей невстрѣчающееся, повидимому, новое слово „ՀաւաքաՀ", составленное по образцу общеупотребительнаго, древняго, хотя и не армянскаго, „բուրաստան" Филонова отрывка. Точно то же нужно замѣтить и о

---

[1]) Объ Арапарѣ — Արաքար — см. также у о. *Дашіана*, „Hantess", 1893, сент., стр. 261.—Относящійся сюда арм. текстъ Себеоса, также какъ и Филона, см. ниже, ч. II, стр. 54.

[2]) *Philonis* „in Sampson"; сохранился только въ арм. переводѣ. См. Philonis Paralipomena Armena, Venetiis, 1826, pp. 549–577.

замѣнѣ Себеосова выраженія «*շուրջանակի զբնակութեամբ*» словами «*շուրջ զմարդկութեամբ*».

Далѣе, во второй части разбираемой нами главы встрѣчаются указанія, которыя могли быть сдѣланы на основаніи свидѣтельствъ VII в. Я разумѣю упоминаніе Хоренскаго объ *Ервандакертѣ*, по словамъ историка, подаренномъ царемъ Трдатомъ князьямъ Камсараканамъ, въ первой половинѣ IV в., и ставшемъ, повидимому, ихъ *станомъ* или резиденціей. Мнѣ сдается, что историкъ нашъ заимствовалъ эти свѣдѣнія у Ананія Ширакаци, писателя VII в., изъ свидѣтельства котораго видно, что, по крайней мѣрѣ, въ его время *станомъ* Камсаракановъ былъ *Марметъ*: „Я былъ, говоритъ ученый астрономъ въ одной изъ своихъ ариѳметическихъ задачъ, въ *Марметѣ*, *станѣ Камсараканова*." [1])

Марметъ, какъ увидимъ далѣе, отождествляетъ Хоренскій съ Ервандакертомъ, который, собственно говоря, есть фикція: такого городка или виллы въ указанной области никогда не существовало. Дѣлаетъ же это Моисей, какъ всегда, съ цѣлію скрыть слѣды своихъ заимствованій.

Въ другомъ мѣстѣ своей Исторіи, въ гл. 31-ой, III кн., *станомъ Камсараканова* называетъ Хоренскій Ервандашатъ. Ср. также II, 90.

Касательно „дурнаго глаза Ерванда вслѣдствіе чаръ и обычая, какъ передаетъ нашъ историкъ, держать передъ нимъ по утрамъ гранитные камни, которые лопались отъ его нехорошаго взгляда",—нужно замѣтить, что это могло быть и „басней", не лишенной, однако, поздней легендарной подкладки. Если вѣрить одному автору XIII в., находящемуся, впрочемъ, подъ вліяніемъ Езника, а также Хоренскаго, существовало въ Арменіи повѣріе о какомъ-то

---

[1]) „Եւ ի Մարդոյ էի յՈտոյանէ Կոմսարականաց. և երթեալ յեզր գետոյն, որում Ախթրէանն կոչէն, տեսի երամս ձկանց և եւոս արկանել ուռկան. և հանէին զՀասարակն եւ զեւթն երամսին եւ որ յուռկանէն վերծաւ՝ ի թարփ ընկաւ. եւ անցեալ գտի զնոսա քառասուն եւ հինգ։ Ուրդ գիտեա սոքաւք, թէ ընդ ամեն երամն քանի՞ ձուկն լեալ է՞։ (*Вопросъ* 7-й, изъ рукописи Вѣнскихъ Мхитаристовъ, обязательно присланной мнѣ по моей просьбѣ: „Անանիայի Շիրակունւոյ՝ յաշագս կատարման համարոյ զութեան եւ կերպից հարցմանն"։

„*Ервандъ*, котораго дэвы держатъ въ рѣкахъ и въ туманѣ“ [1]).—Весьма возможно, что нѣкоторыя черты этого легендарнаго *Ерванда*, какъ, напр., его „дурной глазъ“, Моисей перенесъ на выдуманнаго имъ одноименнаго царя, подобно тому, какъ изъ миѳическаго *Хайка* историкъ нашъ создалъ родоначальника армянъ, изъ божества *Вахагна*—царя того же имени и т. п. Вообще, процессъ историзаціи играетъ у Хоренскаго весьма значительную роль.

Кромѣ виллы Ервандакерта Хоренскій приписываетъ Ерванду и насажденіе „Рощи Рожденія“, на сѣверной сторонѣ рѣки.

Вся эта глава мнѣ кажется недостовѣрной: по мнѣ, она представляетъ сокращенный пересказъ изъ Фавстова описанія о насажденіи Хосровомъ II, въ IV в., обширной дубовой рощи. Въ самомъ дѣлѣ, по разсказу Фавста, „начиная отъ непреступной царской крѣпости, Гарни, до равнины Мецамора, вплоть до холма, называемаго Двинъ и лежащаго *на сѣверной сторонѣ* великаго города Арташата, вдоль *рѣки* (Мецаморъ) и до самаго дворца Тикнуни—*насадили* дубовую *рощу*. И назвалъ ее (царь Хосровъ) „дубовыми палатами“. На югъ отъ этой рощи насадили другую, дубовую же, и назвали ее по имени царя „Хосровакертъ“. Тамъ построили царскіе дворцы и обѣ рощи *обвели стѣнами*, не соединяя ихъ однако другъ съ другомъ, изъ за проходившей между ними большой дороги. И стало *расти* и подыматься. Между тѣмъ царь приказалъ изловить дикихъ животныхъ и звѣрей и *впустить ихъ въ рощи*, дабы они служили мѣстомъ *охоты для царской забавы*“. (Фавстъ, III, 8).

Хоренскій въ 41-ой гл. II книги также говоритъ о *насажденіи рощи* (безъ опредѣленія, однако, породы деревьевъ), объ *обведеніи ея стѣнами*, о томъ, что *впустилъ*

[1]) „Իսկ ընդհ՚ր որ ապա ասեն. տեսեալ ոմանց քաշաց և վիշապաց տաճարս ի լերինս բարձունս և բնակութիւնս. ուր և կապեալ ունին... զԱրտաւազդ Հայոց թագաւոր ի Մասիս և վերոյ ի գետևս ի Մասյաց“:—См. „Вопросы и отвѣты Вардана“, рукопись Эчміадзинской библіотеки за № 453, отрывокъ изъ которой приведенъ у *Н. Я. Марра*, въ его статьѣ: „Изъ лѣтней поѣздки въ Арменію“, стр. 10.

туда царь дикихъ животныхъ и звѣрей, (съ перечисленіемъ видовъ тѣхъ и другихъ—олень, лань, онагръ и *вепрь*,) что, наконецъ, размножившись, наполнили они рощу *для царской забавы во время охоты*.—Только выраженіе Фавста — на *„съверной сторонѣ* города Арташата“ Моисей видоизмѣнилъ—*„на съверной сторонѣ* рѣки“,—неизвѣстно, однако, какой именно—Ахуріана или Аракса, такъ какъ роща Ерванда, если только она когда-нб. существовала, предполагалась въ совершенно другой мѣстности, а именно въ округѣ Аршаруник'ъ.

Но Хоренскій, перенося разсказанное Фавстомъ о Хосровѣ II на Ерванда, проводитъ параллель свою съ этимъ историкомъ съ большею послѣдовательностію: и Хосровъ насаждаетъ, по Фавсту, *рощу*, называя ее „Дубовыми палатами“, и Ервандъ—*„Рощу Рожденія“*; и Хосровъ строитъ *царскіе дворцы въ рощѣ*, названной Хосрова-*кертъ*, и Ервандъ—виллу Ерванда-*кертъ*, украсивъ ее *садами и цвѣтниками*.

Самое наименованіе „Роща Рожденія“ кажется мнѣ необычнымъ и даже мудренымъ [1]): оно придумано нашимъ историкомъ, вѣроятно, съ цѣлію не повторить приведеннаго у Фавста названія „Дубовыхъ палатъ“.—Впрочемъ, сохранилось любопытное указаніе у Ананіи Ширакаци объ охотѣ князей Камсараканов въ мѣстечкѣ *Гинъ*, гдѣ, между прочимъ, водились и *вепри* [2]). Несмотря на существованіе горы и рѣчки *Гинъ* или *Гино* въ кантонѣ Масіацотнъ, о. Алишанъ [3]) склоненъ къ отождествленію *Гина* съ „Рощей Рожденія“ Хоренскаго, находившейся, однако, по свидѣтельству историка, въ кантонѣ Аршаруник'ъ. Если

[1]) Думается мнѣ, что, при образованіи этого названія, историкъ нашъ имѣлъ въ виду какую-нб. глоссу, напримѣръ., вродѣ *Филоновой* — «Ծառք առ ի ծնօղս պտղոց...» т. е. „деревья (служатъ) къ *произрожденію* плодовъ“. (См. Акад. слов. п. с. Ծնօղ.)

[2]) «Որ էր կամարակապաց ի գիւղ. եւ կալեալ երէ եւ ինձ պատմեաւ եւտուն բերել վարազ մի. եւ վասն զի անարի էր տեսլեամբն կշռեցի....» (См. Ариѳ. задачи *Ширакаци*, вопросъ 9-ый, по рукоп. Вѣнск. Мхит.).

[3]) См. его „Айраратъ“, стр. 64; также у о. *Инчинчіана*—Топографія древней Арменіи, Венеція, 1822, стр. 284, 487, 500.

согласиться съ догадкой почтеннаго арменіста, то придется предположить, что Моисей, который былъ хорошо знакомъ съ трудами ученаго астронома VII вѣка, умышленно замѣнилъ дѣйствительное названіе рощи (Гинъ) новымъ, чтобы придать болѣе древности своему разсказу.

Таковы выводы мои изъ повѣствованій Хоренскаго о сооруженіяхъ, приписываемыхъ Ерванду II.

По поводу сношеній этого царя съ римлянами, уступки имъ Месопотаміи и синхронистическихъ данныхъ касательно нѣкоторыхъ римскихъ императоровъ (*Хор.* II, 38), слѣдуетъ замѣтить, что историкъ нашъ собралъ разбросанныя у Іосифа свѣдѣнія о *Веспасіанѣ* и *Титѣ*, о пробывшихъ въ разное время въ *Сиріи римскихъ префектахъ* (Муціанѣ, Петѣ и др.), о занятіи Самосаты, столицы Коммагены, римлянами и проч.—и весь этотъ матеріалъ въ сжатомъ видѣ переработалъ по своему усмотрѣнію [1]). Изъ этого также видно, что уступить римлянамъ Месопотамію армянскій царь того времени, Ервандъ по Хоренскому, не могъ, ибо она ему и не принадлежала. Такимъ путемъ историкъ нашъ хотѣлъ, повидимому, развязаться съ этой страной, пріобрѣтеніе которой армянами было ему нужно изъ за Авгаря, царя Эдесскаго, съ цѣлію обезпечить за своими соотечественниками честь перваго христіанскаго народа (II, 33), и которая теперь ему только мѣшала.—Возможно, впрочемъ, что Моисей и въ этомъ случаѣ руководствовался Діономъ: вышеупомянутый Озроенскій царевичъ, *Арвандъ*, какъ извѣстно, уступилъ въ 115 году Месопотамію Риму, обратившему ее въ римскую провинцію [2]). Изъ Діона же могъ знать Хоренскій объ упоминаемомъ въ 46-ой главѣ грузинскомъ царѣ, *Фарасманѣ* [3]).

Разсмотримъ теперь послѣднюю и самую обширную главу объ Ервандѣ. Воцареніе Ерванда Хоренскій, какъ

---

[1]) *Iosephi* Bella Jud., L. IV, cap. I, 5; X, 2; L. VII, cap. III, 1; V, 1; VII, 3.

[2]) См. выше, стр. 219.

[3]) *Cass. Dio*, LVIII, 26. „...τὴν δ'Αρμενίαν ὁ Μιθριδάτης ὁ Μιθριδάτου μὲν τοῦ Ἰβηρος, ὡς ἔοικε, παῖς Φαρασμάνου δὲ τοῦ μετ'αὐτὸν τῶν Ἰβήρων βασιλεύσαντος ἀδελφὸς, ἔλαβε".

видно, считаетъ незаконнымъ актомъ, рано или поздно требующимъ справедливаго возмездія, т. е. паденія узурпатора и возстановленія попранныхъ правъ законнаго наслѣдника армянскаго престола. Отсюда, якобы, подозрительность, безпокойные сны, трусость и звѣрскія наклонности тирана, характеръ котораго не мирится съ его широкой дѣятельностію по устроенію родной страны, дѣятельностью, столь краснорѣчиво описанной нашимъ историкомъ. Настаетъ, наконецъ, часъ возмездія. Смбату Багратиду, воспитателю царевича Арташеса, удается убѣдить персидскаго царя, Дарія, выслать войска противъ Ерванда и помочь возстановить законнаго Аршакида на отцовскомъ престолѣ. Арташесъ во главѣ персидскаго отряда вступаетъ въ предѣлы Арменіи и проходитъ до рѣки Ахуріана. На встрѣчу ему выходитъ Ервандъ съ многочисленнымъ войскомъ. Тутъ, на равнинѣ, происходитъ ожесточенная битва, окончившаяся, благодаря вѣроломству армянскихъ нахараровъ, пораженіемъ и смертію Ерванда и торжествомъ Арташеса.

Естественно думать, что источники Хоренскаго, (какіе бы они ни были—эпосъ ли, Персидскія ли книги, либо даже Храмовая исторія Улюпа), снабдившіе нашего историка столь цѣнными свѣдѣніями о возвращеніи Арташеса въ Арменію, не могли не сообщить и самаго описанія знаменитаго сраженія, положившаго конецъ ненавистному господству узурпатора. Другими словами: нужно думать, что столь подробно и ярко очерченная у Моисея картина сраженія и послѣдующаго за тѣмъ торжества побѣдителя взята изъ какого либо мѣстнаго, подлинно-народнаго источника.

Между тѣмъ оказывается, что и интересующая насъ глава, подобно предшествующимъ, не заключаетъ въ себѣ ни достовѣрно историческихъ, ни эпическихъ данныхъ: она составлена изъ отрывковъ различныхъ сочиненій, не имѣющихъ между собою ничего общаго. И дѣйствительно, въ описаніи сраженія нашъ авторъ заимствуетъ нѣкоторыя подробности изъ *Себеоса*, излагающаго со-

бытія не только достовѣрно-историческія, но близкія ему по эпохѣ или даже прямо ему современныя, въ то время, какъ Хоренскій повѣствуетъ о временахъ давно минувшихъ и мало извѣстныхъ въ исторіи. Описаніе же торжества Арташеса заимствовано изъ *Каллисѳеновой* „Исторіи Александра“, вліяніе которой, рядомъ съ Себеосомъ, чувствуется также въ деталяхъ сраженія по описанію Моисея.

Посмотримъ, въ чемъ заключается содержаніе этихъ отрывковъ, вошедшихъ въ составъ разбираемой нами 46-й главы второй книги Хоренскаго.—Себеосъ, сохранившій любопытныя подробности изъ исторіи знаменитаго Багратида, Смбата, любимаго военачальника Хозроя Парвиза (590—627 г.), передаетъ, между прочимъ, слѣдующее. Послѣ одного удачнаго похода, царь персидскій жалуетъ Смбату необыкновенно богатые дары, въ томъ числѣ, осыпанное драгоцѣнными камнями украшеніе „*чамбаръ*“ [1]), особыя *трубы* четырехголосныя и почетный караулъ изъ царской *пѣхоты*, который долженъ былъ стоять у его дверей. За симъ разсказывается о приготовленіяхъ Смбата къ походу противъ кушановъ, вторгшихся въ то время въ предѣлы Персіи. Приводится списокъ *армянскихъ нахараровъ*, принимавшихъ участіе въ этомъ походѣ. Кушаны же, узнавъ о выступленіи противъ нихъ храбраго Багратидскаго князя, ушли на востокъ. Смбатъ погнался за ними, а тѣ, видя, что онъ настигъ ихъ, *вернулись назадъ, выстроились въ боевой порядокъ* и *ударили* на врага. Тутъ кушаны *обратили тылъ* и бѣжали передъ войскомъ Смбата: многіе изъ нихъ были *убиты* и многіе *спаслись бѣгствомъ*. Смбатъ *расположился станомъ* въ Апршахрѣ и Тусѣ. (*Себеосъ*, стр. 65—66).

Хоренскій, какъ мы видѣли, также говоритъ о *лагерѣ* („чамбаръ“) Ерванда, о *пѣхотѣ* Мурацанскаго князя,

---

[1]) Собственно, это слово—персидское, означающее вообще *кругъ*, circuitus (см. Vullers); въ армянскомъ (особливо въ Библіи)—*стоянка, станъ и войско* (вѣроятно, вслѣдствіе круговиднаго расположенія его); въ смыслѣ украшенія (*ожерелье*), ճամբար встрѣчается впервые, кажется, у Себеоса, употребляющаго его также въ значеніи *стана*, (стр. 49).

Аргама, о *трубахъ* мѣдныхъ, въ которыя велѣлъ трубить *Смбатъ Багратидъ, выдвинувъ свой отрядъ* для битвы, о томъ, какъ *армянскіе нахарары* праваго и лѣваго крыла Ерванда перешли на сторону Арташеса, какъ *ударили* иверійцы на войско Арташеса и потомъ *обратили тылъ*, также о *страшной рѣзнѣ*, произведенной въ войскѣ Ерванда и проч.

Любопытно замѣтить, что къ этому же времени пріурочиваетъ Хоренскій происхожденіе двухъ нахарарскихъ родовъ — *Димаксіанъ* и *Труни* (*Хор.* II, 46 и 47), навѣянныхъ ему, какъ мнѣ кажется, упомянутымъ спискомъ нахараровъ въ отрывкѣ Себеоса. Состоящій изъ шести княжескихъ родовыхъ названій списокъ этотъ оканчивается слѣдующими двумя: Саргисомъ *Димаксіанъ* и Саргисомъ *Трпатуни*, оказавшими важныя услуги Смбату во время послѣдующей за пораженіемъ кушановъ опасной стычки. Какъ же поступаетъ Хоренскій? Перваго *Саргиса*, какъ имя неармянское и притомъ христіанское, а слѣдов. новое, онъ передѣлалъ посредствомъ анаграммы въ *Гисака*, (ср. Ваштакъ, Іусакъ, Арнакъ и др. I, 19), который только здѣсь и встрѣчается, и обратилъ его въ сына кормилицы Арташеса, съ сохраненіемъ родоваго его названія „*Димаксіанъ*“. Послѣднее, по произвольному толкованію нашего историка, произошло отъ того, что Гисаку снесли *половину лица* въ тотъ моментъ, когда онъ, бросившись въ страшную рѣзню, защищалъ Арташеса. Моисей, очевидно, и въ этомъ случаѣ руководствовался народной этимологіей названія „*Димаксіанъ*“ — Դիմաքսեան [1]), — которое едва ли, однако, можетъ состоять изъ намекаемыхъ имъ

[1]) Встрѣчающійся въ трехъ спискахъ Исторіи Хоренскаго варіантъ Դիմախսեան (см. Венец. изд. 1865 г., с. 124), очевидно, внесенный намѣренно, съ цѣлью несообразной экзегезой оправдать нашего историка, — не извѣстенъ ни одному изъ древнихъ историковъ, знающихъ и употребляющихъ одну только форму Դիմաքսեան. См. у *Фавста*, *Лаз. Парп.*, *Ехише*, *Себеоса*, сс. 63, 65, 66, 139 и только на стр. 149 одинъ разъ Դիմախսեան, т. е. ‡ вм. ք, вѣроятно, по опискѣ переписчиковъ. — Такимъ же образомъ объясняетъ Хоренскій и происхожденіе названія нахарарской фамиліи *Кимсаракановъ* (II, 87) — изъ перс. *кам* (малый, недостающій) и *сар* (голова), — вслѣдствіе снесенія мечемъ части черепа; хотя вѣроятнѣе всего, что здѣсь скрывается другая этимологія. Ср. *Iusti*, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, S. 154—5.

армянскихъ словъ *դէմ лице* и *կէս половина*. Такимъ образомъ, самый разсказъ о Гисакѣ и участіи его въ сраженіи, въ качествѣ спасителя Арташеса, нужно считать вымышленнымъ. Изъ втораго нахарарскаго названія у Себеоса —*Трпатуни*— Хоренскій передѣлалъ въ *Труни*, (извѣстное ему изъ историческихъ памятниковъ ранѣе IX вѣка), придумавъ при этомъ и надлежащаго родоначальника, *Тура*.

Еще поразительнѣе сходство или даже тождество описанія побѣды и торжества Арташеса надъ Ервандомъ съ Каллисѳеновымъ изложеніемъ аналогичнаго случая между Александромъ и Даріемъ. Историкъ Александра, передавъ о происходившемъ между персами и македонянами сраженіи, подробности котораго напоминаютъ, какъ было замѣчено, вышеприведенное описаніе битвы у Хоренскаго (гл. 46), продолжаетъ свой разсказъ такимъ образомъ. —Персы были разбиты на голову и *бѣжали*... Уже *вечерѣло*. Дарій изъ опасенія, что трудно будетъ продолжать бѣгство въ колесницѣ, оставилъ ее и, *сѣвъ на коня*, помчался далѣе. Александръ между тѣмъ гнался за нимъ по пятамъ; на разстояніи 60-ти стадій онъ настигъ мать, жену и дѣтей персидскаго царя, самого же Дарія спасла *ночь*: онъ *мѣнялъ коней на каждой станціи, продолжая бѣжать*. Тогда македоняне, *занявъ мѣста персовъ, расположились станомъ*, и, по случаю наступившей *ночи, ночевали на трупахъ*. Александръ же, *доѣхавъ до палатки* Дарія, *спѣшился и расположился въ ней*. Однако, одержавъ побѣду надъ врагами и достигши такой славы, Александръ нисколько не возгордился: *онъ приказалъ предать землѣ трупы* доблестныхъ и знатныхъ мужей (изъ персовъ), а мать Дарія, жену и дѣтей повезъ съ собою съ почетомъ. (*Каллисѳ.* Венец. изд., стр. 58—59).

Я не буду здѣсь затрогивать вопроса, какимъ путемъ могло произойти такое совпаденіе въ изложеніи обоихъ писателей, Каллисѳена и Хоренскаго: оттого ли, какъ утверждаютъ многіе, и, по моему мнѣнію, неосновательно, что армянскій историкъ самъ же и былъ переводчи-

комъ Каллисѳенова произведенія на армянскій языкъ [1]), либо, что еще менѣе вѣроятно, переводчикъ „Исторіи Александра“ пользовался, будто, имѣвшимся уже историческимъ трудомъ Хоренскаго, черпая изъ него подходящія выраженія, обороты и пр. Этотъ вопросъ для меня, въ сущности, имѣетъ второстепенное значеніе; хотя уже изъ существованія армянскаго перевода „Исторіи“ Каллисѳена въ V—VII вв. [2]) съ одной стороны и изъ отнесенія Моисеевой „Исторіи“ къ VIII вѣку съ другой—онъ получаетъ совершенно иное освѣщеніе. Важно то, что заимствуя у греческаго писателя цѣлые отрывки, относящіеся совершенно къ другой эпохѣ и другимъ лицамъ, Моисей приноравливаетъ ихъ къ Арменіи, выдавая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ за эпизоды армянскаго народнаго эпоса!

Остается намъ сказать о несообразныхъ словообразованіяхъ, приведенныхъ Хоренскимъ въ этой главѣ: *Ерванда-ванъ*, *Мар-амат*, *Мараџ-мар*. Всѣ они, по моему мнѣнію, имѣютъ основаніемъ позднюю народную этимологію, къ которой такъ часто прибѣгаетъ армянскій историкъ и которая обыкновенно бываетъ плодомъ искусственной, большею частію его собственной интерпретаціи.

Названное Арташесомъ поле сраженія „Ерванда-*ванъ*“ (Երուանդավան), что, по объясненію Хоренскаго, значитъ „на этомъ мѣстѣ онъ обратилъ въ бѣгство Ерванда“,—навѣяно, какъ мнѣ кажется, также Каллисѳеновымъ эпитетомъ Александра—„Хындка*ванъ*“ (Հնդկավան)—„*Гонитель* индійцевъ“ (стр. 157). Если даже допустить существованіе такой мѣстности въ означенномъ районѣ, то Ерванд-*аванъ* могъ бы означать развѣ *селеніе* Ерванда, какъ, напр., Аршак-*аванъ*—*селеніе* Аршака, а никакъ не бѣгство или изгнаніе Ерванда. Другими словами:

---

[1]) См., напр., предисловіе арм. пер. „Исторіи Александра“, (Венеція, 1842), написанное *о. Т'ріаномъ*.—ZDMG, 1886, III, статья *Баумгартнера*, с. 505—506.—*Норайра*, «Քննաւէր», ք., с. 29 и слѣд.

[2]) См. изслѣдов. *о. Дашіана* о Псевдо-Каллисѳенѣ, *l. c.*, стр. 42—44, 75 и слѣд.

во второй части интересующаго насъ названія нужно предположить слово *ա-ան* — *селеніе*, а не корень глагола *վանել* — *гнать*, *վան*.

„До наступленія полудня, говоритъ Моисей, Арташесъ прибылъ въ виллу Ерванда (т. е. Ервандакертъ) и приказалъ войску кричать въ одинъ голосъ: *Мар-аматъ*, что значитъ «Маръ пришелъ» ... Вслѣдствіе этого крика вилла была названа *Мармэтъ*: Арташесъ не желалъ, чтобы то мѣсто называлось именемъ Ерванда". — Отсюда ясно, что *Ервандакертъ* и *Мармэтъ* названія одной и той же мѣстности. Выше было замѣчено о подозрительности и недостовѣрности названія Ервандакертъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва упомянувъ о немъ, самъ же Хоренскій спѣшитъ отдѣлаться отъ него, придумывая нескладную легенду о замѣнѣ его уже дѣйствительно существовавшимъ названіемъ мѣстности. Это — Мармэтъ, который заранѣе имѣлъ въ виду историкъ, при описаніи фиктивнаго Ервандакерта, и для котораго было найдено подходящее толкованіе, связанное съ именемъ *Маръ* (мидіецъ). Что свѣдѣнія Хоренскаго о Мармэтѣ не заходили далѣе VII в. и даже, повидимому, основаны на свидѣтельствѣ одного памятника этой эпохи, впервые упоминающаго объ этомъ селеніи, мы указали выше. Едва ли не со словъ только Ширакаци могъ знать Моисей о томъ, что *Мармэтъ* (а не Мар-аматъ) былъ нѣкогда *станомъ Камсараканов*. Наконецъ, что при описаніи Ервандакерта-Мармэта историкъ нашъ, дѣйствительно, принимаетъ въ соображеніе позднія условія мѣстности, видно изъ свидѣтельства надписей начала XIII в. [1]). Въ нихъ упоминается *Мар-*

---

[1]) Ср. у *о. Алишана*, „Ширакъ" (Венеція, 1881), въ которомъ перепечатаны многія надписи изъ сборниковъ *еп. Шахатуніанца* (Эчміадзинъ, 1842 г., тт. 1 и 2), *еп. Джалалянца*, (Тифлисъ, 1842—1858, 2 тома), *о. Н. Сарпсянца*, (Венеція, 1864) и друг. Надписи Карса и Ани были изданы съ русскимъ ихъ переводомъ покойнымъ *Н. О. Эминымъ*, въ томъ же 1881 г., по порученію Московск. Археолог. Общ. — Въ этихъ надписяхъ упоминается обыкновенно, что такой-то жертвуетъ какое-нб. движимое или недвижимое имущество свое (домъ, лавку, мельницу, садъ, поле и т. п.) такой-то церкви, за что служители послѣдней обязаны каждогодно, либо по нѣскольку разъ въ году, служить обѣдню въ память жертвователя,

мэтъ, въ качествѣ селенія, лежавшаго, какъ и у Хоренскаго, на р. Араксѣ, и съ давнихъ поръ богатаго *виноградниками*. Вспомнимъ о „*множествѣвиноградниковъ*“ виллы Ервандакерта въ описаніи нашего автора [1]).

Не менѣе произвольно и толкованіе *Марац-мари*: „войска *Маровъ*, говоритъ Хоренскій въ 46-ой главѣ, заняли мѣсто войска Ерванда и, съ наступленіемъ сумерокъ, расположились станомъ на трупахъ. Арташесъ .... назвалъ долину, гдѣ онъ станомъ расположился надъ трупами, *Марац-мари*, т. е. *полемъ Маровъ*“ (Мидійцевъ). — Названіе это, не упоминаемое армянскими писателями *до* Хоренскаго, встрѣчается также въ надписяхъ начала XIII в., повидимому, въ указанной Моисеемъ мѣстности: два раза въ формѣ *Маранц-мари* [2]) и одинъ разъ—*Марац-мари*, что можетъ означать „Материнское поле“ [3]). Послѣдняя фор-

---

въ назначенные имъ дни. При этомъ, изъ четырехъ случаевъ упоминанія *Мармэта* въ надписяхъ у о. Алишана, въ нихъ во всѣхъ идетъ рѣчь только о пожертвованіяхъ *виноградниковъ*. Такъ, на с. 117 „Ширака“ читаемъ: „ՈՆԸ (1209 *Թ.*) ...ես խաչերեաս ...եամս (ի Ս. Աստուածածնին՝ որ ի Բագնայր) ...գայէն որ է Մարթե...“;— на стр. 120: „ՈԿ (1211 *Թ.*) ... ես Սարգիս եամս գիմ այէն որ է Մարթե ի վերայ Ծրաթեա ի առերբ ուխտս (Ս. Աստուածածնին)...;— на стр. 129: „Ի *Թուին* ՈԿՐ (1213) ...ես Տիգրան ...եամս գիմ գգանձագին (ի Ս. ուխտն Խնծկաւնից) ...այէն գն է Մարթե է որ Մխիթարգի կոչի...;—на стр. 150: „ՈՀԴ (1225 *Թ.*) ... Երես այէն է Մարթեի որ ի Նախնեաց մերոց ի մեզ էր հասեալ“ (տուեալ ուխտին Մարմաշինեա...):

[1]) Поэтому и расхожусь я съ мнѣніемъ о. *Алишана* („Айраратъ“, стр. 60), отождествляющаго *Мармэтъ* съ *Ервандашатомъ*. Ср. также о. *Инчинчіана*— Топографія древ. Арменіи, стр. 392—3.

[2]) Ср. „Ширакъ.“ стр. 21: „ՈՁ (1231 *Թ.*) ... Ես Իգնատիոս ... եւ կենակից իմ Մամբր տուաք գմեր հայրենիք կէս գանկն ի Մարթոյ Տարէն ի Ս. Յովաննէս“ (Հոռոմոսի)...;— стр. 23: „ՈՆ (1201 *Թ.*) ...ես Խաչիգայր եւ իմ որդիս Աւետիս միաբանեցաք Ս. ուխտիս (Հոռոմոսի) եւ տուաք գմեր հայրենիքն գՄարթոյ Տարէնն ի վանքս...“ *Ib.* „ՈԿԶ (1217 *Թ.*) ես Սմբատ եամս գՄարթոյ Տարէն գկէսն...“

[3]) Форма Մարանց (родит. падежъ множеств. числа отъ Մայր — *мать*, вѣроятно, по аналогіи съ литературн. Հարանց, отъ Հայր—*отецъ*)—народная, употребительная и понынѣ (вм. Մարց) въ значеніи „материнское“, принадлежащее материнской сторонѣ. Подобныя образованія очень обычны въ надписяхъ: напр., ՃարգՆոյ Մարգ, которое встрѣчается въ той же надписи за 1217 г., рядомъ съ Մարանց մարգ; ԵղՆոյ Մարգ—за 1266 г. Любопытно отмѣтить названія—*деревни* Հայրենեաց *Թաղ*, т. е. „Вотчинный участокъ“ (1191 г.): *виноградниковъ*: այգի— Պատուհնոյ, Տափկնոյ, Աշտոնոյ (1211 г.). Не лишне также указать на встрѣчающіяся въ тѣхъ же надписяхъ XIII в. собственныя имена, обозначающія родство: Քայրիկ, Որդիկ, Եղբայրիկ и даже Մոյր (Мать). („Ширакъ“, стр. 26, 120, 121, 123, 128, 165). Впрочемъ, послѣднія довольно древни и восходятъ къ V—VI вѣкамъ; они были употребительны и у персовъ. (Ср. *Hübschmann*, Die altarmen. Personennamen, 1894).

ма — Мара*ц*-марг — является, б. м., сокращеніемъ изъ первой, болѣе полной, если только нѣтъ здѣсь описки списывавшаго надпись, вм. Мара*нц*. Относительно *Мидійскаго* происхожденія этой мѣстности не имѣется никакихъ данныхъ. На связь интересующаго насъ названія съ *Марами* могло навести Хоренскаго, помимо чисто внѣшняго сходства, и аналогичное образованіе *Хоромоц-марг*, т. е. „Римское, собств. Греческое поле", встрѣчающееся у Себеоса подъ 603 г., въ кантонѣ Арагацотнъ, Айраратской провинціи, на берегу рѣки Храстана: *тутъ расположились станомъ греки, послѣ побѣды надъ полководцемъ* Хозроя Парвиза, Джуван-вехомъ [1]).—Разъ существовало „*Греческое* поле", почему не быть и *Мидійскому*, которое, по разсчету Моисея, должно было быть даже древнѣе послѣдняго.

Такимъ образомъ, происхожденіе мѣстности, извѣстной, быть можетъ, не ранѣе VIII—IX в., Хоренскій желалъ отдалить вглубь вѣковъ и отнести его къ I в. по Р. Х., благодаря своеобразному толкованію названія *Марац-марг*, въ которомъ онъ хотѣлъ выставить на видъ еще одно доказательство пребыванія Маровъ (мидійцевъ) въ Арменіи и новый фактъ, подкрѣпляющій, по его мнѣнію, исторію Ерванда и Арташеса.

Мнѣ могутъ задать вопросъ: откуда же тогда взялись въ Арменіи города (Ервандашатъ и др.), связанные съ именемъ „Ервандъ", если упоминаемый армянскимъ историкомъ Ервандъ II, которому приписывается ихъ построеніе,—лице вымышленное? Я полагаю, что основаніе или, по крайней мѣрѣ, наименованіе ихъ, а равно и другихъ подобныхъ мѣстностей въ юго-восточной Арменіи, какъ-то—кантона *Ервандуник'ъ* [2]) Васпураканской провинціи, тоже въ персидской формѣ—*Арвант'уник'ъ* у Ѳомы Арцруни (стр. 197), мѣстности въ кантонѣ Тоспъ—*Ервандаканк'ъ*, а также *Ервандак'ара*, отождествляемаго Асохикомъ (стр.

[1]) *Себеосъ*, стр. 73. ⁊ⲙⲛ ⲙⲇⲛⲩ ⲇⲙⲣⲫ; также *Іоан. Катол.*, Іерус., стр. 142.

[2]) Географія, приписыв. Ананіи Ширакаци, изд. Венец. 1865, стр. 609 (варіанты).

47, 48) съ Ервандашатомъ—восходятъ къ эпохѣ Ахеменидскихъ сатраповъ V—IV вѣковъ, и именно сатраповъ восточной Арменіи, въ районѣ которой и встрѣчаются приведенныя названія. Неразъ упоминаемые между этими сатрапами *Оронты*—Ὀρόντης и Ὀρόντας—[1]) и есть персидскій *Арвандъ* и армянскій *Ервандъ* [2]). Одного изъ раннихъ *Оронтовъ* находимъ еще у Ксенофонта (*Anab.*, III, 5). Послѣдняго персидскаго сатрапа Арменіи (около 190 г., до владычества Арташеса и Заріадра), по имени тоже *Оронта*, Страбонъ (L. XI, cap. 14, § 15) называетъ царемъ и считаетъ потомкомъ Гидарна, одного изъ семи персовъ.

---

[1]) *Judeich*, Kleinasiat. Stud. стр. 221 и слѣд. *Justi*, Iranisches Namenbuch, стр. 234–5.

[2]) *Hübschmann*, Armenische Grammatik, I Theil, Armen. Etymologie, Leipzig, 1895, стр. 41.

ГЛАВА X.

Объ Арташесѣ II.—1, Романическіе разсказы объ Арташесѣ и Сатиникъ.

Исторія Арташеса обнимаетъ у Хоренскаго 15 главъ его второй книги: отъ 47-й до 61-й. Для удобства разсмотрѣнія, разобьемъ эпоху этого царя на три отдѣльныя главы:

1, Романическіе разсказы объ Арташесѣ и Сатиникъ.

2, Дѣятельность Арташеса по благоустроенію страны: установленіе пограничныхъ термовъ, заботы о поддержаніи культа, о развитіи наукъ и искусствъ и проч.

3, Сношеніе Арташеса съ Римомъ: его смерть и похороны.

Предварительно разсмотримъ текстъ Хоренскаго, относящійся къ первой нашей главѣ.

Хор. II, 47. „...*Арташесъ*, получивъ *царскую власть*, раздаетъ дары войскамъ—*марскимъ и парсійскимъ*, и отпускаетъ ихъ въ ихъ земли. *Жалуетъ* также Аргаму, мужу храброму и знаменитому, обѣщанное *второе* мѣсто, также вѣнецъ, *усыпанный яхонтами*, пару серегъ для ушей, *красную обувь для* одной *ноги*, право ѣсть золотою ложкою и вилкой и *пить изъ золотыхъ чашъ*. Такія же милости онъ оказываетъ и кормильцу своему, Смбату, кромѣ пары серегъ и красной обуви и, сверхъ наслѣдственнаго права

аспета-вѣнценалагателя и начальства надъ западной арміею, *поручаетъ* ему также *всѣ* армянскія войска и управленіе *царскимъ домомъ* съ подчиненіемъ ему всѣхъ чиновъ страны нашей.

[I, 22 „... Говорятъ, что Храчеай, выпросивъ у *Навуходоносора* одного изъ главныхъ *полоненныхъ Евреевъ*, по имени Шамбатъ, привелъ его и поселилъ (въ Арменіи) съ великой честью. Историкъ [Маръ Абасъ] говоритъ, что отъ него происходитъ родъ *Багратуни* – и это вѣрно...“]

И Нерсеса, сына Гисака, сына своей кормилицы, возводитъ въ дворянскій родъ и въ память подвиговъ отца называетъ его *Димак'сеан'*омъ; ибо, какъ мы уже сказали, Гиса́ку снесли мечемъ *половину* его *лица*, когда онъ защищалъ Арташеса.

Разсказываютъ, что въ эти дни Арташесъ возводитъ въ дворянство сыновей Тур'а, въ числѣ пятнадцати юношей, называя ихъ, по имени отца ихъ, Труни, не за какіе нибудь подвиги, но единственно за наушничество отца ихъ Смбату (обо всемъ), происходившемъ въ царскомъ домѣ (Еруанда). Тур принадлежалъ ко двору Еруанда, который за это (наушничество) приказалъ казнить его“

[II, 37 „... Еруандъ, воцарившись, сталъ опасаться дѣтей Санатрука, (и потому) истребилъ ихъ всѣхъ... Однако (спасся) одинъ отрокъ, по имени *Арташесъ*: кормилица, взявъ его, скрылась въ странахъ Хера, въ Малхазанскихъ пастушескихъ пристанищахъ; отсюда извѣстила она его воспитателя, Смбата, сына Бюрата *Баграт'*уни... Смбатъ, сынъ Бюрата, узнавъ о кончинѣ Санатрука и истребленіи сыновей его, беретъ двухъ дочерей своихъ—Смбатануйшъ и Смбатурхи, сажаетъ ихъ въ *Байбердъ*, оставляя въ (этой) крѣпости храбрыхъ людей; самъ же съ одною своей женой и съ малымъ числомъ людей отправляется искать *отрока* Арташеса. *Царь* Еруандъ, узнавъ о томъ, разсылаетъ всюду соглядатаевъ. Вслѣдствіе этого Смбатъ въ теченіе всего времени нашелся вынужденнымъ, переодѣтый, скитаться пѣшкомъ по горамъ и по полямъ съ *отрокомъ*, котораго *воспитывалъ*, пока,

наконецъ, нашедъ удобный часъ, перешелъ къ парсійскому царю, Дарéху. И такъ какъ Смбатъ былъ мужъ храбрый и съ давнихъ поръ извѣстный, то и былъ принятъ съ почестями...“]

Хор. II, 43 „Между тѣмъ какъ юный Арташесъ росъ и вырось, его кормилецъ Смбатъ успѣлъ оказать много подвиговъ мужества и храбрости. Арійскіе сатрапы, довольные имъ, стали просить *царя пожаловать ему*, чего онъ попроситъ. Царь, изъявивъ на это согласіе, говоритъ нахарарамъ: «узнайте, чего желаетъ храбрый тотъ мужъ». Тѣ отвѣчаютъ: «безсмертное твое благодѣяніе! Смбатъ желаетъ лишь одного: утвержденія на царство кровнаго и близкаго твоего сродника, сына Санатрука, Арташеса, изгнаннаго изъ собственнаго его государства». Царь царей соглашается, даетъ Смбату часть войска ассирійскаго и войска атрпатаканскія для сопровожденія и утвержденія Арташеса на отцовскомъ престолѣ“.

Хор. II, 48, „...Объ этомъ (о дѣяніяхъ царя *Арташеса*) вѣрно повѣствуетъ намъ Улюпъ, жрецъ Ани, *писавшій* Анналы храма и (исторію) многихъ другихъ событій, о которыхъ предстоитъ еще намъ говорить, о чемъ свидѣтельствуютъ также *парсійскія книги* и *Пѣснь* армянскихъ *випасан*'овъ“.

Хор. II, 50. „*Около того времени Аланы,* соединившись съ горцами и привлекши на свою сторону половину Иверіи, огромными массами разсыпались по нашей странѣ. Арташесъ также *собираетъ* множество своего войска, и тогда происходитъ *сраженіе* въ нашей странѣ межъ двухъ храбрыхъ народовъ-копьеносцевъ. Народъ Аланскій *отступаетъ немного*, переходитъ великую рѣку Куръ и лагеремъ располагается на сѣверномъ берегу рѣки; Арташесъ приходитъ и располагается на югѣ: рѣка раздѣляетъ оба народа. Но такъ какъ сынъ Аланскаго царя былъ взятъ въ плѣнъ армянскими войсками и приведенъ къ Арташесу, то *царь Алановъ* просилъ мира, обѣщая дать Арташесу, чего онъ пожелаетъ, и заключить съ нимъ вѣчныя клятвенныя обѣщанія, чтобы

отнынѣ юноши *Аланскіе не дѣлали набѣговъ на Армянскую страну.* И когда Арташесъ отказался выдать юношу, приходитъ сестра юноши на берегъ рѣки, на высокую возвышенность, и черезъ толмачей гласитъ въ станъ Арташеса: «къ тебѣ рѣчь моя, храбрый мужъ Арташесъ, къ тебѣ, побѣдителю храбраго народа Алановъ, поди-согласись со мною прекрасноглазою дочерью Алановъ и выдай юношу. Ибо не слѣдъ у потомковъ боговъ, мести ради, отнимать жизнь, или держать ихъ въ рабскомъ униженіи и (тѣмъ) питать вѣчную вражду между двумя храбрыми народами». Услышавъ такія мудрыя рѣчи, Арташесъ идетъ на берегъ рѣки и, *увидавъ прекрасную дѣву*, говорившую слова мудрости, полюбилъ ее. И позвавъ кормильца своего, Смбата, открываетъ ему задушевную *мысль* свою—*взять себѣ въ жены* дѣву, заключить договоръ и условіе съ храбрымъ народомъ и отпустить юношу съ миромъ. Смбатъ *одобрилъ* это, и Арташесъ посылаетъ къ *царю Алановъ* (предложеніе) отдать царевну-дѣву *Алановъ—Сат'иник, замужъ за Арташеса.* И говоритъ царь Алановъ: «и гдѣ возьметъ храбрый Арташесъ тысячи изъ тысячъ и тьму изъ тёмъ, чтобы заплатить за божественнаго происхожденія царевну-*дѣву* Алановъ?»

Это мѣсто, облеченное въ иносказаніе, такъ поется випасанъ'ами въ ихъ Пѣснѣ:

„*Сѣлъ* мужественный царь *Арташесъ* на красиваго воронаго (коня);
„И вынулъ арканъ изъ *красной кожи съ золотымъ кольцомъ*,
„И промчался быстрокрылымъ орломъ черезъ рѣку;
„И *метнулъ арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ*
„И обхватилъ станъ *царевны Алановъ*,
„И сильную причинилъ боль стану *нѣжной царевны*,
„Быстро промчавъ (ее) въ свою ставку".

[II, 85. „Подвиги *Трдата* на войнѣ въ Ахваніи, гдѣ онъ разсѣкъ пополамъ царя Басиловъ... *Царь* Басиловъ, при видѣ этого, приближается къ *государю* [Трда-

ту] и, вынувъ изъ подъ конской сбруи *арканъ*, обвитый ремнемъ, обтянутый кожею, мощною рукою *бросивъ съ тылу*, ловко попадаетъ на лѣвое плечо и въ правую подмышку царя, который... быстро схватилъ лѣвою рукою *арканъ*, рванулъ его и притянулъ его къ себѣ съ необычайной силою, ловко угодилъ обоюдоострымъ *мечемъ* и *разспкъ* его пополамъ".]

Вотъ сущность этихъ словъ: такъ какъ у Алановъ въ большомъ уваженіи *красная кожа*, то Арташесъ отпускаетъ въ приданое много красной кожи, много *золота* и *беретъ* царевну-*дѣву Сат'иник.* Вотъ что означаетъ „*арканъ* изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ".

Также и *о свадьбѣ* иносказательно поютъ слѣдующимъ образомъ:

„*Золотой* дождь шелъ *на свадьбѣ Арташеса*,
„*Жемчужный* дождь шелъ *на свадьбѣ Сат'иникъ*..."

„*Сатиник стала первою между женами Арташеса* и родила ему Артавазда и много другихъ сыновей..."

Хор. II, 51. „Артавздъ, сынъ Арташеса, достигнувъ совершеннолѣтія, явился мужемъ храбрымъ, самолюбивымъ и гордымъ. Питая зависть къ старцу Аргаму, возбудилъ онъ на него гнѣвъ отца своего, (говоря ему, что Аргамъ) *замышляетъ царствовать* надъ всѣмъ. Такимъ образомъ Артавздъ, лишивъ его почестей, самъ получаетъ *второе мѣсто* (въ государствѣ). Послѣ этого (случилось) *Арташесу отправиться* къ Аргаму *на обѣдъ*. (Царевичи) возбудили подозрѣніе, будто бы (этимъ послѣднимъ) устроены козни противъ царя, *подняли* гвалтъ и тутъ же за обѣдомъ стали выщипывать сѣдую бороду Аргама. Въ великомъ смущеніи царь *Арташесъ* возвращается въ Арташатъ, снова отправляетъ туда сына своего, Мажана, съ большимъ отрядомъ, *приказавъ* истребить многихъ изъ рода Мурацанъ, предать огню чертоги Аргама и Манту, дивной красоты наложницу его, привести къ себѣ въ наложницы... Но Артавздъ мало того что лишилъ ихъ (Дра-

конидовъ) *втораго мѣста*, онъ *отнялъ* у нихъ также Нахчаванъ и всѣ деревни, лежащія на сѣверѣ отъ Ераскха, въ которыхъ выстроилъ себѣ чертоги въ наслѣдіе. *Сыновья* Аргама не вынесли этого, возстали противъ него войною; но царевичъ, одержавъ верхъ, истребилъ всѣхъ чадъ Аргама вмѣстѣ съ ихъ отцемъ... Это тотъ Аргамъ, который въ легендѣ называется Аргаваномъ; и вотъ причина войны его съ Артаваздомъ!"

Хор. II, 52. „Мнѣ пріятно говорить также о храбромъ *мужѣ* Смбатѣ. И дѣйствительно, легенда немного удаляется отъ истины, (говоря): *„размѣры его членовъ* соотвѣтствовали его *храбрости; добродѣтель* его привлекала сердца; *прекрасная сѣдина украшала его*; въ глазахъ у него были тонкія кровяныя *жилки подобно* тѣмъ, какія встрѣчаются на золотѣ и на жемчугѣ; при *живости* духа и подвижности тѣла, онъ былъ *остороженъ* во всемъ и болѣе чѣмъ кто-нибудь удачливъ на войнѣ..."

Для настоящаго отдѣла Хоренскій самъ намѣтилъ себѣ программу въ 49-й главѣ: „Дѣянія послѣдняго Арташеса, говоритъ историкъ, обращаясь къ своему меценату, большею частью извѣстны тебѣ изъ (пѣсней) випасановъ, которые поются въ Гохтнѣ: — построеніе города [Арташата], свойство (Арташеса) съ Аланами, — рожденіе его потомковъ, *будто* [1]) страстная любовь Сатиник къ Драконидамъ, *говоря аллегорически*, [2]) къ потомкамъ Аждахака, занимающимъ все пространство у подошвы Масиса, — война съ ними и сокрушеніе ихъ имущества, — истребленіе ихъ и преданіе огню всѣхъ зданій, — зависть сыновей Арташеса, возбужденныхъ другъ противъ друга ихъ женами.

---

[1]) Переводчики Моисея Хоренскаго обыкновенно пропускаютъ союзъ *թէ*, который, какъ увидимъ, имѣетъ, однако, важное значеніе для точнаго пониманія даннаго мѣста.

[2]) По поводу перевода этого выраженія, см. выше, стр. 198.

Все это, какъ мы сказали, извѣстно тебѣ изъ пѣсней випасановъ. Впрочемъ и мы упомянемъ объ этомъ вкратцѣ и подтвердимъ иносказательный ихъ смыслъ",—замѣчаетъ нашъ историкъ, намекая тѣмъ на только что указанные имъ источники въ главѣ 48-й, на Храмовую исторію Улюпа и Персидскія книги, которыми онъ будетъ пользоваться въ предстоящемъ своемъ изложеніи.

Такимъ образомъ, слѣдующая за симъ глава 50-я будетъ, согласно заявленію Хоренскаго, основана на перечисленныхъ имъ новыхъ, сверхъ эпоса, источникахъ, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ пространной иллюстраціей того, что было приведено въ краткомъ извлеченіи изъ народныхъ пѣсенъ о тѣхъ же событіяхъ въ 30-ой главѣ I книги „Исторіи Арменіи".

„Тигранъ (I), говорится здѣсь, назначаетъ царицѣ Ануйшъ служителей изъ тѣхъ же Маровъ, которыхъ поселилъ онъ у подошвы горы Масиса. Истину этихъ словъ подтверждаютъ также Пѣсни *Тʼвеліацъ*[1]), которыя, какъ слышу, охотно сохраняютъ жители Гохтенской области, изобилующей виномъ. Въ нихъ то нанизаны слова пѣсней объ Арташесѣ и его сыновьяхъ и иносказательно упоминается о потомкахъ Аждахака, называемыхъ драконидами (вишапазункʼ), такъ какъ аждахакъ на нашемъ языкѣ значитъ драконъ (вишапъ). Въ тѣхъ пѣсняхъ поется также, что Аргаванъ въ честь Арташеса приготовилъ обѣдъ и въ дворцѣ драконовъ (вишаповъ) устроилъ было ему ковы... Также поется, что царица Сатиникъ горѣла страстной любовію къ Аргавану..."[2]).

Цѣль этихъ искусныхъ повтореній и ссылокъ нашего автора на предыдущія свои повѣствованія—двоякая: во первыхъ, привести въ связь исторію Арташеса Втораго

---

[1]) О значеніи этого слова см. выше, стр. 197.

[2]) Не находя умѣстнымъ вдаваться въ подробности разбора этого искаженнаго отрывка, я передаю общій его смыслъ, который не подверженъ сомнѣнію, при какомъ бы то ни было толкованіи. Ср. Матер. арм. словаря *К. Патканова*, I и II; мою замѣтку въ WZKM, 1893, I, стр. 27—28; также догадку Գրիգոր'а въ журналѣ „Араратъ", 1894, № 4 и отдѣльно изданн.: „Armeniса", VIII.

(I в. по Р. Х.) съ эпохою Аждахака Мидійскаго (VI в. до Р. Х.) черезъ романъ царицы Сатиникъ и тѣмъ выставить на видъ пространный объемъ армянскаго эпоса; и во вторыхъ, создать искусственнымъ путемъ солидарность между разнообразными своими источниками, (мнимыми или дѣйствительными), которые дополняли бы взаимно и подтверждали другъ друга.

Происхожденіе романа Сатиникъ историкъ нашъ приводитъ въ связь съ войною Арташеса противъ алановъ. Это —, такъ сказать, завязка романа, начинающагося женитьбой армянскаго царя на аланской дѣвѣ; за этой прелюдіей идетъ уже настоящая драма — роковая привязанность страстной армянской царицы къ знатному мидійцу, Аргаму, имѣвшая столь пагубныя послѣдствія для несчастнаго героя и всего его рода.

Въ литературномъ отношеніи драма эта представляется весьма интересной: она задумана необыкновенно эффектно и обличаетъ въ ея авторѣ тонкое художественное чутье. Но съ точки зрѣнія исторической ея достовѣрности и, въ особенности, дѣйствительно эпическаго ея происхожденія и характера, она не выдерживаетъ критики. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ литературной обработкой разнообразныхъ и даже чуждыхъ другъ другу книжныхъ мотивовъ, искусно спаянныхъ между собою, какъ одно цѣлое, и выдаваемыхъ авторомъ за народный эпосъ.

Посмотримъ, изъ какихъ элементовъ сложился нашъ романъ.

Начать съ того, что въ основу своего разсказа о войнѣ Арташеса съ аланами Хоренскій положилъ, какъ мнѣ кажется, Іосифово описаніе нашествія алановъ же на Мидію и Арменію, произведеннаго въ концѣ I вѣка, т. е. почти въ эпоху царствованія Арташеса по Моисею.

Разсказываетъ еврейскій историкъ, что при Веспасіанѣ (69—79 г.) аланы, народъ скиѳскаго происхожденія, жившіе у Танаиса и Меотидскаго озера, совершили набѣгъ на Мидію, съ цѣлью *разграбить страну*, предварительно условившись о томъ съ царемъ Гирканскимъ, ибо

въ его рукахъ былъ единственный проходъ, укрѣпленный желѣзными воротами царемъ Александромъ (Македонскимъ). И такъ какъ не было имъ оказано никакого сопротивленія, они разграбили страну богато населенную и захватили множество скота; самъ царь мидійскій, Пакоръ, отъ страха *бѣжалъ* въ горы и былъ принужденъ *уплатить выкупъ* во сто талантовъ, *чтобы спасти захваченныхъ въ плѣнъ* жену свою и наложницъ изъ рукъ варваровъ. *Аланы* прошли безпрепятственно, *разоряя* все на своемъ пути до *Арменіи*, гдѣ царствовалъ *Тиридатъ*. Послѣдній пошелъ противъ нихъ; *произошла ожесточенная битва*, въ которой едва онъ не попалъ живымъ въ руки своихъ враговъ: ибо одинъ изъ нихъ издали *бросилъ на него аркань*, и царь армянскій былъ бы захваченъ въ плѣнъ, если бы тотчасъ не *разрубилъ аркана* своимъ мечемъ и не пустился бѣжать. Еще болѣе ожесточившись послѣ этой битвы, аланы опустошили всю страну и, забравъ много плѣнныхъ и всякаго рода добычи съ обѣихъ странъ, ушли къ себѣ [1]).

Всѣ переводчики Хоренскаго, начиная отъ бр. Вистоновъ, и изслѣдователи его, въ томъ числѣ и Гарагашіанъ [2]), ссылаются на приведенный разсказъ, находя въ немъ подтвержденіе повѣствованію Моисея. Но такое заключеніе можно было бы допустить въ томъ случаѣ, если бы Хоренскій не былъ знакомъ непосредственно съ Іосифовой исторіей. Между тѣмъ намъ извѣстно, что армянскій историкъ пользовался, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ частяхъ своего труда, еврейскимъ историкомъ. (*Хор. II*, 15). Въ виду этого, мнѣ кажется, тутъ можетъ быть рѣчь только о заимствованіи.

Въ самомъ дѣлѣ, разсказъ этотъ Хоренскій переноситъ цѣликомъ, съ сохраненіемъ даже имени армянскаго царя, съ I вѣка къ началу IV в., отождествляя такимъ образомъ Тиридата (I), современника Нерона и Веспасіана, съ Тиридатомъ (III) Великимъ (*Хор. II*, 85), союзникомъ

---

1) *Bell. Jud.*, L. VII, cap. VII, (XXVIII), 4.

2) Критич. исторія Арменіи, ч. II, Тифлисъ, 1895, стр. 242 и слѣд.

Діоклетіана и Константина, о которомъ Іосифъ, какъ писатель I вѣка, очевидно, ничего не могъ передавать. Вмѣсто Іосифова Тиридата, Моисей выводитъ здѣсь армянскаго царя Арташеса и видоизмѣняетъ самый разсказъ о войнѣ съ аланами до неузнаваемости. При этомъ, конечно, онъ и не намекаетъ на существованіе подобнаго эпизода у Іосифа; напротивъ того, съ цѣлью не впасть въ противорѣчіе съ нимъ и лучше скрыть слѣды заимствованія, онъ ссылается на народный армянскій эпосъ. Несмотря на это, все же мы находимъ немало одинаковыхъ мотивовъ въ повѣствованіяхъ Іосифа и Хоренскаго. У нихъ у обоихъ *аланы производятъ нашествіе на Арменію, съ цѣлью грабежа*; и тутъ и тамъ говорится объ *отступленіи* — по еврейской исторіи — мидійскаго царя Пакора, по Моисею — царя алановъ; у обоихъ историковъ упоминается о *захватѣ въ плѣнъ* — у Іосифа — царицы мидійской, у Хоренскаго — аланскаго царевича; въ обоихъ случаяхъ *уплачивается большой выкупъ* — въ Іосифовой исторіи за плѣнную царицу мидійскую, въ Моисеевой — за царевну аланскую; наконецъ, и тутъ и тамъ немаловажное значеніе имѣетъ *арканъ*.

Вся 50-ая глава II книги Хоренскаго посвящена описанію славной войны съ аланами, окончившейся женитьбой Арташеса. Приведенный здѣсь отрывокъ изъ народнаго эпоса, по увѣренію нашего историка, *аллегорически* передаетъ это событіе, какъ похищеніе Арташесомъ нѣжной царевны алановъ, Сатиникъ, посредствомъ аркана съ золотымъ кольцомъ.

По смыслу словъ Хоренскаго выходитъ такъ, что аллегорическій разсказъ о похищеніи царевны Сатиникъ и, какъ увидимъ, вообще *всякая аллегорія* въ его Исторіи принадлежитъ народнымъ пѣвцамъ, которые, будто, поэтизировали извѣстныя имъ и даже имъ современныя историческія событія по своему представленію. Самыя же событія по исторіи Арташеса въ томъ видѣ, какъ они дѣйствительно происходили, Моисей нашелъ изложен-

ными въ Храмовой исторіи Улюпа и въ Персидскихъ книгахъ.

Ниже мы увидимъ, на сколько заслуживаетъ довѣрія эта ссылка Хоренскаго, а теперь разсмотримъ предлагаемый имъ самый отрывокъ пѣсни въ оригиналѣ, по принятой у изслѣдователей стихотворной формѣ:

Հեծաւ արի արքայն Արտաշէս ի սեաւն գեղեցիկ.
Եւ Հանեալ զոսկէօղ շիկափոկ պարանն,
Եւ անցեալ որպէս զարծուի սրաթև ընդ գետն,
Եւ ձգեալ զոսկէօղ շիկափոկ պարանն—
Ընկէց ի մէջք օրիորդին Ալանաց,
Եւ շատ ցաւեցոյց զմէջք փափուկ օրիորդին,
Արագ հասուցանելով ի բանակն իւր։

Допустимъ на время, что отрывокъ этотъ взятъ изъ эпоса; но все же нельзя согласиться съ тѣмъ, что мы имѣемъ передъ собою подлинныя слова пѣсни. Не говоря уже объ отсутствіи въ немъ необходимаго ритма, самый языкъ съ формами причастія прошедшаго времени— „вынувъ“ (*Հանեալ*), „промчавшись“ (*անցեալ*), „метнувъ“ (*ձգեալ*), „промчавъ“ (*Հասուցանելով*), — въ качествѣ сокращенныхъ придаточныхъ предложеній, не свойственъ народно-эпическому складу рѣчи, вслѣдствіе чего изложеніе получаетъ форму сжатаго пересказа.

Немаловажно и то обстоятельство, что самые интересные моменты романа, а именно приготовленія къ похищенію аланской царевны и удачно выполненная умычка, требующія, надо полагать, болѣе обстоятельнаго описанія, можетъ быть, цѣлой пѣсни,— исчерпываются всего на все *семью* строчками! Что же собственно оставалось тогда изъ предполагаемаго обширнаго эпоса для остальныхъ частей романа?

Возможно, конечно, что во времена Хоренскаго существовало какое-нибудь сказаніе вышеприведеннаго содержанія; но мало вѣроятно, чтобы оно относилось именно къ армянскому царю Арташесу и царицѣ Сатиникъ I в. по Р. Х. въ той формѣ, въ какой это передано у нашего историка. Въ особенности возбуждаетъ во мнѣ подо-

зрѣніе Іосифовъ разсказъ, въ которомъ, помимо многихъ другихъ сходныхъ мотивовъ съ Моисеевымъ повѣствованіемъ, *аркань* играетъ такую же роль, какъ и въ эпизодѣ Арташеса. Поэтому, заимствованія Хоренскимъ, а не эпосомъ этого мотива объ *аркань*, по мнѣ, едва ли подлежитъ сомнѣнію. Историку нашему не помогаетъ и высказанное имъ передъ читателемъ увѣреніе, что похищеніе аланской царевны посредствомъ „*аркана* изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ“ на самомъ дѣлѣ никогда и не происходило: это не болѣе какъ *аллегорія*, придуманная армянскими рапсодами; „такъ какъ у алановъ, поясняетъ Моисей сущность пѣсни, въ большомъ уваженіи *красная кожа*, то Арташесъ отдаетъ за выкупъ много *красной кожи* и *золота* и беретъ царицу-дѣву Сатиникъ. Вотъ что означаетъ *арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ*“.

Удивительно тонкая аллегорія! Странно одно: вѣдь если эта аллегорія состояла въ иносказательномъ значеніи *красной кожи*, означающей *аркань* (изъ красной кожи), то она должна была возникнуть именно тамъ, гдѣ красной кожѣ придавали такое символическое значеніе, т. е. у алановъ, а никакъ не у армянъ, у которыхъ не было объ ней такого представленія. Какимъ же образомъ тогда у армянскихъ пѣвцовъ могла имѣть мѣсто подобная аллегорія? Ясно, что самъ Хоренскій имъ это приписываетъ: другими словами—„аллегорія“, на которую такъ часто ссылается нашъ историкъ, принадлежитъ ему самому. Мы уже видѣли образецъ подобной „аллегоріи“ въ исторіи Тиграна, примѣнительно къ толкованію имени „Аждахакъ“.

Мало того, самое символическое значеніе у алановъ *красной кожи*, а равно и *золота*, оттѣненныхъ въ разсказѣ у Хоренскаго, кажется мнѣ сомнительнымъ: слишкомъ уже напоминаетъ оно библейскіе мотивы, которые не могли не быть хорошо извѣстны нашему историку. Въ самомъ дѣлѣ, *красная* шерсть и *красная кожа* были искони излюбленными для евреевъ, получившими даже силу закона. Такъ, въ книгѣ *Исхода* предписывается на-

роду Израиля употребленіе для священной Скиніи и ея принадлежностей преимущественно *красной кожи* бараньей и шерсти *пурпуроваго и червленаго* цвѣта, также какъ чистаго *золота*. Встрѣчающіяся не разъ въ той же библейской книгѣ указанія на *золотыя кольца*, не безъ связи съ *красной кожею*, напоминаютъ въ свою очередь „*золотое*“ же „*кольцо*“ на „арканѣ изъ красной кожи“ у Хоренскаго.

Для ясности приведемъ нѣкоторыя цитаты изъ Библіи.

„И сказалъ Господь Моисею, говоря: скажи сынамъ Израилевымъ, чтобы они сдѣлали мнѣ приношенія... Вотъ приношенія, которыя вы должны принимать отъ нихъ: *золото*... и шерсть голубую, *пурпуровую и червленую*... и *кожи* бараньи *красныя*“. (Кн. *Исх.* xxv, 1—5).

„И обложи его (ковчегъ) чистымъ *золотомъ*... и сдѣлай на верху вокругъ его *золотой* вѣнецъ. И вылей для него четыре *кольца золотыхъ*... Сдѣлай также крышку изъ чистаго *золота*... И сдѣлай изъ *золота* двухъ херувимовъ... И обложи его (столъ) *золотомъ* чистымъ и сдѣлай вокругъ его *золотой* вѣнецъ... И сдѣлай для него четыре *кольца золотыхъ*. При стѣнкахъ должны быть *кольца*“. (*Ib.* 11—27).

„Скинію же сдѣлай... изъ голубой, *пурпуровой и червленой* шерсти... И сдѣлай пятьдесятъ крючковъ (въ арм. перев. *колецъ*) *золотыхъ*... И сдѣлай покрышку для покрова изъ *кожъ* бараньихъ *красныхъ*“. (*Ib.* xxvi, 1, 6, 14).

„Изъ голубой, *пурпуровой и червленой* шерсти сдѣлали они служебныя одежды... И разбили они *золото* въ листы, чтобы воткать ихъ между голубыми, *пурпуровыми и червленными* висонными нитями“ [1]). (*Ib.* xxxix, 1, 3).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что *красная кожа* могла быть, по словамъ Хоренскаго, въ особенномъ почетѣ и у алановъ, также какъ и сыпать *золото* на царской свадьбѣ былъ обычаемъ и у другихъ народовъ; но, въ виду тѣсной, какъ увидимъ, связи интересующаго насъ эпи-

[1]) Русск. пер. Библіи, Спб. 1873. Арм. тексты см. во II ч. этого изслѣдованія, с. 62.

зода съ библейскими разсказами, символику *красной кожи* и *золота* у Хоренскаго я склоненъ приписать вліянію Библіи.

За „свойствомъ Арташеса съ аланами“ въ эпосѣ воспѣвалось о „рожденіи его потомковъ“, также о „зависти сыновей Арташеса, возбужденныхъ другъ противъ друга ихъ женами“.—Царица Сатиникъ, становясь первою между женами Арташеса, родитъ ему шестерыхъ [1]) сыновей — Артавазда, Тирана, Тиграна, Зареха, Мажана и Вруйра. Изъ нихъ первые три одинъ за другимъ достигаютъ царскаго престола, остальные занимаютъ высшія должности въ государствѣ — главнаго жреца, управителя царскаго дворца и военачальника.

Собственно говоря, изъ изложенія Хоренскаго не видно, откуда онъ черпаетъ свой разсказъ, изъ эпоса ли, или изъ другихъ источниковъ, служащихъ „подтвержденіемъ эпическихъ пѣсенъ“. Во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ повѣствованія объ Артавазdѣ, имѣющаго легендарный характеръ, передаваемое объ остальныхъ его братьяхъ едва ли заключаетъ въ себѣ что-либо эпическое. Я уже не говорю, что Моисей очень мало прибавляетъ къ упомянутому имъ выше краткому содержанію эпоса о „потомкахъ Арташеса“. — Въ отношеніи исторической достовѣрности, разсказъ Хоренскаго не можетъ внушить довѣрія, хотя бы по странному анахронизму, въ силу котораго поздніе сассанидскіе военные обычаи [2]), а именно—

---

1) Имена послѣднихъ двухъ — Ւրամշապ и Վրույր, на сколько мнѣ извѣстно, не упоминаются въ армянскихъ памятникахъ ранѣе IX вѣка. — Встрѣчающіяся въ „Житіи свв. Оскіанцъ“ (Ս. Հռիփսիմեայ) и въ армянскихъ Минеяхъ имена сыновей Арташеса — Վահէ и Զրա (*вар.* Վրոյ) или Վրոյ и Վահէ — находятся, по моему мнѣнію, въ зависимости отъ Хоренскаго. (См. „Ումեբք“, Т. XIX, стр. 62).

2) Четыре спахпетства — восточный, западный, сѣверный и южный — введены въ Персіи впервые Хозроемъ Ануширваномъ (531—579), вмѣсто прежняго одного имперскаго спахпета—Eranspahpat. См. *Nöldeke*, Tabari, pp. 155—156, 444; *Gutschmid*, Kl. Schrift, III, p. 336. Также одинъ только спахпетъ или *спарапетъ Арменіи* (Սպարապետ Հայոց или Սպարապետ ամենայն զօրացն Հայոց), въ качествѣ главнокомандующаго всѣхъ армянскихъ войскъ, упоминается у первыхъ армянскихъ историковъ — Агаѳангела, Фавста Виз. и Лаз. Парпеци, несомнѣнно, какъ древній аршакидскій обычай.

раздѣленіе войска на четыре спарапетства (военачальства) по одному съ каждой изъ четырехъ сторонъ государства— переноситъ историкъ нашъ въ Арменію и пріурочиваетъ ихъ къ I в. по Р. Х., желая тѣмъ объяснить главный мотивъ „зависти сыновей Арташеса". Такимъ образомъ, если въ I в. не существовало въ Арменіи „четырехъ спарапетствъ", то не могло быть изъ-за нихъ и „зависти между сыновьями Арташеса", а слѣд. самый мотивъ вражды вымышленъ. То же самое нужно сказать и относительно войны сыновей Арташеса съ иверійскимъ царемъ, Карцамомъ, объ интригахъ ихъ передъ Траяномъ и, вообще, о сношеніяхъ армянскаго царя съ этимъ императоромъ.

Обратимся къ слѣдующему мотиву народнаго эпоса, къ „страстной любви царицы Сатиникъ къ Драконидамъ".

Замѣтимъ прежде всего, что въ передачѣ краткаго содержанія народной пѣсни о преступной любви армянской царицы Хоренскій выражается условно: онъ даетъ понять, что такъ пѣли только въ пѣсняхъ, но что этого на самомъ дѣлѣ никогда не было: „*եւ տրփանք Սաթինկան*",— говоритъ историкъ, — „*будто* страстная любовь царицы Сатиникъ". Выходитъ, что намекаемыя въ эпосѣ романическія отношенія армянской царицы къ Мидійцу Аргаму или Аргавану опять слѣдуетъ принимать за *аллегорію*.

И точно, въ изложеніи самого историка, основанномъ, надо полагать, на „Храмовой исторіи" и „Персидскихъ книгахъ", нѣтъ болѣе рѣчи объ этомъ увлеченіи царицы Сатиникъ. Тутъ косвенно ставится читателю на видъ, что легенда о томъ могла явиться у народныхъ пѣвцовъ, которые старались объяснить такимъ мотивомъ смертельную вражду, возникшую между царевичемъ Артаваздомъ и Мидійцемъ Аргамомъ, и истребленіе послѣдняго со всѣмъ родомъ, какъ бы въ отмщеніе за нанесенное имъ царской семьѣ столь тяжкое оскорбленіе.

Настоящую причину этой вражды или „истинный смыслъ аллегоріи народной пѣсни" Хоренскій ищетъ въ завистливой и честолюбивой натурѣ царевича Арта-

вавда, который въ необузданномъ стремленіи своемъ отнять у князя *Мурацана* Аргама, высшее и почетнѣйшее въ государствѣ званіе *втораго по царѣ*, не остановился ни передъ какими кознями, чтобы погубить могущественнаго Аждахакида (Драконида). Но откуда же тогда взяли народные пѣвцы эту пикантную аллегорію, что именно подало имъ поводъ придумывать подобныя басни объ увлеченіи царицы Сатиникъ, — остается для насъ непонятнымъ?

Однако, и въ указанномъ объясненіи настоящей, будто, причины борьбы армянскаго царевича съ Драконидами есть крупная несообразность, возбуждающая сомнѣніе не только въ достовѣрности Моисеева разсказа, но и въ подлинности приводимой историкомъ народной пѣсни. Весь вопросъ въ томъ, былъ ли когда-нб. въ Арменіи произшедшій отъ Аждахака Мидійскаго княжескій родъ *Мурацанъ*, который назывался *Мидійскимъ*, (Марскимъ) и который въ I в. по Р. Х. занималъ столь выдающееся мѣсто въ политической іерархіи этой страны, т. е., *втораго по царѣ?*

Какъ извѣстно, переселеніе мидійской колоніи въ Арменію и размѣщеніе ея въ селеніяхъ, лежавшихъ у подошвы Масиса, Хоренскій приписываетъ Тиграну I. Лѣтъ около 400 спустя, Вахаршакъ (132—110 г. до Р. Х. по Моисею [1]), основатель Аршакидской династіи въ Арменіи, въ числѣ важнѣйшихъ своихъ распоряженій, назначилъ *вторымъ сановникомъ послѣ царя* одного изъ „потомковъ мидійскаго царя, Аждахака, называемыхъ *нынѣ*, говоритъ Хоренскій, *Мурацанъ*. Ибо родоначальникъ этого рода, поясняетъ нашъ историкъ, именуется не *Мурацан*-теръ (князь), но *Марацоц*-теръ (Мидійцевъ). Вахаршакъ оставляетъ за нимъ всѣ селенія, принадлежавшія мидійцамъ“. (*Хор.* II, 8)—При послѣдующихъ двухъ царяхъ, Аршакѣ I и Арташесѣ I, вовсе не упоминается ни о *второмъ по царѣ*, ни вообще о *Мурацанахъ* (*Ib.* II. 9—13).

[1]) Ср. у *К. Патканова*, Матер. для словаря арм. яз., вып. II, стр. 59.

Тиграиъ II, какъ видно изъ мимоходомъ сдѣланнаго замѣчанія историка, отнялъ это почетное званіе у рода Мурацанъ и передалъ зятю своему, Митридату Понтійскому (*Ib.* II, 14). Послѣ того, въ продолженіе около полутора столѣтія, (т. е. до воцаренія Ерванда) не видно, чтобы кто-нб. занималъ это мѣсто; Ервандъ возвращаетъ отнятое у Мурацановъ ихъ наслѣдственное званіе начальнику рода, Аргаму (*Ib.* II, 44). Арташесъ, обязанный Аргаму за оказанныя ему услуги, утвердилъ за нимъ мѣсто *втораго по царѣ* (*Ib.* II, 47); но потомъ, благодаря интригамъ царевича Артавазда, князь Мурацанъ подвергся опалѣ и былъ лишенъ этого званія, перешедшаго на нѣкоторое время къ Артавазду (*Ib.* II, 51). При братѣ и наслѣдникѣ послѣдняго, Тиранѣ I, званіе это пожаловано нѣкоему Анцеваційскому князю, Ерахнау (*Ib.* II, 62). Затѣмъ уже до самаго паденія Аршакидской династіи не упоминается болѣе у Хоренскаго ни о *второмъ по царѣ*, ни о родѣ *Мурацанъ*.

Выше, въ разборѣ Исторіи Тиграна I, мы видѣли, изъ какихъ побужденій приводитъ Хоренскій плѣнныхъ мидійцевъ въ Арменію. Историку, разъ онъ сдѣлалъ Тиграна побѣдителемъ Аждахака и мидянъ, нужно было послѣдовательно провести этотъ взглядъ во всемъ ходѣ своей Исторіи, для вящей убѣдительности описаннаго имъ важнаго событія. Вслѣдствіе такого ложнаго прагматизма онъ вынужденъ упоминать о мидійцахъ въ Арменіи даже спустя 700 лѣтъ послѣ ихъ полоненія, а родоначальнику ихъ, князю Мурацану, предоставить исключительный почетъ предъ всѣми другими армянскими владѣтельными князьями.

Упоминаніе о пожалованіи Вахаршакомъ Мидійскому князю званія *втораго по царѣ* прямо недостовѣрно, какъ и многое, сообщаемое Хоренскимъ о другихъ княжескихъ родахъ въ эпоху этого Аршакида. Здѣсь не мѣсто подвергать подробному разбору исторію основателя Аршакидской династіи въ Арменіи и дѣятельность его, въ качествѣ перваго вводителя политическаго и граждан-

скаго устройства въ странѣ, по изложенію Моисея [1]). Для нашей задачи достаточно будетъ сказать, что не только личность Вахаршака, но и время его воцаренія подвержены сомнѣнію. Обыкновенно приписываемое Аршаку Великому (Митридату I, 171—138 до Р. Х.) завоеваніе Арменіи не могло имѣть мѣста при этомъ царѣ по той причинѣ, что парѳяне еще не доходили тогда до Евфрата [2]). Это происходило, вѣроятнѣе всего, позднѣе, а именно — при Митридатѣ II, Великомъ [3]) (124—88 г. до Р. Х.); но династіи Аршакидской все же не было тогда основано въ Арменіи, въ виду существованія въ ней довольно сильной, національной Араратской династіи [4]), восходившей къ царю армянскому, Арташіасу [5]), современнику Антіоха Великаго (223—187 г. до Р. Х.). Къ этой династіи принадлежалъ и Тигранъ Великій (98—55 г. до Р. Х.). Послѣ того Тираниды держались на престолѣ съ небольшими перерывами до первой четверти I вѣка нашей эры. Затѣмъ наступаетъ въ Арменіи смутный періодъ, когда появляются на престолѣ то римскіе, то парѳянскіе ставленники, а иногда и оба одновременно [6]), — почти вплоть до паденія персидскихъ Аршакидовъ (въ 226 г.). Основаніе Аршакидской династіи въ Арменіи, въ смыслѣ болѣе устойчиваго, наслѣдственнаго владычества, по всему вѣроятію, возникло уже при Сассанидахъ и продержалось около 200 лѣтъ, т. е., до первой четверти V вѣка.

Такимъ образомъ, сообщаемое Хоренскимъ о князьяхъ Мурацанъ при первомъ армянскомъ Аршакидѣ, Вахаршакѣ, теряетъ подъ собою почву.

---

[1]) Этому вопросу, въ связи съ исторіей армянскихъ Аршакидовъ, я посвящаю особое изслѣдованіе.

[2]) Ср. *Gutschmid*, Geschichte Irans, стр. 54 и слѣд.

[3]) *Ibid.*, стр. 79 и слѣд.

[4]) См. у *Гарагашіана, l. c.*, ч. I, стр. 83—89.

[5]) См. у *Полибія*, XXVI и XXXI; *Страбона*, L. XI, cap. 14, §§ 5 и 15.

[6]) См. у *Тацита*, Annal; *Cas. Dio* и друг.; также *Mommsen*, Römisch. Gesch., T. V, гл. IX.

Не менѣе произвольно и разсказанное о Митридатѣ Понтійскомъ. Извѣстно, въ какомъ искаженномъ видѣ передаетъ нашъ авторъ о судьбѣ знаменитаго Понтійскаго царя, обращеннаго имъ въ скромнаго армянскаго сатрапа, хотя и *втораго по царѣ*. Очевидно, Моисей втиснулъ это званіе въ рамки исторіи Тиграна, съ цѣлью не потерять изъ вида князей Мурацанъ, которые были ему особенно нужны для эпохи Арташеса.

Самое появленіе княжества *Мурацанъ* на политическое поприще не можетъ относиться къ столь древней эпохѣ; это видно изъ того, что никто изъ древнихъ армянскихъ писателей,—Агаѳангелъ, Фавстъ, Л. Парпскій, Ехише—даже не знаетъ объ этомъ княжествѣ. Фактъ этотъ Хоренскому не былъ, конечно, безъизвѣстенъ; поэтому, во избѣжаніе противорѣчія съ упомянутыми историками, онъ весьма предусмотрительно полагаетъ конецъ почету и могуществу князей Мурацанъ еще во II в., т. е. незадолго до эпохи описанной у Агаѳангела.

Кромѣ того, и изъ предложеннаго Хоренскимъ толкованія имени „Мурацанъ“ можно заключить, что оно довольно поздняго происхожденія: „потомки мидійскаго царя, Аждахака, замѣчаетъ историкъ, называемые *нынѣ* Мурацанъ“. Это *нынѣ* относится, конечно, ко времени самого Хоренскаго, при которомъ Мурацаны были хорошо извѣстны; но историкъ искусно выдвигаетъ придуманное имъ не безъ цѣли другое родовое названіе того же княжества, какъ болѣе древнее, не объясняя, однако, какимъ образомъ пользовавшееся такимъ почетомъ въ странѣ названіе *Мараци* (Марацоц-теръ) перешло въ *Мурацанъ*. Дѣло, конечно, было проще. Одно изъ доказательствъ существованія мидійцевъ въ древней Арменіи Хоренскій усмотрѣлъ, между прочимъ, въ словѣ *Мурацанъ*, родовомъ названіи одного армянскаго княжества его времени; оно встрѣчалось также въ формѣ *Мураціанъ* [1]) и даже *Мараціанъ* (sic!), сопоставленной Моисеемъ,

[1]) Ср. Փաստակ или отрывокъ такъ наз. древнихъ разрядныхъ книгъ армянскихъ,—памятникъ, независимо отъ того, достовѣренъ онъ или нѣтъ, безъ сомнѣ-

совершенно произвольно и вопреки законамъ армянскаго языка, съ *Мараць* или *Мараци*, что значатъ „мидіецъ“ или „мидійскій“. Отсюда и связь этого княжества съ мидійцами! Но такъ какъ подъ послѣднею формою (Мараци) никогда не существовало въ Арменіи княжества, то авторъ нашъ, чтобы скрыть и свою цѣль, и свою выдумку, долженъ былъ перенести ее къ отдаленнымъ временамъ, которыхъ нельзя было контролировать, а въ болѣе позднюю эпоху называть этотъ родъ его дѣйствительнымъ, настоящимъ именемъ.—Весьма вѣроятно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одной изъ фамильныхъ легендъ князей Мурацановъ VII—VIII вв., возникшей, благодаря народной этимологіи, изъ сближенія или даже отождествленія сходныхъ по формѣ, но совершенно различныхъ по значенію, названій.

Наконецъ, что все относящееся къ древнимъ судьбамъ княжества Мурацанъ ничего исторически вѣрнаго, ни эпическаго въ себѣ не заключаетъ, а, напротивъ того, является плодомъ изобрѣтательности самого Хоренскаго, видно также изъ описанія пожалованныхъ Арташесомъ родоначальнику Аргаму регалій *втораго по царѣ* сановника въ Арменіи. Тутъ мы встрѣчаемся съ такими анахронизмами, которые низводятъ разсказъ нашего историка съ I вѣка къ VI и, б. м., даже къ IX вѣку.

За услуги, оказанныя Арташесу въ войнѣ его противъ Ерванда, Аргамъ, по свидѣтельству Моисея, получаетъ:

нія, извѣстный Хоренскому. Изъ перечисленныхъ въ немъ княжескихъ фамилій (71) предпослѣднее мѣсто занимаетъ князь *Марацiанъ* (Մարացիան տէր). (См. новый пер. Ист. Арм. М. Хор. *Н. Эмина*, 1893, с. 297; „Айраратъ“ *о. Алишана*, стр. 419, 431).—Въ Спискѣ выставляемыхъ армянскими князьями военныхъ силъ, приписываемомъ Ананіи Ширакаци (VII в.), стоитъ *Мурацанъ* (Մարցան), поставлявшій 300 воиновъ (см. *Шахатуніанъ*, „Описаніе Эчміадзина и пяти областей Айрарата, ч. II, с. 50 и таблицу); „Айраратъ“ *Алишана*, с. 424 и табл.— У *Католикоса Іоанна* (изд. Эмина, стр. 17; Іерус., стр. 34) и *Асохика* (Спб., с. 34) буквально повторяется выраженіе Хоренскаго: „потомки Мидійца Аждахака, *нынѣ* называемыхъ *Мурацанъ*“.—Ѳома Арцруни упоминаетъ объ одномъ князѣ *Мараціанъ*, Смбатѣ, VIII вѣка (Սմբատ Մարացեան), изд. Спб., стр. 109.—Наконецъ, „Біографія Нерсеса Великаго“, приписываемая въ настоящемъ ея видѣ іерею Месропу. (X в.), имѣетъ *Муациан* (Մուացեան, *вар.* Մուցեան и Մուցեան), вѣроятно, вм. *Мураціанъ* (Մարացեան). См. „Ոսկեբեր“, Т. VI, с. 38, 131 и 138.

1, вѣнецъ, усыпанный *яхонтами*;
2, *пару сереrъ для ушей*;
3, *красную обувь* для одной (?) ноги;
4, *право* ѣсть золотою ложкою и вилкой (sic!) и *пить изъ золотыхъ чашъ*.

Изъ перечисленнаго здѣсь—усыпанное *яхонтами* украшеніе и *красную обувь* Хоренскій заимствовалъ, какъ мнѣ кажется, изъ Прокопіева описанія необыкновенно пышныхъ, достойныхъ царя, одѣяній пяти знатныхъ князей Малой Арменіи, въ эпоху Юстиніана.

„...Хламида (у нихъ) была изъ шерсти, говоритъ Прокопій, но не овечьей, а собранной съ морскихъ животныхъ, называемыхъ пиннами; пурпуровое одѣяніе было украшено золотомъ... Къ хламидѣ была прикрѣплена *золотая пряжка* (περόνη χρυσῆ), украшенная въ срединѣ какимъ-то драгоцѣннымъ камнемъ: на немъ висѣло три *яхонта* на золотыхъ и подвижныхъ цѣпочкахъ... *Обувь* до колѣнъ *пурпуроваго цвѣта*, которую никто не былъ въ правѣ носить, кромѣ римскаго императора и персидскаго царя". [1])

Въ одномъ отношеніи, однако, Хоренскій отступилъ отъ своего источника, а именно — съ цѣлію, вѣроятно, хоть нѣсколько сбавить степень предоставленной имъ Мурацану Аргаму слишкомъ высокой чести, онъ, вмѣсто *красной обуви* на обѣихъ ногахъ, оставилъ за нимъ право носить такую же обувь лишь на одной ногѣ!

Далѣе, *вѣнецъ* и *серьги* у Аргама сильно напоминаютъ подобныя же украшенія въ любопытномъ описаніи наряда могущественнаго Сассанидскаго марзпана, Васака (въ V в.) у Ехише: „согласно прежнимъ дворцовымъ обычаямъ, Васакъ накинулъ на себя почетную одежду, полученную имъ отъ царя, привязалъ на голову повязку, а сверху надѣлъ золотой вѣнецъ; онъ опоясалъ себя массивнымъ поясомъ изъ кованаго золота, нанизаннымъ жемчугомъ

1) *Procop.*, De Aedif. III, 1. Въ той же третьей книгѣ упоминается и о вышеприведенной крѣпости *Βαβερδών*.

и драгоцѣнными камнями, надѣлъ *серьги въ уши*, ожерелье на шею и соболій мѣхъ на плеча“ [1]).

Наконецъ, и право *пить изъ золотыхъ чашъ*, какъ особая честь, буквально повторяется въ I книгѣ Маккавеевъ (XI, 58), именно: Антіохъ Юный жалуетъ Іонаѳану, брату Іуды Маккавея, царскія регаліи—*пить изъ золотыхъ чашъ* и носить порфиру и золотую пряжку.

Что касается золотой *вилки*, какъ аттрибута обѣденнаго стола, то обычай этотъ, какъ оказывается, довольно поздній, возникшій едва ли, однако, ранѣе VIII—IX вѣка. Это указаніе изъ исторіи культуры, опровергающее, по моему мнѣнію, достовѣрность разсказовъ 47-ой главы второй книги Хоренскаго и въ особенности теорію народно-эпическаго ихъ происхожденія, является вмѣстѣ съ тѣмъ солиднымъ аргументомъ въ рѣшеніи вопроса о времени, когда именно жилъ армянскій историкъ. Въ виду важности этого анахронизма, займемся имъ нѣсколько подробнѣе, хотя бы пришлось для того немного уклониться отъ прямой нашей задачи.

Въ древности народы восточные, равно какъ и греки и римляне въ эпоху императоровъ, любившіе изысканный столъ и роскошные пиры и доведшіе поварское искусство до крайней утонченности, ѣли, однако, за столомъ не иначе, какъ руками, т. е. съ помощью пальцевъ; употребленіе вилки для твердой пищи, какъ это принято въ наше время, не было имъ извѣстно. Правда, орудія въ родѣ вилки у нихъ въ хозяйствѣ упоминаются; но они, какъ видно, составляли принадлежность кухни и къ столу не подавались [2]). Такъ, встрѣчающееся въ греческомъ переводѣ Библіи LXX Толков. κρεάγρα (кн. *Исх.*, XXVII, 3; XXXVIII, 3; I кн. *Цар.*, II, 14; I кн. *Паралип.*, XXVIII, 17) было большой вилкой, съ помощію которой доставали изъ котла жертвенное мясо. Соотвѣтствующее κρεάγρα арм.

---

[1]) *Ехише*, Полн. соб. сочин., Венеція, 1859, стр. 106.

[2]) См., между прочимъ, Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines ed. par *Daremberg* et *Saglio*, *s. v. furca* (въ выпускѣ, вышедшемъ въ 1895 г.. Paris).—Grand dictionnaire du XIX siècle, *Larousse*, нов. изд., *s. v. fourchette*.

Լսաչաւ есть буквальный его переводъ. Въ томъ же смыслѣ большой вилки и для подобнаго же назначенія, т. е. выниманія изъ котла варенаго мяса, употреблялось у древнихъ грековъ слово ἐξαυστήρ, упоминаемое еще у Эсхила (fragm. 372, см. Слов. Pape).

Самое раннее свидѣтельство о появленіи въ литературѣ столовой вилки относится къ X—XI вѣку. Петръ Даміанъ († 1072), разсказывая въ хроникѣ своей объ одной принцессѣ византійской, говоритъ, между прочимъ, о привезенной ею въ Венецію [1]) *вилкѣ*, какъ о нѣчто дотолѣ невиданномъ, и осуждаетъ ея употребленіе, какъ ведущее къ излишней изнѣженности орудіе и потому—грѣховное. Не трудно догадаться, что, какъ предметъ высшей роскоши, *вилка*, конечно, *золотая*, въ первое время употреблялась только при дворѣ, въ качествѣ царской привилегіи, въ родѣ, напр., золотыхъ чашъ, красной обуви и др.; она же могла быть предоставляема знатнымъ вельможамъ, какъ особое пожалованіе.

Дальнѣйшее распространеніе вилки идетъ уже изъ Венеціи: въ 1360 г. она появляется во Флоренціи; во Франціи и Германіи—не ранѣе XVI вѣка, а въ Нидерландахъ и въ Англіи только въ XVII вѣкѣ. Во всеобщее употребленіе входитъ вилка въ Европѣ лишь въ настоящемъ столѣтіи. Съ другой стороны, въ Китаѣ, Персіи, Средней Азіи, Турціи и у Кавказскихъ народовъ, какъ у вельможъ, такъ и у простолюдиновъ, вилка и понынѣ очень мало распространена, а въ прежнія времена она и совсѣмъ не упоминается. Ясно, такимъ образомъ, что вилка не могла быть изобрѣтена на Востокѣ. Остается одинъ пунктъ, къ которому и слѣдуетъ пріурочить происхожденіе интересующаго насъ орудія: это—Византія. Но къ какому именно времени относится первое появленіе въ ней *вилки*? Мы уже имѣемъ для того одну прочную дату у Петра Даміана: это—X—XI вѣкъ. Не будетъ

[1]) См. *Fr. von Hellwald*, Culturgeschichte in ihrer natürlichen Entwicklung bis zur Zeit Gegenwart, Augsburg, 1875, S. 592.—*Brockhaus*, Konversations-Lexikon, T. VII (послѣдн. изд. 1893), *s. v. Gabel.*

произвольнымъ допустить, что занесенный въ Венецію придворный византійскій обычай этотъ едва ли былъ только что введенъ въ Византіи, т. е. лишь ко времени отъѣзда помянутой принцессы въ Венецію, а существовалъ нѣсколько раньше этой эпохи, по крайней мѣрѣ, на одно столѣтіе. На это предположеніе бросаетъ свѣтъ Хоренскій.

Дѣло въ томъ, что въ новомъ своемъ назначеніи „вилка“ не обозначалась у византійцевъ древними словами χρεάγρα или ἐξαυστήρ, но черезъ πηρούνη [1]). — И Моисей Хоренскій, говоря о „вилкѣ“, не употребляетъ древняго слова ճանկ, но самъ составляетъ новое, описательное պատառաքաշ (буквально: „кусохватъ“), которое, судя по Акад. словарю,—ἅπαξ εἰρημενον. Мнѣ сдается, что на употребленіе въ интересующей насъ главѣ слова „вилка“ навелъ Хоренскаго вышеприведенный Прокопіевъ отрывокъ, изъ котораго заимствовалъ онъ замѣченные уже нами яхонтовыя украшенія и красную обувь. У византійскаго историка, въ томъ же описаніи царственнаго одѣянія пяти армянскихъ князей, говорится также о золотой пряжкѣ на хламидѣ (περόνη χρυσῆ). Весьма возможно, что Моисей, знакомый съ πηρούνη (вилка) при дворѣ Багратидовъ, (находившихся вообще въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ византійскими императорами), или, быть можетъ, изъ личнаго посѣщенія Византіи, принялъ περόνη въ послѣднемъ значеніи. Такимъ путемъ появилась въ „Исторіи Арменіи“ *золотая вилка*, пріуроченная Хореискимъ къ I вѣку нашей эры!

Къ культурнымъ же даннымъ, опредѣляющимъ эпоху Хоренскаго, нужно отнести, быть можетъ, и встрѣчающееся въ его Исторіи слово „рукавица“ или „перчатка“, въ смыслѣ фран. gant. Если и не окажется достаточно указаній въ византійской литературѣ о знакомствѣ съ γάντιον раньше Крестовыхъ походовъ, еще въ VIII—IX вѣкѣ, то объясненіе этому вопросу найдется также у Хоренскаго, который могъ быть знакомъ съ gant и помимо Византіи.—

[1]) См. Du-Cange, Glossar. ad script. mediae et infimae Graecitatis. Изъ πηρούνη же, б. м., и итальянск. pirone.

Употребленіе „перчатки“ нашъ историкъ относитъ ко времени основателя Аршакидской династіи въ Арменіи, Вахаршака, т. е. ко II вѣку до Р. Х. Перечисляя введенныя этимъ царемъ придворныя должности— вѣнценалагателя, начальника тѣлохранителей, егермейстера, штальмейстера, мундшенка и др., занимаемыя знатными армянскими княжескими фамиліями, Моисей упоминаетъ вслѣдъ за вѣнценалагателемъ и „надѣвающихъ царю перчатки“. „*Եւ ձեռնադանողս իւր ցնծան ի զաւակաց Քանանացւոյ. անուն կոչէ ազգին Գնթունիս, ոչ գիտեմ էր ազգաւն*“ (II, 7).— Въ виду существованія въ одной рукописи варіанта интересующаго насъ слова—*ձեռս* (руки), данное мѣсто переводили черезъ „надѣвающихъ ему (Вахаршаку) на руки“ [1]); другіе неправильно принимали *ձեռէս* за собственное имя [2]). Но первый переводъ, если даже признать это разночтеніе за подлинное, нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, заключающейся въ томъ, что Хоренскій въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду именно „перчатки“. Въ самомъ дѣлѣ, что должны были надѣвать Вахаршаку на руки, какъ не рукавицы или *перчатки?* Принятію же *ձեռէս* за собственное имя армянскаго князя препятствуетъ неподверженное колебанію во всѣхъ рукописяхъ чтеніе *ձեռնադանողս*—причастія настоящаго времени во множест. числѣ, при существительномъ въ числѣ единственномъ. Хоренскій самъ выдаетъ себя, когда замѣчаетъ, что „надѣвающихъ себѣ (Вахаршаку) перчатки изъ потомковъ Хананеянъ (онъ) назвалъ Гнт'уни, *не знаю, по какой причинѣ*“ (sic!).—Оговорка подозрительная. Невольно бросается въ глаза скрытое сопоставленіе названія княжескаго рода (*Гнт'*-уни) съ отправляемой имъ долж-

---

1) Лат. пер. *Вистон.* (p. 92) „... qui sibi manus induerent“; первый итальянскій переводчикъ *Cappelletti* (p. 81) „... chi gli vesta le mani“.

2) *Чамчіанъ* (Истор. Арм., т. I, стр. 554—5) довольно смутно представлялъ себѣ „*ձեռէս*“, „*պարիսպ զայնպիսի Հանգերձս*“, объясняетъ онъ, *զոր ձեռա՛ց զգի ցուցանէին արքայի*“. Переводъ этого слова черезъ „перчатки“ принадлежитъ составителямъ Акад. словаря. *Инчичіанъ* (Археол., Т. II, стр. 159) первый принялъ его за собственное имя, а черезъ него—итальян. и франц. переводчики Хоренскаго, *Tommaseo* (ed. II, p. 107) и *Langlois* (Coll., I, p. 46).

ностью — надѣвающихъ царю перчатки — gant, γαντιον! Еще Шрёдеръ (Thesaurus ling. armen., 1711, p. 24) сравнилъ գնունի съ guant—chirotheca, вѣроятно, по примѣру перечисленныхъ у Хоренскаго въ той же главѣ—գնունիք = գինի-ունիք (имѣющіе *вино*), արծրունիք = արծի-ունիք (имѣющіе или держащіе *орла*), հաւնունիք = հաւն-ունիք (имѣющіе, ловящіе *птицъ*), սպանդունիք = սպանդ-ունիք (завѣдующіе *бойней*) и пр.; поэтому и գնթունիք [1] = *գանի или *գնի-ունիք (имѣющіе *перчатку?*). А проницательный Ла-Крозъ (лат. пер. *Вистонова*, стр. 92) сдѣлалъ изъ этого сравненія выводъ о пользованіи армянскимъ историкомъ поздними словами (gant-γάντιον); иначе говоря, въ этомъ анахронизмѣ онъ усматривалъ новое доказательство болѣе поздняго составленія „Исторіи Арменіи“, чѣмъ V вѣкъ.

Напрасно Чамчіанъ (l. c.), а за нимъ Инчинчіанъ (l. c.) и другіе, очевидно, сознававшіе, какіе невыгодные для армянскаго историка выводы могли быть сдѣланы на основаніи послѣдней фразы интересующаго насъ отрывка — „не знаю, по какой причинѣ“,—предлагали отвергнуть ее, какъ недостовѣрную, ссылаясь на то, что она встрѣчается только въ одной рукописи. Но это—пріемъ ненаучный. Занимающимся критическимъ изученіемъ текста Исторіи Моисея извѣстно, какіе иногда древніе и цѣнные варіанты находимъ мы въ намекаемомъ Мхитаристскими учеными Ламбронскомъ спискѣ [2]).

Слѣдуетъ замѣтить, что нахарарская фамилія *Гнт'уни*, хотя и не часто, но все же упоминается у армянскихъ историковъ V и VII вѣковъ, у Фавста (IV, 11) и у Себеоса (Спб., стр. 139); однако, ни изъ чего нельзя замѣтить, чтобы родъ этотъ носилъ какое-либо *почетное званіе при дворѣ Аршакидовъ*, какъ увѣряетъ Мойсей, — одѣвать царя, нѣчто вродѣ comes sacrae vestis византійскаго церемоніала. Что соединеніе названія этой фамиліи—Гнт'уни—съ отправляемой ею придворной долж-

[1]) Въ дѣйствительности, գնթունիք образовано, вѣроятно, изъ собственнаго имени գնթ, встрѣчающагося, напримѣръ, у Фавста (III, 12), и суффикса -ունիք.

[2]) См., для примѣра, мою замѣтку въ *WZKM*, 1893, III, стр. 21—28.

ностью относится къ временамъ болѣе позднимъ, видно изъ Исторіи Католикоса Іоанна, IX вѣка. Знатный княжескій родъ *Гнт'уни* является въ его время наиболѣе близкимъ къ Багратидамъ: въ рукахъ этихъ князей было сосредоточено главное управленіе царскимъ дворомъ, дворцовыми имѣніями, крѣпостями и проч.; подъ ихъ же охраной находились и царскія сокровища [1]).—Въ виду наслѣдственности должностей въ Арменіи, свободно можно допустить, что эту почетную службу отправляли князья *Гнт'уни* уже со временъ усиленія Багратидовъ, т. е. съ VIII вѣка,—что прекрасно совпадаетъ съ эпохою Моисея Хоренскаго.

Резюмируя все сказанное о княжествѣ Мурацанъ, мы видимъ, что существованіе его въ Арменіи въ столь отдаленную эпоху, а равно и приписываемая ему первенствующая роль въ государствѣ, болѣе чѣмъ сомнительны. Если это заключеніе не безъосновательно, тогда и повода не могло быть къ борьбѣ царевича Артавазда противъ князя Мурацанъ, Аргама, изъ за почетнаго званія „втораго по царѣ", а слѣд. и аллегорическое представленіе этой борьбы въ видѣ романическаго мотива страстной любви царицы Сатиникъ къ Аргаму, почерпнутаго, будто, изъ народнаго армянскаго эпоса, нужно признать за фикцію.

Откуда же тогда и какимъ образомъ составилъ Хоренскій этотъ романъ?

Я попытаюсь указать на то произведеніе, съ которымъ нашъ романъ имѣетъ тѣсную связь: это — библейскій эпизодъ объ Есѳири, послужившій и образцомъ, и главнымъ источникомъ нашему историку.

---

1) Ср. „Եւ պահնակ ամրոցքն [Կարուց] էր քաջանքեա յազգէն Գնթունւոյ՝ հասան անուն, յոյժ հաւատարիմ և հրամանակատար ի վերայ ոսկն արքայի [Սմբատայ]· այլ և գանձ ևս և կարասի բազում արքայի ի գանձարանս ամրոցքն պահէր"։ Также: „Ապա ոմն ի պատուական նախարարաց անուն՝ հասան անուն [Գնթունի], որ իշխան և հրամանատար էր բոլոր տէրութեանն արքայի [Սմբատայ]. և չէր ոք քնաւ որ ընդ նմա (sic. զնմա) նորա իշխէր եւ լսեին, այլ և ինքն իակ թագաւորն փշտ բանի բնբանոյ նորա անսայր լսել..." См. *Іоан. Катол.* изд. Эмина, стр. 99, 113; Іерус., 1867, стр. 225, 259. Ср. также стр. 160, 171 (Эм.) и 169—170, 395 (Іерус.).

Для наглядности, приведу сначала краткое содержаніе книги Есѳирь по армянскому ея переводу, который только и былъ извѣстенъ Хоренскому. При этомъ, я буду отмѣчать каждый разъ *курсивомъ* библейскія выраженія, обороты и пр., сохранившіяся буквально въ изложеніи армянскаго историка. Затѣмъ сдѣлаю детальное сравненіе обоихъ эпизодовъ—библейскаго и армянскаго и проистекающіе изъ того выводы.

Арташесъ, царь персидскій, въ третій годъ своего царствованія, задалъ въ престольномъ городѣ, Сузахъ, пиръ для всѣхъ своихъ князей, въ теченіе 180 ти дней, показывая имъ великое богатство царства своего. По окончаніи дней *свадьбы* [1]), царь снова созвалъ на *свадьбу*, въ теченіе 6-ти дней, простой народъ, жившій въ престольномъ городѣ. Во дворѣ царскаго дома все блистало необыкновенною роскошью. Бѣлыя, бумажныя и шерстяныя ткани были прикрѣплены виссонными и *пурпуровыми* снурами къ *золотымъ* капителямъ, къ прекраснымъ столбамъ и *золотымъ* базисамъ. *Золотыя* и серебряныя ложа были нанизаны *жемчугомъ* и драгоцѣнными камнями. Напитки подавались въ *золотыхъ* и серебряныхъ сосудахъ, цѣною въ 30 тысячъ талантовъ. И вина царскаго было множество, по богатству царя. Царица *Астинэ* также сдѣлала пиръ для женщинъ въ царскомъ домѣ.—Въ седьмой день, когда развеселилось сердце царя отъ вина, онъ, вопреки восточному обычаю, приказалъ евнухамъ привести царицу на пиръ въ царскомъ вѣнцѣ, чтобы показать народамъ и князьямъ красоту ея: ибо она была очень красива. Но *царица* царицъ *Астинэ* не захотѣла придти, считая это себѣ оскорбленіемъ. Сильно разгнѣвался за это царь *Арташесъ* и, по совѣту своихъ приближенныхъ, отвергъ *Астинэ* отъ царскаго достоинства, дабы ея непослушаніе мужу своему не послужило при-

---

[1]) Согласно греч. переводу LXX Толков., въ которомъ стоитъ γάμος (Ἐσθήρ, I, 5); русскій же переводъ Библіи (изд. II, Спб. 1871), которымъ я здѣсь пользуюсь, имѣетъ въ этомъ мѣстѣ „пиръ.“

мѣромъ вообще для всѣхъ женъ въ государствѣ [1]). За симъ былъ разосланъ царскій приказъ по всей странѣ—собрать всѣхъ молодыхъ, красивыхъ дѣвицъ въ престольный городъ; и дѣвица, которая понравится царю, будетъ царицей вмѣсто *Астинэ*.—Былъ въ Сузахъ одинъ *іудеянинъ* по имени Мардохей, изъ колѣна Веніаминова, *человѣкъ великій, которому было царемъ поручено управленіе царскимъ домомъ. Онъ былъ изъ плѣнниковъ, которыхъ Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, отвелъ въ плѣнъ изъ Іерусалима. И былъ онъ воспитателемъ* Есѳири, дочери дяди его, такъ какъ не было у ней ни отца, ни матери. Есѳирь пріобрѣла благоволеніе царя болѣе всѣхъ дѣвицъ; царь полюбилъ Есѳирь *болѣе всѣхъ женъ* и, возложивъ царскій вѣнецъ на голову ея, сдѣлалъ ее *царицей* на мѣсто *Астинэ*. И устроилъ царь *Арташесъ* большой пиръ для всѣхъ князей своихъ и войска въ теченіе семи дней, и превознесъ *свадьбу* Есѳири. Случилось въ то время Мардохею *узнать о заговорѣ противъ жизни царя*; онъ передалъ о томъ Есѳири, а та—царю. По разслѣдованіи, оказалось вѣрнымъ: заговорщиковъ казнили, а о благодѣяніи Мардохея вписали въ книгу дневныхъ записей у царя [2]).—Послѣ сего *возвеличилъ царь Арташесъ* Амана, сына Амадаѳа Македонянина (sic), и *вознесъ его и поставилъ сѣдалище его выше всѣхъ князей*, называя его вторымъ своимъ отцомъ и *вторымъ лицемъ при царскомъ престолѣ*. Всѣ служащіе при царѣ кланялись и падали ницъ предъ Аманомъ, ибо такъ приказалъ царь. Только Мардохей не кланялся и не падалъ ницъ. Замѣтивъ это, Аманъ исполнился гнѣва и задумалъ погубить не только Мардохея, но и жившихъ въ царствѣ Арташеса іудеевъ. Съ этою цѣлью онъ наговорилъ царю много дурнаго объ іудеяхъ и, съ его одобренія, разослалъ во всѣ области государства указъ объ избіеніи этого народа [3]).—Узнавъ объ указѣ, іудеи пришли въ большое уныніе. Мардохей убѣдилъ Есѳирь

---

[1]) Кн. *Есѳирь*, гл. I, по Венеціанскому изданію 1860 г., in 4°.
[2]) *Ibid.*, гл. II.
[3]) *Ibid.*, гл. III.

упросить царя, хотя бы съ опасностью для ея жизни, о спасеніи своихъ соплеменниковъ. Вопреки дворцовому обычаю, Есѳирь входитъ неожиданно къ царю Арташесу въ моментъ, когда тотъ сидѣлъ на престолѣ своемъ, облеченный во все одѣяніе величія своего, весь въ *золотѣ*, въ *жемчугахъ* и драгоцѣнныхъ камняхъ. Царь принялъ ее ласково и, на приглашеніе ея—пожаловать къ ней на слѣдующій день на пиръ вмѣстѣ съ Аманомъ, далъ свое согласіе [1]). — Въ ту ночь не могъ царь уснуть: онъ велѣлъ принести памятную книгу дневныхъ записей и прочесть передъ нимъ. Было прочитано о заговорѣ двухъ евнуховъ и о томъ, какъ донесъ на нихъ Мардохей. На утро спросилъ царь Амана: что сдѣлать бы тому человѣку, котораго хочетъ царь отличить почестью? Аманъ, подумавъ, что его именно желаетъ царь отличить, сказалъ: одѣть его въ царское одѣяніе, *посадить на коня, на которомъ ѣздитъ царь*, одному изъ первыхъ князей вывести его на конѣ на городскую площадь и прославить его. Царь приказалъ Аману исполнить все это для Мардохея. [2])—Послѣ того *царь Арташесъ*, въ сопровожденіи Амана, *пошелъ на пиръ* къ царицѣ Есѳири. Во время пира, приказалъ царь Есѳири просить у него, чего она пожелаетъ. Та указала на замыселъ Амана—избить всѣхъ іудеевъ его государства, и стала умолять царя даровать жизнь ея народу. На вопросъ царя—гдѣ тотъ, отважившійся сдѣлать это? Есѳирь сказала: врагъ—этотъ злобный Аманъ! (Онъ былъ обвиненъ въ *замыслѣ*—лишить царя власти и души и державу персидскую передать македонянамъ.) Аманъ, въ страхѣ, былъ сильно *смущенъ* передъ царемъ и царицей. *Царь Арташесъ всталъ съ обѣда и пошелъ* въ садъ при дворцѣ; Аманъ же остался умолять о жизни своей царицу Есѳирь, ибо видѣлъ, что опредѣлена ему злая участь отъ царя. Когда царь возвратился изъ сада, онъ засталъ Амана припавшимъ

---

[1]) Кн. *Есѳ.*, главы IV, XV, IV, XIII, XIV, XV и V армянскаго перевода, соотвѣтствующія IV и V главамъ греч. перевода LXX Толк., по обычному дѣленію.

[2]) *Ibid.*, гл., VI.

къ ложу, на которомъ находилась Есѳирь. И сказалъ ему царь: ты дошелъ до того, что даже насиловать хочешь жену мою въ моемъ же домѣ? Услышавъ это, Аманъ, пристыженный, въ страхѣ, палъ ницъ. Арташесъ приказалъ повѣсить его на деревѣ, а *домъ его и имущество передать* Есѳири. Вскорѣ за тѣмъ были повѣшены на деревѣ *всѣ сыновья* Амана, а Мардохей былъ возвеличенъ еще болѣе [1]). — И продолжала Есѳирь просить царя отвратить злобу Амана и замыселъ его противъ іудеевъ. *Простеръ царь къ Есѳири золотой* скипетръ и поднялась Есѳирь, чтобы идти въ опочивальню [2]). Арташесъ исполнилъ ея просьбу. Была разослана новая грамота, въ которой царь, обвиняя бывшаго *вторымъ лицемъ при царскомъ престолѣ*, Амана, въ чрезмѣрной гордости, въ коварствѣ и замыслахъ противъ особы царя, отмѣнялъ его несправедливое распоряженіе объ избіеніи іудеевъ. — Въ память этого дня іудеи установили ежегодное празднованіе.— Потомъ наложилъ царь Арташесъ подать на землю и на море. Всѣ дѣла силы и могущества этого царя, (такъ заканчиваетъ кн. Есѳирь свое повѣствованіе), записаны *въ книгѣ записей персидскихъ* и мидійскихъ... И сказалъ Мардохей: отъ Бога было это; ибо я вспомнилъ сонъ, который я видѣлъ о сихъ событіяхъ; не осталось въ немъ ничего неисполнившимся. Малый источникъ сдѣлался рѣкою и былъ свѣтъ, и солнце, и множество воды: эта рѣка есть Есѳирь, которую взялъ себѣ въ жены царь и сдѣлалъ ее царицею. А два *дракона*—это я и Аманъ; народы — это собравшіеся истребить имя іудеевъ; а народъ мой — это израильтяне, возвавшіе къ Богу и спасенные“ [3]).

Прибавляю къ этому, что въ Хроникѣ Евсевія персидскому царю Арташесу, при которомъ, по мнѣнію

---

1) Кн. *Есѳирь*, гл. VII.

2) Въ переводѣ LXX Толков. стоитъ въ этомъ мѣстѣ: „ἐξεγέρθη δὲ Ἐσθὴρ παρεστηκέναι τῷ βασιλεῖ.“ (гл. VIII, 4). Быть можетъ, греческій списокъ, бывшій въ рукахъ у армянскихъ переводчиковъ, имѣлъ здѣсь другое чтеніе.

3) *Ibid.*, гл. VIII, XVI, VIII, IX и X.

автора, происходили событія книги Есѳирь, дано *сорокъ* лѣтъ царствованія [1]).

Изъ приведеннаго пересказа книги Есѳирь видно, что не только ея общее содержаніе, но и дѣйствующія въ ней лица, побужденія ихъ и роли перенесены въ армянскую сферу и, такъ сказать, арменизированы.

a. Въ самомъ дѣлѣ, персидскій *царь Арташесъ* книги Есѳирь является у Хоренскаго *Арташесомъ* же, царствовавшимъ почти столько же времени, сколько и первый.

b. У обоихъ царей, въ самомъ началѣ, идетъ рѣчь о *богатой свадьбѣ* и великолѣпіи *дворца*, гдѣ въ такомъ изобиліи были *золото*, *жемчугъ* и драгоцѣнные камни.

c. У обоихъ *Арташесовъ* по *красавицѣ царицѣ:* у персидскаго—*Астинэ* (замѣненная потомъ Есѳирью), у армянскаго — *Сатиникъ*; та и другая иноземнаго происхожденія.

d. Со словъ народной, будто, пѣсни Хоренскій заставляетъ армянскаго царя метнуть арканъ съ *золотымъ* кольцемъ, которымъ тотъ, обхвативъ станъ аланской царевны, увозитъ ее въ свою ставку; подобно тому, какъ и персидскій царь *простираетъ* (поармянски тотъ же глаголъ, что и *метнуть*) *золотой* скипетръ къ Есѳири, которая, поднявшись съ мѣста, уходитъ въ опочивальню.

e. Смбатъ Багратидъ „Исторіи Арменіи“, *потомокъ одного изъ знатныхъ іудеевъ, полоненныхъ Навуходоносоромъ, воспитатель царя и его же спаситель*, которому было *поручено царемъ управленіе царскимъ домомъ* [2]),—есть тотъ же Мардохей книги Есѳирь, который также *происходилъ отъ полоненныхъ Навуходоносоромъ іудеевъ*, былъ также *воспи-*

---

[1]) Собственно, у Евсевія встрѣчается три различныхъ указанія касательно того персидскаго царя, при которомъ происходили событія книги Есѳирь: таковымъ является у него то Ксерксъ (*Chron*, I p. 92), то Арташесъ Долгорукій (*Ibid*. II. p. 118), (впрочемъ, самъ авторъ Хроники отвергаетъ это мнѣніе, какъ не основательное), и, наконецъ, *Арташесъ* Мнемонъ (*Ibid*. p. 122). Царствованіе обоихъ этихъ Арташесовъ имѣетъ почти одинаковую продолжительность: перваго—*сорокъ одинъ* годъ, втораго—*сорокъ*.

[2]) См. у *Хор*., I, 22; также II, 37, 47.

тателемъ царицы Есѳири и *спасъ жизнь царю*, и которому равнымъ образомъ было *поручено царемъ управленіе царскимъ домомъ*.

f. Какъ въ библейскомъ, такъ и въ армянскомъ разсказахъ является лице, пользующееся особымъ довѣріемъ царя и *возвеличенное имъ выше всѣхъ князей въ государствѣ, въ качествѣ втораго по царѣ*. Въ обоихъ случаяхъ лица эти иноземнаго происхожденія—*Аманъ* библейскій Македонянинъ, *Аргамъ* Хоренскаго—Мидянинъ.

g. И въ книгѣ Есѳирь и въ „Исторіи Арменіи“ *царь Арташесъ идетъ на обѣдъ*: въ первой—къ царицѣ, во второй—къ князю Мурацану; и тутъ и тамъ *за обѣдомъ обвиняется второе лице по царѣ въ замыслѣ противъ жизни царя и подозрѣвается въ преступной связи съ царицею*; одинаково происходитъ *смятеніе за обѣдомъ и царь Арташесъ въ гнѣвѣ выходитъ со стола*. Даже участь *обоихъ вторыхъ лицъ по царѣ*—Амана библейскаго и Аргама армянскаго—совершенно одинакова: *они погибаютъ со всѣми своими сыновьями*, а *имущество ихъ и владѣнія переходятъ къ лицамъ, открывшимъ ихъ заговоръ*: по Библіи—къ царицѣ Есѳири, по Хоренскому—къ царевичу Артавазду.

h. Наконецъ, какъ на *источникъ* приведенныхъ событій объ Есѳири и царицѣ Сатиникъ, въ обоихъ памятникахъ дѣлается ссылка на *Персидскія книги*; равнымъ образомъ самой исторіи обѣихъ царицъ придается *аллегорическій* характеръ: въ Библіи—вся повѣсть объ Есѳири является какъ-бы исполненіемъ видѣннаго праведнымъ Мардохеемъ *сна*, въ которомъ благодѣтельная царица уподобляется обильной водой рѣкѣ, а у Хоренскаго—нѣтъ событія изъ жизни царицы Сатиникъ, которое не было бы облечено въ форму аллегоріи.

Но я не кончилъ еще съ параллелями. Мнѣ сдается, что, при переработкѣ библейскаго мотива для своей Исторіи, Хоренскій позаимствовалъ оттуда и самое названіе своей героини, посредствомъ легкаго измѣненія въ имени соотвѣтствующаго ей лица въ книгѣ Есѳирь. Я говорю объ

имени „Сатиникъ“, которое образовано изъ „*Астинэ*“, съ приставкою къ концу ласкательнаго суффикса *ик*. Въ виду сходства въ уставномъ армянскомъ письмѣ двухъ начальныхъ буквъ, форму ՍՍԹԻՆԻԿ можно читать и ՍԱԹԻՆԻԿ — Сатиникъ, и ԱՍԹԻՆԻԿ — Астиникъ, какъ, быть можетъ, и стояло въ древнѣйшихъ спискахъ Хоренскаго; хотя намѣренная передѣлка библейскаго имени кажется мнѣ болѣе вѣроятной. Вспомнимъ анаграммы нашего историка, въ родѣ *Мерої'а*, *Сирав'а*, и др. изъ библейскихъ „Гомеръ“ и „Ѳирасъ“. Что, дѣйствительно, тутъ мы имѣемъ передъ собою искусственно составленное названіе, видно еще изъ того, что имени „Сатиникъ“, сколько мнѣ извѣстно, не упоминается въ армянскихъ памятникахъ до IX вѣка.— Къ этому нужно прибавить, что, во встрѣчающемся во многихъ спискахъ Хоренскаго, въ 30-й главѣ I книги, и только въ этомъ мѣстѣ, другомъ чтеніи имени армянской царицы, „Сартеникъ“ — Ս*ր*ԹԵՆԻԿ, — вставочную *р* (ր) не слѣдуетъ считать за интерполяцію переписчиковъ. Обыкновенно употребляемую нашимъ историкомъ форму „Сатиникъ“ [1]) намѣренно онъ здѣсь нѣсколько видоизмѣнилъ, прибавкою буквы *р* (ր), давая тѣмъ понять, что варіяція въ настоящемъ имени аланской царевны „Сатиникъ“ принадлежитъ народнымъ армянскимъ пѣвцамъ, изъ пѣсенъ которыхъ, будто, и приводитъ онъ любопытный отрывокъ; подобно тому, какъ и историческій „Аргамъ“ Мидіецъ является въ томъ же отрывкѣ эпоса, и только въ немъ, въ формѣ „Аргаванъ“.

Тонкое художественное чутье Хоренскаго замѣчается въ особенности въ томъ, что онъ необыкновенно искусно

---

[1]) Чтеніе „Сартеникъ“ (Ս*ր*ԹԵՆԻԿ) встрѣчается только въ именит. падежѣ; формы родит. падежа—Сатиканъ и Сатинкай—ՍԹԻՆԿԱՆ и ՍԹԻՆԿԱՅ (безъ *р*, ր,) образованы, очевидно, изъ именит. „Сатеникъ“ и „Сатиникъ, ՍԹԻՆԻԿ и ՍԹԻՆԻԿ — (*Хор.* II, 49, 50, 52, 58, по Венец. изд. 1865 г.); послѣдняя, однако, кажется мнѣ болѣе правильной, въ смыслѣ вѣрной передачи чтенія самого Хоренскаго. Изъ шести Венеціанск. рукописей Моисеевой Исторіи, изъ коихъ одна наиболѣе древняя (1303 г.), ни одна не имѣетъ въ перечисленныхъ главахъ II книги чтенія „Сатеникъ“—ՍԹԻՆԻԿ.—Сартеникъ же въ 30-ой главѣ I книги имѣютъ *пять* изъ 11-ти I группы рукописей Эчміадзинской библіотеки, по классификаціи Գ*ր*ԻԳՈՐ'а. См. его „Armeniaca“, VIII.

воспользовался случайнымъ намекомъ въ книгѣ Есѳирь, представлявшимъ для него интересный эротическій элементъ. „Ужъ не хочешь ли насиловать мою жену въ моемъ же домѣ?„—говоритъ въ гнѣвѣ царь Арташесъ Аману Македонянину, заставъ его по возвращеніи своемъ изъ сада припавшимъ къ ложу царицы Есѳирь... Это мимоходомъ брошенное слово библейскаго разсказа превращается у армянскаго историка въ заманчивый романическій мотивъ, господствующій во всемъ сказаніи и обусловливающій любовныя отношенія царицы Сатиникъ къ Аргаму съ одной стороны и вражду царевича Артавазда, какъ и самого царя Арташеса, къ знатному Мидійцу—съ другой. Историкъ нашъ невольно становится здѣсь, да и не здѣсь только, романистомъ, воспроизводящимъ или, лучше, создающимъ блестящія картины изъ жизни славныхъ своихъ предковъ. Поэтому, онъ, Хоренскій, а никакъ не народные пѣвцы, и есть по преимуществу авторъ всего романическаго, всего аллегорическаго и всего эпическаго, заключающихся въ его Исторіи.

Наконецъ, что изъ Библіи преимущественно, а не изъ какихъ-либо другихъ источниковъ—въ родѣ Храмовой исторіи, Персидскихъ книгъ или народнаго эпоса — черпалъ Хоренскій свои мнимо-эпическіе мотивы, лучше всего замѣчается изъ отрывка „пѣсни“ о Смбатѣ Багратидѣ.

„Мнѣ пріятно разсказать, говоритъ историкъ въ 52-ой главѣ II книги, также о храбромъ *мужѣ* Смбатѣ. И дѣйствительно, эпосъ немного удаляется отъ истины, говоря: „*размѣры* его членовъ соотвѣтствовали его *храбрости*; *добродѣтель* его привлекала сердца; *славная сѣдина украшала его*; въ глазахъ у него были небольшія кровяныя *пятна*, *подобно* тому, какъ встрѣчается „драконтиконъ“ [1])

[1]) Кромѣ „драконтиконъ“ (դրակոնտիկոն) есть и чтеніе „դրակոնտիկոն“ (դրակոնտիկոն), вѣроятно, искаженное, вслѣдствіе сходства начальныхъ буквъ, դ и դ, и „драконриконъ“ (դրակոնռիկոն). По формѣ слово это уменьшительное отъ греческаго δράκων, но оно употреблено здѣсь, очевидно, не въ прямомъ смыслѣ. Изъ одного мѣста древне-армянскаго перевода Платона видно, что դրակոնտիկոն соотвѣтствуетъ греч. ἔγκαυμα—*впадина*, *слѣдъ отъ клейма*: „իբրու ՚ի շանակը ինչ դրոհնդիկոնով (*вар.* դրակոնռիկոնով) անջինջ գրոյ յարատեւականք ևղեն առ ի բանէն“:

на золотѣ и въ жемчугѣ; при живости духа и подвижности тѣла (букв.—будучи *проворенъ* по духу и тѣлу) онъ былъ *остороженъ* во всемъ и болѣе чѣмъ кто-нибудь удачливъ на войнѣ...“

Что же оказывается по справкѣ? — Все, выдаваемое здѣсь за эпосъ, буквально нашелъ я въ Библіи и въ другомъ книжномъ источникѣ, не имѣющемъ, однако, ничего общаго съ эпосомъ, а именно: сказанное во Второй книгѣ Маккавеевъ о почтенномъ старцѣ Елеазарѣ-мученикѣ армянскій историкъ перенесъ въ сжатомъ изложеніи на своего героя, Смбата.

„Былъ нѣкто Елеазаръ, изъ первыхъ книжниковъ, *мужъ* уже достигшій старости, но весьма красивой наружности; его принуждали, раскрывая ему ротъ, ѣсть свиное мясо. Предпочитая славную смерть опозоренной жизни, онъ добровольно пошелъ на мученіе... Утвердившись въ доброй мысли, достойной его *возраста* — почтенной старости и *украшавшей его славной сѣдины*..., онъ сказалъ: недостойно нашего возраста лицемѣрить... Посему, *мужественно* разставаясь съ жизнію, самъ я являюсь достойнымъ старости, а юнымъ оставлю примѣръ *добродѣтели* — охотно и *мужественно* принимать смерть за святые законы“ [2]).

Также точно поступилъ Хоренскій и съ сентенціей изъ книги Притчей Соломоновыхъ (xxii, 29):

„*Человѣка проворнаго* и *осторожнаго* въ своемъ дѣлѣ слѣдуетъ поставить передъ царями, а не поставить передъ тупицами“.

Что касается „кровяныхъ пятенъ“ въ глазахъ у Смбата, то это оригинальное сравненіе съ „драконтикономъ“ на-

---

См. Арм. перев. Платоновыхъ діалоговъ—Евтифронъ, Апологія Сократа и Тимей, Венеція, 1877, стр. 89. Переводчикомъ этихъ діалоговъ издатель ихъ, покойный *о. Сукіа*, считалъ извѣстнаго арм. эллиниста XI в., Григорія Магистра, хотя еще составители Акад. словаря (1836, т. I, предисл., стр. 18) высказывали мнѣніе о болѣе раннемъ происхожденіи арм. перевода. См. также подъ словомъ „գրիգորիոս“, встрѣчающимся въ томъ же значеніи въ посланіяхъ *Григорія Магистра*.

[2]) II кн. *Маккав.*, vi, 18—19, 23—24, 27—28 (по армянскому переводу).

вѣяно, по моему мнѣнію, однимъ отрывкомъ у Ананіи Ширакаци, въ которомъ ученый астрономъ VII в., трактуя о „замѣчаемомъ на лунѣ черномъ *пятнѣ*, въ родѣ линіи отъ клейма, объясняетъ это явленіе со словъ философовъ, какъ отверстіе [1]) находящихся на ней впадинъ, *подобно* (тому, какъ это бываетъ) и на яхонтѣ".

Такимъ образомъ, вмѣсто „линіи отъ клейма" у Ширакаци—Хоренскій поставилъ употреблявшееся въ переводахъ, мало понятное слово „драконтиконъ", а „яхонтъ" того же отрывка замѣнилъ нашъ историкъ „золотомъ и жемчугомъ".

Любопытно замѣтить, что историкъ Іоаннъ Католикосъ, который часто буквально повторяетъ Хоренскаго, примѣнилъ вышеприведенное описаніе наружности Смбата къ Ашоту I († 891), основателю Багратидской династіи въ Арменіи; но, не понявъ, повидимому, сравненія Моисея на счетъ „драконтикона", передѣлалъ его по своему [2]).

---

[1]) Въ изданіи *К. Патканова* (Спб. 1877), с. 50, въ этомъ мѣстѣ стоитъ „*ելք*" (выходъ, отверстіе); находившійся въ рукахъ составителей Академ. словаря списокъ Ан. Ширакаци имѣетъ „*խոյլք*". Я отдаю предпочтеніе первому чтенію.

[2]) „Въ глазахъ у Ашота, говоритъ Іоаннъ, были кровяныя пятна подобно тому, какъ *красный яхонтъ* блеститъ межъ жемчугомъ":—*Եթէ արեան յաչսն ունելով (ՂՀՈՒ) որպէս կարծէր [sic] [sic] ի մէջ մարգարտաց ծագեալը*" (Изд. Іерусал. 1867, стр. 175). *Кровяное пятно* на глазномъ яблокѣ у Ашота сопоставляетъ Іоаннъ съ оправленнымъ между жемчугами *краснымъ яхонтомъ*, который замѣняетъ „драконтиконъ" Моисеева описанія.

ГЛАВА XI.

Объ Арташесѣ II.— 2, Дѣятельность его по благоустроенію Арменіи.

Переходимъ къ разсмотрѣнію дѣятельности Арташеса по благоустроенію Арменіи. Хоренскій приписываетъ этому царю: колонизацію сѣверныхъ народовъ въ Арменію, учрежденіе новыхъ нахарарствъ, установленіе пограничныхъ термовъ, заботы о поддержаніи въ странѣ языческихъ культовъ и о развитіи наукъ и искусствъ.

Приведемъ подлинныя слова армянскаго историка:

Хор. II, 49. „...Арташесъ отправляется на (то) мѣсто, гдѣ сливается Ерасхъ съ Мецамор'омъ. (Здѣсь) полюбился ему *холмъ,* на которомъ строитъ городъ и называетъ его по своему имени Арташат'омъ. Ерасхъ его снабжаетъ сосновымъ лѣсомъ; поэтому скоро и безъ особеннаго труда построивъ городъ, сооружаетъ въ немъ храмъ и изъ Багарана переноситъ туда изображеніе Артемиды и всѣхъ боговъ своихъ предковъ; *но изображеніе Аполлона ставитъ за городомъ, поодаль отъ* (большой) *дороги.* — Онъ выводитъ *изъ города Еруанда плѣнныхъ Евреевъ*, переведенныхъ туда изъ Армавира, и поселяетъ въ Арташатѣ. Также всѣ украшенія города Еруанда, перенесенныя туда изъ Армавира, равно и все сдѣланное послѣднимъ переводитъ въ Арташатъ. Ко всему

этому Арташесъ прибавляетъ еще отъ себя многое и созидаетъ (его), какъ городъ царской резиденціи."

Хор. II, 52 „... Послѣ столькихъ подвиговъ мужества Смбатъ, по приказанію Арташеса, идетъ съ войскомъ въ землю *Алановъ* на помощь брату Сат'иник; ибо отецъ Сат'иник умеръ и другой, завладѣвъ страною Алановъ, преслѣдовалъ брата Сат'иник. Смбатъ опустошилъ землю враговъ послѣдняго, которыхъ *въ большомъ множествѣ* привелъ *плѣнными* въ Арташатъ. Арташесъ приказалъ поселить ихъ на юго-восточной сторонѣ Масиса, называвшейся Шаваршаканской областью, давъ (этой послѣдней) названіе *Артазъ*, потому что *земля*, откуда переведены были плѣнные, называется понынѣ *Артазомъ*..."

Хор. II, 56. „...Послѣ всѣхъ подвиговъ и мудрыхъ дѣяній Арташесъ приказалъ опредѣлить границы деревень и полей, такъ какъ онъ увеличилъ *народо*населеніе *армянской земли* введеніемъ въ нее многихъ чужеземцевъ, водворяя ихъ въ городахъ, долинахъ и равнинахъ. *Пограничные* знаки *утвердилъ* онъ такіе: приказалъ обтесать четырхгранные камни, *выдолбить* въ срединѣ ихъ круглое углубленіе, зарыть ихъ въ землю и поставить на нихъ четырехугольныя башеньки, слегка возвышающіяся надъ землею. *Арташиръ*, сынъ Сасана, ревнуя этому, приказываетъ дѣлать то же самое и въ странѣ парсійской, *называя* ихъ *своимъ именемъ*, дабы не поминалось болѣе имя Арташеса..."

[II, 77. „...И на *землю нашу* приказомъ (своимъ) налагаетъ (*Арташиръ*) дань и всюду *утверждаетъ свое имя*. *Границы*, *назначенныя* Арташесомъ, возобновилъ Арташиръ, утверждая въ землѣ каменные термы, которые онъ *по имени своему назвалъ Арташир*овскими."]

Хор. II, 57. „...Говорятъ, что во дни Арташеса пришелъ родъ Аматуни изъ восточныхъ странъ арійскихъ. Аматуни первоначально были Евреи и происходятъ отъ какого-то *Мануе*, котораго сынъ, огромнаго роста и необычайной силы, назывался Самсономъ... Арташесъ дѣлаетъ имъ почетный пріемъ, жалуетъ деревни и виллы

и называетъ ихъ *Аматуни*, что значитъ „Пришельцы.“— Нѣкоторые изъ Парсовъ называютъ ихъ Мануеанами, по имени ихъ предка.“

Хор. II, 58. „Въ царствованіе Арташеса Аруехеаны, родомъ изъ Алановъ, сродники Сатиник, ее сопровождавшіе, возведены въ дворянское достоинство и въ армянское нахарарство, какъ родственники великой царицы. При Хосровѣ, отцѣ Трдата, они вступили въ свойство съ однимъ могущественнымъ Басиломъ, переселившимся (въ Арменію).“

Хор. II, 59. „...Эта послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ прочія событія, совершившіяся во времена Арташеса. Хотя, какъ можно судить по всему упомянутому въ предъидущихъ главахъ, много введено установленій и прекрасныхъ порядковъ Вахаршакомъ и другими предшествовавшими государями, однако они не имѣли понятія о главныхъ наукахъ и искусствахъ. Будучи заняты нашествіями и набѣгами, они или не заботились о такихъ наукахъ, или же не постигали ихъ: я говорю о смѣнахъ недѣль, *мѣсяцевъ* и *годовъ*, *что* не было имъ знакомо, хотя у другихъ народовъ это было *введено*. Суда не ходили по озерамъ и по рѣкамъ нашей страны; не было снастей для рыболовства; земля воздѣлывалась не вездѣ, а въ рѣдкихъ мѣстахъ. По примѣру (жителей) сѣверныхъ странъ и у насъ питались сырымъ мясомъ и тому подобнымъ.—И все это приводится въ строй во дни Арташеса.“

Колонизація сѣверныхъ народностей въ Арменію находится въ связи съ побѣдоносными войнами Арташеса противъ алановъ и казбовъ. Кромѣ первой войны съ аланами, окончившейся бракомъ армянскаго царя съ царевной Сатиникъ, Хоренскій приписываетъ армянамъ другой походъ противъ алановъ же, и на сей разъ, въ защиту брата царицы Сатиникъ. Результатомъ этой по-

бѣды было переселеніе Смбатомъ Багратидомъ въ Арменію множества плѣнныхъ, разселенныхъ на юго-востокѣ отъ горы Масиса, въ кантонѣ Шаваршаканъ, переименованномъ въ *Артазъ*, по названію той, будто, страны, откуда переведены были плѣнные.

Все это, можетъ быть, и очень правдоподобно, въ виду констатированнаго со стороны историковъ [1]) факта нашествія алановъ на Арменію въ I и II вв. по Р. Х., но едва ли достовѣрно въ томъ видѣ, какъ о томъ передается у Хоренскаго. Эпизодъ вызванъ, какъ мнѣ кажется, желаніемъ армянскаго историка объяснить происхожденіе названія древней армянской области, *Артазъ*, упоминаемой еще въ Мученичествѣ апостола Ѳаддея [2]) и у Лазаря Парпскаго (стр. 203)—посредствомъ произвольнаго сближенія его съ именемъ родственной съ аланами сарматской народности, *Ардозъ*, приведенномъ въ Географіи Ширакаци [3]). Самое описаніе войны съ сѣвернымъ народомъ и плѣненія ихъ составлено Хоренскимъ не безъ вліянія, какъ я полагаю, того же Ширакаци. Въ одной изъ своихъ ариѳметическихъ задачъ ученый математикъ приписываетъ Нерсеху Камсаракану, сыну Аршавира и предку извѣстнаго въ VII в. соименнаго Камсараканскаго князя,—побѣду въ войнѣ противъ (сѣверной)

---

[1]) Кромѣ *Іосифа* (Bel. Iud., L. VII, cap. VII, 4), см. также у *Діона*, LXIX, 15; чтеніе Ἀλβανῶν Моммсенъ основательно исправляетъ въ Ἀλανῶν, ибо аланы грабили также во владѣніяхъ албанцевъ. (Röm. Geschichte, V, S. 405).

[2]) См. Նախերք, VIII, стр. 13. Изъ помѣщенныхъ здѣсь двухъ редакцій Мучен. апостола первая, болѣе древняя, восходитъ къ V вѣку, между тѣмъ какъ вторая редакція носитъ явные слѣды вліянія Хоренскаго, а потому должна быть отнесена ко времени, во всякомъ случаѣ, послѣ IX вѣка.

[3]) Въ Венец. изданіи 1865 г., с. 604, стоитъ Արդզ—*Ардзъ*, вѣрнѣе въ изданіи о. *Сукіи* (Венец. 1881, с. 26) Արդոզ — „... և Ա՛լանքն ի Դիգորիս Ա ր դ ո զ աշխարհի Կուկասին լերանցն“, т. е. „ва Дигорами, въ области *Ардозъ* кавказскихъ горъ, живутъ А л а н ы“. — *Ѳома Арцруни* (Спб, стр. 259) также имѣетъ форму *Ардозъ*—„Արդոզական գաւառ“).—Покойный проф. Паткановъ, первый указавшій на сходство названій въ Исторіи Хоренскаго и Географіи Ширакаци, не берется, однако, рѣшить, „дѣйствительно ли арм. область получила свое названіе отъ аланской, или народное сказаніе воспользовалось случайнымъ созвучіемъ именъ двухъ областей для объясненія происхожденія арм. области“. (См. статью его «Изъ нов. списка Геогр., приписыв. М. Хоренскому», въ Жур. Мин. Нар. Просв., 1883, мартъ, стр. 30.

народности Бахлчикъ, при чемъ было захвачено *множество плѣнныхъ*; князь Нерсехъ раздарилъ ихъ частію персидскому царю, частію сыну его и многимъ знатнымъ вельможамъ при персидскомъ дворѣ [1]).

Такимъ образомъ, передаваемое о Камсараканскихъ князьяхъ VI—VII вѣка Моисей перенесъ къ I вѣку, пріурочивъ это событіе къ князю Багратидскому, Смбату.

Къ аланскимъ же выходцамъ причисляетъ Хоренскій князей *Аравехіановъ*, якобы родственниковъ царицы Сатиникъ, б. м., основываясь на поздней легендѣ этого княжества, выводящаго себя отъ алановъ. Впрочемъ, Аравехіаны упоминаются еще у Лазаря Парпскаго и Ехише. Родство же этого княжества съ могущественнымъ *Басиломъ* въ царствованіе Трдата Великаго нужно считать за анахронизмъ, такъ какъ появленіе Басиловъ относится ко времени не ранѣе VI вѣка по Р. Х.

Не менѣе произвольно объясняется Хоренскимъ и происхожденіе нахарарства *Аматуни* изъ Персіи, на основаніи случайнаго лишь созвучія названія рода съ персидскимъ *амат* или *амад*, — что значитъ „пришелецъ“. Если и допустить приходъ князей Аматуни въ Арменію при Арташесѣ II, то, во всякомъ случаѣ, въ ту эпоху, т. е. въ I в. по Р. Х., и даже при Сассанидахъ, это персидское слово въ значеніи „приходить“ должно было звучать не *амат*, но *мат* [2]), а слѣдов. и фамилія княжества должна была называться *Матуни*.—Вѣрнѣе было бы сближать *Амат*-уни съ *Амадъ*, (такъ называется, напр., одинъ мобедъ у Абуль-Фараджа), что, по объясненію Юсти (Iran. Namenbuch, стр. 14), соотвѣтствуетъ авест. amata и нов. перс. amadeh и значитъ fähig, kundig.

Что касается утвержденія Хоренскаго, будто, Аматуни происходятъ отъ какого-то еврея *Мануе* [3]), отведеннаго въ Персію Аршакомъ, первымъ изъ парѳянскихъ

---

[1]) Арм. текстъ см. ниже, во II части настоящаго изслѣдованія, стр. 64.

[2]) Ср. *Nöldeke*, Tabari, стр. 9, примѣч. 2.

[3]) Изъ шести списковъ, вошедшихъ въ Венеціанское изданіе 1865 г. „Исторіи Арменіи“, *два* имѣютъ въ данномъ мѣстѣ ի Մանվեայ вм. ի Մանուայ.

царей, почему нѣкоторые изъ персовъ называютъ ихъ *Мануянъ*,—то оно, мнѣ кажется, могло быть вызвано упоминаемымъ у Ехише именемъ одного Аматунійскаго князя, *Манэнъ*, что, по сближеніи съ сирскимъ *Ману* или *Мановъ*, извѣстныхъ Моисею изъ Лабубны (стр. 1 и 30),и навело нашего историка на мысль объ *еврейскомъ* происхожденіи этого княжества. Впрочемъ, я не настаиваю на своемъ толкованіи, которое есть только догадка.

По поводу установленія Арташесомъ пограничныхъ межей или термовъ нужно замѣтить, что оно основано на разсказѣ Агаѳангела объ Арташирѣ, сынѣ Сассана. Историкъ Трдата Великаго передаетъ, что, „по завоеваніи Арменіи, *Арташиръ назвалъ своимъ именемъ* страну; ...онъ велѣлъ *выкопать рвы и установить границы*, а самую мѣстность, называвшуюся (прежде) Уйцк'ъ, переименовалъ въ Врата рвовъ“ (*Դրունս փոսից*) [1]).

Это краткое указаніе Агаѳангела переработалъ Хоренскій примѣнительно къ Арташесу, съ тою лишь разницею, что вмѣсто *рвовъ* этотъ послѣдній приказываетъ *ставить* четырехгранные камни съ выдолбленнымъ въ срединѣ *углубленіемъ* въ видѣ горшка, зарыть ихъ въ землю и поставить на нихъ четырехугольныя башеньки, *названныя* впослѣдствіи *Арташиромъ своимъ именемъ*, дабы не упоминалось имя Арташеса. — Ниже, въ 77-ой главѣ той же II книги, поставленные, якобы, Арташесомъ термы историкъ нашъ прямо называетъ „Арташировскими“, переименованными такъ по имени и приказу грознаго Сассанида.

Говоря объ устроеніи страны Арташесомъ, нельзя забыть о построеніи новой столицы. Начать съ того, что

---

[1]) Это мѣсто у Агаѳангела (Венец. 1862, с. 42) нѣсколько не ясно; б. м., оно искажено переписчиками; греческій переводъ Исторіи Агаѳангела, сдѣланный, по всей вѣроятности, до IX вѣка имѣетъ въ этомъ мѣстѣ: „*Καὶ τάφρους πεποιηκώς, ὅρια ἔστεσεν· τὸν δὲ ὀνόμασεν Φοσέων πύλας, ἔνθα πάλαι ἐκαλεῖτο τόπος Χάσματος*“. (Lagarde, „Agathangelus“, Göttingen., 1887, стр. 12)—Изъ этого видно, что переводчикъ слово ՓՈՍ считалъ за нарицательное имя въ значеніи „яма“, „углубленіе“. Быть можетъ, слѣдовало принять его за собственное имя, что не невозможно, въ виду существованія сомненныхъ областей *Уйцъ*—Малой и Большой—ՓՈՍ ՓՐԻ, ՓՈՍ Փոքր, въ Сюникѣ. (См. *Стеф. Орбеліана*, изд. Эмина, с. 371; у *Алишана* „Сисаканъ“, с. 208).

воспѣтое армянскими пѣвцами построеніе города Арташата царемъ Арташесомъ, современникомъ Домиціана, Траяна и Адріана (81 — 117 гг.), совершенно противорѣчитъ достовѣрнымъ историческимъ даннымъ. Мы уже видѣли, что Арташатъ упоминается еще во II вѣкѣ до нашей эры, т. е. почти за 300 лѣтъ до Моисеева Арташеса II, и какъ разъ въ эпоху этого послѣдняго городъ былъ въ особенно цвѣтущемъ состояніи, послѣ его разрушенія Корбулономъ [1]). Сошлюсь также на свидѣтельство Фавста Византійскаго (IV, 55), который, въ перечисленіи разоренныхъ персами въ IV в. армянскихъ городовъ, упоминаетъ и о „великомъ городѣ Арташатѣ“; въ немъ было до 40-а тысячъ армянъ и до 9-и тысячъ евреевъ, переселенныхъ сюда, по его словамъ, изъ Палестины еще Тиграномъ Великимъ. Такимъ образомъ, существованіе Арташата уже въ I в. до Р. Х. не можетъ подлежать сомнѣнію.

Быть можетъ, передаваемое Хоренскимъ нужно понять въ смыслѣ не *основанія* Арташата, а только его *возобновленія*, какъ о томъ въ означенную эпоху, дѣйствительно, свидѣтельствуютъ западные историки, въ томъ числѣ и Діонъ Кассій, повидимому, небезъизвѣстный нашему автору. Если подтвердится мое предположеніе о знакомствѣ армянскаго историка съ Діоновой Исторіей, тогда окажется, что, не только *возобновленіе Арташата*, но и многое другое изъ эпохи Арташеса и послѣ него, Моисей заимствовалъ изъ того же источника, намѣренно видоизмѣнивъ разсказанныя послѣднимъ событія, а свою переработку приписалъ народному эпосу.

Но что же особеннаго сообщаетъ армянскій эпосъ о „построеніи Арташата“, если только пѣвцы народные, дѣйствительно, воспѣвали когда-нб. это событіе?

Всего какихъ-нибудь 4 — 5 строкъ, уже ничего эпическаго въ себѣ не заключающихъ! „На мѣстѣ, гдѣ сливаются Араксъ и Мецаморъ, говоритъ Хоренскій, Арта-

---

[1]) См. выше, стр. 217.

шесъ строитъ городъ и называетъ его по своему имени Арташатъ. Араксъ снабжаетъ его сосновымъ лѣсомъ". — Вотъ и все! Остальное, т. е. о построеніи въ новой столицѣ храма, перенесеніи туда изображеній боговъ и переселеніи въ городъ еврейскихъ колонистовъ, — заимствовано у другихъ армянскихъ писателей, главнымъ образомъ у Агаѳангела, и приноровлено къ исторіи Арташеса.

Въ самомъ дѣлѣ, объ упоминаемой *еврейской колоніи въ Арташатѣ* Хоренскій могъ знать только изъ Фавста, который переселеніе это, какъ мы видѣли, относитъ, однако, ко времени Тиграна Великаго, а слѣдов. и переведеніе ихъ Арташесомъ II изъ города Ерванда (Ервандашата) въ новопостроенный имъ Арташатъ, въ концѣ I в. нашей эры, является собственнымъ измышленіемъ Моисея, имѣвшаго цѣлію придать тѣмъ оригинальность своему разсказу.

Касательно изображеній боговъ въ Арташатѣ слѣдуетъ сказать, что Хоренскій, которому досконально было извѣстно изъ Агаѳангела, какія именно святилища существовали у языческихъ армянъ, прекрасно зналъ, что произвольно приписанный имъ Ерванду „городъ кумировъ *Багаранъ*" вовсе не упоминается у историка Трдатова, у этого столь высоко чтимаго имъ автора. Нужно было поэтому убрать оттуда кумиры до наступленія эпохи Трдата Великаго, (къ которой, собственно, и относится свидѣтельство Агаѳангела), чтобы не стать въ противорѣчіе съ этимъ писателемъ, и перенести ихъ въ такой городъ, который могъ быть, напротивъ того, подтверждаемъ авторитетомъ Агаѳангела. Такимъ городомъ былъ *Арташатъ*, гдѣ, по словамъ Агаѳангела (стр. 584), дѣйствительно, стояло изображеніе армянской богини *Анахитъ*, соотвѣтствующей въ армянскихъ переводныхъ сочиненіяхъ Филона, Псевдо-Каллисѳена и др. греческой *Артемидѣ*. Хоренскій, поэтому, и переноситъ статую *Артемиды* въ *Арташатъ*. Сверхъ того, такъ какъ у Агаѳангела тутъ же упоминается о храмѣ бога *Тира*, греческаго *Аполлона*, находящемся недалеко отъ Арташата, *у* (большой) *дороги*,—то и Хоренскій помѣщаетъ изображеніе *Аполлона*

не въ самомъ Арташатѣ, а за городомъ, тоже поодаль отъ (большой) *дороги*.

Такимъ образомъ, историкъ нашъ довольно точно воспроизводитъ Агаѳангела; но, съ цѣлію избѣгнуть тождества съ нимъ, армянскія божества называетъ онъ греческими именами. За то, съ другой стороны, Хоренскій впадаетъ въ странное противорѣчіе съ самимъ собою: выходитъ такъ, что армянскіе пѣвцы, пѣснями которыхъ онъ, согласно его увѣренію, пользуется въ данномъ случаѣ, національныхъ своихъ боговъ называли чуждыми имъ, греческими именами! Уловка Моисея—приписать эти имена сопровождавшимъ изображенія боговъ изъ Греціи въ Арменію греческимъ жрецамъ, конечно, очень наивнаго свойства.

Вообще, данныя объ языческихъ культахъ армянъ у Хоренскаго, несмотря на кажущееся ихъ богатство и разнообразіе и на безпрестанныя ссылки историка—то на Храмовую исторію Улюпа, то на Аристона изъ Пеллы, то на гностика Вардезана или на Фирмиліана,—не идутъ далѣе Агаѳангела, который и былъ единственнымъ источникомъ Моисея въ этой области.

Чтобы доказать справедливость высказаннаго мнѣнія, мы сведемъ въ одно сообщаемыя нашимъ историкомъ всѣ свѣдѣнія касательно языческихъ культовъ въ Арменіи и разберемъ ихъ въ связи съ данными у Агаѳангела. Для этого придется нѣсколько уклониться въ сторону, но за то разъ навсегда мы выяснимъ вопросъ о существованіи когда бы то ни было Храмовой исторіи Улюпа и другихъ однородныхъ источниковъ, которые къ тому же были, будто, не чужды событій по исторіи Арменіи, а также армянскаго эпоса. Судя со словъ нашего историка, они какъ бы дополняли или, по крайней мѣрѣ, подтверждали многое въ пѣсняхъ народныхъ пѣвцовъ. (*Хор.* II, 48).

О древнѣйшихъ вѣрованіяхъ армянъ, до самаго появленія парѳянъ въ Арменію, ничего опредѣленнаго не упо-

минается у Хоренскаго; дается лишь понять, что, такъ какъ родоначальникъ армянскій, Хайкъ, воспротивившійся самовластію Титанида-Бэла, этого олицетворенія идолопоклонства, былъ праправнукъ Іафета, Ноева сына,—то онъ слѣд. и его потомки по вѣрованіямъ своимъ не должны были отличаться отъ прочихъ Іафетидовъ, т. е. они были монотеисты, какъ и евреи. Только при Арайѣ Прекрасномъ, седьмомъ родоначальникѣ отъ Хайка и современникѣ Семирамиды, упоминаетъ Моисей о миѳическихъ существахъ, которые, будто, оживили убитаго Арайя лизаніемъ его ранъ. Почему-то авторъ нашъ называетъ ихъ божествами ассирійской царицы, хотя очевидно, что подъ послѣдними онъ разумѣетъ армянскихъ *аралезовъ*[1]).

Въ другой разъ, мимоходомъ, говорится о посвященіи внука этого Арая, Анушавана-Соса, священнымъ платанамъ (по арм. *сосъ*) Араманеака, что въ Армавирѣ. Но это почитаніе платана является скорѣе суевѣріемъ, одной изъ формъ гаданія, а не поклоненіемъ дереву, какъ религіозный культъ [2]).

Наконецъ, и легенда о сынѣ Кирова современника Тиграна, Вахагнѣ, котораго, будто, иверійцы, но не армяне, обоготворили за его подвиги,—показываетъ, что Хоренскій, знакомый съ божествомъ Вахагномъ изъ Агаѳангела, не рѣшается, однако, приписать своимъ соотечественникамъ почитаніе его культа въ столь раннюю, по его мнѣнію, эпоху, какъ V вѣкъ до Р. Х. Но историкъ нашъ, конечно, ошибался [3]).

Впервые отсутствіе въ Арменіи „служенія въ храмахъ“ даетъ Хоренскій чувствовать Вахаршаку, основателю Аршакидской династіи, примѣрно, за полтора вѣка до нашей эры: онъ „строитъ въ Армавирѣ храмъ и ставитъ туда статуи *Солнца*, *Луны* и своихъ предковъ“. „Вахаршакъ нашелъ мужей изъ потомковъ *Вахагна*, которые добровольно испросили себѣ служеніе при храмахъ: онъ

---

1) См. выше, стр. 144, 145.
2) См. выше, стр. 164 и слѣд.
3) См. выше, стр. 201—208.

оказываетъ имъ большой почетъ, подчиняя имъ жречество и причисляя ихъ къ первымъ нахарарскимъ родамъ съ наименованіемъ *Вахнуни*“ [1]).

Далѣе, воинственному внуку Вахаршака, *Арташесу I*, Хоренскій приписываетъ походъ на западъ и захватъ въ плѣнъ Креза, царя лидійскаго. Армянскій завоеватель „нашелъ въ Азіи литыя изъ мѣди золоченыя изображенія *Артемиды*, *Гераклеса* и *Аполлона* и приказалъ отправить ихъ въ нашу страну и поставить въ *Армавирѣ*. Главные жрецы изъ рода Вахуни поставили въ Армавирѣ изображенія Аполлона и Артемиды, а статую *Гераклеса*, изваянную *Скиллисомъ и Дипеномъ* Критскимъ, считая за изображеніе предка своего, *Вахагна*, поставили въ Таронѣ, въ собственной ихъ деревнѣ, Аштишатѣ, по смерти Арташеса. ...Также въ Елладѣ *Арташесъ*, *взявъ изображенія Дія*, *Артемиды*, *Авины*, *Ефеста*, *Афродиты*, приказываетъ отправить ихъ въ Арменію. Не успѣли еще они проникнуть во внутрь нашей страны, какъ приходитъ вѣсть о смерти Арташеса. Тогда бросили ихъ поспѣшно въ крѣпость Ани, а жрецы послѣдовали за ними и остались при нихъ“. [2])

Сынъ и наслѣдникъ Арташеса, Тигранъ II, занялся прежде всего построеніемъ капищъ. „Но жрецы, пришедшіе изъ Греціи, опасаясь, чтобы ихъ не повели въ глубь Арменіи, стали указывать на предвѣщаніе отъ боговъ, изъявившихъ, будто бы, желаніе оставаться въ томъ же мѣстѣ. Тигранъ соглашается на это и ставитъ изображеніе *Дія* олимпійскаго въ крѣпости *Ани*, *Авину* въ *Т'илъ*, другое изображеніе *Афродиты*, *какъ любовницы Гераклеса*, приказалъ поставить въ *Аштишатъ* рядомъ съ изображеніемъ *Гераклеса*. Тигранъ, разгнѣвавшись на жрецовъ Вахуни, осмѣлившихся въ собственномъ своемъ владѣніи поставить изображеніе Гераклеса, присланное его отцомъ,—лишаетъ ихъ жреческаго достоинства и отбираетъ въ казну деревню, гдѣ поставлены были статуи...

---

[1]) *Хор.*, II, 8.
[2]) *Ibid.*, II, 12.

Потомъ онъ спускается въ Месопотамію и, нашедъ тамъ изображеніе *Баршамина изъ слоновой кости и хрусталя, обдѣланное въ серебро*, приказываетъ отвезти и поставить въ городкѣ *Т'ордан*ъ“ [1]).

Сверхъ перечисленныхъ божествъ, Хоренскій приписываетъ внуку Арташеса I, Авгарю, современнику Христа, поклоненіе еще слѣдующимъ: *Набогу*, *Бэлу*, *Бабтник'аху* и *Т'арат'а*; ихъ, вмѣстѣ съ книгами храмовыхъ училищъ и царскими архивами, переноситъ Авгарь изъ Мцбина (Низиба) въ новопостроенную имъ столицу, Едессу [2]).

Мы уже видѣли въ исторіи Ерванда, что „на разстояніи сорока стадій на сѣверъ отъ Ервандашата царь этотъ строитъ небольшой городокъ, на подобіе своего города, на рѣкѣ Ахуріанѣ, называя его *Багаран'*омъ, что значитъ „въ немъ устроены жертвенники“, и переноситъ туда всѣхъ кумировъ, бывшихъ въ *Армавирѣ* (т. е. Солнце, Луну, предковъ Вахаршака, а также Артемиду и Аполлона). И построивъ храмы, поставилъ онъ брата своего, *Ерваза*, главнымъ жрецомъ“ [3]).

Но вскорѣ, послѣ пораженія и смерти Ерванда, Смбатъ Багратидъ, по приказанію Арташеса II, умерщвляетъ Ерваза въ Багаранѣ, а „на его мѣсто при жертвенникахъ ставитъ одного изъ приближенныхъ Арташеса, *ученика какого-то мага*, *снотолкователя*, названнаго поэтому *Могпаштэ*. Потомъ, захвативъ всѣ сокровища Ерваза вмѣстѣ съ пятью стами рабовъ и съ лучшими сокровищами храма, представляетъ ихъ Арташесу, который даруетъ Смбату рабовъ Ерваза, а сокровища, къ которымъ онъ прибавилъ также изъ своего, приказываетъ отвезти парсійскому царю, Дареху, какъ отцу и пособнику, въ знакъ благодарности... Объ этомъ вѣрно повѣствуетъ намъ, замѣчаетъ Хоренскій, *Улюпъ, жрецъ Ани*, писавшій анналы храма и исторію многихъ событій, о которыхъ предстоитъ еще намъ говорить, о чемъ свидѣтельствуютъ

[1]) *Хор.*, II, 14.
[2]) *Ibid.*, 27.
[3]) *Хор.*, II, 40.

также Персидскія книги и Пѣснь армянскихъ випасановъ“ [1]).

Когда же вслѣдъ за симъ Арташесъ основалъ себѣ новую столицу, Арташатъ, то „онъ соорудилъ въ немъ храмъ и изъ *Багарана* перенесъ туда изображеніе *Артемиды* и всѣхъ боговъ своихъ предковъ; но изображеніе *Аполлона поставилъ загородомъ, поодаль отъ* (большой) *дороги*“ [2]). Въ это время назначенный Арташесомъ одинъ изъ сыновей его, *Мажанъ*, главнымъ *жрецомъ* бога Арамазда въ Ани [3]), выступаетъ съ доносомъ на своихъ братьевъ на встрѣчу Траяну, возвращавшемуся изъ Персіи, черезъ Сирію; „вѣдай, царь, говоритъ онъ, до тѣхъ поръ, пока не удалишь Артавазда и Тирана и не поручишь армянское войско Зареху, безъ труда не получишь дани“. „Такъ поступилъ Мажанъ въ отмщеніе за Смбата [4]), воспитавшаго также его. Вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ онъ удалить и Тирана, чтобы самому сдѣлаться и главнымъ жрецомъ, и главнымъ начальникомъ западной арміи. Но Траянъ не обратилъ на это вниманія и отпустилъ Мажана ни съ чѣмъ. Артаваздъ и Тиранъ, узнавъ его замыселъ, сдѣлали на него засаду на охотѣ, *убили* его и перенесли въ *Багаванъ*, гдѣ и похоронили, какъ великаго жреца“ [5]).

О смерти Арташеса Хоренскій передаетъ со словъ Аристона изъ Пеллы. „Повѣствуется (очевидно, у Аристона), что Арташесъ заболѣваетъ въ Марандѣ, въ городкѣ Бакуракертѣ, и Абехо — родоначальника рода

---

[1]) *Хор.*, II, 48.

[2]) *Ibid.*, II, 49.

[3]) *Ibid.*, II, 53.

[4]) Переводчики Хоренскаго обыкновенно невѣрно передаютъ это мѣсто. „Զայս արար Գաժակ քէն պահելով վասն Սմբատայ“—они передаютъ: Такъ поступилъ Мажанъ по ненависти къ Смбату; нов. пер. *Эмина*, стр. 103—104; „odio *in* Sembatum“—*Whiston*, p. 170; „per l'odio... *contro* Sembat“—*Cappelletti*, p. 147; „se venger *de* Sempad“—*Langlois*, Coll., II, стр. 109; „aus Hass *gegen* Sembat“, *Lauer*, p. 115.—Смыслъ тотъ, что Мажанъ, будучи воспитанъ, какъ и братъ его, Артаваздъ, Смбатомъ Багратидомъ, хотѣлъ изъ чувства привязанности къ своему воспитателю отмстить Артавазду за тѣ гоненія, которыя терпѣлъ отъ него Багратидскій князь.

[5]) *Хор.*, II, 55.

Абехіанъ, мужа живаго характера, льстиваго и лживаго, по его собственной просьбѣ, *царь* отправляетъ *въ Еризу*, что въ области Екехіацъ, *въ храмъ Артемиды* просить у боговъ исцѣленія и долгой жизни“ [1]).

Послѣ Аристона Хоренскій пользуется сочиненіемъ гностика Вардезана. Послѣдній, по увѣренію нашего историка, „писалъ много трактатовъ противъ секты Маркіонитовъ, о рокѣ, *о культѣ кумировъ* въ нашемъ отечествѣ (въ Арменіи). Онъ пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы найти себѣ послѣдователей между грубыми нашими язычниками; но они его не приняли; тогда онъ вступилъ въ крѣпость Ани, гдѣ, прочитавъ Храмовую исторію, заключавшую въ себѣ также дѣянія царей, перевелъ ее на сирскій языкъ, съ присовокупленіемъ совершавшихся при немъ событій. Эта исторія впослѣдствіи была переведена на греческій языкъ. Въ ней, въ отдѣлѣ о богослуженіи въ языческихъ храмахъ, авторъ повѣствуетъ, что царь армянскій Тиграпъ Послѣдній, желая почтить могилу брата своего, верховнаго жреца Мажана, въ Багаванѣ, что въ Багревандской области, воздвигъ надъ могилой жертвенникъ съ тѣмъ, чтобы мимо *проходящіе могли пользоваться отъ жертвоприношеній, а странники — получать ночлегъ*. Впослѣдствіи Вахаршъ учредилъ здѣсь всенародный *праздникъ въ началѣ новаго года* со вступленіемъ мѣсяца *Навасарда*. Изъ этой исторіи, говоритъ Хоренскій, мы заимствовали, начиная съ царствованія Артавазда, (сына Арташеса) до Хосрова“ (отца Трдата Великаго [2]).

Въ послѣдній разъ упоминаетъ Хоренскій объ языческихъ культахъ въ Арменіи при Сассанидскомъ владычествѣ, до воцаренія Трдата В., надо думать, со словъ Фирміліана. „Арташиръ, говоритъ нашъ историкъ, прекрасно устроивъ армянскую страну, утверждаетъ въ ней прежній порядокъ... Онъ еще болѣе усиливаетъ служеніе при *храмахъ огня*, приказавъ неугасимо поддерживать *огонь*

---

1) *Хор.*, II, 60.

2) *Хор.*, II, 66.

Ормузда на жертвенникъ въ Багаванъ. Но статуи — изображенія предковъ Вахаршака, имъ поставленныя въ Армавирѣ вмѣстѣ съ Солнцемъ и Луною, перемѣщенныя въ Багаранъ и потомъ въ Арташатъ, Арташиръ разбиваетъ и на землю нашу приказомъ своимъ налагаетъ дань и всюду утверждаетъ свое имя“ [1]).

Обратимся къ разбору приведеннаго матеріала объ языческихъ культахъ въ Арменій.

Мы уже видѣли, насколько можетъ быть достовѣрна личность Вахаршака Парѳянина, равно какъ и приписываемая ему дѣятельность. Но, и помимо того, указанія на введеніе этимъ царемъ статуй *Солнца*, *Луны* и предковъ очень неопредѣленны: какія такія были статуи или изображенія Солнца и Луны? Мнѣ сдается, что Хоренскій заимствовалъ ихъ изъ апокрифическаго сочиненія Лабубны, въ которомъ упоминается о поклоненіи *Солнцу и Лунѣ* въ городѣ Едессѣ, при Авгарѣ [2]), современникѣ Іисуса, а по Хоренскому—и праправнукѣ Вахаршака.— Нужно полагать, что замѣтившій отсутствіе у армянъ „служеній въ храмахъ“ этотъ братъ персидскаго царя могъ ввести въ Арменію развѣ только маздаическій культъ, культъ Арамазда и въ особенности очень распространенный въ тѣ времена культъ Анаиты. Но, оказывается, историку нашему совершенно не извѣстно, что еще задолго до мнимаго Вахаршака во всей Передней и значительной части Малой Азіи, а слѣд. и въ Арменіи, Понтѣ, Коммагенѣ, Каппадокіи, Иверіи—былъ распространенъ маздеизмъ подъ вліяніемъ многолѣтняго персидскаго владычества, восходившаго ко временамъ Кира и Ксеркса. Хоренскій совершенно даже не упоминаетъ объ этомъ культѣ у армянъ, ставшемъ у нихъ какъ бы національнымъ, а вмѣсто того разомъ вводитъ въ Арменію греческое идолопоклонство, перенесеніемъ въ эту страну статуй греческихъ боговъ, и то, только въ I в. до Р. Х.

---

[1]) *Хор.*, II, 75 и 77.

[2]) Լաբուբիոյ Քաղդէացւոյ Պատմութիւն, Венеція, 1868, стр. 24.

Исторія Арташеса I, по изложенію Хоренскаго, представляется совершенно недостовѣрной. Не только въ качествѣ армянскаго царя, но даже какъ парѳянскій царь царей, не могъ бы Арташесъ совершить все ему приписываемое. Ни до, ни послѣ этой эпохи парѳяне не доходили до такого могущества, чтобы завоевать всю Малую Азію, дойти до моря, покорить всю Элладу и наложить дань на всѣхъ грековъ! Ясно, что здѣсь или путаница въ именахъ, или же намѣренное искаженіе фактовъ, б. м., изъ патріотическаго тщеславія. Я уже не говорю о той несообразности, что передаваемая Геродотомъ и извѣстная всему древнему міру легенда о Крезѣ пріурочена къ I в. до Р. Х., причемъ побѣдителемъ Лидійскаго царя является не Киръ Персидскій, но Арташесъ Армянскій [1]). Напрасно С.-Мартенъ [2]) пытается примирить эти чудовищныя противорѣчія. Здѣсь не мѣсто останавливаться на его доводахъ; замѣчу только, что, при безусловномъ довѣріи французскаго арменіста къ Хоренскому, не могъ онъ относиться къ нашему автору съ достаточной трезвостью и должнымъ безпристрастіемъ.

Собственно говоря, приписываніе *Арташесу роли вводителя статуй греческихъ боговъ* въ Арменію навѣяно Хоренскому, какъ мнѣ кажется, свидѣтельствомъ Климента Александрійскаго, очень распространеннаго въ среднія вѣка автора, въ качествѣ справочной книги. Коснувшись въ своемъ „Увѣщаніи язычникамъ“ религіи персовъ, Климентъ замѣчаетъ, что прежде не было у нихъ никакихъ идоловъ, ни деревянныхъ, ни каменныхъ, какъ то было у грековъ; только спустя много лѣтъ, какъ передаетъ Берозъ, появляется въ Персіи почитаніе идоловъ въ формѣ человѣческихъ изображеній, а именно: *впервые Артаксеркс*ъ, сынъ Дарія, отецъ Оха, *поставилъ статую Аѳродиты-Анаиты* въ Вавилонѣ, Сузѣ, Екбатанѣ, Дамаскѣ и

---

[1]) Ср. *Gutschmid*, Ueber die Glaubwürdigkeit etc. въ Kl. Schriften, III, SS. 313, 314.

[2]) Fragments d'une Histoire des Arsacides, I, pp. 57—80.

Сардахъ [1]). — И такъ, передаваемое о персидскомъ Арташесѣ Хоренскій, какъ это было съ исторіей Есѳири, переноситъ на одноименнаго армянскаго царя, а для вящей убѣдительности—пріобрѣтеніе послѣднимъ такой массы статуй греческихъ боговъ приводитъ въ связь съ придуманными на сей случай обширными завоеваніями его, захватывавшими, будто, и Элладу!

Не трудно догадаться, что армяне, издревле послѣдователи маздеизма, могли, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ эллинизированныхъ своихъ сосѣдей въ Малой Азіи, ввести у себя статуи греческихъ боговъ, приноровленныхъ къ мѣстнымъ божествамъ. Такимъ образомъ, изъ факта заимствованія армянами греческихъ статуй никакъ нельзя заключить объ отсутствіи въ Арменіи мѣстныхъ, національныхъ культовъ, какъ это дѣлаетъ Хоренскій.

Исходя изъ такого ложнаго основанія, Моисей и называетъ почитавшихся у армянъ боговъ греческими названіями. Даже столь популярное въ Арменіи божество, какъ Анаита, извѣстная многимъ классическимъ писателямъ, совершенно не упоминается у армянскаго историка. Также точно нѣтъ у него помину объ Астхикѣ, Михрѣ, Тирѣ и Нанэ. Однако, несмотря на такое игнорированіе со стороны Хоренскаго національныхъ божествъ, весь пантеонъ его заимствованъ цѣликомъ у Агаѳангела, съ тою лишь разницею, что, вмѣсто названій армянскихъ божествъ, поставлены греческіе ихъ эквиваленты. Такъ, Агаѳангелову *Арамазду* соотвѣтствуетъ Діосъ у Хоренскаго, *Анахитъ*—Артемида, *Астхикъ*—Афродита, *Михру*—Гефестъ, *Тиру*—Аполлонъ, *Нанэ*—Аѳина и *Вахагну*—Гераклъ.

Выше мы видѣли, почему Хоренскій заставляетъ *Артемиду* и *Аполлона* блуждать по разнымъ городамъ Арменіи, пока они не попадаютъ въ тотъ именно, въ какомъ помѣщаетъ ихъ Агаѳангелъ, т. е. въ *Арташатъ*.

[1]) *Clementis Alexandrini* „Cohortatio ad gentes“, cap. V, p. 19, ed. Oxon. 1715. Греческій текстъ см. во II ч. нашего изслѣдованія, стр. 66.

Что касается *Геракла*, то его не жрецы, конечно, Вахуник'ъ, а самъ историкъ, произвольно считая за ихъ предка, *Вахагна* [1]), помѣстилъ въ *Аштишатѣ* Таронскомъ, — также согласно Агаѳангелу. Поэтому и приписываемое Тиграну, будто онъ лишилъ родъ Вахуни греческаго достоинства, не можетъ внушить намъ довѣрія.

Что Хоренскій, дѣйствительно, пользовался Климентомъ, видно также изъ мимоходомъ сдѣланнаго нашимъ историкомъ замѣчанія по поводу *статуи Геракла*, которая, по его словамъ, была *работы Скилла и Дипёна Критскихъ* [2]),—указаніе, буквально повторяемое у Александрійскаго ученаго, въ томъ же „Увѣщаніи язычниковъ". „Было *двое*, какъ я полагаю, ваятелей *Критскихъ*, говоритъ Климентъ, *Скиллъ и Дипёнъ*: они сдѣлали статуи Діоскуровъ въ Аргосѣ, *Геракла* въ Тиринѳѣ и Артемиды Мунихейской въ Сикіонѣ" [3]).

Такимъ путемъ выясняется вопросъ, возбуждавшій одно время интересъ художниковъ и археологовъ къ статуѣ знаменитыхъ критскихъ ваятелей, завоеванной, будто, армянами [4]). На самомъ дѣлѣ, это не болѣе какъ книжный мотивъ, самой же статуи Скилла и Дипёна, конечно, никогда не было въ Арменіи.

Къ Клименту же восходитъ и упоминаемое Моисеемъ въ 30-ой главѣ первой книги о нѣсколькихъ *Арамаздахъ*, послужившее предметомъ разнообразныхъ догадокъ. Дѣло въ томъ, что въ означенной главѣ Хорен-

---

[1]) Хоренскій сближаетъ названіе княжескаго рода *Вахуник'ъ* (Վահունիք) съ *Вахагномъ* и эпитетомъ *Вахеваханъ*, даннымъ Агаѳангеломъ храму этого бога.

[2]) *Хор.* II, 12. вм. Կրետացւոյ—Критскаго—я читаю Կրետացւոց—Критскихъ.

[3]) *Clem. Alex.*, l. c., caput IV, p. 14. Греческій текстъ см. ниже, во II ч., стр. 66.

[4]) *Nicard*, въ обширной своей статьѣ о Критскихъ ваятеляхъ, *Дипёнъ* и *Скиллъ*, и статуѣ Геракла ихъ работы, въ сущности, не приходитъ къ опредѣленному выводу. Dipoenus et Scyllis sculpteurs Crétois — въ *Mémoires de la Soc. nation. des antiquaires de France*, IV *Série*, T. VIII, Paris, 1877. pp. 131—275.—Изъ приведенной авторомъ литературы о Критскихъ ваятеляхъ, начиная Плиніемъ и Павзаніемъ и кончая Кедреномъ, только указанія римскаго естествоиспытателя и, въ особенности, Климента Ал. соотвѣтствуютъ интересующему насъ мѣсту у Хоренскаго. Но, какъ я полагаю, Плиній не былъ извѣстенъ армянскому историку, между тѣмъ какъ знакомство этого послѣдняго съ Александрійскимъ философомъ подтверждается и изъ другихъ отрывковъ „Исторіи Арменіи".

скій, въ витіеватомъ сравненіи любимаго героя своего, Тиграна Хайкида, съ божествомъ Арамаздомъ (греч. Зевсомъ), замѣчаетъ: „Арамазда не существуетъ; но если хотятъ, чтобы Арамаздъ существовалъ, то есть *еще* (*և*) четверо другихъ именовавшихся Арамаздомъ, изъ которыхъ одинъ — нѣкто *Кундъ* (*Կունդ ոմն*) Арамаздъ...“ [1])— Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что всѣхъ Арамаздовъ было *пятеро*. — Нѣкоторые переводчики Хоренскаго приняли „Кундъ“ за персидское слово въ значеніи „сильный“, „воинственный“, въ качествѣ эпитета къ божеству Арамазду [2]); другіе видѣли въ немъ подобный же эпитетъ Сассанидскаго царя, Ормузда I [3]); третьи оставляли слово „Кундъ“ безъ всякаго перевода [4]); а одинъ изъ изслѣдователей, на основаніи очень поздней и плохой рукописи, предлагалъ даже читать вм. *Կունդ ոմն*—*Կատար ոմն*, *Կատարուն*, *Կատար* [5]), въ значеніи „верховный“ или „совершенный“.

На самомъ дѣлѣ, тутъ нѣтъ ни персидскаго слова, ни какого-либо искаженія. *Կունդ* — слово армянское и значитъ „плѣшивый“, греч. φαλαχρός; оно встрѣчается еще въ армянскомъ переводѣ Библіи (напр., въ кн. *Левитъ*, хш, 40, а съ уменьшит. оконч. *ակ* и въ IV кн. *Цар.*, II, 23), слѣдовательно—слово древнее.—Что же мы видимъ у Климента? Александрійскій философъ, во второй главѣ цитированнаго нами его произведенія — „Cohortatio ad gentes“, p. 8, коснувшись вопроса о множествѣ видовъ одного и того же греческаго божества, говоритъ, что *Зевсовъ* (арм. Арамаздъ) было *трое:* одинъ—сынъ Эфира, въ Аркадіи, двое другихъ—сыновья Кроноса, одинъ въ Критѣ, другой также въ Аркадіи“. Нѣсколько далѣе, въ той же II главѣ, на стран. 11, упоминаетъ тотъ же

---

[1]) „ՈՉ Արամազդ որ, այլ ի կամեցողսն լինել Արամազդ, չորից և այլոց անուանեցելոց Արամազդ, յորոց մի է և Կունդ ոմն Արամազդ“. —Для точности, отрывокъ этотъ я привожу по своему переводу.

[2]) *Tommaseo*, ed. II, Venezia, 1850, p. 84; *Langlois*, Coll. I, p. 40.

[3]) См. статью Ն. Կունդ'а: „Արարատ“, 1891, кн. II, стр. 59—62.

[4]) *Le Vaillant de Florival*, 1841, p. 125; *Эминъ*, Исторія Арменіи М. Хоренскаго, М. 1858, стр. 69 и нов. пер., 1893, стр. 45; *Lauer*, 1869, стр. 51.

[5]) См. у Մխիթար'а: „Արարատ“, 1890, окт. и 1894 („Armeniaca“, VII).

авторъ еще о *двухъ* Зевсахъ: „Развѣ не почитаются *Зевсъ Плѣшивый* (Φαλακρός) въ Аргосѣ и Зевсъ Мститель — на Кипрѣ?“—Этотъ „Зевсъ *плѣшивый*“ и есть, по моему мнѣнію, „*Кундъ* Арамаздъ“ Хоренскаго [1]).

Далѣе, распредѣленіе по различнымъ мѣстностямъ Арменіи высланныхъ Арташесомъ изъ Греціи статуй другихъ боговъ приписывается Хоренскимъ сыну его, Тиграну, но опять таки въ такомъ видѣ, чтобы все сказанное нашло подтвержденіе у Агаѳангела [2]).

Для ясности, сравнимъ свидѣтельства обоихъ авторовъ.

Хор., II, 14. „Тигранъ... ставитъ изображеніе *Дія* [3]) Олимпійскаго *въ крѣпости Ани*, *Аѳину* въ *Т'илѣ*, другое изображеніе *Артемиды* въ *Еризѣ* и *Ефеста* въ *Багайариндж*. Но изображеніе *Афродиты*, какъ любовницы *Геракліеса*, приказалъ поставить въ *Аштишатѣ*, рядомъ съ изображеніемъ *Геракліеса*“.

Агаѳ. (с. 590) Статуя *Арамазда*, отца всѣхъ боговъ, стояла въ *крѣпости Ани*, (с. 591) богини *Нанэ*, дочери Арамазда, въ *Т'илѣ*, (с. 590) *Анахиты* въ *Ерезѣ*, (с. 593) *Михра*, сына Арамазда, въ *Багайариндж*, (с. 607) *Астхика* въ *Іаштишатѣ*, храмъ которой назывался опочивальней *Вахагна*, имѣвшаго здѣсь также свой храмъ.

У Агаѳангела (стр. 589), сверхъ того, упоминается о храмѣ „блестящаго бѣлизною“ бога *Баршамнія*—въ *Т'ор-*

---

1) Даже извѣстный отрывокъ въ концѣ 2-ой главы I книги Моисея—„ч[illegible]“ и проч., если оправдается коньектура о. Алишана, могъ бы быть приведенъ въ зависимость отъ одного мѣста того же сочиненія Климента, въ главѣ VI, стр. 20. Здѣсь говорится о заимствованіи Платономъ наукъ и искусствъ у мудрыхъ народовъ восточныхъ: геометріи—у египтянъ, астрономіи—у вавилонянъ, чарующихъ пѣсенъ — у ѳракійцевъ, многаго другаго — у ассирійцевъ, законовъ — у евреевъ. См. Венец. изд. „Исторіи Арменіи“ за 1881 г., in 32°. Впрочемъ, къ подобнымъ предположеніямъ могли подать поводъ и встрѣчающіяся на поляхъ рукописей Хоренскаго приписки, въ родѣ одной рукописи Эчміадзинской библіотеки за № 1665. Подробнѣе объ этой коньектурѣ см. у Ղ[illegible]'а, „Armeniaca“, XII.

2) Замѣчаніе *Nicard*'а (*l. c.* р., 196), что исторія перевесенія греческихъ боговъ въ Арменію заимствована Хоренскимъ изъ Хроники Африкана, по моему мнѣнію, не имѣетъ основанія. Моисей, вопреки предположенію Гельцера и Баумгартнера, не имѣлъ въ рукахъ Африкана; приписываемыя же арм. историку Баумгартнеромъ заимствованія изъ этой Хроники, взяты, какъ я думаю, изъ излюбленныхъ источниковъ Хоренскаго — Филона, Каллисѳена, Малалы и др. *Gelzer*, Africanus und die Byzantinische Chronographie, I, 1880, стр. 209 и 281. *Baumgartner*, Ueber das Buch die Chrie, *l. c.*, стр. 506—514.

3) Ср. въ *Хроникѣ Ширакаци*: „[illegible]“. См. Акад. слов., ч. II, прилож., *n. c.* [illegible]

данъ. Хоренскій, отождествляя его съ сирійскимъ *Баршамомъ*, приведеннымъ у Ширакаци [1]), приписываетъ пріобрѣтеніе его статуи Тиграну II., который, будто вывезъ ее изъ Месопотаміи и поставилъ также въ *Т'орданъ*. Но, чтобы не повторить буквально Агаѳангела, его эпитетъ „блестящій бѣлизной" онъ замѣняетъ другими выраженіями—(статуя) „*изъ слоновой кости и хрусталя, обдѣланная* въ серебро",—что, въ свою очередь, находится въ зависимости отъ Каллисѳенова описанія волшебной доски Нектанеба для гаданія: „она (доска) была *сдѣлана* изъ золота и *слоновой кости* и на ней (изображены) ...солнце изъ прозрачнаго *хрусталя*, луна — изъ алмаза..." [2]).

Какъ наблюдательный человѣкъ, Хоренскій не могъ не замѣтить, что храмы армянскихъ боговъ, по сообщенію Агаѳангела, находились, за незначительнымъ исключеніемъ, въ западной Арменіи, т. е. ближе къ Понту и Каппадокіи, въ которыхъ издавна процвѣтали иранскіе культы, приноровленные, подъ вліяніемъ малоазійскихъ грековъ, къ греческимъ божествамъ—въ смыслѣ почитанія ихъ статуй. Этому явленію нашъ историкъ даетъ своеобразное объясненіе, приводя его въ зависимость отъ каприза греческихъ жрецовъ, не желавшихъ, будто, идти вмѣстѣ со своими богами въ глубь страны, т. е. въ восточную Арменію [3]). Оказывается такимъ образомъ, что возникшіе, несомнѣнно, въ разныя эпохи и при различныхъ обстоятельствахъ храмы языческихъ боговъ въ Арменіи, имѣвшіе каждый свою особую исторію,—какъ бы выросли изъ подъ земли въ одинъ день, по одному лишь желанію Тиграна!

По поводу „боговъ Авгаря"—*Набога*, *Бэла*, *Бат'ник'аха* и *Т'арат'а* нужно замѣтить, что они не встрѣчаются,

---

[1]) См. выше, стр. 202, примѣч.

[2]) „Исторія Александра", Венеція, стр. 5; арм. текстъ см. ниже, во II, ч. этого изслѣдованія, стр. 66.

[3]) Это напоминаетъ завѣщаніе Александра у *Псевдо-Каллисѳена* же *l. c.*, стр. 178), гдѣ говорится о посылкѣ Македонскимъ завоевателемъ египетскимъ храмамъ тысячи талантовъ золота и *статуй боговъ*, съ предоставленіемъ *жрецамъ* права распредѣлять ихъ въ странѣ по своему усмотрѣнію.

какъ и нужно было ожидать, у Агаѳангела, ибо въ нихъ, равно какъ и въ самомъ Авгарѣ нѣтъ ничего армянскаго. Хоренскій заимствовалъ ихъ у Лабубны, вмѣстѣ съ вышеприведенными указаніями о поклоненіи *Солнцу и Лунѣ* [1]).

Обратимся къ Храмовой исторіи Улюпа. До сихъ поръ мы еще не встрѣчали у Хоренскаго ни одного, касающагося языческаго культа, замѣчанія, которое не нашло бы себѣ объясненія у Агаѳангела. Есть, однако, у Моисея одинъ пунктъ, который на первый взглядъ можетъ казаться почерпнутымъ изъ другаго, спеціальнаго источника, помимо Агаѳангела. Это — указанія о *жречествѣ* и *жрецахъ* въ Арменіи, сводящіяся, въ сущности, къ тому только, что верховнымъ жрецомъ изъ армянъ, впервые упоминаемымъ при Ервандѣ Аршакидѣ, былъ братъ этого послѣдняго, Ерваз, а при Арташесѣ II — сынъ его, Мажанъ,—оба имени, неизвѣстныхъ въ армянской литературѣ *до* Хоренскаго. И это все, что можно было бы приписать Улюпу!

На самомъ же дѣлѣ, изъ приведенныхъ именъ одно— „*Ерваз*“ (Երուազ), какъ я уже замѣтилъ, находится, повидимому, въ зависимости отъ названія селенія „*Ерез*“ (Երէզ), въ которомъ стоялъ знаменитый *языческій храмъ*, а другое — „*Мажанъ*“ (Մաման), есть библейскій *Мат'анъ* (Մաթան) — *жрецъ* Ваала (IV кн. *Цар.*, XI, 18), *убитый*, какъ и армянскій его alter ego, вѣроломнымъ образомъ.

Подробности же о назначеніи „надъ жертвенниками Багарана (впослѣдствіи перенесенными въ *Арташатъ*) *ученика*, какъ увѣряетъ Хоренскій, какого-то мага, *сноголкователя*, *названнаго* поэтому *Могпаштэ*“,—я полагаю, основаны на свидѣтельствѣ все того же Агаѳангела. Послѣдній и болѣе пространно, и въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ сохранилъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія объ армянской Пиѳіи при храмѣ армянскаго Аполлона—*Тира*, *названнаго учителемъ жреческой* мудрости и писцомъ (дпиръ)

[1]) Впрочемъ, о почитаніи *Солнца и Луны* у персовъ Хоренскій могъ знать и изъ Себеоса (стр. 37), у котораго извѣстный узурпаторъ VI в., Бахрамъ Михревандакъ, клянется Арамаздомъ, *Солнцемъ*, *Луною*, землею, водою и Михромъ.

Арамазда: въ этомъ храмѣ, находившемся вблизи столицы *Арташата*, внушали *сны*, давали имъ *толкованія* и учили всѣмъ художествамъ [1]).

И упоминаніе у Моисея Хоренскаго, по поводу болѣзни Арташеса, о *храмѣ Артемиды въ Еризѣ* и посылкѣ туда князя Абехо—просить исцѣленія *армянскому царю*, несмотря на желаніе нашего историка приписать это извѣстіе Аристону изъ Пеллы,—въ дѣйствительности, навѣяно также выраженіями Агаѳангела, относящимися къ *храму Анаиты* же (Артемиды) въ *Ерезѣ*, въ этомъ „великомъ и коренномъ мѣстѣ поклоненія *армянскихъ царей*“ [2]).

Послѣдній источникъ Хоренскаго объ языческой религіи армянъ это — гностикъ Вардезанъ (род. 154 г.), являющійся какъ бы продолжателемъ Улюпа.

Собственно, данныя относительно литературной дѣятельности Вардезана, его отношенія къ Валентиніановой ереси, его сочиненій противъ Маркіонитовъ, его діалога къ Антонину,—все это Хоренскій заимствуетъ буквально у Евсевія [3]), какъ видно изъ сравненія соотвѣтствующаго мѣста „Церковной исторіи“.

Ἐπὶ δὲ αὐτῆς βασιλείας πληθουσῶν τῶν „αἱρέσεων“ ἐπὶ τῆς μέσης τῶν ποταμῶν, „Βαρδησάνης“ ἱκανώτατός τις ἀνὴρ ἔν τε τῇ Σύρων φωνῇ „διαλεκτικώτατος, πρὸς τοὺς κατὰ Μαρκίωνα“ καὶ τινας ἑτέρους διαφόρων προϊσταμένους „δογμάτων διαλόγους“ συστησάμενος, τῇ ἰδιᾷ παρέδωκε γλώττῃ τε καὶ γραφῇ, μετὰ καὶ „πλείστων“ ἑτέρων αὐτοῦ συγγραμμάτων· οὓς οἱ γνώριμοι (πλεῖστοι δὲ ἦσαν αὐτῷ „δυνατῶς τῷ λόγῳ“ παρισταμένῳ) „ἐπὶ τὴν Ἑλλήνων ἀπὸ τῆς Σύρων μεταβεβλήκασι φωνῆς“. Ἐν οἷς ἐστι καὶ ὁ πρὸς „Ἀντωνῖνον“ ἱκανώτατος αὐτοῦ περὶ „εἱμαρμένης“ διάλογος, ὅσα τε ἄλλα φασὶν αὐτὸν προφάσει τοῦ τότε διωγμοῦ συγγράψαι. Ἦν δ’ἄρα οὗτος „πρότερον τῆς κατὰ Οὐαλεντῖνον σχολῆς, καταγνοὺς“ δὲ ταύτης, πλεῖστά τε τῆς κατὰ τοῦτον μυθοποιΐας ἀπέλεγξας, ἐδόκει μέν πως αὐτὸς ἑαυτῷ ἐπὶ τὴν ὀρθοτέραν γνώμην μετατεθεῖσθαι, οὐ μὴν καὶ παντελῶς γε ἀπερρύψατο τὸν τῆς παλαιᾶς „αἱρέσεως“ ῥύπον... [4]).

---

[1]) *Агаѳангелъ*, с. 584.

[2]) *Ibid.* с. 590.

[3]) *Hist. Eccl.*, IV, 30. Ср. также: *Gutschmid*, Ueber die Glaubwürdigkeit etc. въ Kl. Schrift., III, стр. 302 и слѣд.

[4]) Ed. *Fr. Heinichen*, Lipsiae, 1868, pp. 198—199.

Но историкъ армянскій пользовался не греческимъ оригиналомъ Кесарійскаго епископа, но армянскимъ его переводомъ, изъ котораго до очевидности ясны заимствованія 66-ой главы II книги „Исторіи Арменіи“ [1]).

Что же касается подробностей о приходѣ Вардезана въ Арменію, съ цѣлію распространить тамъ свою ересь, о вступленіи его въ крѣпость Ани, объ ознакомленіи его съ Храмовой исторіей, будто, содержавшей также дѣянія армянскихъ царей, о переводѣ этой „исторіи“ на *сирійскій*, а потомъ и на *греческій* языкъ, о сочиненномъ имъ трактатѣ о *рокѣ* и культѣ кумировъ въ Арменіи,—то я считаю ихъ намѣренно придуманными. Любопытно то, что все здѣсь приведенное историкъ нашъ заимствуетъ у Евсевія же, примѣняя, по своему обыкновенію, къ Арменіи то, что говорится о Месопотаміи, равнымъ образомъ и сочиненія Едесскаго гностика о *рокѣ* и многомъ другомъ, переведенныя, по словамъ автора Церковной исторіи, его друзьями съ *сирійскаго* на *греческій* языкъ, Моисей относитъ къ армянамъ.—Уже одно неопредѣленное выраженіе Евсевія—„μετὰ καὶ πλείστων ἑτέρων αὐτοῦ συγγραμμάτων“—давало прекрасный поводъ Хоренскому подразумѣвать подъ нимъ также „армянскую исторію“ и сочиненіе о „культѣ кумировъ въ Арменіи“,—произведенія, которыя до сихъ поръ никому, однако, неизвѣстны.

Самыя извлеченія Моисея изъ мнимой Исторіи Вардезана объ языческихъ культахъ армянъ на столько скудны и не новы, а главное—такъ напоминаютъ Агаѳангела, что едва ли можетъ быть сомнѣніе въ заимствованіи ихъ у этого послѣдняго. И точно, разсказъ Хоренскаго о воздвигнутомъ Тиграномъ Послѣднимъ жертвенникѣ, въ селеніи *Багаванъ*, надъ могилою вѣроломно убитаго брата своего, верховнаго жреца Мажана, гдѣ мимо проходящіе могли пользоваться отъ жертвоприношеній, а *странники—получатъ ночлегъ*, также объ учрежденіи царемъ Вахаршомъ, въ томъ же селеніи, въ честь своего дяди,

[1]) См. во II ч. нашего изслѣдованія, стр. 69.

Мажана же, *всенароднаго праздника, въ началѣ новаго года* со вступленіемъ мѣсяца *Навасарда*, — есть ни что иное, какъ парафраза сообщаемаго историкомъ Трдата [1]) объ установленіи св. Григоріемъ *праздника* въ честь свв. мучениковъ, Іоанна Предтечи и Аѳанагинеса, въ селеніи *Багаванѣ* же. Тутъ въ языческія времена, по свидѣтельству Агаѳангела, почитались богъ *Аманоръ* („Новогодъ"), покровитель плодовъ, и богъ *Странноприимецъ-Пріютодатель* (Арамаздъ?) [2]), *великій праздникъ* котораго праздновался съ большимъ торжествомъ въ *Багаванѣ, въ мѣсяцѣ Навасардѣ*.

Даже пріурочиваніе праздника именно къ *жрецу Мажану*, брату Тиграна и дядѣ Вахарша, навѣяно, я полагаю, по ассоціаціи родства *Аѳанагинеса* съ Просвѣтителемъ Арменіи, родства, упоминаемаго,—впрочемъ, въ поздней армянской литературѣ.—Извѣстно изъ Агаѳангела (стр. 607), что св. Григорій, по возвращеніи своемъ изъ Кесаріи въ Арменію черезъ Севастію, привезъ съ собою полученные имъ отъ Кесарійскаго архіепископа въ даръ мощи святыхъ Іоанна Предтечи и *Аѳанагинеса*. У писателей армянскихъ до VШ в. нѣтъ никакихъ указаній о личности и происхожденіи Аѳанагинеса. Въ армянскихъ Минеяхъ подъ 17 іюля называется онъ епископомъ Севастійскимъ, умершимъ мученическою смертію при Діоклетіанѣ. Это свидѣтельство кажется болѣе древнимъ, сравнительно съ другимъ указаніемъ въ Минеяхъ

---

[1]) *Агаѳангелъ*, с. 623.

[2]) Хоренскій не понялъ или намѣренно видоизмѣнилъ собственное имя божества Ամանոր—„Новогодъ" у Агаѳангела въ ամի նոր այ—„новаго года". Покойному Н. О. Эмину (О религ. языч. арм., с. 32—34) принадлежитъ заслуга въ объясненіи названія этого божества армянскаго пантеона, подъ которымъ, б. м., нужно подразумѣвать *Арамазда*, если только тутъ не идетъ рѣчь о двухъ различныхъ божествахъ. По крайней мѣрѣ, приведенные здѣсь эпитеты „Странноприимецъ" и „Пріютодатель" какъ нельзя лучше подходятъ къ Арамазду. Ср. напр., „Արամազդ Օտարաեբր" у Евсевія (*Chron*, II, p. 136), соотвѣтствующій *Ζεὺς Ξένιος*; а встрѣчающееся въ армянскомъ переводѣ II книги Маккавеевъ (VI, 2) —„հիւրասէր Որմզդական տէյն ԼՆոտէր"—„Странполюбецъ *Ормуздъ*, богъ пріютодатель", (вм. „*Ζεὺς Ξένιος*" перев. LXX толк.),—цѣликомъ повторяется въ данномъ отрывкѣ Агаѳангела—„հիւրընկալ տէյն ԼՆոտէր".

же подъ 11 августа, гдѣ Аѳанагинесъ является *тестемъ* св. Григорія, а въ апокрифической „Договорной грамотѣ“[1]), вѣроятно, XI—XII в., онъ названъ „братомъ Маріи, матери Аристакеса и Врт'анеса, сыновей св. Григорія; другими словами — онъ приходился св. Григорію *шуриномъ*[2]).

Вотъ къ чему сводится Вардезанъ со своей пресловутой исторіей „культа кумировъ въ Арменіи“!

Наконецъ, и послѣдняя замѣтка Хоренскаго (II, 77) объ языческой религіи армянъ при владычествѣ Арташира Бабекана, а именно—„объ усиленіи персидскимъ царемъ, *Арташиромъ*, въ Арменіи служенія при *храмахъ огня* и поддержаніи неугасимаго огня *Ормузда* на жертвенникахъ въ Багаванѣ“—ничего новаго въ себѣ не заключаетъ. Она составлена на основаніи неизмѣннаго Агаѳангела, съ нѣкоторыми дополнительными подробностями изъ Библіи. Дѣйствительно, по словамъ историка Трдата (ст. 41), Сассанидъ *Арташиръ*, узнавъ объ убіеніи своего врага, армянскаго царя, Хосрова, „отпраздновалъ этотъ день въ великой радости, принесши богатые дары *храмамъ огня*“.

Только что я замѣтилъ, что встрѣчающіеся въ отрывкѣ у Агаѳангела объ Аманорѣ эпитеты „Страннопріимецъ-Пріютодатель“ могли быть приняты за божество „*Арамаздъ*“. Хоренскій такъ и понялъ это мѣсто, не безъ вліянія армянскаго перевода II книги Маккавеевъ (VI, 2), который эпитеты эти приписываетъ именно *Ормузду*, являющемуся и въ интересующемъ насъ отрывкѣ Хоренскаго.

Относительно упоминанія въ той же главѣ у нашего историка: „Арташиръ разбилъ статуи предковъ Вахаршака вмѣстѣ съ Солнцемъ и Луною“,—замѣчу, что въ этомъ слѣдуетъ видѣть развѣ предусмотрительность Хоренскаго.

---

[1]) „Դաշանդ հայկայ“ въ Константинопол. изданіи Агаѳангела, 1824, стр. 347.

[2]) Согласно съ этимъ передаетъ и *Вардан*ъ, историкъ XIII в. (Венец. 1862, с. 39.)—См. „Исторію Арменіи“ *о. Чамчіана*, (I. с. 617), у котораго заимствую я означенныя ссылки.—Весьма вѣроятно, что преданіе о родствѣ двухъ славныхъ угодниковъ начало складываться только въ VIII—IX вв., т. е. какъ разъ во времена Хоренскаго, который и воспользовался имъ, не упоминая, однако, о самомъ Аѳанагинесѣ.

Въ своемъ изложеніи „Исторіи Арменіи“ авторъ нашъ приближался къ эпохѣ, описанной авторитетнымъ историкомъ, Агаѳангеломъ, на котораго и самъ онъ ссылается неразъ. Поэтому, нужно было ему во всемъ идти согласно съ Агаѳангеломъ и не вызывать никакихъ противорѣчій съ нимъ, дабы собственное свое произведеніе не подвергать сомнѣнію въ глазахъ читателя. Но историку Трдата не были извѣстны никакія „статуи предковъ Вахаршака, Солнца и Луны“. Хоренскій вслѣдствіе этого вынужденъ *разбить* ихъ — и именно руками Сассанида Арташира, заклятаго врага Аршакидовъ, а слѣд. и Вахаршака и его предковъ, и, напротивъ того, сохранить и поддерживать культъ Сассанидовъ—*огонь Ормузда*, на существованіе котораго въ Арменіи, по мнѣнію нашего историка, намекалось и у Агаѳангела [1]).

Изъ сказаннаго до сихъ поръ объ языческой религіи армянъ ясно вытекаетъ, что выдаваемое Хоренскимъ за заимствованія изъ так. назыв. Храмовой исторіи Улюпа и подобныхъ источниковъ, имѣвшихъ, якобы, связь и съ народнымъ армянскимъ эпосомъ, — есть ничего болѣе, какъ повторенія изъ Агаѳангела о томъ же предметѣ; для отвода глазъ, примѣшаны къ нимъ различныя амплификаціи изъ Библіи, Климента Александрійскаго, Лабубны, Евсевія, Псевдо-Каллисѳена и др. Даже названіе столь авторитетнаго на видъ и спеціальнаго источника Хоренскаго, какъ „Храмовая исторія“ (II, 48, 66), перенято, повидимому, у Евсевія, который неразъ упоминаетъ о существованіи такихъ памятниковъ у египтянъ и грековъ [2]).

Дѣятельность Артапеса, въ качествѣ устроителя родной страны, завершается у Хоренскаго описаніемъ процвѣтанія въ его эпоху наукъ и искусствъ въ Арменіи.

Но какія это были „главныя науки и искусства“, о которыхъ армяне, по словамъ историка, „будучи заняты

---

[1]) Ср. культъ бога огня, *Михра*, у Агаѳангела: Պրշտիկ Մհեայ, стр. 593.

[2]) См. его *Chron.*, I, pp. 101, 107; II, p. 128.

нашествіемъ и набѣгами или не заботились, или же не постигали ихъ ?„— Оказывается, это—„ *смѣна* недѣль, *мѣсяцевъ и годовъ*, *что не было имъ знакомо*, *хотя у другихъ народовъ оно было въ употребленіи*; суда не ходили по озерамъ и рѣкамъ; не было снастей для рыболовства; земля воздѣлывалась не вездѣ; по примѣру сѣверныхъ странъ, они питались сырымъ мясомъ".

Уже съ перваго взгляда разсказъ Хоренскаго наводитъ насъ на сомнѣніе. Какимъ это образомъ армяне, владѣвшіе около двухъ столѣтій до нашей эры довольно благоустроеннымъ государствомъ, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ греками и римлянами, имѣвшіе у себя царей, знакомыхъ съ греческою литературою, содержавшихъ въ своей столицѣ греческій театръ, и даже, по словамъ Плутарха [1]), писавшихъ греческія трагедіи,—армяне, говорю, не умѣли опредѣлять времени, не знали судоходства и проч. въ началѣ II вѣка по Р. Х.?— Историку нашему совершенно не извѣстно, что еще Геродотъ, слѣд. болѣе чѣмъ за полтысячелѣтіе до Арташеса, въ любопытномъ описаніи упоминаетъ объ оживленной торговлѣ армянъ съ Вавилономъ по рѣкѣ Евфрату: *суда* армянскія, имѣвшія форму щита, вмѣщали въ себѣ болѣе 1,000 талантовъ тяжести [2]). По словамъ Ксенофонта, армяне съ торговыми цѣлями плавали также по Араксу и Курѣ, продолжая свой путь по Каспійскому морю и далѣе до Индіи. Авторъ „Анабазиса", какъ очевидецъ, кромѣ того рисуетъ цвѣтущее состояніе Арменіи въ отношеніи скотоводства и *земледѣлія*. Въ армянскихъ деревняхъ, черезъ которыя пришлось вернуться 10,000 грекамъ, всюду они находили всѣ роды злаковъ, кунжутъ, миндальное масло, масла благовонныя, напитокъ, приготовляемый изъ ячменя (нѣчто въ родѣ пива), пріятныя вина и т. п., [3]),—что указываетъ на довольно высокую степень культуры народа.

---

[1]) См. *Жизнь Красса*, гдѣ упоминается Артавазд, кк. авторъ греч. трагедій.
[2]) *Herod.*, I, 194.
[3]) *Anabasis*, IV, 4.

Такимъ образомъ, упрекъ Хоренскаго по адресу своихъ соотечественниковъ по поводу незнакомства ихъ съ *судоходствомъ* и недостаточнаго распространенія между ними *земледѣлія* въ II в. по Р. Х. — не имѣетъ основанія.

Едва ли нужно распространяться объ отсутствіи въ Арменіи рыболовныхъ снастей; а употребленіе въ пищу сыраго мяса — дѣло обычая, который существовалъ у армянъ еще въ IV в. по Р. Х.; для примѣра, ср. у Фавста, IV, 4.

Касательно „смѣнъ недѣль, мѣсяцевъ и годовъ" надо замѣтить, что онѣ, безъ сомнѣнія, были извѣстны армянамъ задолго до Арташесса II. Но Хоренскій, желая связать это важное нововведеніе съ именемъ любимаго имъ царя, воспользовался уже готовымъ литературнымъ мотивомъ поздняго, впрочемъ, происхожденія. Это—указанія Ширакаци, VII в. Онъ, дѣйствительно, сообщаетъ нѣчто подобное, но не объ Арташесѣ или объ армянахъ, а о пророкѣ Моисеѣ и евреяхъ. Въ Словѣ своемъ „на Пасху" Ананія останавливается, между прочимъ, на вопросѣ о *лунномъ мѣсяцѣ* у Евреевъ: „Священный праздникъ Пасхи, замѣчаетъ онъ, Господь установилъ на основаніи луннаго исчисленія..., ибо мѣсяцъ считается по днямъ луны. До Моисея *не было* у евреевъ *мѣсяцевъ*. (Только въ кн. *Исхода.*, XII, 2) называются дни луны мѣсяцемъ, такъ какъ лунные были *мѣсяцы*; но *года* еще не было установлено у евреевъ, ибо они *употребляли* годъ и мѣсяцы халдейскіе." (Собр. сочин. Ширакаци, стр. 15—16).

И такъ, *отсутствіе мѣсяца и года* у евреевъ до Моисея — превратилось у Хоренскаго въ *незнакомство* армянъ съ недѣлей, *мѣсяцемъ* и *годомъ* до Арташеса, а *употребленіе у евреевъ халдейскаго года и мѣсяца* подало поводъ армянскому историку замѣтить, что (до Арташеса) у другихъ народовъ такое времясчисленіе *было* уже *въ употребленіи*.

ГЛАВА XII.

Объ Арташесѣ II.—3, Сношенія съ Римомъ; его смерть и похороны.

Для полнаго обзора исторіи Арташеса II, намъ остается разсмотрѣть двѣ-три главы о томъ же царѣ, заключающія разсказы о сношеніяхъ его съ римлянами и о кончинѣ его. Приведемъ тексты Хоренскаго.

Хор. II, 54. *„Возникли какія-то смуты на Западѣ,* и Арташесъ, разсчитывая на это, *отложился отъ Римлянъ* и отказался платить имъ дань. Императоръ *Домиціанъ,* разгнѣванный, посылаетъ на Арташеса войско, которое, дошедъ до *Кесарійскихъ странъ,* начинаетъ сильно преслѣдовать Тирана и западную армію до обширной долины Басэнской; но тутъ встрѣчается Артаваздъ съ восточною и сѣверной арміями и вмѣстѣ со всѣми сыновьями царя даетъ сильное сраженіе. Имъ угрожала большая опасность; но подъ конецъ сраженія подоспѣлъ Смбатъ съ южной арміею и, вступивъ въ дѣло, спасаетъ царевичей, одерживаетъ верхъ и тѣмъ полагаетъ конецъ бою. Хотя Смбатъ былъ уже старъ, но какъ юноша устроилъ и повелъ атаку; потомъ, пустившись вслѣдъ за римскими войсками, преслѣдовалъ ихъ до самыхъ предѣловъ Кесаріи. Пѣвцы, воспѣвая это событіе, говорятъ въ Пѣсняхъ: «Какой-то Дометъ пришелъ» (въ нашу землю), разумѣя

самого императора Домиціана, который самъ лично не былъ у насъ: его повелѣніе и войско метафорически названы здѣсь его именемъ. Къ счастію Арташеса, въ это время умираетъ Домиціанъ въ Римѣ и послѣ него Нерва царствуетъ не болѣе года. Ободренныя этимъ, армянскія и парсійскія войска совершаютъ нападеніе даже на Грецію. Глядя на это, Египтяне и Палестинскія страны также перестаютъ платить дань Римлянамъ".

Хор. II, 55. „Около этого времени вступаетъ на римскій престолъ *Траянъ*. Водворивъ миръ на всемъ Западѣ, идетъ онъ на Египтянъ и Палестинцевъ и, подчинивъ ихъ своей власти, отправляется на *Востокъ* на Парсовъ. Тутъ Арташесъ поспѣшно идетъ на встрѣчу Траяну съ большими дарами, съ повинной головой предлагаетъ ему слѣдующую за предшествовавшіе годы дань и, получивъ отъ него прощеніе, возвращается въ армянскую страну, а Траянъ отправляется въ Парсію и исполнивъ (тамъ) все, чего желалъ, возвращается черезъ Сирію... Съ тѣхъ поръ Арташесъ исправно платилъ дань Траяну, а послѣ него императору Адріану впродолженіе всей своей жизни".

Хор. II, 60. „*Аристонъ изъ П'еллы* прекрасно *повѣствуетъ* о смерти Арташеса. Въ это время *Евреи, отложившись отъ Адріана*, римскаго *императора*, дали сраженіе *епарху Руфу* подъ *начальствомъ* какого-то *разбойника, по имени Барк'оба, что значитъ „Сынъ звѣзды"*, который, *будучи* злодѣемъ и *убійцей, кичился своимъ именемъ*, считая себя *Мессіею, сошедшимъ съ неба для избавленія угнетенныхъ* и *плѣнныхъ. Онъ* такъ *сильно и далеко повелъ войну*, что, глядя на него, отказались платить дань Римлянамъ—Сирія, Месопотамія и вся Парсія; къ тому же молва дошла до Барк'обы, что Адріана постигла проказа. Но нашъ Арташесъ не измѣнилъ императору. Около *этого времени Адріанъ*, прибывъ въ Палестину, *нанесъ пораженіе возставшимъ, осадивъ ихъ въ небольшомъ городкѣ* близъ *Іерусалима*. Потомъ *приказалъ всему еврейскому народу удалиться изъ отечественной земли, дабы ему невозможно было видѣть Іерусалимъ*

издали. Адріанъ возобновилъ Іерусалимъ, разрушенный Веспасіаномъ, Титомъ и имъ самимъ, *назвавъ* его своимъ именемъ *Эліей*, ибо, дѣйствительно, *Адріанъ* назывался Солнцемъ. Онъ населилъ его *язычниками* и христіанами, у которыхъ *епископомъ былъ* какой-то *Маркъ*. Около того же времени онъ послалъ большое войско въ Ассирію и нашему Арташесу приказалъ отправиться въ Парсію во главѣ своей гвардіи. При немъ находился секретаремъ тотъ мужъ, который оставилъ намъ эту исторію: онъ встрѣчаетъ Арташеса въ Марск'ѣ, въ мѣстности, называемой Сохундомъ. Повѣствуется, что Арташесъ заболѣваетъ въ Марандѣ, въ городкѣ Бакуракертѣ, и Абех'о—родоначальника рода Абех'еанъ, мужа живаго характера, льстиваго и лживаго, по его собственной просьбѣ, царь отправляетъ *въ Еризу*, что въ области *Екех'еац, въ храмъ* Артемиды просить у боговъ исцѣленія и долгой жизни. Онъ не успѣлъ еще возвратиться, какъ Арташеса постигла смерть. (Историкъ) пишетъ: много народу погибло во время смерти Арташеса; (погибли) любимыя жены, наложницы, *вѣрные слуги*. Похороны *въ честь его трупа были великолѣпны*, не по обычаю варваровъ, а народовъ образованныхъ. *Одръ* былъ *золотой, ложе и постель*—изъ виссона, одежда *на немъ*—златотканная, *корона на головѣ*, передъ нимъ (лежало) золотое оружіе; *сыновья и многочисленные сродники окружали одръ; за ними — воинскіе* начальники, *родоначальники, сонмъ* нахараровъ и *полки воиновъ, вооруженныхъ, какъ бы на войну* идущіе; впереди (трубили) въ мѣдныя трубы, сзади (шли) рыдающія дѣвы, облеченныя въ трауръ, плакальщицы, а за (ними) толпа простолюдиновъ.—Таковы были (погребальное) *шествіе* и *похороны* Арташеса. Вокругъ его могилы совершалось много добровольныхъ смертей, какъ мы сказали выше. *Такъ* умеръ этотъ царь, любимый нашей страной, послѣ *сорока* одного *года* царствованія".

Изъ внѣшней дѣятельности Арташеса Хоренскій останавливается на отношеніяхъ его къ римлянамъ при Доми-

ціанѣ, Траянѣ и Адріанѣ. Но все передаваемое объ этихъ императорахъ перепутано и искажено до неузнаваемости.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что при Домиціанѣ, да и вообще при первыхъ трехъ императорахъ изъ дома Флавіевъ, дружественныя отношенія Рима къ Арменіи ни разу не были омрачены какимъ-либо столкновеніемъ [1]). Это обстоятельство едва ли не было извѣстно и Хоренскому, который поэтому прибѣгаетъ къ сочинительству, съ цѣлью придать больше оригинальности своему разсказу; но, чтобы скрыть свою выдумку, стоящую въ явномъ противорѣчіи съ достовѣрной исторіей, онъ сваливаетъ отвѣтственность за нея все на ту же *аллегорію* мнимой народной пѣсни, изъ которой самъ историкъ не могъ, однако, привести болѣе одного имени — Дометъ! Нужно ли подъ этимъ словомъ разумѣть императора *Домиціана,* какъ говоритъ Моисей, либо *Домиція* Корбулона, какъ предлагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, съ цѣлію исправить невѣрный синхронизмъ армянскаго историка, въ сущности, это безразлично. Для насъ важно отмѣтить, что не армянскіе пѣвцы занимались подобными аллегоріями и не они передѣлали данное имя, но самъ Хоренскій, который собственныя свои соображенія выдаетъ обыкновенно за сообщенія фиктивныхъ своихъ источниковъ.

Далѣе, самый эпизодъ объ отложеніи армянъ отъ Рима составленъ Моисеемъ, какъ мнѣ кажется, въ подражаніе Іосифова разсказа о возстаніи германцевъ противъ Рима.

Неразъ мы имѣли случай видѣть, что армянскій историкъ не упускаетъ случая примѣнить къ своимъ соотечественникамъ то, что находитъ разсказаннымъ про персовъ, парѳянъ, сирійцевъ и др. То же самое и въ данномъ случаѣ.

Разсказываетъ еврейскій историкъ, что при самомъ началѣ правленія Веспасіана (69—79 по Р. Х.), вслѣд-

1) *Mommsen*, Röm. Gesch., Т. V, изд. 2-ое, стр. 393.

ствіе частыхъ гражданскихъ войнъ въ Римѣ, происходившихъ отъ постоянныхъ перемѣнъ императоровъ, возстали германцы, съ цѣлью свергнуть римское иго. Противъ нихъ посланъ сначала Петилій Церіалъ, а потомъ и юный сынъ Веспасіана, Домиціанъ цезарь, которому удалось усмирить возстаніе [1]).—Въ другомъ мѣстѣ приведены у того же историка свѣдѣнія о размѣщеніи римскихъ легіоновъ, стоявшихъ, послѣ іудейской войны, одна въ Іерусалимѣ, другая на Евфратѣ, близъ Арменіи и Каппадокіи, и третья въ Египтѣ [2]).

Изъ этихъ разнообразныхъ извѣстій Іосифа, не имѣющихъ, однако, отношенія къ армянамъ, Хоренскій сплелъ свой разсказъ о войнѣ Арташеса съ Римомъ, перенесеніемъ сказаннаго о германцахъ на своихъ соотечественниковъ. Оба возставшіе народа *разсчитываютъ на смуты въ Римской имперіи*; въ обоихъ случаяхъ выставляется личность *Домиціана*, хотя съ отличнымъ другъ отъ друга исходомъ войны; даже обращеніе римлянъ въ бѣгство до самыхъ *предѣловъ Кесарійскихъ*, повидимому, находится въ зависимости отъ упоминанія у Іосифа объ одномъ изъ римскихъ легіоновъ, стоявшемъ у Евфрата, по близости Арменіи и *Каппадокіи*.

Любопытно замѣтить, что, имѣя подъ рукою отрывки Діона и Хронику Малалы [3]), историкъ нашъ не пользуется ихъ разсказами объ армянахъ, или, по крайней мѣрѣ, донельзя видоизмѣняетъ ихъ. Въ особенности Діонъ передаетъ интересныя подробности о походѣ Траяна въ Арменію изъ за парѳянскаго ставленника, Парѳамасира, назначеннаго парѳянскимъ царемъ, Хозроемъ, въ правители Арменіи, вмѣсто римскаго ставленника, Екседара [4]), брата Парѳамасирова, устраненнаго силою. Траянъ, объ-

---

[1]) *Iosephi, Bell. Jud.*, L. VII, cap. IV (XI), 2.

[2]) *Ibid.*, L. VII, c. I (IV), 3.

[3]) Ср. *A. Carrière,* Nouvelles sources de Moïse de Khoren, Supplém., Vienne. 1894. pp. 1—29.

[4]) Ἐξεδάρης у *Діона* (LXVIII, 17). у другихъ, напр., у *Свиды* Ἀξιδάρης;—это вѣроятно, Աշխադար (Ашхадаръ), встрѣчающійся и у Хоренскаго въ исторіи Трдата Великаго (II, 83).

явивъ парѳянамъ войну за такой произволъ, явился самъ на Евфратъ, куда прибыли послы отъ Парѳамасира съ изъявленіемъ покорности императору отъ имени своего царя. Но Траянъ не обратилъ на нихъ вниманія и двинулся въ Малую Арменію. На пути въ армянскую область, Екехіацъ, Парѳамасиръ лично представился императору, съ повинной головой, прося утвердить его на армянскомъ престолѣ. Траянъ и на этотъ разъ отвергъ его. Вскорѣ послѣ того несчастный аршакидскій принцъ былъ убитъ въ смятеніи, а Арменія превращена въ римскую провинцію (въ 115 г. [1]).

Изъ приведеннаго разсказа, быть можетъ, мотивъ о *приходѣ армянскаго царя, Парѳамасира, къ Траяну съ повинной головой* искусно передѣланъ Моисеемъ для тождественнаго случая, но съ превращеніемъ Парѳамасира въ Арташеса, который, къ тому же, изъ патріотизма нашего историка долженъ былъ явиться счастливѣе своего прототипа. Возможно также, что и *сдѣланный Мажаномъ Траяну, въ Сиріи, донос на своего брата*, Тирана, съ цѣлью отнять у него начальство надъ западной арміей, доносъ, на который, по словамъ Хоренскаго, не обратилъ императоръ никакого вниманія [2]),—навѣянъ армянскому историку Діоновымъ же разсказомъ о *прибывшихъ къ Траяну, въ Сирію, послахъ Парѳамасира*, такого же, какъ и Мажанъ противника своего брата, Екседара,—при чемъ ходатайство посольства противъ послѣдняго также оставлено было императоромъ безъ уваженія.

Заключительная глава объ Арташесѣ можетъ считаться образцомъ свойственнаго Хоренскому пріема, по которому онъ переработываетъ свои источники.

Въ основу разсказа положено цѣликомъ повѣствованіе Евсевія [3]), конечно, безъ упоминанія источника,— о возстаніи евреевъ подъ предводительствомъ Бархобы, при Адріанѣ, съ прибавленіемъ позднихъ іудейскихъ преданій

---

[1]) См. *Dio*, LXVIII, 17—20; также *Mommsen*, *l. c.*, стр. 396 и слѣд.

[2]) Объ этомъ см. выше, стр. 285.

[3]) *Церк. Ист.*, IV, 6.

о проказѣ этого императора, встрѣчающихся у Аѳанасія и у Епифанія [1]). Но, съ цѣлію связать исторію Арташеса съ Адріаномъ, Моисей придумалъ такой поводъ: вслѣдствіе возстанія евреевъ, отложились отъ Рима Сирія и Месопотамія и вся Персія, почему — императоръ посылаетъ большое войско на Востокъ, приказавъ Арташесу идти со своимъ отрядомъ въ Персію на помощь римской арміи. Въ послѣдней, въ качествѣ секретаря армянскаго царя, находился и историкъ Аристонъ изъ Пеллы, оставившій описаніе этого похода, а также кончины и торжественныхъ похоронъ Арташеса.

Несообразность этого разсказа слишкомъ очевидна.

Во-первыхъ, нужно замѣтить, что извѣстія о возстаніи евреевъ при Адріанѣ крайне сомнительны [2]).

Во-вторыхъ, при Адріанѣ, въ дѣйствительности, не было никакой войны съ Персіей; напротивъ того, самъ императоръ, какъ видно изъ Діона и другихъ, добровольно возвратилъ завоеванныя Траяномъ парѳянскія области — Ассирію и Месопотамію, заключивъ съ парѳянами миръ и дружбу [3]). Я уже не говорю о томъ, что при Адріанѣ положеніе вещей въ Арменіи было совершенно отлично отъ Моисеевой передачи, и ни о какомъ Арташесѣ нѣтъ тамъ и помину.

Въ третьихъ, Аристона знаетъ Хоренскій только изъ Евсевія; о пребываніи же историка изъ Пеллы въ Персіи и сочиненіи его о персидскомъ походѣ и царѣ Арташесѣ никому не извѣстно [4]). Что передаваемое о Бархобѣ Моисей могъ знать только изъ Церковной исторіи Кесарійскаго епископа, и то по армянскому ея переводу, — наглядно усматривается изъ сравненія обоихъ историковъ, слѣд. объ отдѣльномъ сочиненіи Аристона, находившемся,

---

[1]) Ср. *Gutschmid*, Ueber die Glaubwürdigkeit etc. въ Kl. Schrift., III, S. 305—306. Впрочемъ, на заимствованія Хоренскаго у Евсевія было обращено вниманіе еще *Вистонами* (лат. перев. Исторіи Хоренскаго, p. 174).

[2]) *Gutschmid*, Ibid.

[3]) Ср. *Mommsen*, *l. c.*, стр. 403.

[4]) *Gutschmid*, *l. c.*, стр. 305.

будто, въ рукахъ Хоренскаго, не можетъ быть и рѣчи. Вотъ подлинныя слова Евсевія, которыя предлагаемъ читателю сравнить съ Моисеевыми, помѣщенными въ началѣ настоящей главы.

Καὶ δῆτα τῆς „Ἰουδαίων ἀποστασίας“ αὖθις εἰς μέγα καὶ πολὺ προηλθούσης, „Ῥοῦφος ἐπάρχων“ τῆς Ἰουδαίας, στρατιωτικῆς αὐτῷ συμμαχίας „ὑπὸ βασιλέως“ πεμφθείσης, ταῖς ἀπονοίαις αὐτῶν ἀφειδῶς χρώμενος ἐπεξῆει, μυριάδας ἀθρόως ἀνδρῶν ὁμοῦ καὶ παίδων καὶ γυναικῶν διαφθείρων, πολέμου τε νόμῳ τὰς χώρας αὐτῶν ἐξανδραποδιζόμενος.

„Ἐστρατήγει“ δὲ Ἰουδαίων τηνικαῦτα „Βαρχωχέβας ὄνομα, (ἀστέρα δηλοῖ τοῦτο)“ τὰ μὲν ἄλλα „ληστρικὸς καὶ φονικός“ τις ἀνήρ, „ἐπὶ δὲ τῇ προσηγορίᾳ, οἷα ἐπ᾽ἀνδραπόδων, ὡς δὴ ἐξ οὐρανοῦ φωστὴρ αὐτοῖς κατελήλυθώς, κακουμένοις τε ἐπιλάμψαι τερατευόμενος“. „Ἀκμάσαντος δὲ τοῦ πολέμου“ ἔτους ὀκτωκαιδεκάτου τῆς ἡγεμονίας „Ἀδριανοῦ“ κατὰ Βίθθηρα „πόλιν“ ἥτις ἦν ἐχυρωτάτη, „τῶν Ἱεροσολύμων οὐ σφόδρα πόρρω διεστῶσα“, τῆς τε ἔξωθεν „πολιορκίας χρονίου“ γενομένης, λιμῷ τε καὶ δίψει τῶν νεωτεροποιῶν εἰς ἔσχατον „ὀλέθρου περιελαθέντων“, καὶ τοῦ τῆς ἀπονοίας αὐτοῖς αἰτίου τὴν δίκην ἐκτίσαντος δίκην, „τὸ πᾶν ἔθνος“ ἐξ ἐκείνου καὶ τῆς „περὶ τὰ Ἱεροσόλυμα“ γῆς πάμπαν ἐπιβαίνειν „εἴργεται“, νόμου δόγματι καὶ διατάξεσιν „Ἀδριανοῦ, ὡς α᾽ν μηδ᾽ ἐξ ἀπόπτου θεωροῖεν τὸ πατρῷον ἔδαφος, ἐγκελευσαμένου. Ἀρίστων ὁ Πελλαῖος ἱστορεῖ“. Οὕτω δὴ „τῆς πόλεως εἰς ἐρημίαν“ τοῦ Ἰουδαίων ἔθνος καὶ παντελῆ φθορὰν τῶν πάλαι οἰκητόρων ἐλθούσης, ἐξ ἀλλοφύλου τε γένους συνοικισθείσης, ἡ μετέπειτα „συστᾶσα“ Ῥωμαϊκὴ πόλις τὴν ἐπωνυμίαν ἀμείψασα εἰς τὴν τοῦ κρατοῦντος „Αἰλίου Ἀδριανοῦ“ τιμὴν Αἰλία [1]) „προσαγορεύεται“. Καὶ δὴ τῆς αὐτόθι ἐκκλησίας ἐξ „ἐθνῶν“ συγκροτηθείσης, πρῶτος μετὰ τοὺς ἐκ περιτομῆς „ἐπισκόπους“ τὴν τῶν ἐκεῖσε λειτουργίαν ἐγχειρίζεται „Μαρκος“ [2]).

Наконецъ, что касается описанія похоронъ Арташеса, якобы переданнаго Аристономъ, или, въ виду его эпическаго, будто, колорита, кажущагося заимствованнымъ изъ народной пѣсни, то это, по справкѣ, оказывается ничего болѣе, какъ парафраза изъ Іосифова же описанія торжественныхъ похоронъ Ирода I., что совершенно ясно видно изъ слѣдующей параллели:

---

[1]) Переводя это слово черезъ «солнце», Хоренскій, очевидно, смѣшалъ *Αἴλιος* съ *Ἥλιος*.

[2]) *Hist. Eccl.*, IV, 6, ed. Heinichen, pp. 156—157. Арм. переводъ см. во II ч. нашего изслѣдованія, стр. 71.

Хор. II, 60... Пишетъ (Аристонъ): много народу погибло во время смерти Арташеса; (погибли) любимыя жены, наложницы, *вѣрные слуги... Одръ былъ золотой*, ложе и постель изъ виссона, одежда на немъ (на Арташесѣ)— *златотканная*, *корона на головѣ*, передъ нимъ (лежало) золотое оружіе; *сыновья и многочисленные сродники окружали одръ; за ними — воинскіе* начальники, *родоначальники*, *сонмъ* нахараровъ и *полки воиновъ*, *вооруженныхъ*, *какъ бы на войну идущіе;* впереди трубили въ мѣдныя трубы, сзади (шли) рыдающія дѣвы, облеченныя въ трауръ, плакальщицы, *а за (ними)* толпа простолюдиновъ. Таковы были (погребальное) *шествіе и похороны* Арташеса [буквально: такъ *перенесши* (тѣло Арташеса), *похоронили*].

Іосифъ, Bel. Jud. L. I, cap. xxxiii (xxi), 9. *Одръ былъ* весь *изъ золота*, усыпанный драгоцѣнными камнями; покрывало пурпуроваго цвѣта *съ богатымъ шитьемъ*, а на немъ тѣло (Ирода), одѣтое въ пурпуръ; *на головѣ* у него *была діадема*, сверху — золотая *корона*, а въ правой рукѣ — мечъ. *Сыновья и многочисленные сродники окружали одръ*; *за ними* шли ѳракійскій *полкъ*, германцы и галлы, *какъ бы на войну идущіе;* послѣ нихъ прочіе воины, *вооруженные*, слѣдовали чинно за своими *предводителями* и начальниками. Наконецъ, *вслѣдъ за ними* — пятьсотъ *рабовъ* и вольноотпущенниковъ воскуривали благовоніе. Тѣло *перенесено* было наразстояніи двухсотъ стадій въ Иродеумъ, гдѣ, согласно завѣщанію, и *похоронено*.

О добровольныхъ смертяхъ въ Арменіи, хотя нѣтъ въ этомъ „языческомъ обычаѣ“ ничего невѣроятнаго, никто изъ древне-армянскихъ писателей не сообщаетъ. Я полагаю, что на это могъ навести Хоренскаго его излюбленный источникъ, Каллисѳенъ, который нѣчто подобное разсказываетъ объ охранявшихъ могилу Дарія. „Покрывъ трупъ убитаго персидскаго царя своею хламидою и почтивъ его, Александръ, говоритъ его историкъ, приказалъ отрубить носы и уши у охранявшихъ могилу Дарія, согласно персидскому обычаю“ [1]).

Въ заключеніе критическаго разбора исторіи Арташеса, не лишне упомянуть о сохранившемся у Григорія Магистра (XI в.) любопытномъ преданіи, относимомъ изслѣдователями и переводчиками Хоренскаго къ этому царю.

---

[1]) Ср. арм. *Псевдо-Каллисѳена*, стр. 123.

Въ одномъ изъ своихъ посланій къ епископу Мокскому и Маназкертскому, Григорію, ученый князь Пахлавуни сообщаетъ ему о необычайномъ явленіи природы, случившемся въ мѣстности, гдѣ онъ жилъ, а именно — о страшномъ громѣ, разразившемся *зимою*, 23-го мѣсяца Ахекана, а также о бывшемъ (въ этотъ день) ливнѣ. Сообщая объ этомъ событіи, Магистръ, по обыкновенію, облекаетъ свою мысль въ затѣйливыя метафоры и заключаетъ свое описаніе въ такихъ выраженіяхъ: (это происходило 2-го) Ахекана, „въ ту (пору года, когда) Арташесъ Парѳянинъ выражалъ желаніе (видѣть) клубящійся дымъ, выходящій изъ трубъ и стелющійся туманомъ поверхъ селъ и городовъ. Кто бы мнѣ далъ (т. е. зимою), говорилъ онъ, (видѣть) изъ трубъ (выходящій) дымъ, и утро Навасардское, и бѣгъ оленей, и крикъ ланей? Мы въ рога трубили и въ барабанъ били, какъ то обычно царямъ.—И это говорилъ онъ при кончинѣ своей, какъ это мы нашли сохранившимся въ преданіи у простонародья“ [1]).

Изъ приведеннаго слѣдуетъ: во-первыхъ, что страшный громъ съ ливнемъ разразился *зимою*, *23-го мѣсяца Ахекана*, соотвѣтствующаго апрѣлю; во-вторыхъ, какой-то *Арташесъ Парѳянинъ* выражаетъ сожалѣніе о томъ, что въ зимнюю пору, въ мѣсяцѣ Ахеканѣ, не можетъ выѣзжать на охоту—на любимѣйшую забаву царей,—какъ это онъ дѣлалъ лѣтомъ, въ мѣсяцѣ Навасардѣ (въ августѣ), особенно благопріятномъ для охоты на оленей и ланей; въ третьихъ, что это завѣтное желаніе выражено Арташесомъ *при его кончинѣ;* и въ четвертыхъ, что слова эти сохранились у простонародья, какъ *преданіе*.

---

1) „Յաւուրն ՀԻԵ յայնոյ եղեալ ահագին որոտումն, յամենայն Ա հ կ ի որ էր քաղաքարդ երկրին։ Եւ զայսոսիկ գրեաց [Մագիստրոս] ի Գրիգոր եպիսկոպոսն Մոկաց եւ Մանազկերտոյ սակս եկոյ եւս անդրեւ սաստիկ կամիմք իմանալ զձիածինն պատահեալ... ի Թորգոմեան երից եւՀնանկեանցն եռակի բարբեղոց Ա հ կ ե ա ն, յորում Ա բ ա շ է ս ն Պ ա բ ի եւ բազմայր մոյ մրրկեալ ծխոյ շամանգաղեալ մակաւասար չինից և քաղաքաց. Ո տայր ինձ, ասէր, զծուխ ծխանի և զառաւօտն Ն ա ւ ա ս ա ր դ ի, զվազելն եղանց եւ զվագելն եղջերուաց. մեք փող հարուաք եւ թմբկի հարկանեաք, որպես օրէն է թագաւորաց։—Եւ զայս ասէն ի վախճանել իւրում, զոր ի գահիճիկս ա ւ ա ն դ ե ա լ գտաք։ Ոդջ լեր“։ *Послание* 48-е (по Эчм. списку).

Прежде всего, нужно считать не вполнѣ обоснованнымъ принятое у изслѣдователей армянскаго эпоса отождествленіе „Арташеса Парѳянина“ у Магистра съ Арташесомъ Вторымъ Хоренскаго [1]). Изъ чего это слѣдуетъ? Если даже принять „Арташеса Парѳянина“ за армянскаго царя, то и тогда остается недостаточно выясненнымъ, почему онъ долженъ быть именно Арташесъ II, а не Арташесъ I Моисея?

Съ своей стороны я могъ бы указать на одного дѣйствительно историческаго *Арташеса*, къ которому особенно подходитъ интересующій насъ отрывокъ. Это — упоминаемый классическими писателями армянскій царь *Артаксіасъ*—Арташесъ (отъ 18—35 г. по Р. Х.), прославившійся своей *страстью къ охотѣ* и пиршествамъ, а также преданностью національнымъ обычаямъ, и тѣмъ стяжавшій особенную любовь своего народа. Онъ умеръ, не оставивъ наслѣдника престола [2]).

Далѣе, и утвержденіе о „загробной жизни“ и „замогильномъ мірѣ“ [3]), гдѣ, будто, произносилъ Арташесъ приведенныя слова, едва ли имѣетъ основаніе. Здѣсь рѣчь идетъ о предсмертномъ желаніи „Арташеса Парѳянина“, при чемъ сопоставляются два времени года—зима и лѣто, или даже два мѣсяца въ году: *Ахеканъ*, когда происходило помянутое явленіе, т. е. зимою, въ пору неудобную для охоты, и *Навасардъ*, мѣсяцъ наиболѣе благопріятный для охоты. Еще Ванаканъ, ученый вардапетъ XIII вѣка, опредѣлялъ Ахеканъ, какъ „յաշխի, (т. е. исполненный страха), ибо, при таяніи снѣговъ и разлитіи рѣкъ, всюду, какъ говорятъ, распространяется страхъ на людей“ [4]).

---

[1]) См. въ итал. перев. *Tommaseo*, *l. c.*, p. 206; — *о. Гатырджіанъ*, Ист. арм. лат., 1851, стр. 51; — *Эминъ*, М. Хор. и др. эпосъ арм., 1881, стр. 80; — *Алишанъ*, въ „Ցուցիչ“ (перепеч. изъ *Polyhistor'a*, за 1850—1851), ч. II, стр. 112 и „Հին Հաւատք“, 1895, стр. 67.

[2]) Ср., напр., у *Тацита*, Анналы, II, 56, VI, 31.

[3]) *Эминъ*, М. Хоренскій и др. эпосъ армянскій, стр. 80 и слѣд.

[4]) См. его „Բան ի տարեմուտի“, Акад. словарь, *п. с* Ա՛հ։

Также кажутся мнѣ произвольными наименованіе приведенныхъ Магистромъ нѣсколькихъ строкъ „пѣснею випасановъ“ и передача ихъ въ стихотворной формѣ. Ученый князь Григорій вполнѣ ясно говоритъ о сохранившемся въ устахъ у простонародья *преданіи*, выражаясь объ немъ „*կար ի գոհհիկս աւանդին, պատմին* или *ասեն*,“ какъ это дѣлаетъ онъ и въ другихъ посланіяхъ своихъ. Такихъ случаевъ у него не мало: напримѣръ, по поводу забавной притчи о жаворонкѣ, упавшемъ навзничъ и силившемся поднять ноги свои вверхъ, въ намѣреніи удержать небо, въ случаѣ его паденія на землю [1]); или въ басняхъ—о нищемъ [2]), принявшемъ пеньку за шелкъ и продававшемъ ее во Ѳракіи;—или, какъ нѣкто въ Палестинѣ, помазавъ медомъ огненнаго цвѣта камни [3]), спѣшилъ продавать ихъ за бальзамъ;—а другой, поймавъ у подошвы Казбіи совъ и птицъ саратакъ (*սարատակ*), водилъ ихъ съ собою, принимая ихъ за ястребовъ. „Вотъ и другой случай, замѣчаетъ авторъ посланія, уже недалеко отъ насъ: кто-то изъ иверійской страны закоптилъ лягушку и въ уѣздѣ Кот'ъ, области Гехама, продавалъ ее за рыбу...“

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, гдѣ Магистръ ссылается на *преданіе у простонародья*, мы имѣемъ дѣло съ обычными въ устахъ народной массы баснями, извѣстными ученому князю, по всей вѣроятности, изъ книжныхъ источниковъ. Подобные разсказы можно слышать и теперь у всякаго народа. Обыкновенно это—притчи, сентенціи, перехожія сказанія, конечно, въ прозѣ и, притомъ, безъ отношенія къ національной эпической поэзіи.

---

1) См. 16-ое *Посланіе* Григорія Магистра.

2) См. *Посланіе* 34-ое. Въ рукописи, завѣщанной мнѣ покойнымъ учителемъ моимъ, Н. О. Эминымъ, стоитъ чтеніе „*մուցաչի*“; въ одномъ изъ списковъ Эчміадзинской библіотеки—„*մուրցաչի*“; въ спискѣ составителей Акад. словаря (*п. с. կաֆաֆ*)—„*մուրցաչի*“[*ц*].

3) См. въ томъ же *Посланіи:* въ моей рукописи, также какъ и въ Эчміадз. спискѣ, стоитъ чтеніе „*գարիս ապրատակս*“, которое я принимаю за *գր. ապրատակս*. Послѣднее слово очень обычно въ Посланіяхъ Магистра.

ГЛАВА XIII.

Объ Артаваздѣ II, сынѣ Арташеса.

Изъ предыдущаго изложенія мы видѣли, что выдаваемое Хоренскимъ за народный эпосъ или вообще за эпическіе сюжеты, — будетъ ли это въ „пѣсняхъ армянскихъ пѣвцовъ“, либо въ „Храмовой исторіи“ Улюпа, Вардезана и др.,—въ дѣйствительности не содержатъ въ себѣ ничего эпическаго. То были отрывки изъ разнообразныхъ книжныхъ источниковъ, болѣе или менѣе искусно переработанныхъ Моисеемъ въ примѣненіи къ армянамъ, при чемъ дѣло, конечно, не обходилось безъ собственныхъ дополненій и прикрасъ автора „Исторіи Арменіи“.

Въ нѣсколько иномъ видѣ представляется разсказъ Хоренскаго о несчастномъ царевичѣ Артаваздѣ. Легендарный матеріалъ объ немъ нашелъ историкъ готовымъ, частію въ книжныхъ, частію въ устныхъ источникахъ, и изъ соединенія тѣхъ и другихъ обработалъ новую версію той же легенды, со внесеніемъ отъ себя намѣренно придуманныхъ подробностей. Приведемъ цѣликомъ эту главу.

Хор. II, 61. „Царствованіе Артавазда; преслѣдованіе имъ братьевъ и сестеръ; смерть его и аллегорическій объ немъ разсказъ. — Послѣ Арташеса воцарился сынъ его *Артавазд*ъ, который выселилъ изъ Айрарата всѣхъ своихъ братьевъ въ области Ахіовитъ и Арберани, дабы они не жили въ Айраратѣ—въ домэнахъ царя. И какъ у него не было сына, то онъ оставилъ при себѣ одного

только Тирана своимъ преемникомъ. Спустя нѣсколько дней послѣ вступленія на престолъ, Артавазд, при переѣздѣ черезъ мостъ города Арташата, чтобы *охотиться* на кабановъ и онагровъ у истоковъ рѣки Гина, встревоженный какими-то видѣніями [въ I пер. „впалъ въ *помѣшательство*“], долго носился на конѣ безъ цѣли, пока наконецъ не упалъ въ глубокую пропасть и не пропалъ безъ слѣду.

Объ немъ Гохтенскіе пѣвцы поютъ [1]) такъ: „по случаю смерти Арташеса большая была гибель народу, по языческому обычаю; огорчился, говорятъ, *Артавазд* и говоритъ отцу—ты ушелъ и унесъ съ собою всю нашу землю, какъ же мнѣ царствовать надъ развалинами?“ — За это Арташесъ проклялъ его, сказавъ: „если ты поѣдешь на охоту на *свободный Масисъ*, тебя захватятъ *каджи*, повлекутъ на *свободный Масисъ;* тамъ останешься и свѣта не увидишь болѣе.

Старухи также разсказываютъ про него, что онъ, связанный желѣзными цѣпями, *заключенъ* въ какой-то пещерѣ; что *двѣ собаки грызутъ безпрестанно его цѣпи* и онъ силится *выйти* и положить конецъ *міру;* но что отъ звука ударовъ *кузнечныхъ молотовъ* снова, говорятъ, *оковы* укрѣпляются. Поэтому также и въ наше время многіе изъ *кузнецовъ*, слѣдуя *легендѣ*, по воскресеньямъ ударяютъ *трижды* или четырежды молотомъ о *наковальню*, *чтобы* укрѣпились, какъ говорятъ, *цѣпи Артавазда*. Но справедливо то, что мы сказали выше.

Другіе говорятъ, что при рожденіи его приключилось съ нимъ *несчастіе*, и полагаютъ, что женщины изъ рода Аждахака *заколдовали* его; почему и Арташесъ долго и жестоко пыталъ ихъ. Объ этомъ же самомъ поютъ пѣвцы такъ: „Драконіды украли младенца Артавазда и *дэва* положили на его мѣсто“. Но мнѣ справедливою кажется молва, что онъ родился *помѣшаннымъ* и умеръ въ помѣшательствѣ“.

---

[1]) Въ оригиналѣ стоитъ „ⴰⴰⴰⴰⴰⴰⴰⴰⴰⴰ“, что вѣрнѣе было бы передавать черезъ — баснословно разсказывать, повѣствовать что-нб. сказочное, какъ греч. *μυθολογέω*.

Выше мы имѣли случай указывать на существованіе у древнихъ армянъ сказаній о *духахъ* (дэвахъ) и *драконахъ* (вишапахъ). По разсказу Езника, чудища эти ходятъ, подобно людямъ, на охоту, увозятъ съ гумна хлѣбъ и даже *царевичей и героевъ держатъ у себя въ заточеніи* и проч. Это—обычные мотивы сказокъ миѳологическаго содержанія. Въ высшей степени любопытна приведенная тутъ же у Колпскаго подробность о „нѣкоемъ *Артаваздѣ*, который, по вѣрованію армянъ язычниковъ, *заключенъ духами*, какъ и Александръ (Македонскій), и еще живъ: нѣкогда онъ *освободится отъ заключенія* и завладѣетъ всѣмъ міромъ. Но язычники, замѣчаетъ авторъ „Опроверженія ересей", тщетно уповаютъ на это, подобно евреямъ, напрасно ожидающимъ пришествія Давида, который возобновитъ, будто, Іерусалимъ, соберетъ всѣхъ евреевъ и будетъ тамъ царствовать" [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что заключенный дэвами Артаваздъ этотъ еще не олицетворяетъ собою злаго начала, какимъ онъ представленъ у Хоренскаго; напротивъ того, это — начало свѣтлое, это Мессія армянъ, пришествіе котораго они ожидаютъ и который не конецъ положитъ міру, но завладѣетъ міромъ, чтобы царствовать, какъ Александръ Македонскій и какъ Давидъ. Это — наиболѣе древняя форма легенды объ Артаваздѣ у армянъ, въ которой, быть можетъ, слышатся отголоски не чуждыхъ имъ древнеиранскихъ сказаній объ Ashavazdâo, почитателѣ Анахиты у горы Нифатъ, что въ Арменіи [2]).

Подъ вліяніемъ христіанскихъ представленій миѳъ этотъ, однако, подвергся измѣненіямъ и обогатился новыми подробностями, что доказывается болѣе поздними версіями того же миѳа, въ томъ числѣ и той его версіей, которая приведена у Хоренскаго.

Но прежде чѣмъ разсмотрѣть эту послѣднюю, я остановлюсь на двухъ другихъ версіяхъ интересующей насъ легенды, стоявшихъ къ Езникову разсказу ближе, чѣмъ

1) *Езникъ*, изданіе Венец., стр. 105.
2) *Spiegel*, Eran. Alter., III, стр. 229—230.

редакція Моисея, а потому, какъ надо полагать, и болѣе ея древнихъ. Подъ древностью же въ данномъ случаѣ я разумѣю не время, въ которое впервые записана была легенда, но заключающіяся въ ней черты народной старины и миѳологическій ихъ колоритъ.

Первая изъ помянутыхъ версій, записанная въ XIII в. Варданомъ [1]), повторяетъ Езника съ любопытными дополненіями. Приведемъ самый отрывокъ.

„... *Вопросъ*. Такъ почему же говорятъ люди, что нѣкоторые видѣли дворцы и жилища *злыхъ духовъ и драконовъ* (բաղաք և վիշապաց) на высокихъ горахъ, и что тамъ они *держатъ въ узахъ* Александра (Македонскаго) въ Римѣ, *Артавазда*, царя армянъ, *въ Масисѣ* (Араратѣ) и Ерванда въ рѣкѣ — во мракѣ?

— *Отвѣтъ*. Ни Александра нѣтъ въ живыхъ и въ узахъ, ни *Артавазда* и никого изъ предковъ... Но *дэвы* ввели въ заблужденіе и обманули идолопоклонниковъ изъ армянъ при помощи жрецовъ, которые говорили, что *драконы заключили* нѣкоего *Артавазда* живымъ въ горѣ *Масисѣ* (Араратѣ), и *онъ выйдетъ* [изъ заточенія] и овладѣетъ *міромъ*. Тогда надъ армянами властвовалъ какой-то чудакъ (ոմն պղտիտաց); въ ужасѣ онъ спросилъ гадальщиковъ, [служащихъ у] *девовъ*, и *волшебниковъ:* „Когда будетъ освобожденіе Артаваз[д]а изъ *узъ?*“ Они сказали: „Если не желаешь, чтобы онъ освободился изъ узъ, вели *кузнецамъ* по всему міру, чтобы въ [первый] день новаго года (նաւասարդ) каждый *кузнецъ* ударялъ *молотомъ по наковальнѣ*, и *желѣзъ*[ный колъ] *Артаваз*[*д*]*а* укрѣпится отъ этого. Это же самое приказаніе исполняетъ теперь

[1]) См. приведенный у *Н. Я. Марра* отрывокъ изъ „Отвѣтовъ и вопросовъ“ Вардана (հարցմանքն և պատասխանիքն վրդ.) въ Зап. Вост. Отд. Имп. Русс. Арх. Общ. Т. V, стр. 211—241 и отд. отт., стр. 9 и слѣд. Собственно, до сихъ поръ съ точностью не выяснено, какому Вардану принадлежитъ это произведеніе, В. Великому или В. Айгеакскому; одно можно пока сказать положительно, что оба они жили въ XIII в. Ту же легенду (начиная со словъ — „дэвы ввели въ заблужденіе“... и кончая „и желѣзный колъ Артавазда укрѣпится отъ этого“), на основаніи рукописныхъ давныхъ, относитъ о. Алишанъ къ *Вахраму* (тоже XIII в.), въ его „Отвѣтахъ (арм. царю) Хетуму“. (См. „Polyhistor“, 1894, окт., стр. 456, и отдѣльно въ „Հին Հայոց“, стр. 192 и слѣд.).

каждый *кузнецъ*, который поднесь въ новый годъ ударяетъ *молотомъ по наковальнѣ;* и эту ложь вкоренилъ въ мірѣ сатана".

Такимъ образомъ, дальнѣйшее развитіе Езниковой редакціи выразилось въ слѣдующемъ: во-первыхъ, Артаваздъ является здѣсь армянскимъ царемъ, что нужно приписать вліянію того же Езника, упоминающаго о *царевичахъ*, находящихся въ заточеніи у духовъ; во-вторыхъ, Артавазда наслѣдуетъ какой-то царь чудакъ; въ третьихъ, онъ не желаетъ, чтобы освободился Артаваздъ изъ заключенія и, по совѣту волшебниковъ, велитъ всѣмъ кузнецамъ своего государства ударять молотомъ по наковальнѣ, дабы тѣмъ укрѣпить его оковы; въ четвертыхъ, обрядъ этотъ совершается въ первый день Навасарда — новаго года; наконецъ, въ пятыхъ, Артаваздъ не представленъ здѣсь, также какъ и у Езника, злымъ насильникомъ.

Вторая версія разбираемой нами легенды, встрѣчающаяся въ рукописныхъ армянскихъ Минеяхъ[1]) подъ первымъ числомъ Навасарда — армянскаго перваго мѣсяца, вводитъ въ свою очередь также новые мотивы, выставляя узникомъ не Артаваза, но сына его, прозваннаго Шидаромъ. Послѣднее имя есть, быть можетъ, переводъ слова „чудакъ" или же прозвище Артавазова сына, подавшее поводъ къ образованію сказанія о сумасшествіи армянскаго царевича, ибо *шида*[р] по персидски, дѣйствительно, значитъ „помѣшанный"[2]). А вотъ и самая легенда:

---

[1]) Мнѣ извѣстна рукопись Миней 1441 г., составленная *Григоріемъ Хлатци* и находящаяся нынѣ у Венеціанскихъ Мхитаристовъ. Интересующую насъ версію прислалъ мнѣ, по моей просьбѣ, почтенный о. Алишанъ (вмѣстѣ съ другими рукописными справками), которому выражаю при семъ свою признательность. Кромѣ того, въ моемъ распоряженіи были четыре рукописи Миней, принадлежащихъ церкви св. Богородицы родного моего города Александрополя: всѣ онѣ, впрочемъ, XVII в.; изъ нихъ то я, въ бытность свою тамъ въ 1889 г., списалъ легенду о Шидарѣ. Для полноты сравненій этихъ списковъ между собою, я воспользовался и напечатанной въ „Polyhistor'ѣ (1877, стр. 276) редакціей той же легенды, взятой изъ „Златочрева" Ոսկեփորիկ. Арм. тексты см. во II ч. этого изслѣдованія, стр. 73—76.

[2]) Ср. *Nöldeke*, Pers. Stud., II, стр. 42.

„Жилъ былъ *царь* армянскій, по имени *Артавазд*ъ. У него былъ сынъ *помѣшанный*, по имени Шидаръ. *Артавазд*ъ, умирая, не передалъ царства Шидару, такъ какъ онъ былъ *сумасшедшій*. По этой причинѣ пошла смута по нашей землѣ и не мало было развореній. Разъ Шидаръ садится на коня, приказываетъ трубить въ трубы и возвѣстить, что онъ желаетъ *царствовать*, самъ же съ избранными всадниками отправляется на охоту. И только что въѣхалъ онъ на рѣчной *мостъ*, нечистый духъ тотчасъ потрясъ его, и онъ *упалъ* въ рѣку и исчезъ. И всадники распустили слухъ, что боги Шидара схватили его и заключили въ черную гору — въ старшій *Масисъ*, *наложивъ на него оковы*. *И двѣ собаки*, одна бѣлая и другая черная, *непрестанно* лижутъ *цѣпи* Шидара. И къ концу года цѣпи тѣ дѣлаются тонки, какъ волосъ. Если онѣ порвутся, Шидаръ *выйдетъ* и уничтожитъ нашу *землю*. Для (предотвращенія) этого *кудесники* постановили, подъ видомъ *аллегоріи*[1]), чтобы въ исходѣ года, въ первый день Навасарда, всѣ *ковачи*, какой бы работой ни были заняты, ударяли *три раза* (по наковальнѣ), *дабы оковы* Шидара, дошедшія до тонины волоса, толстѣли и крѣпчали; иначе, выйдетъ Шидаръ и уничтожитъ землю нашу...“

Сверхъ указанныхъ въ первой версіи особенностей, а именно—1, о царственномъ происхожденіи Артавазда, 2, о ненормальности умственныхъ способностей правящаго царя, 3, о кузнецахъ и 4, о новомъ годѣ,— въ только что приведенной мы видимъ любопытные миѳологическіе мотивы: 5, о богахъ Шидара, 6, о двухъ собакахъ—бѣлой и черной—лижущихъ цѣпь Артавазда, 7, о томъ, что кудесники, подъ видомъ аллегоріи, установили обычай — ударять молотомъ по наковальнѣ *три* раза, и 8, о новой чертѣ Артавазда, какъ тирана-губителя. Силящійся освободиться изъ заключенія и завла-

---

[1]) Приводимый здѣсь русскій переводъ легенды сдѣланъ покойнымъ Н. О. Эминымъ въ его „М. Хор. и др. эпосъ арм.“, стр. 76—77. Подчеркнутыя слова („*подъ видомъ аллегоріи*“—[illegible]) пропущены переводчикомъ, вѣроятно, по недосмотру.

дѣть всѣмъ міромъ Артавазд̀ъ представленъ у Езника и Вардана великимъ національнымъ завоевателемъ, въ родѣ Александра Македонскаго, — между тѣмъ какъ въ лицѣ Шидара онъ является здѣсь злымъ насильникомъ, освобожденіе котораго можетъ повлечь за собою разореніе всего міра.

Нужно замѣтить, что, сверхъ приведенныхъ версій разбираемой легенды, встрѣчается въ рукописяхъ еще одинъ изводъ, относящійся къ XIII вѣку и повторяющійся въ Ч.-Минеяхъ того же столѣтія. Это—отрывокъ Ванакана, который изъ извѣстныхъ ему отрывочныхъ версій составилъ болѣе цѣльную, со внесеніемъ при этомъ раціоналистическаго толкованія миѳа, которое мы встрѣчаемъ, впрочемъ, еще въ Моисеевой редакціи [1]).

Обращаясь теперь къ этой послѣдней, мы видимъ, что всѣ отмѣченныя наслоенія на Езникову легенду, не исключая и превращенія Артавазда въ злаго тирана, находятся также у Хоренскаго, съ подновленіемъ, сверхъ того, древне-народнаго Навасарда въ христіанское Воскресенье, равно какъ и съ произвольною, какъ я думаю, передѣлкою сказочно-символическаго числа кузнечныхъ ударовъ *три* — въ „три *или* (sic!) четыре“. Къ намѣреннымъ измѣненіямъ армянскаго историка я отношу и умолчаніе его о *цвѣтѣ собакъ* — „бѣлый и черный“,— что также не лишено миѳическаго характера.

Съ другой стороны, есть въ разсказѣ Моисея и такія черты, которыхъ напрасно мы стали бы искать въ приведенныхъ трехъ версіяхъ. Таковы: во-первыхъ, *аллегорическія пѣсни Гохтенскихъ пѣвцовъ* о судьбѣ Артавазда; во-вторыхъ, колдованіе царевича Артавазда женщинами изъ *рода Аждахака*, что значитъ „драконъ“, откуда, якобы, и пѣснь: „Драконіды украли младенца Артавазда и дэва положили на его мѣсто“; (этихъ мотивовъ нѣтъ и у Ванакана;) въ третьихъ, наконецъ, Артаваздъ представленъ *сыномъ* какого-то царя *Арташеса*,

1) Относящіеся сюда тексты читатель найдетъ во II ч. настоящаго изслѣдованія, стр. 73—76.

предающаго его проклятію за его завистливый нравъ. Это обстоятельство, т. е. отсутствіе перечисленныхъ мотивовъ въ приведенныхъ трехъ версіяхъ можетъ быть объяснено двояко: либо, что Хоренскій зналъ еще четвертую версію Артаваздовой легенды, отличную отъ сообщаемой Езникомъ, Варданомъ и Минеями, или же, а это представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, что Моисей самъ внесъ эти новые мотивы отъ себя, изъ соображеній, извѣстныхъ намъ уже изъ исторіи Тиграна и Арташеса.

Въ самомъ дѣлѣ, выше мы видѣли, что никому изъ армянскихъ писателей, кромѣ Хоренскаго, не извѣстны ни аллегорическія пѣсни, ниже пресловутые Гохтенскіе пѣвцы, которые, какъ ни странно, одни имѣли привилегію слагать и хранить пѣсни о мидійскихъ поселенцахъ. Аллегорія у Хоренскаго это—искусственная верификація легенды, внесенная самимъ историкомъ, въ подражаніе столь высоко цѣнимымъ имъ греческимъ миѳамъ, которые содержатъ, по его словамъ, смыслъ, въ отличіе отъ безсмысленныхъ сказаній персидскихъ, и въ которыхъ подъ аллегоріею скрывается истина[1]). Въ этомъ взглядѣ нашего историка, очевидно, сказалось вліяніе хорошо извѣстныхъ ему двухъ Александрійскихъ ученыхъ—Филона и Климента, которые въ своемъ увлеченіи аллегоризмомъ доходили, какъ извѣстно, до крайности[2]). *Гохтенскіе* же *пѣвцы* нужны были Моисею, чтобы въ уста имъ вложить собственныя свои толкованія, въ качествѣ аллегоріи. Уже счастливая идея объ алле-

---

[1]) См. *Хор.*, Приложеніе къ I книгѣ: „Изъ персидскихъ сказаній"—о *Бюрастѣ Аждахакѣ*; также—сказаніе объ *Арташирѣ Сасанѣ* (II, 70), которое нашъ авторъ тоже называетъ „нелѣпой басней": оба отрывка заимствованы изъ книжныхъ источниковъ. (Ср., напр., *Karnamak*, Nöldeke.).—Уже изъ этой нелестной характеристики персидскаго эпоса виденъ взглядъ Хоренскаго вообще на эпическую поэзію. Иранскій народный эпосъ, представляющій весьма характерную особенность восточной поэзіи, отвергается Моисеемъ, какъ „нелѣпый и безсмысленный"; а между тѣмъ такимъ же, иранскимъ, былъ, по всей вѣроятности, недошедшій, къ сожалѣнію, до насъ и его родной, древне-армянскій эпосъ, какъ видно изъ обломковъ его, напр., у Езника.

[2]) Ср., напр., толкованія Филона на библейскія книги—*Бытіе* и *Исходъ*, и 5-ую главу въ книгѣ пятой „Stromata" Климента: „*De symbolis Pythagoræ*"

горіи по поводу судьбы царственнаго узника могла быть подана нашему автору легендой о Шидарѣ, въ которой, какъ мы видѣли, дѣйствуютъ „кудесники“ „подъ видомъ аллегоріи“, подобно тому, какъ пѣвцы Гохтенскіе у Хоренскаго поютъ о судьбѣ Артавазда, аллегоризируя. Ничего, поэтому, нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что Гохтенскими пѣвцами въ данномъ случаѣ замѣнилъ армянскій историкъ кудесниковъ извѣстнаго ему сказанія.

Далѣе, и связь Артавазда съ *потомками Аждахака* нельзя признать за дѣйствительно-народный и эпическій мотивъ. Въ силу своеобразно понимаемой Хоренскимъ аллегоріи, драконы у Езника, уводившіе царевичей, совершенно произвольно превращены нашимъ историкомъ въ укравшихъ царевича Артавазда потомковъ мидійскаго царя, Аждахака, потому только, что персидское слово *аждахакъ* означаетъ *дракона*. Такимъ образомъ, втиснувъ миѳическаго Артавазда въ рамки армянской исторіи и пріурочивъ его, въ качествѣ сына какого-то Арташеса, къ началу II в. по Р. Х., Моисей долженъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ передѣлать и всю обстановку этого миѳическаго героя, т. е. связанныхъ съ его судьбою сказочныхъ *драконовъ* обратить въ людей и даже въ историческихъ лицъ, а именно въ потомковъ знаменитаго мидійскаго царя, Астіага (Аждахака). И ужъ, конечно, не „старухамъ“, ниже „пѣвцамъ Гохтенскимъ“ принадлежитъ эта фантастическая экзегеза, какъ думаетъ увѣрить насъ Хоренскій, который одинъ только и знаетъ и употребляетъ слово Дракониды — «Вишапазунк'», въ смыслѣ потомковъ царя Аждахака. Вслѣдствіе этого и приводимый историкомъ отрывокъ изъ народной пѣсни— „Драконіды украли младенца Артавазда и дэва положили на его мѣсто“—является, на мой взглядъ, довольно сомнительнымъ. Онъ составленъ на основаніи выраженій все того же Езника (стр. 84, 82): что одержаніе человѣка *дэвомъ* (духомъ) случается *по несчастію*; или—что „*колдуны* насылаютъ и изгоняютъ *дэвовъ*“; т. е. также, какъ приклю-

чившееся съ Моисеевымъ Артаваздомъ, при его рожденіи, *несчастіе* и *колдованіе* его женщинами изъ потомковъ Аждахака, которыя, укравъ царевича, *дэва* положили на его мѣсто.

Наконецъ, и *проклятіе* Арташеса надъ кичливымъ и завистливымъ сыномъ своимъ могло быть придумано Моисеемъ искусственно, подъ вліяніемъ отдѣльныхъ же глоссъ Езника, какъ справедливое воздаяніе за нестерпимый нравъ Артавазда, выставленнаго именно такимъ у Хоренскаго. „Люди, замѣчаетъ ЕзникъКолпскій, бываютъ одержимы *дэвами* по причинѣ ихъ *кичливаго* нрава“ (стр. 82). Отсюда и „*кичливый* Артаваздъ“ у Хоренскаго (II, 51), доказавшій кичливость свою и зависть по отношенію ко всѣмъ его окружающимъ—къ мидійскому князю, Аргаму, къ военачальнику Смбату Багратиду, къ братьямъ своимъ и сестрамъ и даже къ отцу—долженъ былъ въ концѣ концовъ нести заслуженную кару—быть *одержимъ дэвами*, согласно приговору народнаго суда.

Самая зависть Артавазда къ отцу своему, если не была подсказана нашему автору ходячей исторіей Александра Македонскаго, опечаливавшагося, какъ говорятъ, всякій разъ, когда узнавалъ о побѣдахъ Филиппа, изъ опасенія, какъ бы послѣ отца не осталось ничего для его собственныхъ завоеваній,—то, быть можетъ, это есть позднее наслоеніе разбираемой легенды.

Впрочемъ, предположеніе о переживаніи въ народѣ глухаго преданія о какомъ-то царѣ Арташесѣ, пользовавшемся любовію народа и не оставившемъ послѣ себя наслѣдника престола, могло-бы найти подтвержденіе въ приведенной у Магистра легендѣ и въ вышеуказанныхъ отрывкахъ Тацита.

Я далекъ отъ мысли окончательно рѣшить вопросъ объ Артаваздовомъ сказаніи. Для нашей задачи достаточно отмѣтить, что легенда эта, въ отличіе отъ многочисленныхъ разсказовъ, выдаваемыхъ Хоренскимъ за народные, была дѣйствительно широко распространена

въ народѣ; кромѣ того, въ ней мы находимъ признаки, сближающіе ее съ иранскими сказаніями [1]),—обстоятельство, которое также говорить за подлинность интересующей насъ легенды и достаточную ея древность. Отношеніе къ ней Хоренскаго мы уже видѣли.

---

[1]) Нѣкоторыя параллели между миѳами объ Артаваздѣ и Шидарѣ и персидскими сказаніями приведены проф. *Вс. Ѳ. Миллеромъ* въ статьѣ: „Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ“, *ЖМНП.*, 1883, янв., стр. 107 и слѣд.

ГЛАВА XIV.

Легенды о Торк'ѣ, о Трдатѣ Багратидѣ, о Вардгесѣ-юношѣ и родоначальникѣ Арцрунидовъ.

Намъ остается сказать еще о двухъ-трехъ легендахъ въ „Исторіи Арменіи" Хоренскаго, принимаемыхъ изслѣдователями за отрывки армянскаго эпоса, а именно—объ исполинѣ Торк'ѣ, родоначальникѣ княжества Ангех-танъ, о Трдатѣ Багратидѣ, о Вардгесѣ-юношѣ и, наконецъ, о родоначалъникѣ Арцрунидовъ.

Приведемъ сначала подлинныя слова Моисея о *Торк'ѣ*.

Хор. I, 23 „... Тотъ же историкъ (Маръ-Абасъ) говоритъ, что домъ Ангех' происходитъ отъ нѣкоего Паск'ама, внука Хайкака".

Хор., II, 8 „... Мужа съ грубыми чертами, высокаго, неуклюжаго, *со сплюснутымъ носомъ*, впалыми глазами, дикимъ взглядомъ, исполина ростомъ и силою, изъ потомковъ Паск'ама—внука Хайкака, по имени *Торк'ъ*, котораго по чрезвычайному его безобразію прозвали Ангех'я,—Вахаршакъ называетъ правителемъ запада. По безобразію Торк'а Вахаршакъ называетъ и родъ его „Домъ Ангех'я" (Ангех-танъ). Впрочемъ, если желаешь, разскажу тебѣ о немъ (такія же) невѣроятныя и нелѣпыя сказки, какія Парсы разсказываютъ о Ростомѣ Сагчикѣ, увѣряя, что онъ обладалъ силою ста двадцати

слоновъ. Слова пѣсни о силѣ и неустрашимости Торк'а до того нескладны, что съ трудомъ рѣшишься приписать (ихъ) Самсону, или Ераклесу, или даже Сагчику.— Пѣли про него: *возьмется*, бывало, *руками за гранитныя* безъ трещины *скалы, отломитъ* отъ нихъ, по желанію, большіе или малые куски; примется сглаживать ихъ ногтями и образуетъ изъ нихъ плиты, на которыхъ ногтями же изобразитъ орловъ и тому подобное. (Пѣли про него также), что близъ береговъ *Понтійскаго моря*, встрѣтивъ непріятельскіе *корабли*, бросился за ними. Но корабли успѣли отплыть въ открытое *море* на разстояніи восьми стадій; и Торк'ъ не поспѣлъ за ними. „Тогда онъ, поется въ пѣснѣ, *схватываетъ скалы* величиною съ *холмъ* и *кидаетъ имъ вслѣдъ*. Отъ сильнаго *разступленія водъ* потонуло немало кораблей; и *волны*, поднявшіяся отъ всколыханія водъ, *разогнали* оставшіеся корабли на многія мили".

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что двукратное упоминаніе Хоренскаго объ Ангех-танѣ — спе́рва со словъ „историка" Маръ-Абаса, а потомъ и народнаго „эпоса"— сдѣлано не безъ цѣли. Мы не разъ замѣчаемъ со стороны нашего автора попытки къ установленію взаимной связи между двумя этими сомнительными источниками: то у него недостовѣрная Халдейская книга служитъ оправданіемъ не менѣе подозрительному народному эпосу, то, въ свою очередь, народный эпосъ является подтвержденіемъ лѣтописи Маръ-Абаса [1]). Какъ бы то ни было, но не могутъ не возбуждать сомнѣнія такія точныя хронологическія и генеалогическія данныя изъ столь глубокой древности о княжескомъ родѣ Ангех-танъ, какъ упоминаніе объ его родоначальникѣ Торк'ѣ, жившемъ, якобы, во II в. до нашей эры, или о происхожденіи Торк'а отъ какого-то Паск'ама, внука Хайкака, жившаго на 600 лѣтъ раньше Торк'а! Откуда могъ черпать Моисей Хоренскій эти свѣдѣнія? О Халдейской книгѣ Маръ-Абаса, какъ

---

[1]) Ср., напр., *Хор.*, I, 10, 12, 26 и др.

мы видѣли, не можетъ быть и рѣчи; народный же эпосъ не могъ бы заключать въ себѣ подобныя хронологическія данныя.

Далѣе, совершенно произвольно и данное Хоренскимъ объясненіе имени княжества Ангех-танѣ, названнаго такъ, будто, по причинѣ крайняго безобразія его родоначальника, Торк'а. Но Ангехъ — названіе, вѣроятно, божества, соотвѣтствующаго семитическому Гераклу-Нергалу, какъ и стоитъ оно въ армянскомъ переводѣ Библіи [1]). Къ великой силѣ Ангех'а Хоренскій прибавилъ отъ себя и невыразимое уродство, съ цѣлію объяснить имя „Ангехъ" черезъ „безобразный", что, однако, не свойственно армянскому языку [2]).

Но важны здѣсь не народная этимологія или невѣрное толкованіе имени „Ангехъ", а то, что приводится, какъ содержаніе народнаго эпоса, примѣнительно къ Торк'у.

Съ цѣлью доказать превосходство армянскаго исполина, Торк'а, надъ величайшими героями древности—Геракломъ, Самсономъ и Рустемомъ,—Хоренскій приводитъ два примѣра изъ числа его подвиговъ. Изъ нихъ первый, по моему мнѣнію, совершенно несообразенъ, такъ какъ „начертаніе ногтями на гранитныхъ плитахъ орловъ и тому подобное" предполагаетъ въ исполинѣ извѣстную степень культуры, знакомство съ художествами, что совсѣмъ не къ лицу такому чудовищному уроду, каковъ Торк'ъ. Второй примѣръ, представляющій, въ противность первому, примѣненіе грубой, стихійной силы—бросаніе скалы за отплывающими непріятельскими кораблями — до такой степени напоминаетъ Гомеровскаго циклопа, Полифема, что „поразительное сходство" Моисеева разсказа съ однимъ изъ эпизодовъ греческаго эпоса считаю я не случайнымъ совпаденіемъ, какъ это дѣлали Н. О. Эминъ и другіе, но результатомъ прямаго заимство-

[1]) IV кн. *Царствъ*, XVII, 30, „Ե- արք Քուխայ արարքն զԱնհեհ։ — См. выше стр. 84.

[2]) Ср. также у *Гарагашіана*, Крит. ист., ч. I, стр. 253.

ванія армянскимъ историкомъ изъ какого-нб. ходячаго греческаго сборника. Не тоже ли самое приводится у Гомера:

„Тяжкій *утесъ* отъ вершины *горы отломилъ* и съ размаха
На голосъ кинулъ; *утесъ*, пролетѣвши надъ *судномъ*, въ пучину
Рухнулъ такъ близко къ нему, что его чернооstраго носа
Чуть не разшибъ; *всколыхалось море* отъ падшей громады;
Хлынувъ, большая *волна* побѣжала стремительно къ брегу;
Схваченный ею (въ оригин. πλημυρὶς ἐχ πόντοιο), обратно къ
землѣ и корабль нашъ помчался“ [1]).

Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ книжнымъ вліяніемъ, видно еще изъ того, что непосредственно предшествующій разбираемой легендѣ Торк'а отрывокъ о Навуходоносорѣ цѣликомъ взятъ у Евсевія (*Chron.* I, p. 29).

Самое имя исполина „Торк'ъ“ едва ли подлинно-армянское. Несмотря на варіантъ *Турк'ъ* Ламбронскаго списка (стр. 64) и Асохика (стр. 35) и даже на упоминаніе въ литературѣ имени Басэнскаго епископа, *Турк'а*, я все же склоняюсь къ предположенію о возможности заимствованія этого имени Моисеева отрывка изъ списка атлетовъ на Олимпійскихъ играхъ, приводимаго въ той же Хроникѣ Евсевія (I, pp. 131—147). Между атлетами упоминается *Торк'ъ* (Տ-ր-ն-ս) Колофонскій, побѣдившій въ CXLV Олимпіаду на кулачномъ бою. Собственно говоря, подобная форма имени Олимпійскаго побѣдителя явилась, повидимому, вслѣдствіе искаженія переписчиковъ, такъ какъ въ греческомъ оригиналѣ Евсевія стояло Μόσχος Κολοφώνιος. Если подтвердится мое предположеніе, тогда окажется, что имя „Торк'ъ“ существуетъ въ армянской литературѣ лишь по недоразумѣнію [2]). — Что же касается вообще знакомства Хоренскаго съ именами атлетовъ Олимпійскихъ, то оно вполнѣ ясно также изъ исторіи Трдата Великаго (II, 79), въ которой упоминаются зна-

---

[1]) Ср. *Homeri*, Odyss., пѣснь IX, стихи 481—486, перев. Жуковскаго.

[2]) Иного мнѣнія о Торк'ѣ держался *К. П. Паткановъ*; см. его „О мѣстѣ занимаем. арм. языкомъ въ кругу индо-европейскихъ“, въ VI Т. „Изв. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, Тифлисъ, 1879, стр. 22.

менитые побѣдители на играхъ—Клеостратъ Родосскій и Керасъ Аргивскій—буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ они встрѣчаются въ Евсевіевой Хроникѣ [1]).

Перейдемъ къ разбору легенды о *Трдатѣ Багратидѣ*. Историкъ нашъ говоритъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Хор. II, 63. „Трдатъ изъ рода Багратуни, сынъ Смбатухи — дочери храбраго Смбата, былъ *мужъ* неустрашимый, сильный, но невзрачный и малъ ростомъ; царь Тиранъ женилъ его на своей дочери Еранеакѣ. Она возненавидѣла своего мужа Трдата, дулась на него, роптала непрестанно, сѣтуя на свою судьбу, что ей, красавицѣ *царскаго происхожденія*, пришлось жить *съ* человѣкомъ безобразнымъ и *происхожденія низкаго*. Разгнѣванный на это, Трдатъ прибилъ ее однажды жестоко, *обрѣзалъ русые ея волосы, выщипалъ у нея кудри*, приказалъ стащить и выбросить ее изъ комнаты; самъ же, отложившись (отъ царя), отправился въ неприступныя страны Маровъ. Но, по прибытіи въ землю Сюникскую, получилъ извѣстіе о смерти Тирана и остановился тамъ. Разъ Бакуръ, родоначальникъ Сюникскій, пригласилъ его на вечерній столъ. Трдатъ, разгоряченный виномъ, увидалъ *женщину*, чрезвычайно красивую, по имени Назиникъ, которая *пѣла руками. Она приглянулась ему*, и онъ говоритъ Бакуру: „уступи мнѣ эту наемницу“.—„Не уступлю“, тотъ отвѣчаетъ, „она моя наложница“.—Тогда Трдатъ, схвативъ эту женщину, привлекъ ее на свое сѣдалище и, распаленный страстью, безумствовалъ, какъ необузданный юноша. Бакуръ, обуянный ревностью, вскочилъ, чтобы вырвать ее изъ его рукъ; но Трдатъ *всталъ, схватилъ* вазу съ цвѣтами, *какъ оружіе*, и разогналъ даже гостей, *возлежавшихъ* на подушкахъ. *Казалось, видишь передъ собою*

---

[1]) *Chron.*, I, pp. 132, 140, 142; арм. тексты см. ниже, во II части нашего изслѣдованія, стр. 77—78.

нового Одиссея, поражающаго любовника Пенелопы, или борьбу Лапиѳовъ и онокентавровъ по случаю свадьбы Перивея. Такимъ образомъ, пришедъ къ себѣ домой, онъ тотчасъ *садится* на коня вмѣстѣ съ наложницей и отправляется въ Сперъ".

Слѣдуетъ замѣтить, что приведенный эпизодъ ничего невѣроятнаго или невозможнаго не представляетъ: подобные случаи могли бывать вездѣ. Но чтобы онъ происходилъ въ Арменіи во II вѣкѣ по Р. Х. и именно съ зятемъ какого-то царя Тирана — вотъ это кажется мнѣ мало вѣроятнымъ. Болѣе того, самый разсказъ, носящій какъ бы характеръ эпическаго сказанія, въ сущности, ничего оригинальнаго, ниже эпическаго не заключаетъ, такъ какъ цѣликомъ онъ заимствованъ изъ извѣстныхъ намъ изъ предыдущаго книжныхъ источниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ: сопоставленіе *царскаго происхожденія* Еранеакъ съ *низшимъ происхожденіемъ* ея мужа—Трдата Багратуни, навѣяны Григоріемъ Назіанзиномъ [1]). Обрѣзаніе *волосъ и выщипаніе кудрей* (Еранеака)—выраженія очень обычныя въ Библіи [2]); они встрѣчаются и у Каллисѳена (Акад. слов. п. с. *փեսեԼ*). Изъ Библіи же взято оригинальное выраженіе — *„пъла* (Назиникъ) *руками"*,— послужившее предметомъ различныхъ толкованій [3]); въ I книгѣ *Царствъ* (XIX, 10) оно примѣнено къ юношѣ Давиду, *„пъвшему руками"* (на струнахъ). Наконецъ, и описаніе скандала, учиненнаго Трдатомъ Багратуни у князя Бакура изъ за пѣвицы, заимствовано цѣликомъ изъ Каллисѳеновыхъ разсказовъ — о могущественномъ Павсіанѣ изъ Ѳессалоникъ, *влюбившемся* въ мать Александра, Олимпіаду, и *желавшемъ силою отнять ее* у ея мужа, Филиппа,— и объ Александрѣ, *разогнавшемъ*, въ минуту гнѣва, *гостей* Филиппа и его самого со сва-

---

1) „Քաջասիրեաց ընդ վաճառապետսն", въ Словѣ Гр. Наз. на Крещеніе. См Акад. слов. *п. с. քաջասիրեաց*; *Норайръ*, *l. c.* II, с. 56.

2) I кн. *Езд.* VIII, 72; II, кн. *Ездры*, IX, 5; кн. *Іова*, XVI, 13 и др.

3) См. нов. пер. Эмина „Исторіи Арменіи" М. Хор., примѣч. 271.

дебнаго пира. При этомъ, сравненіе Македонскаго героя съ Одиссеемъ и Лапиѳами буквально повторяется у обоихъ авторовъ.

Вотъ это мѣсто у Каллисѳена (стр. 31): „Былъ нѣкто Павсіанъ изъ Ѳессалоникъ, *мужъ* знатный, *отличавшійся большою силою* и могуществомъ. *Ему приглянулась* Олимпіада (жена Филиппа). Онъ тайкомъ отправилъ къ ней людей, которые бы могли убѣдить ее оставить Филиппа и стать его женою... (Разъ) Павсіанъ входитъ въ театръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ храбрыхъ мужей, держа въ рукѣ мечъ на голо, съ цѣлію убить (находившагося тамъ Филиппа) и похитить Олимпіаду. Онъ нанесъ сильный ударъ мечемъ въ бокъ Филиппу, который едва не умеръ (отъ полученной раны). Произошло большое смятеніе въ театрѣ, и Павсіанъ поспѣшилъ во дворецъ, чтобы похитить Олимпіаду...“

Ib. стр. 28. „Услышавъ такія (оскорбительныя выраженія со стороны Филиппова шута, Люсія), Александръ разгнѣвался на него и бросилъ имѣвшійся у него въ рукѣ бокалъ ему въ голову и убилъ его наповалъ. Увидѣвъ это, поднялся на ноги Филиппъ съ мечемъ въ рукѣ и бросился на Александра; но, задѣвъ ногою за сѣдалище, покатился на полъ... Александръ, схвативъ мечъ отца, положилъ на мѣстѣ полумертвыми всѣхъ *гостей*. *Казалось, видишь передъ собою борьбу Лапиѳовъ и онокентавровъ и случай на свадьбѣ Периѳея:* такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ (*гостей*) забрались подъ *скамейки*, иные, *схвативъ* столы, плясали, *какъ бы съ оружіемъ... Казалось, видишь новаго Одиссея, поражающаго любовниковъ Пенелопы...*“

Нѣсколько труднѣе было для меня найти достаточно вѣскихъ данныхъ для доказательства искусственности и пѣсни о *Вардгесѣ-юношѣ*. Послѣднюю нужно разобрать въ связи съ началомъ 65-ой главы, съ которымъ мы и ознакомимся предварительно.

Хор. II, 65. „Послѣ смерти Тиграна, воцаряется сынъ его, Вахаршъ, на 32-омъ году царствованія соименнаго своего Парсійскаго царя Вахарша. *Вахаршъ* выстроилъ *большое селеніе* на мѣстѣ своего рожденія на дорогѣ, гдѣ у его матери, отправлявшейся зимовать въ Айраратѣ, неожиданно начались муки рожденія, и она разрѣшилась отъ бремени въ *Басіанской* области тамъ, *гдѣ сливаются Мурцъ и Ерасхъ*. Вахаршъ обстроилъ это мѣсто и своимъ именемъ назвалъ его Вахаршаваномъ. Онъ обвелъ стѣною также большое селеніе *Вардгеса*, что на рѣкѣ Касахѣ, о чемъ въ легендѣ говорится слѣдующее:

„Отдѣлился-пошелъ Вардгесъ-юноша
„Изъ области Тух'овъ къ Касахъ-рѣкѣ.
„Онъ пришелъ (и) сѣлъ на Шрешъ-холмѣ,
„Близъ Артимедъ-города у Касахъ-рѣки
„Тесать да ваять врата Еруанда-царя."

Тутъ рѣчь идетъ объ Еруандѣ Первомъ Кратковѣчномъ, изъ Хайкидовъ, на сестрѣ котораго былъ женатъ Вардгесъ, построившій это селеніе. *Тиграна* Средній *Аршакуни* поселилъ здѣсь всѣхъ [1]) евреевъ перваго *плѣненія* и изъ того (мѣста впослѣдствіи) образовалось большое *торговое село*. Вахаршъ теперь обвелъ его стѣною и большимъ валомъ, назвавъ его *Вахаршапатомъ*, иначе *Норк'ахак'* (т. е. Нов-городъ)..."

Оставляя открытымъ вопросъ о достовѣрности личностей армянскихъ царей—Тиграна и сына его Вахарша [2]), я остановлюсь на названіи селенія Вахарша или Вахаршавана *„въ Басіанской области—тамъ, гдѣ сливаются Мурцъ и Ерасхъ"*.

Прежде всего нужно замѣтить, что такого названія во всей армянской исторической литературѣ, за исклю-

---

1) Вѣрнѣе было бы сказать: *„половину* евреевъ", такъ какъ въ оригиналѣ, во всѣхъ рукописяхъ, стоитъ ցՀաւարակ առաջին գերեվարեան.

2) См., между прочимъ, мое изслѣдованіе о „Зенобъ-Глакѣ" въ Вѣнск. журн. „Hantess", за 1893 г. и отдѣльн. отт., стр. 37—38.

ченіемъ Аристакеса Ластивертци, XI вѣка, очевидно, слѣдующаго Хоренскому, не встрѣчается. Вмѣсто того, въ означенной мѣстности мы находимъ Болорпахакъ, лежавшій, по словамъ Себеоса, *„въ Басіанской области—тамъ, гдѣ сливаются Муръ и Ерасхъ“* [1]).—Я полагаю, что подъ Вахаршаваномъ Хоренскаго надо видѣть именно Болорпахакъ Себеоса, произвольно видоизмѣненный армянскимъ историкомъ, съ цѣлью не походить на свой источникъ; хотя и изъ подчеркнутыхъ выраженій его можно убѣдиться въ томъ, что они заимствованы изъ „Исторіи Иракла“. Самое видоизмѣненіе Болорпахака было, вѣроятно, навѣяно названіемъ находившагося неподалеку отъ него и извѣстнаго у писателей IX—X вв. города *Вахарша*керта, о которомъ ни разу, однако, не упоминаетъ Хоренскій. Кромѣ того, *Вахарша*ванъ названъ нашимъ авторомъ „большимъ селеніемъ“, то есть буквально такъ, какъ прозванъ Вахаршакертъ въ одномъ древнемъ армянскомъ Житіи святыхъ спутниковъ Оски [2]) (Χρυσή), хотя въ послѣднемъ нельзя не видѣть поздняго вліянія Моисеевой Исторіи.

То же самое нужно сказать и о „селеніи Вардгеса“, совершенно неизвѣстномъ армянскимъ писателямъ. Дѣло въ томъ, что Хоренскому почему-то представляется, что бывшій со II в. по Р. Х. столицей Арменіи Вахаршапатъ, онъ же Нов-городъ, ставшій съ начала IV вѣка и понынѣ, сверхъ того, и религіознымъ центромъ армянъ,—долженъ былъ быть, вопреки достовѣрнымъ даннымъ, весьма древнимъ городомъ, основаніе котораго теряется въ глубинѣ вѣковъ. Въ этихъ видахъ, армянскій историкъ возводитъ его существованіе не только къ VI в. до нашей эры, когда онъ назывался, будто, селеніемъ

---

[1]) *Себеосъ*, изд. Спб., стр. 34.

[2]) Ср. *Инчичіанъ*, Топографія древней Арменіи, Венеція, 1822, стр. 406: „Հնաւանս ի Թագաւորէն Վաղարշայ“... Վաղարշակերտ յառաւել քան զՀոյսեփաւ“; хотя въ печатн. спискѣ того же Житія („Ումիթար,“ XIX, стр. 65) это мѣсто читается иначе: „Հնաւանս ասէ մեծի Թագաւորէն Վաղարշոյ. (Ср. и *вар.* даннаго мѣста въ „Ումիթար“, *Ibid.*, согласный съ чтеніемъ Инчичіана.)

Вардгеса, но и ко времени еще болѣе древнему, когда онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Артимеда. Но такъ какъ подъ означенными именами, возводившими Вахаршапатъ, по желанію Хоренскаго, къ почтенной древности, не упоминался этотъ священный городъ ни у армянскихъ, ни у классическихъ писателей, то историкъ нашъ для придуманныхъ имъ названій—„селеніе Вардгеса“ и „Артимедъ“—прибѣгаетъ, по обыкновенію, къ свидѣтельству ему одному извѣстнаго эпоса.

Такимъ путемъ появилась пѣснь о Вардгесѣ, которая состоитъ, можно сказать, сплошь изъ номенклатуры. Имени юноши „Вардгесъ“, какъ было сказано, нигдѣ не упоминается. Впрочемъ, у Лазаря Парпскаго (стр. 261, 314) встрѣчается Вардгесъ, въ качествѣ названія одной изъ персидскихъ областей [1]).—Далѣе, подъ таинственными *Тухк'ъ* (обл. Тух'овъ) я усматриваю названіе существующихъ и понынѣ двухъ селеній *Ту* [2]), Большаго и Малаго (множ. чис. *Тук'*), въ той же Басіанской области, упоминаемыхъ у раннихъ историковъ—у Лазаря (стр. 414, 446) и Себеоса (с. 77), въ формѣ *Ду*. Не лишенъ интереса варіантъ разбираемаго отрывка въ Ламбронскомъ спискѣ (стр. 89), который имѣетъ Տուրշայ, вм. обычнаго чтенія Տուշայ; վարդէս вм. վարդդէս и, сверхъ того, пропускаетъ первое упоминаніе въ пѣсни—„у Касахъ-рѣки“ (ցԲաւսաւթ գետով), что, со стороны, по крайней мѣрѣ, логической, кажется мнѣ болѣе правильнымъ. „У Касахъ-рѣки“ пропускаетъ въ этомъ мѣстѣ и Венец. рукопись № 65, цити-

---

1) Это, вѣроятно, тоже, что и *Ватагесъ* Себеоса, стр. 67, *Ватгетъ* (вар. Анцев. сп. по Ѳеодос. изданію, стр. 285, *Вардэсъ*) Ехише, стр. 139 и *Вандгэсъ* въ Географіи Ширакаци по изд. Сукри, стр. 42, гдѣ, кстати сказать, также упоминается объ *еврейскомъ племени*, поселенномъ въ тѣхъ странахъ, по теченію рѣки Гозана, согласно свидѣтельству Библіи (IV кн. *Цар.*, XVII, 6; XIX, 12 и др.) Но въ данной мѣстности, т. е. въ долинѣ рѣки Касаха, упоминаетъ Киракосъ Гандзакскій (XIII в.) деревню Варденисъ, (վարդենիս, стр. 211, 216), которая, б. м., и навела Хоренскаго на составленіе имени Вардгесъ, не безъ вліянія, впрочемъ, Лазаря.

2) См. *Инджіанъ*, Топографія, стр. 385. Տու[ղ?]—множ. ч. Տու[ղ]ք. род. п. Տու[ղ]այ (գաւառ). Ср. Խոյ, Խոյք, Խոյայ.

руемая Инчичіаномъ. (*Топогр.* стр. 479). Если послѣднее явленіе будетъ замѣчено еще въ какихъ либо рукописныхъ спискахъ Хоренскаго, тогда оно подастъ поводъ къ предположенію объ интерполяціи двухъ этихъ словъ во второй строкѣ разбираемаго отрывка, внесенныхъ впослѣдствіи, съ цѣлію, б. м., искусственно установить параллелизмъ въ „пѣсни“ о Вардгесѣ [1]). — Рѣка „Касахъ“ встрѣчается до XI вѣка только у Асохика (стр. 50), и то, со словъ Хоренскаго. — Холмовъ „Шрешъ“ — четыре, но ни одинъ изъ нихъ не расположенъ въ указываемой Моисеемъ мѣстности—близъ Вахаршапата (см. у Алишана, „Айраратъ“, с. 204). — „Артимедъ“ упоминается въ древнихъ Житіяхъ Якова Мцбинскаго [2]) и у Іоанна Мамиконскаго (стр. 12) въ формѣ Артаметъ, у Ѳомы Арцруни (стр. 54)—Артаматъ. Но это селеніе лежало, какъ и теперь, на юго-восточномъ берегу Ванскаго озера, ближе къ городу Вану, слѣдовательно на діаметрально противоположной сторонѣ, указываемой Хоренскимъ. Существованіе этого селенія въ древности, и именно въ южной Арменіи, подтверждается и Птоломеемъ (V, 13), называющимъ его Ἀρτέμιτα, между тѣмъ какъ Артимедъ Моисея, въ качествѣ древнѣшаго названія Вахаршапата, никому не извѣстенъ.

Однако, если и допустить возможность существованія подобной пѣсни о Вардгесѣ, какимъ же тогда образомъ могъ знать Моисей, что упоминаемый въ ней Ервандъ есть именно Ервандъ Первый Кратковѣчный, отецъ Тиграна I, союзника Кира, а не Ервандъ Второй, современникъ Веспасіана, жившій на 700 лѣтъ позже Кратковѣчнаго Ервандa?

Съ тою же цѣлію, т. е. чтобы представить Вахаршапатъ древнѣйшимъ городомъ, историкъ нашъ ссылается

---

[1]) Къ подобнымъ побужденіямъ наивныхъ любителей старины—подправлять и дополнять „армянскій эпосъ“ нужно отнести попытку поддѣлки „пѣсни Гохтенскихъ пѣвцовъ объ Артаваздѣ“.—См. Вѣнскій журн. „Ъ-ր-ղ-ա“, 1851 № 33 и Исторія арм. литературы о. *І. Гатырджіана*, Вѣна, 1851, стр. 56—62.

[2]) См. „Ս-ԿԵՐՊ“ XXII, стр. 23; извѣстная Инчичіану рукопись того же Житія имѣетъ въ этомъ мѣстѣ варіантъ Артеметъ. (*Топографія*, стр. 187).

на еврейское плѣненіе, поселенное здѣсь Тиграномъ Среднимъ (Вторымъ), современникомъ Помпея, вопреки достовѣрнымъ извѣстіямъ Фавста Византійскаго, который, въ перечисленіи городовъ, гдѣ размѣщены были еврейскіе плѣнные, какъ разъ о Вахаршапатѣ ничего подобнаго не говоритъ (IV, 55). И что это за „*первое* плѣненіе", о которомъ какъ-бы мимоходомъ упоминаетъ Хоренскій, когда происходило второе плѣненіе и черезъ кого—намъ ничего не извѣстно? Любопытно при этомъ замѣтить, что, несмотря на противорѣчіе съ Фавствомъ, историкъ нашъ невольно сохранилъ заимствованныя у него кое-какія подробности объ еврейскомъ плѣненіи [1]). Сверхъ того, и выраженіе „торговое селеніе", примѣнительно къ Вахаршапату, напоминаетъ Агаѳангела [2]). Даже упоминаніе въ пѣснѣ о царѣ *Ерванд*ѣ я считаю реминисценціей названія города *Ерванд*ашата, встрѣчаемаго у Фавста на ряду съ Вахаршапомъ и имѣвшаго въ IV в. по Р. Х. до 30-и тысячъ еврейскихъ плѣнныхъ: онъ, *Ерванд*ашатъ, и подалъ поводъ Хоренскому внести въ пѣснь имя Ерванда.

Такимъ образомъ, намѣренно отодвигая въ глубь вѣковъ время основанія города Вахаршапата, историкъ нашъ тѣмъ самымъ даетъ поводъ заподозрить подлинность приводимаго имъ свидѣтельства, т. е. армянскаго эпоса.

Наконецъ, что касается дѣйствительнаго времени построенія Вахаршапата, то извѣстно, что онъ основанъ римлянами, во второй половинѣ II вѣка по Р. Х. (въ 163 г.), послѣ того какъ въ войнѣ съ парѳянами они взяли и разрушили древнюю армянскую столицу, Арташатъ [3]). Новая столица, какъ видно изъ Діона, называлась Καινὴ πόλις [4]), что въ переводѣ на армянскій языкъ стало извѣстно подъ именемъ Նոր-քաղաք — Нов-городъ. Ва-

---

[1]) Ср. *Хор.* II, 65 и III, 35, и *Фавстъ*, IV, 55; арм. тексты см. ниже, во II ч., стр. 79.

[2]) *Агаѳангелъ*, стр. 122, 123.

[3]) *Mommsen*, Römische Geschichte, T. V, изд. 2-е, стр. 407.

[4]) См. у. *Свиды* подъ словомъ *Μάρτιος*, также у *Mommsen*'а, Ibid.

харшапатомъ же названъ городъ, вѣроятно, по имени одного изъ парѳянскихъ *Вахаршовъ*—III либо IV (въ періодъ 148—209 гг.),—ведшихъ упорную борьбу съ Римомъ изъ за верховенства надъ Арменіей, или-же, быть можетъ, того армянскаго царя *Вахарша*, который вѣроломно былъ захваченъ въ плѣнъ Антониномъ (211—217 г.) и умеръ въ Римѣ [1]).

Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что Хоренскій, считающій Вахаршапатъ, повидимому, со словъ Агаѳангела [2]), за сильную крѣпость, приводитъ вторую часть названія города (Վաղարշապատ) въ связь съ армянскимъ глаголомъ պատել — обвести, окружить: „*Вахаршъ обвелъ* (պատեաց) его (селеніе Вардгеса) стѣною и большимъ валомъ, назвавъ его *Вахаршапатомъ*". На самомъ же дѣлѣ, мы имѣемъ здѣсь персидское слово *abad*, пехл. *apat*— „населенный" (ср. арм. ան-ապատ),— обычное въ образованіяхъ съ собственными именами. Ср., напримѣръ, извѣстный городъ въ Севадѣ — Balaš*abad*, построенный сыномъ Іездигерда II, Балашомъ (484—488), у Моисея Каханкатваци (I, стр. 131 изд. Париж.) Pero*sapat* и много другихъ. [3]).

Заключимъ нашъ разборъ эпическихъ сюжетовъ у Хоренскаго легендою о младенцѣ изъ рода Арцрунидовъ, приводимою нашимъ историкомъ въ такихъ выраженіяхъ:

Хор. II, 7. „... Артцруни называться должны Артцивуни, потому что они носили передъ царемъ орловъ. Не станемъ говорить о нелѣпыхъ сказкахъ, разсказываемыхъ въ Адамакертѣ: „Дитя спало (подъ открытымъ небомъ); его безпокоили дождь и солнце; птица своими крыльями осѣняла изнеможеннаго ребенка".

---

[1]) *Dio*, LXXI—LXXVIII.

[2]) Ср. слово „Վաղարշապատ" на стр. 143, примѣнительно къ Вахаршапату.

[3]) См. *Lagarde*, Arm. Stud. § 157;—*Hübschmann*, Arm. Gramm. Persische Lehnwörter im Altarmenischen, 1895, стр. 79, 97.—*Nöldeke*, Tabari, стр. 134.

Отрывокъ этотъ, отличающійся сжатостью, свойственною тщательно выработанной прозѣ Моисея, привожу я не по новому, а первому переводу „Исторіи Аменіи“ Н. Эмина (1858 г.), гдѣ въ передачѣ легендарныхъ разсказовъ на русскій языкъ нѣтъ еще со стороны ученаго переводчика тенденціи подлаживаться подъ эпическія формы предполагаемой народной пѣсни [1]).

Легенда эта относится, надо полагать, къ родоначальнику князей Арцрунидовъ (т. е. Орловыхъ), объяснявшихъ, вѣроятно, въ VIII—IX вѣкахъ происхожденіе родоваго своего названія, очевидно, на основаніи народной этимологіи. Арцрунійскій историкъ, Ѳома (стр. 43—44), не пропускающій случая выставлять могущество и славу своихъ патроновъ, предлагаетъ нѣсколько объясненій фамильному названію княжества, которыя, по всей вѣроятности, раздѣлялись и князьями этого рода въ его эпоху, и въ нихъ арцви (орелъ) выступаетъ наиболѣе рельефно; но именно вышеприведенной или подобной ей легенды онъ не упоминаетъ. Самая фабула объ осѣненіи птицей (чаще орломъ) младенца есть одинъ изъ распространенныхъ мотивовъ иранскихъ сказаній, упоминаемый и Хоренскимъ (II, 70) въ пехлевійской легендѣ о кормленіи козой младенца Арташира-Сасана *подъ сѣнію орла* [2]).

Однако, изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, что и разсмотрѣннымъ нами „эпическимъ“ сюжетамъ въ „Исторіи Арменіи“ также могло бы быть найдено подтвержденіе въ иранскихъ сказаніяхъ и тѣмъ доказано обще-иранское, а слѣдовательно и эпическое ихъ происхожденіе. Напротивъ того, историкъ армянскій въ области народной поэзіи гнушается, какъ мы видѣли, всѣмъ, что носитъ иранскій, восточный характеръ, предпочитая ему художе-

---

[1]) Въ новомъ переводѣ отрывокъ этотъ переданъ такъ: „Дремлетъ юноша (подъ открытымъ небомъ), его сѣчетъ дождичекъ, его печетъ солнышко— птица крыльями осѣняетъ изможеннаго юношу“.

[2]) Ср. также у *Nöldeke*, Das iran. Nationalepos, въ Grund. d. iran. Philol., B. II, 1, Lief., 1896, стр. 133.

ственные миѳы эллиновъ. Если даже и были у нашего автора какія-нибудь народныя сказанія, онъ старался тщательно передѣлывать ихъ по образцу „вылощенной, какъ онъ выражается, басни грековъ“, съ цѣлію совершенно изгнать изъ нихъ духъ „нелѣпыхъ“, „нескладныхъ“, „безобразныхъ“ и „безсмысленныхъ“ сказаній персидскихъ [1]). Несмотря на это, сродные съ иранскими мотивы кое-гдѣ у него и прорываются. Примѣромъ тому можетъ служить легенда объ Арцрунидахъ.

---

[1]) См. у *Хор.* Прилож. къ I кн. О персид. сказаніяхъ; также II. 8, 70.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Резюмируя сказанное объ источникахъ Хоренскаго, относящихся къ „армянскому эпосу“, мы видимъ, что историкъ нашъ располагалъ довольно обширнымъ литературнымъ запасомъ. Однако, вслѣдствіе своеобразнаго отношенія къ предмету и тенденціозности задачи, онъ упоминаетъ далеко не о всѣхъ своихъ источникахъ. Но и изъ поименованныхъ имъ довольно многочисленныхъ сочиненій (источники явные), приводимыхъ въ связь съ интересующимъ насъ вопросомъ существовали на самомъ дѣлѣ лишь нѣкоторыя, неимѣющія, при томъ, прямаго отношенія къ армянскому эпосу; остальныя же, выдаваемыя Хоренскимъ за спеціальные источники эпоса,—фиктивны. Подъ послѣдними, однако, скрывается цѣлый рядъ разнообразныхъ письменныхъ памятниковъ (источники скрытые), переводныхъ и оригинальныхъ, упоминаемыхъ въ армянской литературѣ съ пятаго по восьмой вѣкъ; сюда же относятся и нѣкоторые греческіе источники, извѣстные Моисею въ оригиналахъ или, что вѣроятнѣе, въ извлеченіяхъ.

Къ первой группѣ источниковъ принадлежатъ:

1) „Халдейская книга“ Маръ-Абаса Катины (I, 9—32; II, 1—9).—Эта книга Ниневійскаго архива не фикція, какъ утверждали Гарагашіанъ, Эминъ и др.: Хоренскій воспользовался апокрифическимъ отрывкомъ Марабы Мцурнійскаго (Анонима), составленнымъ едва ли ранѣе VII—VIII вѣка, и, дополнивъ его новыми, столь же недосто-

вѣрными, матеріалами, переработалъ его по свóему и согласно своимъ цѣлямъ.

2)—5) Абиденъ, Берозъ, Кефаліонъ, Полигисторъ (I, 4, 5, 6; II, 8).—Вопреки своему увѣренію — о знакомствѣ съ сочиненіями этихъ писателей, Хоренскій зналъ ихъ только изъ армянскаго перевода Хроники Евсевія.

6) — 8) Епифаній Кипрскій, Олимпіодоръ, Сивилла (I, 6). — Твореній Епифанія въ древне-армянскомъ переводѣ сохранилось немало; съ нѣкоторыми изъ нихъ историкъ нашъ былъ, по всей вѣроятности, знакомъ. Изъ смутныхъ намековъ его можно также заключить, что онъ пользовался и произведеніемъ какого-то философа Олимпіодора. Быть можетъ, это — тотъ самый Олимпіодоръ, философско-поэтическое сочиненіе котораго существовало въ древне-армянскомъ переводѣ и которымъ такъ восторгался Гр. Магистръ. Моисею была, повидимому, извѣстна и III книга Сивилловыхъ оракуловъ. — Поименованные источники, за исключеніемъ Халдейской книги, не имѣютъ прямаго отношенія къ эпическимъ сюжетамъ. Къ послѣднимъ, по увѣренію армянскаго историка, относятся:

9) „Храмовая исторія“ Улюпа (II, 48). — Какъ личность жреца Анійскаго храма, такъ и приписываемая ему Исторія — вымыселъ; свѣдѣнія же, почерпаемыя Хоренскимъ, будто бы, изъ этого сочиненія, въ дѣйствительности, заимствованы изъ Агаѳангела и др. писателей.

10) Вардезанъ (II, 66).— Хоренскій приписываетъ знаменитому сирійскому гностику продолженіе Храмовой исторіи Улюпа подъ названіемъ „О культѣ кумировъ въ Арменіи“. Но сочиненіе это, написанное, по словамъ Моисея, посирски и переведенное на греческій языкъ, до сихъ поръ не найдено ни въ сирской, ни въ греческой литературѣ; мнимыя же извлеченія изъ него представляютъ изъ себя парафразу отрывка Церковной исторіи Евсевія о Вардезанѣ же, извѣстной Хоренскому лишь въ армянскомъ переводѣ.

11) Аристонъ изъ Пеллы (II, 60).— Сказанное о Вардезанѣ въ равной мѣрѣ можетъ быть примѣнено и къ

Аристону, извѣстному Моисею, также лишь по имени, изъ армянскаго же перевода Церковной исторіи Евсевія; а приписываемые нашимъ авторомъ историку изъ Пеллы два отрывка суть буквальныя повторенія — одинъ изъ Евсевія, другой изъ Іосифа.

12) Персидскія книги (II, 48).— Какія-нибудь персидскія (пехлевійскія) книги могли быть у Хоренскаго и были (ср., напр., разсказъ о Бюраспѣ-Аждахакѣ, Арташирѣ Сасанѣ и др.); но заключали-ли онѣ въ себѣ армянскій эпосъ, заманчивыя историческія поэмы о славныхъ армянскихъ царяхъ и именно въ томъ видѣ, въ какомъ передаетъ объ нихъ Моисей, — это кажется мнѣ болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

13) „Армянскій эпосъ" (I, 30, 31, II, 48, 49, 50, 52, 65 и мног. др.).—Цитируемый Хоренскимъ неразъ авторитетный на видъ источникъ этотъ по исторіи нѣкоторыхъ родоначальниковъ и царей армянскихъ — обыкновенно книжнаго происхожденія и въ большинствѣ случаевъ есть болѣе или менѣе искусная переработка библейскихъ мотивовъ, принадлежащая самому историку.

Ко второй группѣ источниковъ, въ дѣйствительности, снабжавшихъ Хоренскаго разнообразными матеріалами по части „эпоса", но самимъ историкомъ умалчиваемыхъ, принадлежатъ:

а) Армянскіе переводы—

1) Библіи: кн. Исх. XXVI, 14, 29; Чис. I, 15; I кн. Цар. XVII, 12, XIX, 10; II кн. Цар. XXIII, 27; IV кн. Цар. XI, 18, XVII, 29, XVIII, 13, XIX, 36, XXI, 3—7; кн. Нееміи, VI, 18, VII, 5, 6, 59, 62; вся кн. Есѳирь; кн. Юдиѳь, IX, 6; I Макк. VI, 39, XI, 58; II Мак. IV, 19, V, 3, VI, 1—2, 18—19, 23, 24; кн. Притч. Сол. XXII, 29; кн. Іова, XLI, 8—13; кн. Ис. VII, 15, 22, XXXVII, 37, XLVII, 8, 12; кн. Іерем. XXXI, 41; кн. Даніила, II, 1, 2, 5—8, 27—36, 49, VII, 2—7, XI, 2, XXI, 2 и др.

2) Апокалипсиса Іоанна: IX, 2, 17, X, 2, XII, 1—9, 13, 14, XIII 1—3, XVII, 1—18, XIX, 11—15.

3) Хроники Евсевія: Pars I, pp. 9, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 33, 40—42, 44—47, 49, 68, 132, 142, 145, 182; Pars II, pp. 34, 36, 94, 122 (ed. Aucher, in f°).

4) Церковной исторіи Евсевія[1]): кн. IV, гл. 6, 26 (30).

5) Исторіи Александра (Каллисѳенъ) :стр. 5, 28, 31, 39, 49, 57, 59, 123, 146, 157, 177, 178, 182.

6) Филона Еврея: Слово о животныхъ, стр. 150, 158; накн. Бытія, стр. 9, 66, 561; О десяти заповѣдяхъ, стр. 237; О седьмой заповѣди, стр. 278.

7)—9) Лабубны, Ефрема Сирина, Гр. Назіанзина, у которыхъ также заимствуетъ Хоренскій нѣкоторыя выраженія.

b) Оригинальныя произведенія армянской литературы:

10) Агаѳангелъ[1]): стр. 25, 41, 42, 49, 106, 109, 122, 576, 584, 588, 589, 590, 593, 606, 607, 612, 623 (по изд. 1862).

11) Фавстъ Византійскій: III, 4, 8: IV, 55; V, 36.

12) Езникъ: стр. 82 84, 86, 98, 99, 100, 103, 104 (по изд. Венец. 1826).

13)—14) Лазарь Парпскій и Ехише: нѣкоторыя выраженія.

15) Себеосъ (VII в.): стр. 34, 37, 49, 50, 56, 65, 66, 72, 73, 80, 93, 116, 117, 118, 150 151 (по изд. Спб.).

16) Ананія Ширакаци (VII в.): Собр. сочин. (Спб.): стр. 39, 45, 46, 48, 50; Приписыв. Ананіи Географія (Спб.): стр. 2, 3, 4, 19, 20, 24; изд. Сукри, стр. 26; Ариѳм. задачи (рукопись): №№ 7, 9, 10, 21.

17) Анонимъ (не ранѣе VII вѣка): стр. 1—10 (по изд. Спб.).

18) Хевондъ (VIII в.): стр. 7, 18, 25, 137, 149 (Спб. изд.).

c) Отрывки изъ греческихъ источниковъ:

19) Одиссея Гомера: пѣснь IX, стих. 481—486 (о Циклопѣ Полифемѣ).

---

[1]) О Церковной исторіи Евсевія, также какъ и о нижеслѣдующемъ—Агаѳангелѣ, Хоренскій упоминаетъ въ своей Исторіи; но о заимствованіи изъ нихъ именно этихъ отрывковъ или о передѣлкѣ послѣднихъ для своихъ цѣлей онъ, конечно, ничего не говоритъ.

20) Діодоръ Сицилійскій: L. II, cap. 1, 7—13, 19, 20.

21) Іосифъ Флавій: Ant. Jud. L. XV, cap. IX (XII), 6; Bel. Jud. L. I, cap. XXI (XVI), 3, 11; XXXIII (XXI), 9; L. IV, cap. I (IV), 5; VIII (XXVI), 3, X (XXXVI), 2; L. VII, cap. III (VIII), 1; V (XIII), 1, VII (XXVII), 3, 4 (ed. Didot).

22) Климентъ Александрійскій: Stromata, L. V, cap. XIV, pag. 255; Cohortatio ad gentes, cap. II, pp. 8, 11; IV, p. 14; V, p. 19; X, p. 29 (ed. Oxon. 1715).

23) Прокопій Кесарійскій: Bel. Vand. L. II, cap. 10; De Aedif. Just., L. III, 1, 4.

24) Источникъ Свиды, общій съ Моисеевымъ: см. *n. c.* Σανατρούχης и Χαναάν.

Перечисленными дѣйствительными источниками Хоренскаго, я полагаю, достаточно выясняется важнѣйшій изъ вопросовъ при изученіи его Исторіи, а именно — вопросъ о степени *самостоятельности* такъ называемыхъ „эпическихъ сюжетовъ“ армянскаго историка, а съ тѣмъ вмѣстѣ *достовѣрности* ихъ, въ отношеніи поэтической правды вообще, и ихъ *подлинности* въ смыслѣ поэзіи національной.

Опираясь на тѣ же источники, мы бы могли съ бо́льшимъ основаніемъ приступить къ рѣшенію другаго, не менѣе важнаго, вопроса—*о времени* составленія „Исторіи Арменіи“. Въ подкрѣпленіе къ отмѣченнымъ уже предшествовавшими изслѣдователями Хоренскаго анахроническимъ даннымъ, я имѣлъ случаи въ настоящемъ изслѣдованіи указывать на новые анахронизмы, низводящіе историческій трудъ Моисея къ концу VIII и даже къ началу IX вѣка; во всякомъ случаѣ, едва ли ранѣе этой эпохи. Болѣе точное опредѣленіе этого времени, а также загадочной личности автора „Исторіи Арменіи“ я надѣюсь представить въ слѣдующемъ своемъ трудѣ.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 37-й, стрк. 4 сверху.— Въ полученной мною надняхъ послѣдней книжкѣ *ZDMG.* помѣщена статья *Марквартa* „Beiträge zur Geschichte und Sage von Iran„ (1895, Heft IV, стр. 628—673), въ которой затронутъ мимоходомъ и армянскій эпосъ. Нѣмецкій критикъ, опираясь на прежнія изслѣдованія по этому вопросу и въ особенности на Феттера, старается найдти нѣкоторые отголоски исторіи въ эпосѣ; однако, несмотря на эрудицію автора, историко-эпическія параллели его кажутся мнѣ маловѣроятными гипотезами, высказанными притомъ голословно. Напр., армянскій царь Тиридатъ (I), современникъ Нерона, братъ парѳянскаго царя Вологеза I, соотвѣтствуетъ, по мнѣнію Марквартa, Вахаршаку I „Псевдо-Моисея“ и эпоса; метаморфоза эта произошла отъ того, будто, что имя Тиридата было вытѣснено въ эпосѣ именемъ болѣе знаменитаго его брата! (стр. 640).—Преданность того же Тиридата персидской религіи объясняется авторомъ статьи тѣмъ, что онъ былъ сынъ Вонона II, брата Атропатенскаго царя, Артабана, въ столицѣ котораго, Гандцакѣ, стоялъ знаменитый храмъ огня! (*Ib.*). — А сопоставленія, въ родѣ Мажана съ Улюпомъ, какъ греческимъ его переводомъ, или Морфилика (Մորփիլիկ) съ Корбулономъ (Կորբիլիկ) (стр. 656—657),—я считаю произвольными.—Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ параллеляхъ Марквартa можно было бы видѣть отголоски исторіи, но не въ эпосѣ, а у автора „Исторіи Арменіи“, который, подъ видомъ эпоса, самъ переработываетъ отрывочныя историческія данныя.

Къ стр. 96, стрк. 14 сверху.—Въ вышедшемъ, послѣ напечатанія 6-го листа моего изслѣдованія, „Iranisches Namenbuch“ Justi (стр. 44) я нахожу имя Ašnas, упоминаемое у арабскихъ писателей и сопоставляемое нѣмецкимъ ученымъ съ ново-перс. šinas—kennend.

Къ стр. 132, стрк. 21 — 22 сверху, по поводу имени Бахаамъ (Баршамъ), см. стр. 202 нашего изслѣдованія, примѣчаніе 4-ое.

Къ стр. 163, стрк. 22 сверху. Впрочемъ, еще ранѣе Грузинской Хроники Іоаннъ Католикосъ, впервые послѣ Хоренскаго упоминающій объ еврейскомъ происхожденіи Багратидовъ, выводитъ ихъ отъ пророка Давида: „Նախ զբազարաս որ ի Շամբաթայ Հրէէ էր, զորմէ համբաւեն լինել յազգէ Դաւթի, թագադիր թագընկալութեան իւրոյ զոլ Հաստատէր“ (Վաղարշակ). (Изд. Эмина, стр. 16, Іерусал., стр. 33).

Къ стр. 261, стрк. 25 сверху. — А. Баумгартнеръ, авторъ неразъ цитированной мною статьи Ueber das Buch „die Chrie“ (*ZDMG*, 1886, ш, стр. 482—483, также: D-r M. Lauer und das zweite Buch des M. Chorenazi, 1885, стр. 11 и слѣд.), равнымъ образомъ старался доказывать неподлинность помянутой оговорки Моисея— „ոչ զիտեմ էր ազգաւ“ (по такъ называемому Ламбронскому списку, стр. 61), считая ее поздней вставкой, внесенной изъ Хроники Самуила (изд. Вахаршапатъ, 1893, стр. 48). Но доводъ его—отсутствіе этого выраженія въ большинствѣ рукописей Хоренскаго и у Іоанна Католикоса—не представляется мнѣ убѣдительнымъ. Уже наличность варіанта въ первомъ изданіи „Исторіи Арменіи“ (1695), въ рукописи Лейпцигской библіотеки и въ спискѣ Ламбронскомъ указываетъ на его распространенность. Я даже полагаю, что повтореніе разбираемаго варіанта у Самуила могло бы, напротивъ того, только подтвердить достовѣрность Ламбронскаго списка. Неупоминаніе же данной фразы у Іоанна, равно какъ и у Асохика, воспроизводящихъ Моисея, ничего не доказываетъ, такъ какъ у обоихъ писателей не находимъ и всѣхъ другихъ тождественныхъ оговорокъ нашего историка, приводимыхъ имъ хотя бы въ 7-ой и 8-ой главахъ второй своей книги.

Чтобы имѣть основаніе отвергать „ոչ զիտեմ էր ազգաւ“, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, предварительно доказать: во-первыхъ, что, сверхъ этой интерполяціи, попавшей, по предположенію Баумгартнера, въ Исторію Хоренскаго изъ Самуила, есть въ ней и другіе случаи интерполяціи, изъ того же источника; во-вторыхъ, что подобныя оговорки нашего историка вообще не повторяются Самуиломъ; и, въ третьихъ, что и для самого Хоренскаго такія выраженія необычны не только въ данномъ мѣстѣ, но и въ другихъ частяхъ его Исторіи. — На дѣлѣ ни то, ни другое, ни третье не оправдывается. Базельскій ученый не приводитъ другаго примѣра вставки изъ Самуила въ текстъ Хоренскаго. Далѣе, Самуилъ обыкновенно бук-

вально повторяетъ болѣе или менѣе типичные обороты автора „Исторіи Арменіи“, въ томъ числѣ и разсматриваемый нами варіантъ. Что повтореніе Анійскимъ хронографомъ „*ոչ գիտեմ էր ազգաւ*“ не единственное, видно изъ слѣдующей за помянутымъ отрывкомъ страницы его Хроники (*l. c.*, стр. 49), гдѣ также буквально воспроизведено подобное выраженіе Хоренскаго—„*ոչ գիտեմ թէ յանուն արանցն զգաւառն անուանեն, եւ թէ յանուն գաւառացն զնախարարութիւնան կոչեցեալ*“: (II, 8). Наконецъ, что такая оговорка весьма обычна въ устахъ Моисея, мы замѣчаемъ изъ пятикратнаго ея употребленія въ одной интересующей насъ 7-ой главѣ его второй книги: „*Եւ զարծրունիսդ գիտեմ ոչ արծրունիս*“.—„*Գիտեմ զԳնունիսդ զինի ունիս*“.—„...*Ոստան անուանել. ոչ գիտեմ թէ վասն սպառելոյ ազգին...*“—„*եւ ուր սորա (Հայր իշխանի) իրք անցին անյիշատակելի, ես ոչ գիտեմ*“: (Ср. также слѣдующую, 8-ю главу той же II книги). Самое реченіе „*էր ազգաւ*“, представляющее нѣкоторую типичность, принадлежитъ также къ излюбленнымъ выраженіямъ Хоренскаго. Ср., напр., I, 4, 17, 30, II, 1 и др.

Изъ приведенныхъ соображеній слѣдуетъ, что нѣтъ достаточно основаній считать „*ոչ գիտեմ էր ազգաւ*“ за интерполяцію.

Къ стр. 278, примѣч., стрк. 2 снизу. — Собственно у Стефана Орбеліана (*l. c.*, стр. 371) стоитъ только *Փոքր Ոյծ*, изъ чего можно заключить о существованіи и *Մեծ Ոյծ*. См. также „Сисаканъ“ Алишана, стр. 216.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	строка	напечатано:	слѣдуетъ читать:
32	15 сверху	⸗⸗ութիւն⸗⸗հի	⸗⸗ութիւն⸗⸗հի
38	7 снизу	de deux	des deux
63	16 „	des armenischen	der armenischen
75	9 „	Ἐλιέξερ	Ἐλιέζερ
80	8 „ (примѣч.)	рим. венец. изд.	им(ѣетъ) венец. изд.
84	24 сверху	X вѣка	IX вѣка
112	9 „	уже первыхъ	еще первыхъ
118	11 „	հանդի ցծնունդ	հանդից ծնունդ
181	1 „	совершененъ	совершенъ
241	23 „	(ко)торые	(ко)торыя